

БИБЛИОТЕКА
ЯПОНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Горегляд В. Н.
Гривнин В. С.
Григорьева Т. П.
Ким Ле Чун
Львова И. Л.
Маркова В. Н.
Редько Т. П.
Федоренко Н. Т.*

Ночная
песня
погонщика
Ёсаку
из Тамба

*Японская
классическая драма
XIV-XV и XVIII
веков*

Перевод со старояпонского

Москва

«Художественная литература»

1989

ББК 84.5Я
Н86

Вступительная статья
Веры Марковой

Комментарии
В. Марковой, В. Сановича, Т. Соколовой-Делюсиной

Оформление художника
В. Харламова

Н $\frac{4703020300-103}{028(01)-89}$ 168-89

ISBN 5-280-00698-X

© Состав, оформление, переводы, отмеченные *. Издательство «Художественная литература», 1989 г.

Классический японский театр

В Японии до наших дней сохранились три старинных театральных жанра.

Это прежде всего возникший еще в XIV веке театр Но. В большой, построенной по законам контраста программе этого театра лирико-музыкальные драмы чередуются с фарсом кёгэн.

Значительно позже, в XVII веке, появились как зрелища для простых горожан театр Кабуки и театр кукол Дзёрури.

Расщепления на драму и комедию в репертуаре Кабуки и Дзёрури не произошло. Многоактные пьесы с развитой сюжетной фабулой легко совмещали в себе напряженные драматические ситуации и комедийный гротеск.

Каждый из старинных театральных жанров Японии имеет свою четко очерченную индивидуальность и свою долгую историю. Пьесы замечательных драматургов прошлого не сошли с подмостков сцены и до сих пор исполняются согласно многовековым канонам и традициям. Традиции эти передаются от мастера к ученику и в актерских династиях составляют драгоценное семейное наследие.

С приходом нового времени в Японии под влиянием европейского искусства возник современный театр. Появились своя собственная опера, свой балет, множатся массовые зрелища на западный образец. Но старинный японский театр всех трех жанров сумел отстоять свое «место под солнцем», проявив необычайную способность к выживанию. Это, впрочем, не значит, что он — музейный раритет, неподвластный ходу времени. Актеры — не мертвые копирующие. Меняются и исторически обусловленное восприятие зрителей, их вкусы и запросы.

Сквозь отстоявшиеся веками театральные формы неизбежно проникают новые ритмы истории, освежая трактовку роли, трансформируя исподволь структуру спектакля. Время как бы убыстрилось, представления становятся короче. Так постепенно накапливаются перемены даже

в старейшем, казалось бы, навеки застывшем театре Но. Зрители (за вычетом немногочисленной элиты) не предаются в нем медлительному созерцанию, потому что им уже чужда средневековая метафизическая эстетика.

Однако даже театр Но, наиболее далекий от нашего времени, не потерял своего былого обаяния. Он все еще восхищает зрителей, его классические традиции плодотворны, они продолжают оказывать воздействие на японское искусство, даже такое современное, как кинематография. По признанию замечательного кинорежиссера Акира Куросава, школой его был именно театр Но¹.

Классический театр Японии (Но, Кабуки, Дзёрури) — это живая старина в ее неповторимом своеобразии, прекрасное гуманистическое искусство с особым поэтическим видением мира. За последние годы в Японии растет интерес к старинному театру как необходимой составной части национальной культуры. Его исчезновение оставило бы чувство невосполнимой пустоты, потери исторической перспективы.

Во время зарубежных гастролей классических театров Японии они неизменно имели большой успех. Советский зритель видел спектакли театра Кабуки и кукольного театра с острова Авадзи. Театр Но гастролеровал в Венеции. Широкая публика по достоинству оценила великолепные ансамбли актеров, виртуозно владеющих экспрессией и жестом, поэтичную романтику сюжетов, красочное декоративное зрелище. Однако, несмотря на ряд переводов на зарубежные языки, в том числе и на русский, классическая японская драматургия еще недостаточно известна за пределами своей родины. Знакомство с ней, по существу, только началось.

Текст пьесы Но, Дзёрури или Кабуки в чтении как бы абстрагирован, вынут из живой ткани спектакля, оторгнут от музыки, ритмического сказа, пения, танца, органически присущих старинному японскому театру. И все же ведущая роль в нем принадлежит именно искусству слова. Оно живет и само по себе. Создания великих японских драматургов наделены глубиной мысли, трагедийной силой и внутренней музыкой, звучащей и без поддержки чисто театральных средств. Дзэами и Тикамацу (их имена стоят во главе списка, но его не исчерпывают) — замечательные поэты.

¹ См.: Козинцев Григорий. Пространство трагедии. Л., Искусство, 1973, с. 13.

Старейший японский театр Но существует уже шестьсот лет. Датой его рождения обычно считается 1374 год, когда в присутствии сёгуна Асикага Ёсимицу силами труппы провинциальных актеров было исполнено «священное саругаку» (род мистерии). Спектакль снискал одобрение сёгуна (главного полководца), как титуловали верховных правителей Японии, пришедших к власти во время феодальных междоусобиц. Отныне можно было рассчитывать на его покровительство.

Во главе труппы стоял талантливейший актер, сочинитель пьес и их постановщик Каннами (Канъами) Киёцугу (1333—1384). Он исполнил важнейшую роль «окина» («старца»). В этой древней мистерии, имевшей благознаменательный смысл, «старец» в белой маске олицетворял собой небесное божество. Персонаж этот пришел в театр Но из народных мистерияльных представлений и связан с культом предков.

В спектакле участвовал в детской роли старший сын Каннами, получивший впоследствии имя Дзэами (Сэами) Мотокиё (1363—1443).

Каннами создал театр Но, Дзэами привел его к расцвету.

Каннами добился победы и признания, несмотря на сильную конкуренцию. В его время работало несколько трупп талантливых актеров, но подлинный театр не мог родиться, пока в него не пришли великие драматурги.

Театр Но возник на скрещении многих дорог¹. В Японии с глубокой древности было распространено искусство пения, музыки и танца. Народные зрелища носили обрядовый или увеселительный характер, легко сочетая то и другое.

В синтоистских храмах исполнялись мистерии «кагура». Синтоизм — первобытная религия Японии. Она сложилась из очень древних верований. В их числе поклонение предкам, культ солнца, пережитки тотемизма, анимизм. Вся природа представлялась одухотворенной и живой. Людям могли являться божества гор, вод и деревьев. В театре Но действуют духи сосен («Такасаго»), дух банановой пальмы, дух вишни... Правда, там они, не теряя своей подлинной сущности, превращаются в поэтические видения.

¹ Ко н р а д Н. Очерки японской литературы. М., Художественная литература, 1973, с. 240—284; Г л у с к и н а А. Об истоках театра Но.— В сб.: Театр и драматургия Японии. М., Наука, 1965, с. 34—65.

Природу пытались подчинить себе при помощи магических обрядов. С течением времени они принимали театрализованную форму и превращались в увлекательное зрелище.

Заклинатели, изгонявшие из больного «злых демонов», демонстрировали красоту и мощь своего голоса, а затем стали появляться на подмостках, олицетворяя божество или демона.

Синтоистские и буддийские храмы в дни больших празднеств устраивали представления религиозного или откровенно развлекательного характера, чтобы «усладить богов» и заодно привлечь паломников. Многие песни и пляски, исполнявшиеся во дворцах и храмах, пришли из Индии, Индонезии, Китая, Кореи, обогатив собой японское искусство.

Из Китая примерно в VIII веке было занесено мастерство «сангаку» (по-китайски «саньсюэ»). Народная этимология осмыслила это слово как «саругаку» — «обезьянье искусство», «обезьянничанье». Саругаку стало простонародным увеселением, в наши дни мы назвали бы его «эстрадой». Разыгрывались потешные фарсы, кукловоды показывали марионеток, выступали мимы, фокусники, акробаты. В XIV веке мастера саругаку стали показывать пьесы серьезного мистериального содержания, в которых совершались по-театральному эффектные превращения и перевоплощения. Высшей кульминацией пьесы была пляска. Но наряду с драматическими пьесами большой популярностью продолжал пользоваться веселый фарс. Произошел своего рода симбиоз: драмы и фарсы объединились в одном спектакле — этого требовали вкусы публики.

Народные полевые игры «дэнгаку», носившие вначале обрядовый характер, тоже с течением времени стали театрализованным зрелищем. Актеры труппы дэнгаку разыгрывали всевозможные «действия».

Каннами начал работать как актер и сочинитель пьес в театре дэнгаку, но потом стал мастером саругаку, возглавив одну из четырех трупп «школы Ямато». Школа эта считала главной правдивость игры. Труппа Каннами подвизалась при синтоистском храме Касуга в старинном городе Нара. Искусству театра было еще трудно выстоять одному, оно искало поддержки церкви или знатных феодалов.

Каннами был замечательным новатором и реформатором театра. Именно его труппа была признана лучшей и приглашена ко двору сёгуна. Вначале созданный им театр носил

название Саругаку-но Но. «Но» примерно значит «умение», «мастерство». Впоследствии «низкое» наименование саругаку («обезьянничанье») было отброшено.

Театр Но получил богатейшее историческое наследство. Все заимствованные пестрые элементы были сведены в одно строгое целое, подчинены структуре спектакля. Каннами соединил искусство народных театров саругаку и дэнгаку с модным тогда танцем кусэман. Этот изящный «женский» танец исполнялся под музыку и пение.

Удивительная способность театра Но к гармоническому синтезу — один из главных секретов его мастерства. Он сочетал в себе народный гений, всегда гуманный и правдивый, с изысканным изяществом придворного зрелища, философскую углубленность драмы с дерзкой шуткой балаганного фарса, поэзию древности с новой поэзией, песней, эпическим сказом.

Дзэами возглавил театр Но после смерти своего отца. Он был человеком образованным, в доме его была собрана большая библиотека. В течение своей долгой жизни ему пришлось испытать превратности судьбы. Когда умер сёгун Ёсимицу, Дзэами впал в немилость и был на время сослан.

Однако его любимое дело не погибло, театр Но выстоял. Именно он — вершина искусства эпохи Муромати (XIV—XV вв.).

Эпоха эта ознаменована расцветом средневекового искусства: театра, зодчества, живописи, художественных ремесел. Новые приемы мастерства были найдены в поэзии. В театре Но прославляется умиротворение, наступившее в стране, — правда, оно оказалось непрочным и недолговечным.

Позади осталась блистательная хэйанская эпоха (IX—XII вв.). В столице Хэйан (ныне г. Киото) процветала прекрасная культура — своего рода японская «античность». Потомки старой родовой знати — придворные аристократы создали культ утонченной красоты и вели «сладкую жизнь» в великолепных дворцах, наполненных шедеврами искусства. Больших высот достигли поэзия и художественная проза. В начале XI века появился большой роман мирового значения «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»). Театр Но охотно инсценировал эпизоды из этого романа.

Хэйанцы потерпели жестокий разгром в кровопролитных войнах XII—XIII веков. Борьба между двумя враждебными лагерями феодалов Тайра и Минамото потрясла

всю Японию и породила легенды и эпические сказания. Войско Тайра, которое было оплотом хэйанских аристократов, погибло в морской битве при Данноура в 1185 году.

Молодой полководец Ёсицунэ из лагеря Минамото стал любимым героем средневековых легенд и сказаний, как рыцарь Роланд в Западной Европе. Его романтический образ и трагическая судьба вызывали народное сочувствие. Ёсицунэ привел к победе и вершине власти своего старшего брата Минамото Ёритомо, но навлек на себя его немилость, вынужден был бежать и в конце концов погиб. В пьесе «Фуна-Бэнкэй» были выведены популярнейшие персонажи героических сказаний: юный Ёсицунэ, его возлюбленная Сидзука, его верный спутник монах-воин Бэнкэй.

Сказания о борьбе Тайра и Минамото положены в основу романа-эпопеи «Повесть о доме Тайра» («Хэйкэ-моногатари»), созданного неизвестными авторами в начале XIII века. Многие события, о которых повествует эта великая эпопея, потрясают своим трагизмом и послужили для театра Но одним из главных источников вдохновения.

Дух погибшего воина не возносился в обитель богов Валгаллу, как повествовали скандинавские мифы, а, согласно буддийским воззрениям, низвергался в бездну ада, где враги вечно продолжают жестокий бой (пьеса «Киё-цунэ»).

Во многих пьесах Но страждущий дух является какому-нибудь путнику, обычно странствующему монаху, и повествует при поддержке хора о своей последней битве. Понемногу он приходит в исступление, начинается неистовая пляска...

Уцелевшие хэйанцы были оттеснены на задворки истории вместе с самим микадо, несмотря на судорожные попытки реставрации. К кормилу власти пришли воины-феодалы. Во главе феодальной лестницы стал военный диктатор — сёгун. Князя — даймё — сосредоточили в своих руках земли и боевую мощь — дружины самураев.

Мелкие вассалы — самураи — вышли из среды крестьян и служилого люда. На первых порах это были безграмотные, грубые люди. От них требовались только слепая верность господину и смелость в бою, доходившая до полного презрения к жизни, своей или чужой.

Однако продвижение по ступеням феодальной службы требовало от самурая хорошего знания китайского языка и письменности. На китайском языке, как на латинском в Европе, составлялись документы, велась деловая переписка. Хранителями книжных знаний и наставниками

были ученые монахи. Постепенно самураи приобщались к сложной системе средневековой образованности. Театр Но рассчитан на искушенного в литературе слушателя.

Буддийские монастыри стали играть особенно большую роль в «смутное время» феодальных междоусобиц.

Буддизм с течением времени разделился на несколько ветвей. В эпоху Муромати приобрел особое влияние дзэн-буддизм, занесенный из Китая в конце XII века.

В Киото, где в районе Муромати проживал сёгун Ёсимицу (отсюда название эпохи), было пять высоко чтимых дзэн-буддийских монастырей. Дзэн-буддисты Китая и Японии поддерживали связь между собой. Монахи этой секты были советниками сёгуна по вопросам сношений с континентом. При содействии дзэн-буддистов в Японию проникли некоторые элементы китайской культуры времен Юаньской (XIII—XIV вв.) династии. Именно эпоха Юаньской династии (при владычестве монголов) считается «золотым веком» китайского театра.

Философско-религиозное учение Дзэн получило большое распространение среди военного сословия. Самураев привлекало в этом учении отсутствие обременительной ортодоксальной догматики (во всяком случае, «для мирян») и сложных церемоний.

Дзэн-буддизм учил, что в каждом человеке от рождения живет будда (высшее духовное начало). Аналитический разум с его аппаратом мысли и слова, согласно этой доктрине, ограничен, он способен лишь затемнить постижение истины. Следует сосредоточить мысль путем напряженного созерцания, пока на высшей его ступени обычный разум не будет поглощен высшим духовным началом, — и тогда наступит внутреннее озарение (сатори). Иногда оно может прийти внезапно, интуитивно, подобно вспышке молнии.

Дзэн-буддизм активно воздействовал на искусство. В соответствии с его учением, искусство любого рода, если оно помогает постичь духовную суть явлений иллюзорного, с точки зрения буддизма, материального мира, есть мост к вечной истине. Отсюда особое понимание красоты, сильно повлиявшее на многие формы японского искусства. Родилась новая эстетика и новый стиль. Они нашли свое выражение в садовой архитектуре (знаменитый «Сад камней») и в интерьере японского дома, в «чайной церемонии», в керамике, «искусстве букета» (икэбанá) и, наконец, в театре.

Красота гармоническая, возвышенная, словно затаенная

в глубине созерцаемого предмета, не допускала ничего лишнего, чрезмерного. В «Саду камней» — только камни и заглаженный волнами песок...

Эстетика театра Но выдвинула два ведущих принципа: «мономанэ» и «югэн». Мономанэ (буквально: «подражание») — сценическая правда. Драматург Дзэами был и теоретиком искусства Но. Согласно Дзэами, мономанэ требовало от актера полного перевоплощения в сценический образ, чтобы (пользуясь словами Станиславского) не «казаться», а «быть». Лишь тогда игра актеров становится естественной и свободной. Между сценой Но и уборной актеров находилась так называемая «зеркальная комната».

Вот что говорит в своей книге «Пространство трагедии» кинорежиссер Григорий Козинцев, который в свою бытность в Японии много говорил о традициях Но с Акира Курогава:

«Я начинаю понимать, что «надеть маску» — процесс такой же сложный, как «вжиться в роль». Задолго до начала представления артист стоит подле зеркала. Мальчик подает ему маску. Артист осторожно берет ее и молча вглядывается в ее черты. Незаметно меняется выражение глаз, облик становится иным. Маска как бы переходит в человека. И тогда медленно и торжественно он надевает маску и поворачивается к зеркалу. Их уже нет по отдельности, человека и маски, теперь это целое».

Это важный момент внутреннего настроения. Перед зрителями должен появиться не лицедей, а угольщик, демон или одержимая безумием женщина. Воплотившись в характерный индивидуальный образ, актер мог наиболее верно раскрыть его внутреннюю сущность и донести до зрителя главное: «правду чувства».

«Югэн» буквально значит «сокровенный и темный». Это важнейший термин средневековой эстетики. Югэн — высшая форма гармонической одухотворенной красоты. Стихи, музыка и пение «отверзают уши» зрителя, сценическая игра и танец «открывают глаза». Тогда сокровенная красота образа будет явлена зримо для всех и вызовет у зрителей чувство сопереживания, согласно терминологии дзэн-буддизма, своего рода «озарение».

«Кого бы ни играл актер, — говорил Дзэами, — человека знатного или низкородящего, мужчину или женщину, священника или крестьянина, нищего или парию, он должен думать, что каждый из них увенчан гирляндой цветов... Если люди любят цветы, то каждый человек — цветок». Цветок здесь символ красоты.

У театра Но есть своя «сверхзадача» — вызвать «сверхчувствование». Сострадание, ужас, восторг — все должно разрешиться в особом чувстве наслаждения красотой. Красота эта может вмещать в себя, казалось бы, уродливое, демоническое, страшное, которое в театре Но переходит в свою противоположность — «прекрасное». Для этого в каждом сценическом образе надо отыскать скрытые в нем возможности стать прекрасным, такое чудо под силу только высокому искусству.

Театр Но часто сравнивают с древнегреческим театром.

Главный актер («ситэ», или, пользуясь греческим термином, «протагонист») выходит в маске. «Спутник» его, «цурэ», тоже носит маску, если он изображает женщину или сверхъестественное существо. Актеры других амплуа даже не гримируются. Маски делали из дерева. История сохранила имена знаменитых мастеров масок; ныне их маски — величайшее сокровище.

Маска покрывала все лицо. Для зрачков, глаз, ноздрей и рта делались отверстия, поэтому рот маски обычно чуть приоткрыт. Маски людей создают обобщенные, но реалистические образы. Белая маска молодой женщины работы старинного мастера Кавати полна очарования: черты лица мягко круглятся, овал безупречен — это идеал женственности. Маска старухи, созданная Кавати, — это, в сущности, то же самое лицо, но измененное годами. Оно вытянуто, заострилось, дугообразные морщины, как волны, бегут по лбу, окружают скорбно опущенные книзу глаза. Рот устало открыт...

Знаменитый мастер XIV века Токувака́ создал маски людей, портретно изображающие знатных хэйанцев.

Маски страшных демонических существ с предельной мощью выражают гнев, ярость, угрозу. У демона багровое лицо, рога, клыки оскалены... Существуют индивидуальные маски для отдельных ролей. Наклон маски меняет ее выражение. Скульптор, стремившийся вложить жизнь в свое творение, учитывал перемену ракурса и пластику актера. Поза скорби, движение руки, полное печали, — и маска тоже глядит горестно и печально. В маске заложена возможность смены выражений, особенно это заметно в тех масках, которые воплощают не острохарактерный, а идеальный, обобщенный образ.

В театре Но к маскам относились благоговейно, особенно к исторической маске «старца» (окина), и это исторически объяснимо: ношение маски восходит к древнейшим ри-

туальным пляскам и мистериям. Маску обожествляли. Считалось, что «не человек смотрит, а маска».

Театральные костюмы создавались веками и потому носят условно-исторический характер. Они строги, в простой гамме цветов, но одежды некоторых персонажей великолепны — многоцветные, сверкающие золотом.

Сменные декорации отсутствуют. Переносные предельно условные конструкции должны символически изображать лодки и экипажи, хижины и храмы, скалы и цветущие деревья...

Здание театра Но в его первоначальном виде было устроено предельно просто. Это невысокий помост из белых некрашенных досок на четырех опорных столбах под двускатной крышей с загнутыми кверху краями. Слева невысокая стена.

Актеры после очередного выступления не уходили со сцены, они садились, согласно своему амплуа, в том или ином углу сценической площадки и застывали в неподвижной позе. Однако Дзэами в своих трактатах об искусстве Но учил, что актер, даже бездействуя, должен незримо для всех сохранять сконцентрированную в нем внутреннюю силу, способную подчинить зрителей.

На правой стороне помоста, отгороженной балюстрадой, двумя рядами располагается хор в восемь человек. Хор в спектакле Но играет важную роль; он комментирует действие, ведет диалог, повествует, аккомпанирует танцу и, наконец, завершает пьесу величием, скорбным или радостным заключительным аккордом. Сопереживая герою, хор создает эмоциональный фон для представления.

К. Гагеман пишет в своей книге о японском театре: «...раздается волшебное звучание хора Но. Мрачные мужские голоса нисходят, словно в старинном монастырском песнопении, торжественными интервалами и обеспечивают представлению единство неслышанно праздничного, совершенно отрешенного от жизни стиля. Пению осторожно вторит старояпонская флейта, твердые и несколько жесткие звуки которой прекрасно гармонируют с серьезным характером Но. Она обычно бросает в ансамбль лишь отдельные фразы и только в чисто лирических местах ведет более продолжительную мелодию»¹.

Небольшой оркестр сидит на арьерсцене. Он состоит из флейты и ударных инструментов. Два небольших бара-

¹ Гагеман К. Игры народов. Вып. 2-й, «Япония». Л., 1925, с. 12.

бана имеют форму песочных часов, звуки из них извлекают ударом руки. На третьем барабанчике выбивают дробь при помощи двух палочек. Ударные инструменты организуют темп и ритм. Ритм — важнейший структурный элемент театра Но, он пронизывает всю ткань спектакля.

Еще дальше музыкантов, в самой глубине сцены, сидят слуги.

Задник изображает раскидистую зеленую сосну на золотом фоне. Сосна — священный символ долголетия, почитание сосны связано с древним культом деревьев.

Влево от сцены отходит «мост». Под настилом его помещены глиняные кувшины-резонаторы. Входная дверь, ведущая на мост, отделена пятицветной занавеской от «зеркальной комнаты», которая сообщается с уборной актеров. Справа от сцены низенькая дверца для тех, кто должен входить на сцену «незаметно». Три маленькие сосны перед мостом как бы пунктиром отмечают места, где должен останавливаться актер.

Театр в его древнем виде был отгорожен от зрителя полосой песка. Зрители сидели на циновках, разостланных на земле, сёгун смотрел на зрелище с веранды своего дворца. Спектакль начинался утром и шел весь день.

Состав группы (дза) — немногочисленный. Во главе стоял первый актер — ситэ. В ранних пьесах театра Но он был единственным актером, однако по мере того, как пьеса становилась сложнее, другие действующие лица начали приобретать самостоятельное значение.

Теоретик театра Но Дзэами считал, что актер должен владеть искусством пения и пляски и выполнять три основные роли: старика, женщины и воина.

У главного актера могли быть «спутники» — цурэ. Например, старик (ситэ) в пьесе «Такасаго» является в сопровождении старухи (цурэ). Ситэ — центр пьесы. Второй актер — «ваки» — чаще всего «подыгрывает» главному актеру, он как бы сдвинут к периферии, на что указывает и само его название: «ваки» — сторона. У него свои спутники — «вакидзурэ».

Малолетние актеры, исполняющие роли детей и отроков, именуются «коката». В интермедиях участвует «аи», или «кёгэн», — характерный комик, простак.

Драмы театра Но носят название «ёкёку». До нашего времени дошло только двести тридцать пьес, но было их тысячи две. Пьесы, созданные до появления театра Но, не сохранились. Впрочем, известно, что Каннами переработал некоторые старинные пьесы театра дэнгаку. В свою очередь,

большинство пьес Каннами было переработано его сыном Дзэами. Изменения вносились и позднее. В театре создалось как бы новое амплуа — актер-драматург. Сходное явление мы наблюдаем и в Европе, достаточно назвать Шекспира и Мольера.

Великий драматург Дзэами написал более ста пьес и сотрудничал во многих других. Ему принадлежит главный вклад в драматургию театра Но. Он был не только драматургом, но и композитором, хореографом и постановщиком пьес. Дзэами создавал точную режиссерскую разработку. Некоторые его мысли о театральном искусстве не устарели и теперь. Он оставил несколько трактатов об искусстве Но и среди них знаменитую «Книгу цветов» («Кадэнсё»). До нас дошли рукописи, где он набрасывал мизансцены, графически чертил все перемещения актеров по ходу действия и фиксировал точные позы в рисунках обнаженных фигур. Вообще сборники пьес Но, предназначенные для актеров, снабжены обильными ремарками.

Кроме Дзэами, в создании репертуара Но участвовало еще несколько драматургов «школы Кандзэ» (название это составлено из первых слогов имен Каннами и Дзэами), как, например, сын Дзэами — Дзюро Мотомаса (1395—1459) или Кандзэ Кодзиро Нобумицу (1435—1516). После XVI века творческая энергия театра Но иссякает, новых пьес уже не создают.

В театре Но говорили прозой на языке своего времени, но поэтическая речь высокого стиля была построена по законам классического литературного языка более ранних эпох.

Актеры (как и всюду в театрах Дальнего Востока) говорят и поют голосом особого искусственного тембра, напоминающим низкое или высокое звучание духовых инструментов. Даже прозаическую речь скандируют протяжно и напевно.

Стихи в театре Но необычайно мелодичны, музыкальны, они, что называется, призваны «ласкать ухо». Их не клали на музыку, они рождались вместе с музыкой. Длина стиха варьировалась сообразно с мелодией и темпоритмом.

Стихи в пьесах ёкёку на первый взгляд просты и прозрачны, но в основе их лежит сложная поэтика. Силлабическая японская поэзия не знает рифмы, обогащение стиха требовало особых приемов. В японском языке много омонимов, то есть слов, которые звучат одинаково, но имеют разный смысл. В пейзажной «песне странствия» (митиюки) обыгрывались по смыслу топонимические названия.

Слова или даже часть слова получали двойное значение и сцепляли между собой фразы, как закрепка ожерелья.

Ассоциативные силы сцепления работали очень мощно. Один поэтический образ рождал другой: вслед за парусом «появлялись» челн, весла, волны, морская даль и так далее.

Из богатого арсенала классической литературы, японской и китайской, заимствовались эпитеты, метафоры, цитаты... Иногда какое-нибудь знаменитое стихотворение вставлялось целиком по ходу действия, как своего рода ариозо.

Японская лирика любила миниатюры — пятистишия-танка. В средние века под сильным влиянием буддийских напевов вошли в моду песни на «современный лад» (имаё-ута) — восьмистишия. Длинные лирические поэмы, драматические баллады, эпическая поэзия, восходящая к народному сказу, не нашли себе места в литературной поэзии, они расцвели в театре.

Академик Н. И. Конрад писал в своей статье «Лирическая драма»: «Умение сочетать как будто самые разнообразные элементы с блеском явлено в стиле ёкёку, в словесной ткани пьес. Эта ткань, сотканная из собранных отовсюду цитат и выражений, дана в такой художественной цельности, которую можно подметить только в самых самобытных произведениях японской литературы. Нити для пестрого ковра взяты отовсюду, но сплетены они так, что утрачены всякие самостоятельные признаки, целиком поглощающиеся общим целым. Такого результата авторы Но достигают своим умением нанизывать (цугихаги) одну заимствованную цитату на другую, умением вместить это все в единый метрический уклад, пронизать все целое единым ритмом... В сущности говоря, ритм (в широком смысле) является той стихией, в которой находят свое объединение все разнородные элементы пьес»¹.

В пьесах Но, построенных на декламационно-напевной основе, звучат мелодическое пение, речитатив (сказ), напевная речь. Сольные партии, «диалоги», восходящие к очень древней переключке хоров, «спор» главного актера с хором сменяют друг друга. Очень часто актер поет лишь один-два начальных стиха, а хор подхватывает и продолжает повествование от его лица.

Состав музыкальной драмы Но очень разнообразен,

¹ Конрад Н. Очерки японской литературы, с. 269—270.

однако в ней царит строгий порядок. Не только каждый элемент, но и вся цепь элементов подчинены строгим структурным законам.

В пьесе Но можно выделить две части (два действия). В конце первого действия главный актер — ситэ — уходит по мосту за пятицветную занавеску, чтобы переодеться. На сцене в это время часто, но не всегда разыгрывается интермедия (ай). Простак — кёгэн — выходит на авансцену. Обычно это сельский житель. Действие как бы замирает на время и возвращается вспять. Кёгэн рассказывает какую-нибудь местную легенду, приоткрывая завесу над тем таинственным, что совершалось в первом действии. Интермедия была создана благодаря глубокому постижению восприятия зрителей. Это момент отдыха перед кульминацией зрелища.

Происходит «превращение», ситэ выходит в новом облике, как сверхъестественное существо. Главного актера до превращения принято называть «маэдзитэ», а после превращения «нотидзитэ».

Пьеса «Фуна-Бэнкэй» четко распадается на два разных эпизода, и ситэ исполняет в ней две роли: юной танцовщицы и мстительного духа.

Дзэами, однако, считал, что строение пьесы Но, по существу, трехчленное: вступление, разработка, финал (дзё-ха-кю). У каждой части свой темп: медленный, ускоренный, быстрый.

Во вступительной части актер-ваки после музыкальной интродукции представляется публике. Он называет свое имя (нанори) и говорит о том, куда направляется и зачем. Следует «песня странствия» (митиюки). Актер делает вид, что садится в лодку или на лошадь, обходит сцену... Затем следует «прибытие».

Разработка, в свою очередь, обычно состоит из трех частей (таким образом, в пьесе Но их всего пять). Начинается она с торжественного выхода ситэ. Первая сцена как бы рисует пейзажный фон, на котором должны развернуться события, — это завязка. Две другие развивают сюжет в нарастающем динамическом напряжении. В конце третьей части дается ключ к разгадке тайны. Хор поет коду.

Финал пьесы (его название «кю» значит «быстрый») как бы устремлен к завершению пьесы. В момент кульминации возникает танец. Но еще и раньше, на протяжении всего спектакля, все движения актеров следуют четкому хореографическому рисунку.

Актеры двигаются особым скользящим шагом, плавно и медленно, иногда принимают статуарные позы. Скупой жест предельно условен. Так, рука, поднесенная к лицу, означает рыдания. Можно говорить о символическом «языке веера».

Танец в театре Но (маи) не похож на народные пляски (одори). Он воплощает в себе принцип югэн и создан для неспешного созерцания. Все движения полны сдержанной грации.

«Танец нападения» и «воинская пляска» допускают стремительные прыжки. Но Дзэами требует, чтобы при этом соблюдалось чувство меры, иначе пляска станет хаотической.

Спектакль театра Но был тщательно и продуманно организован. Он тоже следовал строгому ритму.

Первая драма была как бы вступлением. В ней часто появлялось божество (например, «Такасаго»).

Три следующих должны были контрастировать между собой. Это могли быть драмы, в которых призрак воина является из глубины преисподней («Киёцунэ»). В «драмах с париком» ситэ, исполняя женскую роль, надевал на себя парик с длинными волосами. Женщины в спектаклях театра Но не участвовали. Очень любимы были драмы, где главным персонажем была «безумная женщина» («Гробница Комати»).

Пятая пьеса — финал — выбиралась с благожелательным значением. Ситэ в ней всегда сверхъестественное существо («Горная ведьма»).

Сюжеты для пьес Но обычно заимствовали из всем знакомых, известных мифов и легенд или из знаменитых литературных произведений. Но были драмы и «из подлинной жизни», как, например, «Река Сумида», в которой мать ищет своего маленького сына, похищенного работниками¹. Такие пьесы свидетельствуют о том, что в театре Но сохранились элементы народного театра.

Спектакль театра Но должен был перенести зрителя в особый поэтический мир, пробудить в нем возвышенные мысли и переживания и, наконец, в момент кульминации глубоко потрясти его. Сострадание, ужас, восторг — все должно разрешиться в особом чувстве наслаждения красотой.

¹ Сэ а м и. Река Сумида. Перевод Н. И. Копрادا. — В сб.: Восточный театр. Л., Academia, 1929, с. 329—340.

Средневековый фарс — кёгэн, жизнерадостное скомо-рошьё искусство — имеет те же истоки, что и театр Но: народные зрелища (саругаку и дэнгаку). На старинном рисунке можно видеть, как бродячие актеры дают под открытым небом веселое представление, а зрители помирают со смеху, сидя прямо на земле или взобравшись на крышу.

Поэт XI века Фудзивара Акихира в своих записках «О новых саругаку» оставил нам названия комических сценок: «Как монахиня Мёко просила нижнюю рубашку», «Как провинциал приехал первый раз в столичный город», «Выпить — прожить тысячу лет»¹ и тому подобное.

Фарс-кёгэн сложился в полноправный театральный жанр одновременно и параллельно с музыкальной драмой Но, в первой половине XIV века. Два эти жанра обособились друг от друга, однако труппа актеров фарса входила в состав театра Но на подчиненных началах и выступала на той же сценической площадке в перерывах между драмами. Обычно давалось четыре фарса. Актер из труппы кёгэн появлялся и в ходе драмы Но как характерный комик-простак, работая «у ковра», пока ситэ переодевался и готовился к новому выходу.

Вместо принципа югэн фарс выдвинул другой основной принцип игры: «окасами» (комизм) в сочетании с «мономанэ» (жизненной правдой). Актеры фарса правдиво и достоверно изображали людей своего времени. Кёгэн вышел из народной среды и поэтому язвительней всего высмеивает феодалов и духовенство. Он очень тесно связан с фольклором — сатирической и бытовой сказкой, анекдотом.

В фольклоре и фарсе сложились противоборствующие пары персонажей: настоятель храма и послушник, князь — даймё — и озорной сметливый парень из народа, лишь по виду простодушный дурачок. Слуга Таро японского фарса и Хикёити народной сказки принадлежат к бессмертному типу «дурачков», которым всегда удается провести и высмеять своего господина.

Народный юмор зорок, он подмечает смешные и слабые стороны своих властителей. Даймё и священники — отрицательные комические типы. Даймё в фарсе — тупой и

¹ К о н р а д Н. Очерки японской литературы, с. 271.

заносчивый феодал, невежественный до последней степени. Он все время попадает в нелепые ситуации. Настоятели храмов, монахи, все, кто причастен к духовенству, отличаются непомерной жадностью. В антиклерикальных фарсах пародируются плохо затверженные наизусть проповеди и непонятные на слух буддийские сутры: «борон-борон»...

Если комический персонаж фарса, что называется, «свой брат», крестьянин или ремесленник, то вышучивается он с беззлобным юмором, ведь под обстрел попадают обыкновенные человеческие слабости, а не социальные пороки.

В бытовых фарсах действуют злая жена и робкий муж, тещь и глупый зять... Сочинители кёгэнов находили в сокровищнице фольклора бесчисленные сюжеты для фарсов и сами придумывали забавные ситуации.

Конструкция фарса несложна: короткий пролог и два-три эпизода — ведь длился фарс очень недолго, минут пятнадцать. Действие разворачивалось в быстром темпе и обычно кончалось потасовкой и погоней: «Не уйдешь, не уйдешь!» При всей его простоте в фарсе были созданы хорошие роли для комических актеров.

«Фарс обращался к жизни, к реальному человеку средневековья, — сообщает В. В. Логунова, — его герои говорили сочным разговорным языком. Конфликт в кёгэнах разрешается всегда реальными средствами, без вмешательства потусторонних сил. Потасовки, беготня, преувеличенная жестикуляция действующих лиц делали кёгэны очень динамичными. Артисты фарса обычно играли без масок»¹.

Маску надевал только актер в роли фантастического существа — бога грома или черта. Само собой, это комические черты, они смешат, а не пугают.

Костюмы в кёгэне обычные, бытовые. Подчеркнута нелепость придворного костюма: модные в то время длинные штаны, которые волочатся по земле. Даймё на подмостках выглядит смехотворно...

Встает вопрос, как же могли настоящие даймё поощрять такие фарсы? Острая народная сатира в фарсах-кёгэнах все же несколько смягчена, и, кроме того, фарсы исполнялись в театре. Но как интермедии между драмами, своего рода клоунады. К ним не относились серьезно.

¹ Логунова В. В. Кёгэн — японский средневековый фарс. М., Изд-во восточной литературы, 1958, с. 5—6.

С течением времени средневековый фарс потерял творческий импульс, живое искусство импровизации заглохло, кёгэн принял канонические формы.

В истории кёгэна прославлены три театральные школы. Из них особенно знаменита «школа Окура», основанная талантливым артистом и сочинителем фарсов Компару Дзэнтику (1405—1520). Артисты этой школы и до сих пор сохраняют ее традиции.

До нас дошло около трехсот кёгэнов, записанных и изданных в XVII веке, но было их гораздо больше. Импровизации легко возникали на подмостках и, не закрепленные в текстах, забывались.

Все же и то, что осталось, — бесценное свидетельство, созданное самим народом, о людях и нравах японского средневековья. Это и до сих пор источник веселого смеха.

* * *

Замечательный драматург Тикамацу Мондзаэмон (1653—1724) писал свои пьесы в эпоху позднего феодализма на стыке двух времен — старого и нового. Власть правящего военного сословия была еще крепка, но «золото и булат» уже начали свой спор.

В самом начале XVII века один из князей — хитроумный и удачливый Токугава Иэясу — сумел в решающей битве одолеть своих соперников. Он осуществил давнюю мечту всех прежних сёгунов: привести к подчинению воинственных феодалов и объединить Японию. Правительство Токугава (бакуфу) обосновалось в городе Эдо (ныне он называется Токио). В стране был введен жестко регламентированный режим.

Всю тяжесть его испытали крестьяне. В пьесе Тикамацу «Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба» служанка в харчевне жалуется: «Отец мой — крестьянин из деревни Ёкота. Ему уже шестьдесят шесть лет, и вот его, старика, бросили в водяную темницу за недоимку. Требуют с него два мешка с лишним рисового зерна». В такой темнице сажали по горло в воду.

Строгий надзор был учрежден буквально повсюду: в княжеских замках, селах и городах. Ослушников карали смертью.

Мелкие вассалы-самураи принадлежали к первому словию страны, они могли безнаказанно снести голову любому простолыдину, но, теряя службу у своего феодаль-

ного господина, самураи деклассировались и лишились средств к пропитанию. Иные из них добровольно уходили в город, где был спрос на образованных людей, случалось даже, что они возглавляли восстание крестьян. Деклассированный самурай назывался «ронин», то есть «человек-волна» («перекати-поле»). Дед Тикамацу, по некоторым сведениям, был старшим вассалом у какого-то князя и получал немалое довольство риса, отец стал ронином и поселился в Киото.

Там, в Киото, жили «Сын Неба» — император, лишенный всякой власти, и, как призраки былого величия, аристократы с громкими титулами. Между Киото и Эдо пролегла знаменитая Токайдоская дорога, которая так красочно изображена на цветных гравюрах Хиросигэ и в пьесах Тикамацу.

Подлинное имя драматурга — дворянское: Сугимори (родовое прозвище) Нобумори (личное имя). Тикамацу Мондзаэмон — его театральный псевдоним — звучит простонародно. Как провел свои юные годы Тикамацу, доподлинно неизвестно.

Ему, выходцу из обнищавшей семьи потомственных воинов, пришлось пройти большую трудную школу жизни. Возможно, в юности он служил у одного киотоского аристократа, побывал в монастыре, носился — как он сам говорит — по волнам городской жизни... В пьесах его можно найти живые, зорко наблюденные сцены из городского и сельского, монастырского и придворного быта. Точность нраво- и бытоописания роднит пьесы Тикамацу с новеллами его современника — талантливого писателя Ихара Сайкаку¹. Демократическое искусство горожан тяготело к реализму.

Умиротворение страны содействовало росту товарно-денежных отношений. Быстро развивались города Эдо, Киото, Осака и другие. В городах кипела жизнь, процветали торговля и ремесла. Эпоха Гэнроку (1688—1704 гг. или, в более широком понимании, последняя четверть XVII и первая четверть XVIII в.) знаменита в истории японского искусства. На весь мир прославлены цветные гравюры «укиёэ», в то время это были недорогие лубки. Искусные мастера-ремесленники резали из камня и кости миниатюрные фигурки — нэцкэ (для ношения на поясе), которые теперь занимают почетное место в музеях мира. Типогра-

¹ Ихара Сайкаку. Новеллы. М., художественная литература, 1981.

фии печатали на резных деревянных досках большими по тому времени тиражами книги с картинками, рассчитанные на вкусы читателей-горожан.

Литература XVII столетия свежестью, смелостью и новизной в известной мере напоминает европейскую литературу Возрождения. Сначала она поставляла, что называется, «чтиво», способное позабавить и заинтересовать горожан. Но к концу века в поэзии и прозе появились великолепные мастера: писатель Ихара Сайкаку, поэт Мацуо Басё¹ и другие.

Так же стремительно шли к вершинам искусства народные театры Кабуки и Дзёрури. Горожанам нужны были зрелища. Сначала, в начале XVII века, выступали труппы танцовщиц, потом мальчиков-подростков. Они были запрещены. В Эдо, Киото, Осака сформировались труппы мужчин-актеров. В эпоху Гэнроку появились великолепные актеры: в Эдо — Итикава Дандзюро Первый, а в Киото — Саката Тодзюро.

Неизвестно, когда и почему Тикамацу Мондзаэмон увлекся театром. Ему было лет тридцать, когда он стал писать пьесы для Саката Тодзюро. Этот умный и тонкий артист, сам сочинивший несколько драм, лучше всего исполнял роли простых людей из народа. В записях современников сохранились его слова: «Какую роль ни играл бы артист Кабуки, он должен стремиться лишь к одному: быть верным правде», «Искусство артиста подобно суме нищего. Что ни увидишь, все запомни».

Тикамацу создавал для него в своих драмах роли «первых любовников».

Пьесы для театра Кабуки сильно отличались от музыкальных драм театра Но, хотя на первых порах и заимствовали из них сюжеты и отдельные приемы. Актеры выступали без масок, но применялся символический грим: например, красные полосы на лице изображали гнев.

Многоактные драмы Кабуки должны были вызвать ужас и сострадание. Горожане любили сильные театральные эффекты. В так называемых «исторических драмах» изображалось условное средневековье с кровавой вендеттой, поединками и убийствами. Давались и «мещанские драмы» из современной жизни. Зрители проливали потоки слез, когда злосчастная судьба разлучала любовников.

Тикамацу был мастером остросюжетной интриги. В

¹ Басё. Стихотворения. Перевод с японского Веры Марковой. М., Художественная литература, 1985.

самых потрясающих моментах публика разражалась одобрительными криками: «Мондзаэмон! Мондзаэмон!»

Как Шекспир искал сюжеты в старых хрониках и новеллах, так и Тикамацу оживил рассказы и легенды, запечатленные в старинных романах и эпопеях. И все же Тикамацу даже в своих исторических пьесах с полной поэтической свободой изображал новых людей своего времени. Чувство, выраженное с большой силой, одерживало нравственную победу над феодальным долгом. Там же, где торжествовал феодальный долг, он уже казался ходульным, неестественным, противоречил человеческой природе: герой убивал сам себя, приносил в жертву жену и детей — всех примеров не перечислить.

Несмотря на большой успех его пьес, Тикамацу постепенно охладил к театру Кабуки и увлекся театром Дзёрури. Можно лишь гадать, что было этому причиной.

В театре Кабуки властвовал актер, в театре Дзёрури — драматург. Конечно, и драматург был в известной мере ограничен, набор кукол навязывал ему условные типы, надо было считаться с возможностями рассказчика (гидаю), но все же сочинитель пьес чувствовал себя свободнее, у него, что называется, были «развязаны руки». Парадоксальным образом, чем больше условен театр кукол, тем сильнее можно было в нем изобразить некоторые моменты действительной жизни, например, любовную страсть.

Анатоль Франс писал в своей статье «Гросвита в театре марионеток»: «...они (марионетки) сделаны именно для того, что они делают, их природа соответствует их назначению, и они достигают совершенства без всяких усилий.

Марионетки... созданы по образу и подобию дочерей мечты»¹.

В театре кукол Дзёрури рассказчик ведет свое напевное повествование под аккомпанемент сямисэна (род трехструнной гитары). Слово соединено с пантомимой.

В XVII веке возникло много трупп Дзёрури: в Киото, Эдо и других городах. На острове Авадзи в деревне Итимура (она получила название «город кукол») и до сих пор существуют потомственные компании кукловодов, но наибольшей славы пользуется старинный театр Бунраку-дза в городе Осака.

Куклы Бунраку большие, в две трети человеческого роста, механизм их управления скрыт внутри, под

¹ Франс А. Анатоль. Собр. соч., т. 8. М., Художественная литература, 1960, с. 175.

одеждой, и с течением времени все усложнялся. Сначала куклы могли только поворачивать головы вправо и влево, потом стали двигать глазами, бровями, пальцами рук, открывать рот... Головы для старинных кукол создавали превосходные мастера. Голова куртизанки — идеал красоты в эпоху Гэнроку. Очень экспрессивны голова самурая — рот изогнут книзу дугой, брови взлетают к вискам — или гротескно-смешные маски простолюдинов.

Кукловоды с открытыми лицами, в церемониальных костюмах или в черных капюшонах с прорезями для глаз управляют куклой на виду у публики. Куклы фехтуют, пляшут, сотрясаются от рыданий, они «играют» так живо, что со стороны кажется, что кукловод только сдерживает куклу, а она в порыве отчаяния вырывается у него из рук...

В труппе дружно работают кукловоды и музыканты, но ведущая роль традиционно принадлежит певцу-рассказчику. Драматическая поэма дзёрури ведет свое начало от народного эпического сказа. В тексте ее не обозначены действующие лица, но — как в пьесе Но — даются традиционные указания, где повысить или понизить голос, в каком ритме или какой манере следует исполнять то или иное место. Народная песня сменяется сказовым речитативом, звучит бытовая речь. Рассказчик ведет повествование и «от автора», и от лица всех героев пьесы, то есть должен обладать исключительной способностью к мгновенному перевоплощению.

Пьесы для кукольного театра, сочиненные до Тикамацу, обычно называют «старыми дзёрури». Вот что говорил о них Тикамацу: «Старые дзёрури похожи на нынешние похоронные речи, нет у них ни цветов, ни плодов. С того самого времени, как начал я сочинять, я вложил все свое сердце в мои труды, потому и удалось мне поднять дзёрури на небывалую доселе высоту».

Свои первые дзёрури Тикамацу создал для Киотоского театра кукол Мандзю-дза, основанного в 1675 году известным певцом-рассказчиком Удзи Кагонодзё. Тикамацу соединил воедино лучшее, что было в театральных жанрах Дзёрури и Кабуки, и создал великое искусство общенародного значения.

Дзёрури его с большим успехом шли и в городе Осака, где в 1684 году открыл свой театр Такэмото Гидаю Первый. Имя «гидаю» стало нарицательным для певцов-рассказчиков кукольного театра.

В жизни Тикамацу произошел большой перелом — он

переехал из Киото в Осака и стал драматургом театра Такэмото-дза.

Осака был крупным торговым городом, где «серебро рождало серебро». Тикамацу в своих дзёрури показал «веселые кварталы», где купцы просаживали деньги, тихие дома и шумные улицы, реки и каналы, с перекинутыми через них мостами. К собранию его пьес часто прикладывают план старинного Осака. Именно в этом городе Тикамацу искал и нашел своих самых популярных героев: небогатого купца на грани разорения, прекрасную девушку, проданную в дом любви, — они ищут счастливое будущее в потустороннем мире через двойное самоубийство. Следует заметить, что тема самоубийства часто встречается в народных легендах Японии.

В 1703 году на сцене Такэмото-дза была исполнена первая «мещанская драма» Тикамацу «Самоубийство влюбленных в Сонэдаки». Это великий день в истории японского театра. Впервые родилась подлинная народно-гуманистическая драма. Гибель любящих вызвала всеобщее сочувствие зрителей.

Герои драмы — простые горожане — были близки и понятны, возникало чувство общности судьбы.

Тикамацу создал двадцать четыре «мещанские драмы». Среди наиболее известных и любимых можно назвать дзёрури «Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба» (1708), «Гонец в преисподнюю» (1711), «Копьеносец Гондза в двойном плаще» (1717), «Девушка из Хаката в пучине бедствий» (1718), «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей» (1720), «Масляный ад» (1721). Все они переведены на русский язык¹.

В своих «мещанских драмах» Тикамацу создал типы людей переходного времени — мятущихся, слабовольных. Они уходят из жизни в смерть, не в силах найти другого выхода.

Героини пьес Тикамацу овеяны поэзией, они верны, благородны, самоотверженны, у них более сильная и стойкая воля, чем у их возлюбленных.

Падающим на самое дно, погибающим героям противостоят резонеры — воплощенная мещанская добродетель. В большинстве случаев они не наделены достаточной

¹ Тикамацу Мондзаэмон. Драматические поэмы. Перевод с японского Веры Марковой. М., Художественная литература, 1968; Мондзаэмон Тикамацу. Драма. Перевод с японского В. Марковой и И. Львовой. М., Искусство, 1963.

индивидуальностью, это движущие пружины действия, ведь порой именно вмешательство ханжеских резонеров вызывает конечную катастрофу.

В основу пьесы, согласно обычаям того времени, часто клалось подлинное происшествие. Известно, что убийство, изображенное в «Масляном аде», на самом деле произошло в 1721 году накануне Праздника мальчиков и немедленно было инсценировано в театрах Кабуки и Дзёрури. Это привлекало публику. Но, конечно, событие не изображалось протокольно, драматург мог дать волю своему воображению.

«Масляный ад» — новаторская пьеса, самая реалистическая из всех драм Тикамацу. Именно поэтому она на первых порах имела мало успеха и завоевала признание лишь в XX веке.

Главный герой — убийца Ёхэй. Великий драматург показал его характер в развитии. Весь путь постепенного падения Ёхэя прослежен от самого детства. Балованный мальчик, шалый городской парень, он неизбежно попадает в лапы ростовщиков. Даже само убийство Ёхэй совершает почти бездумно, в порыве слепого отчаяния. И сама тема, и ее разработка скорее напоминают современные японские фильмы, чем старинные пьесы.

Любовницы Ёхэя — продажные девушки — весьма мало романтичны. В пьесе нет настоящей любви.

Зато необычайно привлекательна купеческая женка о-Кити, жизненны и достоверны семейные сцены. Острофабульная пьеса движется на сцеплении конфликтов и контрастов.

Во всех «мещанских драмах» Тикамацу три действия. Обычно в дзёрури, как и в пьесах театра Но, обязательно присутствует митиюки (песня странствия). У Тикамацу митиюки, развернутое в большую поэтическую картину, предваряет трагическую развязку в финале. Герои уходят в последний путь. Митиюки, созданные Тикамацу, — великопешные поэмы в стихах на музыкально-песенной основе. Лишь в «Масляном аде» митиюки нет — это пьеса бытовая, но в ней, начиная с самого зачина, богато рассыпаны городские песенки.

Прозаическая речь в минуту эмоционального подъема переходит в стихи, напевные, богато оркестрованные, прошитые созвучиями. Так же, как в пьесах Но, в арсенале средств драматурга классические цитаты, игра слов, сложные цепочки ассоциаций. Он — превосходный поэт.

В драму органически включены комические сцены. Как в средневековом фарсе, в «Масляном аде» звучат пародийно

бессмысленные заклинания монаха. И у новеллиста Сай-каку, и у Тикамацу буддизм как церковь подвергается осмеянию. Но буддийские истины часто возглашаются в конце дзёрури — как последняя надежда, завершающий примирительный аккорд в конце гибельного пути.

Тикамацу был основоположником нового театрального жанра и глубоким мыслителем, не только прагматиком, но и теоретиком искусства.

В записях современников сохранились его беседы ¹.

Театр кукол соперничал с театром живого актера, значит, «автор пьес дзёрури должен наделить своих кукол множеством разнообразных чувств и тем самым завоевать внимание зрителя». «Насытить чувством нужно не только повествование о событиях или речи героев, но даже описание пейзажа в митиюки...»

Душу в куклу можно было вложить через слово, музыку (вокальную и инструментальную) и движения кукол. Стихи у Тикамацу нерасторжимо связаны с народным мелосом. В основу дзёрури положено действие, а не рассказ о нем, как во французской классической драме, динамика, а не статика. Иногда текст дзёрури напоминает раскаторку киносценария, так точно фиксируются движения кукол, мизансцены, даже угол зрения, перспектива, а в митиюки путь героя подан на фоне движущейся пейзажной панорамы.

Придавая столь важное значение чувству, Тикамацу все же не хотел, чтобы оно изображалось «с наигрышем», надрывно и фальшиво, лишь бы выжать слезы у зрителей.

«Все элементы искусства дзёрури подчинены драматическому действию, — говорил он, — и если надо выразить печаль, то чем суровой будут напев и слова, тем сильнее будет выражено чувство печали».

Стремясь к правде, Тикамацу ставил перед собой вопросы: что такое правда театрального искусства? каково соотношение между житейским фактом и правдой образа — во-первых, между правдой образа и условной природой театрального искусства — во-вторых?

Мысли Тикамацу оставили яркий след в истории японского театра и не потеряли значения даже в наши дни.

«Дзёрури стремится изобразить житейское явление как подлинное, но вместе с тем в пьесе оно становится

¹ Маркова В. Мондзаэмон Тикамацу о театральном искусстве. — В сб.: Театр и драматургия Японии. М., Наука, 1965, с. 66—83.

явлением искусства и перестает быть просто явлением действительности».

Убийство жены торговца маслом в дзерури «Масляный ад» не просто факт, почерпнутый из уголовной хроники. В пьесе Тикамацу это катастрофа, которая надвигается медленно и неотвратно, как в античной трагедии, и, обнажая до самого дна жизнь большого города, зримо показывает разъедающие его социальные язвы.

«Искусство находится на тонкой грани между правдой и вымыслом. Оно — вымысел и в то же время не совсем вымысел; оно — правда и в то же время не совсем правда. Лишь на этой грани и родится наслаждение искусством».

Тикамацу учил показывать правду жизни в обобщенных образах, насыщая их творческой фантазией, но фантазия, по его мысли, не должна далеко отлетать от действительности. Вот почему «искусство находится на тонкой грани между правдой и вымыслом».

Заветы Тикамацу — прекрасная школа искусства и для драматурга и для актера, а созданные им пьесы вошли в золотой фонд мировой драматургии.

Дзэами и Тикамацу принадлежат к плеяде великих драматургов наряду с Калидасой и Софоклом, Кальдероном и Мольером. От встречи с ними «родится наслаждение искусством».

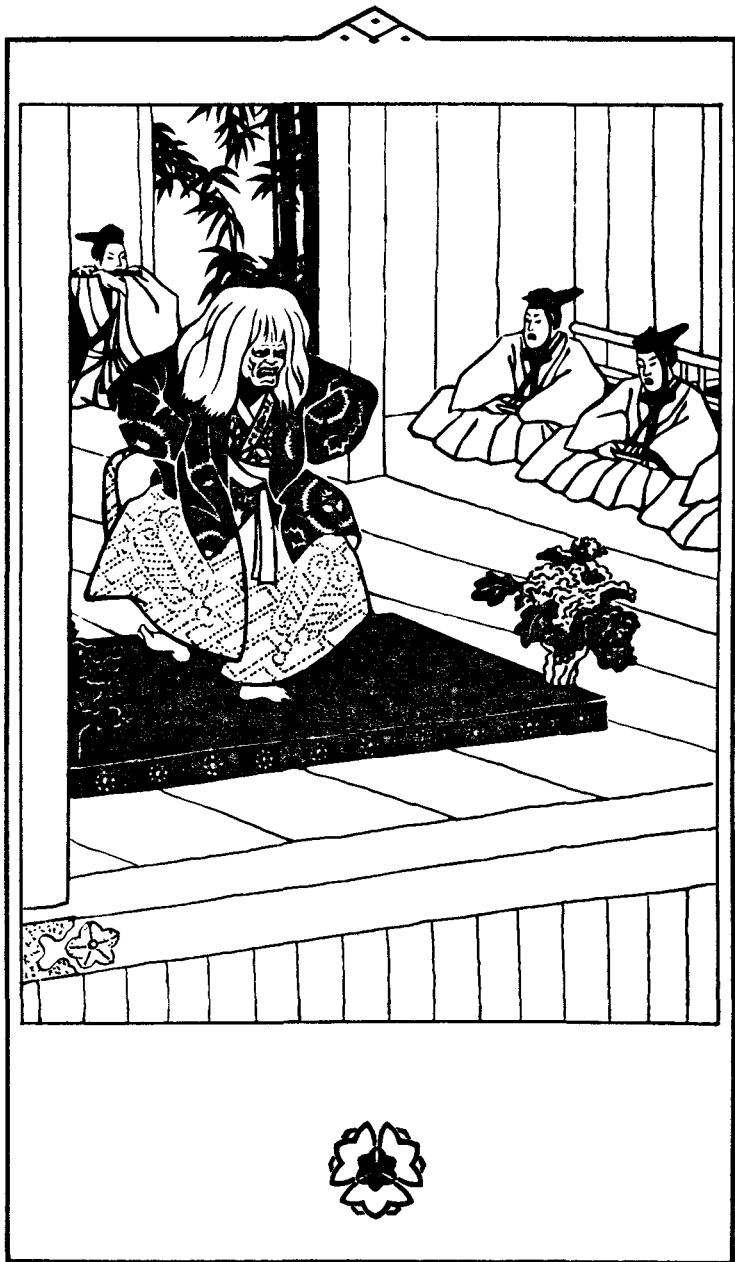
В. Маркова

Лирические
драмы
театра Но

Каннами Киёцугу (?)

ГРОБНИЦА КОМАТИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первый странствующий монах (ваки).

Второй монах, его спутник (вакидзурэ).

Старуха, затем поэтесса Оно-но Комати (ситэ).

Место действия — окрестности столицы; дорога, с которой виднеется Кацурагава — река Лунного Лавра; на обочине дороги разрушенная гробница.

Время действия — вечерний сумрак и ночь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Звучит музыка, и тихой, важной поступью выходят странствующий монах и его спутник.

Монах и его спутник
(начальная песня)

Неглубоко в горах таятся
Наши скиты,
Неглубоко в горах таятся
Наши скиты,
Но в безмерных глубях скитаются
Помыслы сердца.

Первый монах. Я монах из обители Алмазная Твердость на святой горе Коясан. Я спустился с горы и теперь иду в столицу.

(Говорит нараспев.)
Ведомо: Прежний Будда
покинул нас,

А Грядущий Будда доселе
не является в мир.

В м е с т е

В этом сне меж времен,
на Земле рожденные,
Что мы здесь назовем
явью истинной?!
В миг случайный мы обрели
человеков обличие
среди тьмы обличий иных.
Набрели на Великое Слово
Просветленного Сákья
среди роя учительных слов.
Вот оно — семя прозрения,
постиженья начало!
Так, сердцем надежду услышав,
В простые одежды,
Послушников черные рясы,
Смиренно оделись.

М о н а х и е г о с п у т н и к (п о ю т)

Мы прежде рожденья знали
Суть наших судеб,
Мы прежде рожденья знали
Суть наших судеб.
Сквозь множество жизней гонимы
Стрекалом желаний,
В тенетах причин и следствий
Слепцы блуждают.
Мы — ни к чему не привязаны,
Невозмутимо сердце!
Разрешили мы узы родства!
Жалость отринули
К родителям милым давно.
Так и о нас
Позаботиться более некому.
Мы забыли детей.

Что нам тысяча ри —
Путь недалгий!
Мы и в поле уснем. Мы ночлег
Среди скал раскинем.
Зато в нас — надежный приют

Истинной правды!
Да, в нас — надежный приют
Истинной правды!

Монах и его спутник отходят в глубь сцены и садятся. На сцену вносятся складное сиденье, означающее разрушенную гробницу. Звучит музыка, и, опираясь на клюку, медленно выходит с и т э в роли с т а р у х и, проходит по помосту, время от времени садится отдохнуть.

С т а р у х а
(поет)

Плавучей, плакучей травы
Оборваны корни,
Плавучей, плакучей травы
Оборваны корни,
Но уж не плыть ей покорно по зову
Текучей влаги!

(Говорит нараспев.)

Ах, какая владела в те давние дни
Мной надменная спесь!
Чернотой сияли пряди волос,
Волновались, как ивы тонкая ветвь
На весеннем ветру.
И была соловьиная лепота
В лепетанье речей,
И я красовалась прекрасней цветов
Хаги в полном цвету,
Когда они росой полны
И вот-вот опадут!
А теперь служанка ничтожная,
Простая мужичка и та
Гнушается мной.
Всем — горчайший мой стыд
Выдает напоказ!
Безотрадные,
Налегли на меня
Луны и дни,
Столетней старухой
Перед вами стою!

(Поет.)

Я в столице от суетных глаз
В тень отступаю.
Так и жду: «Поглядите, она

Увяла, обвечерела!»
Круглый день по заулкам кружу
До предлунных теней.
И с луной заодно — к закату
Покидаю столицу,
И с луной заодно — к закату
Покидаю столицу.
Покидаю
Стоярусный Терем —
Облачную Обитель —
Гору Просторных Чертогов,
Где так тесны входы.
Даже горный страж не окликнет
Горестную старуху.
Он на луну смотрит, сокрытый
Тенью деревьев...
Я скольжу бесприютной тенью
От столицы прочь...
Так в тени пропали, сокрылись
Любви Могила,
Что в селении Птичьи Крылья,
И Гора-осень.
Вот луна в реке Лунного Лавра —
Ладья речная...
Но кто ее к берегу правит,
В лад опуская весла,
Кто ее к берегу правит,
В лад опуская весла?

Совсем я выбилась из сил. Сесть разве передохнуть на этом трухлявом пне? *(Снимает шляпу, тихо приближается к складному сиденью и опускается на него. Монахи встают.)*

Первый монах. День смеркается. Нам должно спешить. Однако что это? Сия жалкая нищенка сидит — на чем бы ты думал? — на благодатной ступе, святом надгробье?! Следует вразумить ее и попросить уйти.

Второй монах со словами: «Воистину, следует!» — обходит старуху со спины. Он, первый монах и старуха образуют на помосте треугольник.

Эй, почтенная нищя! Не грешно ли тебе сидеть здесь, ведь это ступа. Подобье священного облика Будды, насколько мы можем постичь его с помощью пяти наших чувств! Изволь встать и отдохни где-нибудь в ином месте.

Старуха. Вот ты изволишь говорить: подобье облика Будды, грешно... Но где тут письма, где резные изваянья? Что до меня, то я вижу только обветшалый пенёк, и пени твои напрасны!

Первый монах

Пускай глубоко в горах
Незримо ветхое древо,
Но вот расцвело — и глазам
Вишня открылась!

Тем паче древо сие, ступа, изваянная в подобье облику Будды! Неужели ты ничего не видишь, ни единой приметы?!

Старуха

(Все дальнейшее она произносит по-прежнему сидя, обращаясь к каждому из монахов. В спокойном голосе — нарочитое недоумение.)

Я сама словно павшее древо,
Каменеющее под землей,
Но слышит присутствие Будды
Сердца живой цветок,
И он-то к ступе священной
Привел меня.
Скажите лишь, что это значит,
Что Будде подобна она?

Второй монах

Ступа нам знаменует
Обетованье будды Великого Солнца —
Конгосатта, Алмазная Твердость,
Явился некогда в мир,
Нерушимый обет воплощая,
В разных видах явил он его,
Означил весь мир земной.

Старуха. Ну и какие же виды он явил в ступе?

Первый монах

Землю, Воду, Огонь,
Ветер и Пустоту.

Старуха

Пять ярусов, пятерица основ,
Как в человеческом теле?!
Значит, ступа и тело равны,
В чем же меж ними различье?!

Второй монах

Казалось бы, ты права:
Сходствуют меж собою,
Но их благотворная мощь
По сути неравнозначна.

Старуха. Что такое благотворная мощь ступы?

Первый монах

«На ступу единый взгляд —
И ты избежнешь навеки
Трех ужасных путей».

Старуха

Но сказано также: «В сердце
В некий единый миг
Просветленье может родиться.
Сто тысяч ступ возведи —
У сердца выше заслуга!»
Значит, сердце — а ну-ка сочти —
Ни в чем не уступит ступе!

Второй монах

Если в сердце твоём
Родилось просветленье,
Отчего этот мир
Ты не покинешь?

Старуха

Да разве мир наш земной
Покидают телом?
Покидают сердцем его!

Первый монах

Значит, сердце ушло от тебя
И теперь ты постичь не способна
В этом древе присутствие Будды?

Старуха. Именно потому, что я постигла в нем присутствие Будды, я и приблизилась к ступе.

Второй монах

Тогда почему же
Столь бесчинно на ней сидишь?

Старуха

Ступа устала стоять.
Я скитаться устала.
Не вижу дурного в том,
Что вместе мы отдыхаем.

Первый монах

Я вижу, что ты отступила
От прямого к Будде пути!

Старуха

Ах, и кривой стезей
К Будде равно приходят.

Второй монах

Вспомни, злокозненный Дайба...

Старуха. Помню! Он стал милосерден, словно Кáннон.

Первый монах

А глупец Хандоку...

Старуха. Возобладал мудростью самого Мондзю.

Второй монах

Значит, то, что зовется Злом...

Старуха

От Добра неотделимо.

Первый монах

А то, что зовут заблуждением...

Старуха

От Просветленья-бодхи.

Второй монах

Итак, Просветление-бодхи...

Старуха

Не растет на дереве бодхи.

Первый монах

У Зерцала Великой Истины...

Старуха

Подзеркальника нет!

Хор

Да, Великие Чистые Истины
В этом мире чему уподобить?
Единосущны, не явлены —
Облика не имеют, —
Значит, в мире Великой Истины
Все живое и Будда — одно!
«С тех пор, как Нёрай обещал
Всех немудрых этого мира
От неведения спасти,
Жива милосердная клятва
В обете всех бодхисаттв —
Потому и кривой стезею
К Будде можно прийти».
Так убежденно
Она сказала,
Что монахи тройной поклон
Перед ней совершили,
Лбами коснувшись земли.
«Поистине, — молвят, —
Прозренья сумела достичь
Жалкая нищенка!»

Старуха

Наконец-то я вновь ощутила
Силу, как встарь,
И ныне для вас забавную
Песню сложу.

*(Говорит вполголоса, нараспев, с мгновенной легкостью
складывая стихи.)*

Там, в Блаженной стране,
Пред Буддой все мы, конечно,
Склоняться должны.
Но ступа стоит на земле
И, значит, людям доступна.

(Вдруг встает, с досадой отворачивается от монахов, затем вновь возвращается на свое место.)

До чего же наскучили мне
Эти ученые речи!
До чего же наскучили мне
Эти ученые речи!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Первый монах. Кем вы изволите быть? Скажите, кто вы? Назовите ваше почтенное имя!

Старуха. Со стыдом называю вам свое имя.

Снисхождения просит
Дочь Оно-но Ёсидзанэ,
Правителя Дэва, —
Оно-но Комати,
Ничтожная побродяжка!

Оба монаха

О, жалость! Комати! Красавица
Старинных времен:
Сияла всем обликом,
Словно цветы.
Трехдневного месяца —
Бровей тонина.
Белоснежной пудрой
Шкатулки полны.
Одежды множество —
Легкий газ, плотный шелк:
В Лавровом Тереме
Уместятся ли?!

Старуха

Я слагала японские песни,
Созидала искусно китайские строфы,

Хор

К веселью хмельному звала
В руке моей чарка,
И тогда на рукав мой с Небесной реки
Луна опускалась тихонько.

То были воистину времена
Младого цветенья!
О, в какой же безвестный миг
Все изменилось?

На голове моей ныне
Спутанное бѣлье
Заиндевелою полыни.
Темно-блестящие прежде,
Пряди волос на висках
Блекнут на старой коже,
Словно размазана тушь.
Тонко-летающие прежде —
О, пара ночных мотыльков! —
Растаяли нежные брови —
Очертания дальних гор!
Черты единой
Вам до сотни лет не хватает,
Белесые космы:
«Девять-на-девять» — травы морские
Над горькой влагой
Растравили мне горечью сердце,
Печаль беспросветна!
Вот стою под рассветной луною,
О, как мне стыдно!

Старуха закрывается зонтиком.

С шеи у нее свисает
Мешок ветхий.
Что ты в него положила —
Отвечай, не мешкай!

С т а р у х а

Сколько жить мне осталось нынче,
По правде, не знаю,
Но если доживу до завтра,
Утолит мне голод
Эта пригоршня
Бобов сушеных.
Я ее в мешок положила
И несу с собою.

Х о р

Что в сумѣ у тебя за спиною,
Сумей ответить!

Старуха

Замасленное грязное платье
Я в нее положила.

Хор

А что за плетенка в руке?
Но не плети неправды!

Старуха

Черного и белого стрелолиста
Я в нее положила,

Хор

Да плащ дырявый,

Старуха

Да зонтик дырявый.

Хор

Ей даже лица нечем
От людей спрятать!

Старуха

Все пустое! Остались бы только
Рукава хоть какие!
Ведь ни иней, ни снег мне не страшен,
Ни дожди, ни росы:
Затаить бы мне только слезы
От суетных взоров!

Вдоль дорожных обочин
Брожу я ныне,
Я прошу прохожих о подаянье
Или молчу, не в силах
Вымолвить просьбу,
Всякий раз наваждением безумным
Вдруг одержима:
Искажается голос,
Меняется облик!
Прошу вас, подайте, прошу вас...

Эй, монахи!

Первый монах. Чего ты хочешь?
Старуха. Свиданья с Комати!

Первый монах. А разве ты не Комати? Ты, верно, бредишь.

Старуха. Вот еще! Комати — это та, что слишком предавалась любовной страсти. Ливень сердечных посланий, любовных просьб обрушивался ей на голову — словно вся ее жизнь была порою летних ливней, но сердце ее не ведало приливов искренности, ни капли правды не было в ее ответных письмах. Взгляните же теперь на мечь кармы — на ее столетнюю старость! О, я люблю Комати, я люблю ее!

Первый монах. Многие любили Комати. Чей же дух так томится ныне обидой?

Старуха. Многие стремились к ней всем сердцем, но до самой глубины любовь к ней растравила сердце молодого Фукакуса из селения «Глубокие травы».

Хор

Кружится, кружится возмездия колесо,
Влечет к началу обид,
Чтоб у дома ее на подставку легли
Оглобли моего возка!
Солнце в небе высоко ль стоит?
Сумрак вечерний.
Солнце в небе высоко ль стоит?
Сумрак вечерний.
О луна, верный товарищ в пути
К ее дому,
Пускай надзирает над Заставою Встреч
Бессонный сторож —
Не страшись, он нынче пропустит нас,
Выходи скорее!

При последних фразах хора старуха отходит к задней стене сцены, отворачивается от зрителей... Она спускает с плеч свою одежду, вытягивает из-под нее рукава. Затем надевает высокую мягкую шапку знатного вельможи, берет веер; движется к прежнему месту — музыка затихает.

Старуха

Белоснежные закаты
Хакáма...

(Пристально глядя на концы хакама, ударяет ногой в пол. Звучит музыка, и старуха медленно идет к противоположному краю сцены, затем поворачивает к сере-

дине... Она идет словно на ощупь, движения ее неосмысленны. Кажется, из глубины ее существа всплывает страсть к ней молодого Фукакуса.)

Белоснежные закаты
Хакама...

Х о р

Ветром набок заломлена
Черная шапка.
Закрывшись до глаз рукавом
Охотничьего кафтана,
Я пробираюсь украдкой
К ее дому.
Я здесь и при лунном свете,
Я здесь и в безлунном мраке,
И дождливую ночью,
И ветреной ночью,
И порой, когда сыплются мелким дождем
Увядавшие листья,
И порою глубокого снега.

С т а р у х а

«Тóку-току» — талая влага с крыш —
Нетерпелива капель!

Х о р

Приехал и уезжаю вновь,
Уехал и вновь приезжаю.
Первая ночь, вторая ночь,
Третья, четвертая ночь,
Седьмая, восьмая, девятая...
Десятая — на исходе.
Во Дворце торжествуют встречу
Нового Урожая...
Только я никого не встречу,
Одинок у ее дома.
Вот зарю отмечает криком
Прилежный петел —
Так и я на краю подставки,
Где возка моего легли оглобли,
Отмечаю новой чертою
Ночь ожиданья...
Сто ночей, она мне сказала,
Сюда являться...
Девяносто девятая ночь!

О, как вдруг тяжело,
Все перед глазами кружится...
Тяжко в груди...

Старуха

О, печаль!
Ночи одной не дождавшись,
Фукакуса умер!
И обида его не дает мне покоя,
Наважденьем безумным
Я одержима!

(Успокаивается.)

Силу возмездья внезапно познав,
Молюсь о грядущем рожденье
Буддой в Блаженном краю —
И нет вернее молитвы.
Из песчинок деяний благих
Я воздвигну священную ступу,
Чтобы счистить суетный туск
Со Златотелого Будды.
Я стану цветы возлагать к алтарю —
Приношение сердца.
Следуя Будды стезей,
Истину я постигну,
Следуя Будды стезей,
Истину я постигну!

Дзэами Мотокиё

ТАКАСАГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Томонари, главный жрец храма Асо (ваки).
Два его спутника, служители храма (вакидзурэ).
Старик (маэдзитэ), он же во втором действии бог
Сумиёси (ногидзитэ).
Старуха (цурэ).
Местный житель (кёгэн).

Место действия — сначала побережье Такасаго в провинции Харимá, потом берег Сумиёси (Суминоэ) в провинции Сэтцу.

Время года — весна.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Под звуки музыки появляется Томонари и с ним два спутника.

Томонари и его спутники
(начальная песня)

Надел я дорожную одежду,
Сандалии на ногах.
Шнуром препоясан, дали иные
Отныне я буду искать.
Как этот пояс дорожный, долг
Стелется путь впереди.
Как этот пояс дорожный, долг
Да будет ваш жизненный путь.

Томонари. Узнайте же, перед вами Томонари, главный жрец храма Асо на острове Кюсю. Ни разу

прежде не доводилось мне побывать в столице. И вот теперь задумал я туда отправиться, а по дороге желал бы поглядеть на места, прославленные своей красотой.

Томонари и его спутники
(песня странствия)

Дорожной одежды край
Волна увлажнила.
Дорожной одежды край
Волна увлажнила.
В далекий край мы плывем,
К далекой столице,
Ведет тихо-тихо ладью
Весенний ветер.
Дни странствия кто сочтет?
Взволновано сердце.
Белее, чем парус наш,
Парящие тучи.
Начало пути и конец
В туманах сокрыты.
Казалось, причал далек,
А вот он — близко.
Открылся земли Харима
Желанный берег.
Мы бережно правим ладью
В залив Такасаго.
Мы бережно правим ладью
В залив Такасаго.

Томонари и его спутники отходят в сторону и садятся. На мосту под звуки музыки появляются с т а р у х а с метелкой в руках и с т а р и к с грабельками. Она останавливается возле первой сосны, а он — возле третьей.

Старик и старуха
(поют вместе)

Весенний ветер
Колышет ветви сосны —
Сосны Такасаго.
Колокол Оноё
Звучит, возвещая вечер.

Старуха

Над берегом дымка встает,
Невидимы в сумерках волны.

Старик и старуха
Но голос волн говорит,
Отлив иль прилив на море.

Старуха выходит на середину сцены, старик остается в глубине.

Старик

Кого в целом мире теперь
Назову я старинным другом?
Сверстников мне не найти.
Даже сосна Такасаго
И та моложе меня.

Старик и старуха

Прошлое позабыли мы,
Счет потеряли векам.
Сыплются, сыплются годы, как снег,
Волосы нам убелив.
Мы — словно старые журавли,
Зябнем под утро в гнезде.
На циновках из тростника
Луч предрассветной луны.
Иней весенней ночи знобит,
Сон убегает от глаз,
Слышим лишь ветер в ветках сосны —
Вот прошумел, вот стих.
Лишь голос сердца — мы назовем
Другом старинным своим.
Вверяем только напеву стиха
Грустные мысли свои.

О, наш единственный посетитель,
Ветер с залива!
Тихо беседует с древней сосной,
Шепчет о прошлом.
Сыплется хвоя на рукава
Нашей одежды.
Мы от подножья ствола отметем
Иглы сухие.
Мы от подножья ствола отметем
Иглы сухие.
Здесь залив Такасаго.
Здесь залив Такасаго.

Старуха

Слова неразумны твои.
Ты разве не знаешь?
Пусть любящих разлучат
Моря и земли,
Но если и вправду сердца
Томятся в разлуке,
К любимой путь никогда
Не кажется длинным.

Старик. И вот еще о чем ты подумай.

Поют, обратясь лицом друг к другу.

Старик и старуха

Пусть древние сосны
Такасаго и Суминоэ
Лишь бесчувственные существа,
Но ведь не напрасно их
«Неразлучной четой» прозвали.
Что ж дивиться тогда на людей,
Наделенных сердечным чувством?
Сколько лет — и не счастье! —
Каждый вечер я покидаю,
Чтоб жену мою навестить,
Берег дальнего Суминоэ.
Вместе состарились мы,
Как чета Неразлучных сосен,
Словно крепко-крепко сплелись
Под землей своими корнями,
Верных супругов пример.

Томонари

Удивляясь великому чуду,
Слушаю ваши слова.
Если в памяти вы храните
Предания старины
Об этой чете древних сосен,
Прошу, поведайте мне.

Старик. Как говорили о том в былые времена,
сосны Такасаго и Суминоэ знаменуют собой счастливые
царствования.

Старуха

Сосна Такасаго
Знаменует седую древность,
Когда собраны были
Мириады листьев «Манъёсю»...

Старик. А сосна Сумиёси знаменует нынешнее время, когда в годы правления Энги собраны были во-едино стихи «Кюкинсю».

Старуха

Будут вечно, как сосны, свежи,
Не увянут родные песни.

Старик. Поэзия в наши дни так же прекрасно расцвела, как в древние времена «Манъёсю»...

Старик и старуха

Ныне правящего монарха
Почтили за это хвалой.

Томонари

Чудесные ваши речи
Я слушать не устаю.
Сквозь темные тучи незнанья
Пробился весенний луч.

Старик и старуха

Все озаряя, льется свыше
Вечерний мягкий свет
На берег Западного моря,
Земную темную юдоль...

Томонари

И там, в далеком Суминоэ...

Старик

И в Такасаго, здесь...

Томонари

Все ярче зеленеют сосны...

Старик

Спокойна светлая весна.

Х о р

На четырех морях тишина.
Всюду мир и покой.
Благодетельный ветер весны
Ветку не колыхнет.
О, Неразлучных сосен чета!
Послан ей дивный удел
В наши блаженные времена
Знаменьем счастья служить.
Для величанья не хватает слов,
Нет достойной хвалы!
Мудро правит страну наш государь,
Он довольством народ наделил.
В милосердии беспредельном своим
Изливает щедроты рекой.
В милосердии беспредельном своим
Изливает щедроты рекой.

Т о м о н а р и. Прошу вас, поведайте мне еще о бла-
вестной сосне Такасаго.

Х о р

Пусть говорят, что травы и деревья
Ни сердца не имеют, ни души,
Но не пропустят времени цветенья,
Плоды приносят в свой урочный срок.
Всегда на ветках, обращенных к югу,
Торопится раскрыться ранний цвет
Навстречу солнечным лучам.

С т а р и к

Цветут ли цветы,
Опадают ли осенью листья,
Сосна целый год
Остается вечнозеленой.

Х о р

В круговороте времен
Приходят зимние вьюги,
Тысячелетний убор
Сосна хранит и под снегом.
«Цветет она десять раз,

Единожды в тысячу лет», —
Так учит древняя мудрость.
Долгий век государю сулит
Вещая сосна Такасаго.

С т а р и к

В благословенный наш век
Счастливых вестей ожидает...

Х о р

На ветках ее блестят
Росы бесчисленные перлы.
В песни они перейдут,
В жемчужины слов перельются,
Сердца людей озарят
Своим немеркнущим светом...

С т а р и к

И все, что на свете живет,
Душой обратится к песне.

Х о р

Но ведь некогда Тёно сказал:
«Все живое и неживое —
Любое создание поет».
У каждого голос свой,
И каждый поющий голос
В поэзию проникает:
Шепот веток, шорох песка,
Рокот ветра, журчанье воды...
Все сущее сердцем наделено.

И светлый весенний лес,
Восточным колеблемый ветром,
И звон осенних цикад
В холодных росистых травах,
Разве не скажешь о них:
«Воплощенные песни Ямато»?

Но пред могучей сосной
Все деревья в лесу недоростки.
Над ними она вознеслась
В царственном великолепье.
Свой облик издревле хранит,

Все времена сопрягая.
Тысячи долгих лет
Свежа нетленная зелень.

Некогда циньский император
Сосне пожаловал высший чин.
Не только в Стране восходящего солнца,
Сосну почитают и в землях чужих.

Старик

*(встает с места и начинает грабельками подметать
опавшую хвою)*

На холме Такасаго
Гулкий колокол Оноо,
Слышу, подал свой голос.

Хор

Уже недалеко рассвет,
Всюду белый иней ложится,
Но, кажется, ветви сосны
Стали еще зеленее.
Каждым вечером, в поздний час,
Старик со своей старухой
Приходят сюда, к сосне,
Сгребать опавшую хвою.
Сыплются иглы дождем,
Но их число не скудеет.

И никогда-никогда
До конца не осыплются иглы.
Вечная зелень сосны
До скончанья веков не поблекнет.
Неразлучных сосен чета —
Зарок нерушимого счастья.
Громкой славой осенено
Имя сосны Такасаго,
Как вьющийся длинный плющ —
Обещание долгой жизни.
Вы, старик и седая жена,
Как эта сосна, долголетни,
Вы, старик и седая жена,
Как ветви сосны, долговечны.
Поведайте тайну свою,
Имя свое нам откройте.
Кто вы? Как вас зовут?

Старик и старуха
(вместе)

Зачем же нам правду скрывать?
Здесь перед вами предстали
В образе мужа и жены
Души двух древних сосен.
Неразлучна сосен чета —
Такасаго и Суминоэ.

Хор

О, чудо из чудес!
Сосна Такасаго
Явила нам
Небывалое диво!

Старик и старуха
(вместе)

Хоть сердцем не одарены,
Как говорят, ни травы, ни деревья...

Хор

Но в наш благословенный век,
В стране мудрейшего из государей...

Старик и старуха

Деревья, травы и сама земля...

Хор

Все процветает в щедром изобилье.
«К «Берегу изобилья»,
К Сумиёси теперь поплыву,
Там меня ожидайте!» —
На прощанье молвил старик.

Старик веером показывает вдаль, потом делает вид, что садится
в челнок и плывет по морю.

Хор

Он садится в рыбачий челн,
Причаленный к побережью,
Парус он поднимает ввысь,
Вверяясь попутному ветру,
И по сумеречным волнам
Уплывает в открытое море,
И по сумеречным волнам
Уплывает в открытое море.

ИНТЕРМЕДИЯ

Томонари приказывает одному из своих спутников призвать местного жителя. Тот выходит на середину сцены и садится. В ответ на вопрос Томонари он начинает свой рассказ: «Сосны Такасаго и Сумиёси воплощают в себе поэзию древних времен «Мантёсю» и нового времени «Кокинсю». Когда бог Сумиёси навещает свою супругу — богиню Такасаго, то ветви их глаголют божественные речи. Есть у этих благознаменательных сосен великая сила споспешествовать песням Ямато и приносить счастье в браке. Они обещают также счастливое долголетие». Окончив свое повествование, местный житель предлагает отвезти на своей лодке Томонари и его спутников к берегу Сумиёси, после чего удаляется.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Берег Сумиёси.

Томонари и его спутники
(песня ожидания)

Мы подняли парус
На маленькой этой лодке,
Мы подняли парус
На маленькой лодке,
И в лучах восходящей луны
Мы выплыли в даль морскую
На волнах отлива.
И мимо Авадзи —
Опененного волнами острова,
И мимо Наруо —
Отдаленного города
Прибыли мы наконец
Из Такасаго
В Суминоэ.
Прибыли мы наконец
В Суминоэ.

Под звуки музыки, возвещающей выход главного актера, появляется бог храма Сумиёси уже не в виде старика, а в своем подлинном обличье. Могучими шагами он идет по мосту и останавливается возле первой сосны.

Бог Сумиёси

«Даже я и то не пойму,
Как давно я впервые увидел
Тебя, о дева-сосна,
На берегу Сумиёси...
А сколько веков ты сочтешь!»

«Разве не знаешь ты,
Что тесной мы связаны дружбой?
Храню я твой славный род
С незапамятных древних времен,
Древних, словно ограда храма».

(Оборачивается к музыкантам и начинает отбивать такт ногой.)

А вы, музыканты храма,
Спешите в ночной темноте
Мерным рокотом барабанов
Сердце мое усладить.

Х о р

Из Западного моря восстал,
У берегов Аоки-га-хара —
«Равнины зеленых деревьев»...

Б о г С у м и ё с и

Я — великий бог Сумиёси
И в образе вечнозеленой сосны
Порою являюсь людям.
А ныне снова пришла весна,
Таит мелкий снежок последний
Возле мелкой гавани — Асакá...

Х о р

Там, где люди собирают морскую траву...

Б о г С у м и ё с и

«Я склонился на корни сосны вековой...

Х о р

Зелень тысячи лет у меня в горсти...

Б о г С у м и ё с и

Ветку сливы воткнул я в пряди волос...

Х о р

Лепестки, словно снег, на одежде моей».

Бог Сумиёси исполняет «Танец богов».

О, божественное виденье!
О, божественное виденье!
Сам бог Сумиёси пляшет пред нами
В сиянии яркой луны,

Взираем мы со священным восторгом
На дивный образ его.

Б о г С у м и ё с и

Слышу, льются чистые голоса
Юных танцовщиц.
Отразилась ясно в зеркале вод
Сосна Суминоэ.

(Веером как бы указывает на море.)

Не напрасно этот танец зовут
«Волны синего моря».

Х о р

Прямая, словно путь богов и государя,
Отселе стелется дорога до столицы.
Весной столица так прекрасна!
«Возвращенье в столицу» — радостный танец!

Долгий век государю благовестят...

Б о г С у м и ё с и

Одежды танцоров Оми.

Х о р

Протянут танцоры руки вперед,
Злых демонов отгоняя,
Руки тесно к себе прижмут,
Собрав долголетье и счастье.
Процветанье народу приносит напев
«Тысячекратная осень».
«Танец долгих веков» радует взор,
Годы жизни он умножает.

Тихий ветер в соснах чуть шелестит,
Обещающая мир и покой.
Тихий ветер в соснах чуть шелестит,
Обещающая мир и покой.

ГОРНАЯ ВЕДЬМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Жительница гор (маэдзитэ), она же во втором
действии горная ведьма (нотидзитэ).
Танцовщица Хякума Ямамба (цурэ).
Главный спутник (ваки).
Трое других спутников (вакидзурэ).
Сельский житель (кёгэн).

Место действия — дорога в горах Агэро в провинции Сэтцу, хижина
и снова горная дорога.

Время действия — вторая половина дня, потом лунная ночь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Под звуки музыки появляется Хякума Ямамба. За ней следуют
дорожные спутники.

Спутники (начальная песня)

Мы на тебя уповаем,
Благословенный свет!
Мы на тебя уповаем,
Благословенный свет!
Храм Светоносного Будды
Ищем в глубинах гор.

Главный спутник. Я, да будет вам ведомо,
смиранный житель столицы. А здесь перед вами Хякума
Ямамба, несравненная в искусстве танца. Она сама
создала танец — кусэмай, изобразив в нем круговорот
скитаний горной ведьмы — Ямамбы, почему и дали ей
молодые люди столицы прозвание Хякума Ямамба.
Ныне спешим мы в храм Дзэнкодзи на поклонение.

Главный спутник и другие спутники (песня странствия)

Покинули мы столицу
И на челне плывем.
Подернуто озеро Сига

Легкою рябью волн.
Сердце волнует тревога...
Что там, в туманной дали?
Ждет нас в горах Арати
Облачный перевал.
Над стремниной мы переходим
Мост «Жемчужный поток».
Сыплются, словно перлы росы,
Слезы на рукава.

Мимо сосны Сиокоси идем,
Обрызганной пеной прибоя,
Идем мимо сосен Атакá,
Окутанных дымкой вечерней.
Горы Тонами сверкнул острый край —
Словно Амида меч свой поднял,
Рассекающий узы греха,
Нерасторжимые узы.
Край северный Коси пересекла,
Усталых косит дорога.
Кипящие на пути облака
Наш медленный шаг торопят.
И там, где в тучах тонет гора,
Возле «Реки порубежной»,
Ютится на ее берегу
Маленькая деревушка.
О, как столица от нас далека!
Пришли мы к Сакаигава.

Главный спутник. Мы спешили в пути — и вот перед нами Сакаигава на самой границе между Этиго и Эттю. Отсюда ведет много дорог, остановимся же и спросим живущих здесь людей, какую нам должно выбрать.

Появляется сельский житель. Главный спутник подзывает его.

Сельский житель. Вы пожелали видеть кого-нибудь из деревни Сакаигава? Что вам угодно узнать?

Главный спутник спрашивает, по какой дороге идти к храму Дзэнкодзи.

Ах, вот вы о чем! Отсюда к Дзэнкодзи ведут три пути: Верхняя дорога, Нижняя дорога и горный перевал Агэро. Сам Будда Амида странствует по тропе Агэро.

Избрав ее, совершите богоугодное дело, но она всего круче и опаснее, а я вижу, вы сопровождаете женщину. По этой тропе не пронесешь в паланкине...

Главный спутник отвечает, что он предпочел бы тропу Агэро.

Коли так, спросите у госпожи, согласна ли она.

Главный спутник садится посреди сцены, обратясь лицом к Хякума Ямамбе, и повторяет то, что поведал ему сельский житель.

Хякума Ямамба. Поистине, много раз слыхала я: десять мириад миров, где правят будды, отделяют наш земной мир от «Чистой земли» Западного рая. Сам Будда Амида, говоришь ты, шествует путем Агэро, когда нисходит к нам, чтобы принять наши души... Если так, я хочу идти по этой священной дороге.

И, как паломнице подобает,
Здесь я оставляю свой паланкин,
Босоногая, пойду через горы...
Прошу, отыщи мне проводника.

Главный спутник снова подзывает сельского жителя.

Сельский житель. Здесь я, к вашим услугам.

Главный спутник просит его быть проводником.

Признаться, проводник я неумелый и все же охотно повел бы вас через горы, но никак не могу, у меня спешное дело.

Главный спутник, огорченный отказом, повторяет свою просьбу.

Раз уж вы так неотступно меня просите, отложу свои заботы и стану вашим проводником. Идемте же скорее в путь.

Главный спутник сообщает Хякума Ямамбе, что проводник найден.

Вот, смотрите! Эта дорога еще более крута и трудна, чем я говорил вам.

Главный спутник с ним соглашается.

Здесь паланкин не пригодился бы... Что это, вот чудеса! Кругом все потемнело.

Главный спутник тоже изумлен.

Вдруг опустилась тьма, а ведь еще не время, до ночи далеко. Удивительное дело!

Главный спутник спрашивает, нельзя ли здесь где-нибудь остановиться на ночь.

Нет, приюта здесь мы не найдем, места глухие.

Жительница гор
(*подает голос за сценой*)

Эй, путники! Эй-эй!
Я вас приютить готова, эй!

Сельский житель. Какая-то женщина согласна приютить вас на ночь.

Жительница гор (*появляется на мосту и выходит на сцену*). Здесь, в горах Агэро, нет людских селений. Солнце зашло, и вам лучше бы скоротать эту ночь в моей хижине, сплетенной из ветвей.

Главный спутник. О, радость! Мы не помнили себя от тревоги. Следуем за тобой.

Жительница гор садится посреди сцены, все другие садятся тоже. Они прибыли в хижину.

Жительница гор
Я вас залучила к себе ночевать,
На то была у меня причина.

Прошу, спойте мне песню горной ведьмы. Уже давно я мечтала услышать ее. Для меня в деревенской глуши это будет драгоценным воспоминанием.

Знайте, вот почему
Я ночь низвела на землю,
Дала вам ночной приют...
Так спойте же мне эту песню.

Главный спутник. Станные слова говоришь ты! За кого же ты приняла нас, что просишь спеть тебе песню горной ведьмы?

Жительница гор. О, не лукавь, зачем ты скрываешь правду? Ведь госпожа эта — прославленная танцовщица по прозванию Хякума Ямамба. Ну что, верно я говорю? Она поет в своей песне:

«Зло и добро бытия
Влача, как тяжелую ношу,
Вечно в глубинах гор
Скитается горная ведьма...»
Как сердце волнует этот напев!

Вот откуда госпожа эта получила свое прозвище. Но знаете ли вы, что за существо — настоящая горная ведьма?

Главный спутник. Как говорится в песне, горная ведьма — это дьяволица, обитающая в горах.

Жительница гор (понурившись, как бы говорит сама с собой). Дьяволица — это женщина-демон. (Обращается к Хякума Ямамбе.) Ну хорошо, дьявольское отродье или человек, все равно она — женщина, обитающая в горах, а разве я тоже не из таких?

Уж давно вы танцем своим
Пленяете цвет столицы,
А подумали ль обо мне?
Я для вас ничего не значу,
Меньше, чем капля росы
На листке травы придорожной.

Вот на что пришла я жаловаться.

Вы достигли высот мастерства,
Вы свое прославили имя,
Но разве весь ваш успех,
Словно цветок несравненный,
Не вырастила для вас
Одна-единая песня?

Так во имя спасения моего
Священный обряд совершите.
К милосердному Будде зывая,
Исполните танец и песню,
Чтобы мне ускользнуть из круга
Бессчетных перерождений,
Возвратясь к своей истинной сути,
Войти в царство светлого рая.

В темных глубинах гор,
Горе мое разделяя,
Подняли жалобный стон
Птицы и дикие звери.
Верите ль мне теперь?
Я — горная ведьма, демон.

Хякума Ямамба

Вот удивительные слова!
Ужель настоящая горная ведьма
В самом деле со мной говорит?

Жительница гор. Я блуждаю по горам, то в одном краю, то в другом, а сегодня нарочно пришла сюда, чтобы послушать песню в мою честь. Прошу вас, исполните мое заветное желание: спойте песню о горной ведьме.

Хякума Ямамба
Если в просьбе я ей откажу, —
О, ужас! — беда со мною случится...
Мне совестно, право, наспех плясать,
Но подберу подходящий напев
И такт начну отбивать ногами.

Жительница гор. Погодите немного. Когда стемнеет, спойте песню голосом чистым, как лунное сияние, и тогда я появлюсь перед вами в моем подлинном облике. (*Смотрит вверх.*) О, затуманилась вечерняя луна!

И без того
Тьма сгущается быстро
В теснинах гор,
Тьма сгущается быстро
В теснинах гор,
Но стало еще темнее,
Летят облака,
Тенью на ваше сердце
Находит страх.
О, если б с таким же волнением
Вы пели всю ночь
Песню о горной ведьме,
И я, в свой черед,
Тогда б рукавами взмахнула.
Приняв свой вид,
Я ваш бы продолжила танец, —
Сказала она
И, будто бы ветер сдул,
Вдруг исчезает.
И, будто бы ветер сдул,
Вдруг исчезает.
(*Скрывается позади занавеса.*)

ИНТЕРМЕДИЯ

Сельский житель встает со своего места и выходит на сцену.

Сельский житель. Ну, так и есть, опять светло! Стемнело-то не ко времени. Солнце еще стоит высоко в небе. Вот уж правда диковинное дело! Чудеса, да

и только! (*Обращается к главному спутнику.*) Что вы скажете, была темная ночь — и вдруг опять светло!

Главный спутник говорит, что это в самом деле удивительно.

Я и подумал, рано будто бы темнеть, солнце еще не зашло. Ведь если такой поздний час, надо было бы заночевать в деревне Сакаигава... А я оплошал, вон куда завел вас! Ан, к счастью, ночная тьма рассеялась.

Главный спутник спрашивает, случались ли раньше подобные происшествия, и просит рассказать о горной ведьме.

Нет, такого у нас в горах еще не бывало, а вот о ведьме могу поведать вам, доводилось мне слышать о ней. (*Начинает сказ.*) В общем-то, горная ведьма собирается из всякой всячины. Ну, прежде всего для головы идет «крокодилья пасть» из старого обветшалого храма в горах, какой давно не обновляли...

Главный спутник спрашивает, как это разуметь.

О «крокодилей пасти» вы, верно, знаете. Похожа на разинутый рот, потому так и зовут. Значит, «крокодилья пасть» — это будет ведьмин рот, для глаз сгодятся желуди, для носа — орех, для ушей — грибы-поганки, для тулова и вовсе что-нибудь чудное. В сосновой чаще капает-капает с деревьев смола, соберется в один ком и покатит-покатит по ветру, а по дороге обрастет всяким сором, чего только к нему не прилипнет! Станет он большим и обратится тогда в горную ведьму. Так люди говорят, только не знаю, правда ли это...

Главный спутник говорит, что это небылица.

А мне говорили, будто правда. По-вашему, выходит, небылица, не мне судить. А еще, слышно, врата в замке, построенном среди гор, могут ведьмой оборотиться.

Главный спутник спрашивает, как это может быть.

Да вот поставить врата поставят, но починить забудут. Сгниют створки, отвалятся, а столбы от этих самых врат торчат себе на месте, обрастают мохом... Потом появятся у них глаза, рот и уши, руки и ноги, и получатся «отвратные» ведьмы. Вот это уж правда истинная.

Главный спутник не соглашается: быть этого не может.

Да ведь поэтому горную ведьму и прозвали у нас «отвратным» чудищем.

Главный спутник говорит: «отвратный» значит «уродливый». Уродливая она бесовка.

Вот те и на! Выходит, я толкую слова вкривь и вкось. А встретил вас, господ из столицы, и вы меня вразумили, большое спасибо. Слышал я, что еще может ведьмой оборотиться, да запомятовал... Ага, вспомнил! Клубень ямса.

Главный спутник спрашивает, почему.

Полют с утра до вечера сильные дожди, случится в горах оползень, и выйдут наружу клубни ямса, будут мокнуть под дождем. А клубни эти, сами знаете, волосатые. Побелеют у такого клубня волосы, как у старухи, мало-помалу появятся глаза и рот, уши и нос, вырастут ноги и руки... И оборотится клубень ведьмой.

Главный спутник по-прежнему не верит.

Так, вы думаете, недостаточное это дело? Ну что ж, пожалуй, оно так на самом деле, навряд ли какой-то клубень ямса может ведьмой оборотиться. И то сказать, не очень-то я в этих делах разбираюсь. Позвольте спросить вас, как зовут госпожу.

Главный спутник отвечает, что это танцовщица — Хякума Ямамба.

Соберусь-ка я с мыслями. Значит, та женщина, что встретила нас в горах, просила госпожу спеть песню о горной ведьме, тогда, мол, явлюсь в своем истинном виде. Простите за смелость, но спойте поскорее эту песню. Как-никак любопытно увидеть настоящую ведьму.

Главный спутник соглашается, и сельский житель незаметно уходит через боковую дверцу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Хякума Ямамба

Как странно все, что случилось.

Опомниться не могу.

Да полно, правда ли это

Или пригрезилось мне?

Но боюсь прогневать бесовку,

Исполню ее приказ.

Главный спутник с другими спутниками
(песня ожидания)

Вместе с ветром, шумящим в соснах,
Чистый голос флейты летит,
Вместе с ветром, шумящим в соснах,
Чистый голос флейты летит
Над кристальным потоком долины.
Мнится, можно поймать рукой,
Словно чару на Празднике песен,
Отражение ясной луны,
И так ясно звучат напевы
Лунной ночью в глубинах гор.

Под звуки музыки на мосту появляется горная ведьма с посохом в руке и останавливается возле первой сосны.

Горная ведьма

О, до чего мрачна и угрюма
Глубокая эта долина!
О, до чего мрачна и угрюма
Глубокая эта долина!
Бичами хлещут мертвые кости свои
И плачут — плачут демоны в Зимнем лесу,
Стеная, злую карму свою клянут.
А небожители на кладбище летят,
Чтоб цветами останки свои почтить,
Радуюсь, что творили при жизни добро.
Но поистине едины добро и зло.
Чему же радоваться? О чем же скорбеть?
Все вещи являют истину нашим очам.
Быстрый поток исчезает в туманной дали.
Острые скалы и кручи уходят ввысь.
Гора — и снова гора.

(Опираясь на посох, выходит на сцену.)

Какой искусный ваятель, скажи,
Вытесал эти зеленые скалы?
Поток — и снова поток...
Какой красильщик, где и когда
Окрасил эти волны лазурью?

Хякума Ямамба

О, ужас! О, страх!
Из чаши темных деревьев,
Застлавших сиянье луны,
Нездешнее выходит созданье,

Пугающе грозен лик.
Ужели горная ведьма
И вправду идет сюда?

Горная ведьма. Вы и сами могли бы догадаться, ведь я только что намеком подсказала вам правду. Но не бойтесь меня.

Хякума Ямамба

Трепеща от ужаса, я гляжу.
Выходит она из глубокой тьмы,
Черной, словно ягоды тута,
И хотя говорит она, как человек,
И приняла человеческий облик...

Горная ведьма

Но спутаны волосы ее,
Как занесенный снегом кустарник...

Хякума Ямамба

Глаза, как звезды, горят огнем...

Горная ведьма

А чему уподобить цвет лица?

Хякума Ямамба

Красным черепицам на кровле...

Горная ведьма

Где грозятся лики чертей.

Хякума Ямамба

Увидеть ночью ее в первый раз...

Горная ведьма

На что, скажи мне, это похоже?

Горная ведьма и Хякума Ямамба
(вместе)

Некогда, в старину...

Хор

Темной дождливой ночью
Демон одним глотком,
Темной дождливой ночью

Демон одним глотком
Под грохотанье грома
Женщину проглотил...
Ужас сегодняшней ночи
Старый этот рассказ
Мне на память приводит...
Другу сказала она:
«Что это? Белый жемчуг?»
Мне суждена, страшусь,
Та же печальная участь.
Сгину, как капля росы.

Горная ведьма низко опускает голову.

«Как стыдно, как горько мне слушать
Такие рассказы людей!
Как стыдно, как горько мне слушать
Такие рассказы людей!»

Горная ведьма. На тысячу золотых не променял бы поэт одно-единственное мгновение весенней ночи, когда «цветы чистейший льют аромат, луна подернута дымкой».

А для меня столь же дорог
Этой ночи малейший миг,
Ведь я так долго мечтала
Встретиться с вами хоть раз,
Вашу послушать песню...
Молю вас, пойте скорей.

Хякума Ямамба

Все отговорки напрасны,
Стоит ли тратить слова?
Спорить с ней я не смею
В темных ущельях гор...

Горная ведьма

С криком хлопает крыльями птица...
(*Взмахнув руками, ударяет в ладоши.*)

Хякума Ямамба

Водопад бьет в барабан...

Горная ведьма

Кружатся белые рукава...

Хякума Ямамба

Словно вьются в танце снежинки,
Лепестки сливы летят...

Горная ведьма

Но закону единому Будды
Что неподвластно, скажи?

Хор

Зло и добро бытия
Влача, как тяжелую ношу,
Зло и добро бытия
Влача, как тяжелую ношу,
Ведьма обречена
Блуждать по горным дорогам.
О, печальный удел!

Горная ведьма отдает слуге посох и берет в руки веер, потом садится
посреди сцены на складную скамейку.

Горная ведьма

Заоблачная гора
Началась с пылинки подножья,
Но возносит к небу свой пик
Высотой в тысячу сажен.

Хор

Море росинки родят,
Падая капля за каплей
С побегов мелкого мха
Медленно, неприметно,
И вот зашумел океан,
Валы до небес взлетели.

Горная ведьма

Долины отзвывы глухие,
Как в чреве пещер,
Шепот слабого эха в чащах
На склонах гор...

Хор

Словно безмолвия голос,
Голос тишины.
Пожелала некогда дева
Дол такой сыскать,

Где не будил бы эха
Самый гулкий звук.
Здесь сбылось бы ее желанье:
Вот он, этот дол!

Горная ведьма

А в самой темной теснине
Хижина скрылась моя.
Так высоки эти горы!
Море закрыли собой.
Так глубока долина!
Поток затерялся на дне.

Хор

Впереди бесконечное море
Стелет воды свои,
Свет луны в нем сияет —
Вечной истины свет.
Позади на скалистых кручах
Сосны шумят, шумят
О радости, о постоянстве,
Сон разгоняют пустой.

Горная ведьма

Карающий бич, в траве истлевая,
Светляками вдаль улетел.

Хор

Барабан увещания, мохом заросший,
Не пугает более птиц.
Здесь царство тишины и покоя.

В самом сердце гор,
Где все вокруг незнакомо,
Где не сыщешь тропы,
Только усилит тоску
Кукушки крик одинокий,
Гулкий стук топора
Лишь углубит молчанье.

Вершина истины высоко вознеслась,
Не так ли дух стремится к просветленью?
Долина, где не виден солнца луч,
Путь милосердия собою знаменует,

Горная ведьма веером показывает вниз.

Спускается до самых недр земли.

Встает и начинает танец странствия.

Не ведает горная ведьма,
Где родилась она,
Нет для ведьмы приюта.
Ведут ее облака,
Потоки покажут дорогу...
Ни одной не минует горы.

Г о р н а я в е д ь м а

К миру людей непричастна,
Я от них далека.

Х о р

Как изменяет облако
Легко очертанья свои,
Так в цепи перерождений
Принял мой исконный дух
Временно облик ведьмы.
Вот я пред вами стою!
Но если понять глубоко
Высший закон бытия,
Праведность и неправда, —
По существу, одно.
Земные краски лишь морок,
Обман очей, пустота.
Оттого так переменчив,
Многообразен наш мир:
Устав, заповеданный Буддой,
И житейская суета,
Мутные низкие страсти
И просветленье души...
Будды есть в этом мире,
Есть в нем разные твари,
И среди несчетных созданий
Блуждает горная ведьма.
«Весной зеленеет ива,
Лепестки сливы алеют».
Сколько разных цветов!

И мне случается, ведьме,
Порою людей посещать.
Когда на горной дороге
Усталый вздремнет лесоруб
В тени цветущих деревьев,
Приму на свое плечо
Его тяжелую ношу
И вместе с вечерней луной
Из горных теснин я выйду,
Домой его провожу.

И если в хижине дева
Ткет на своем станке
Холст из древесных волокон,
Войду я через окно.
Нити сплетаю ей в помощь,
Как соловей прядет
Тонкие нити ивы,
Летая среди ветвей.
Бывает, в домах прядильщиц
На время я поселюсь,
Незримо для взора людского
Я творю лишь добро,
Но невидимую бесовкой
Поселянки меня зовут.

Горная ведьма

Горестна жизнь бедняков!
На дочерях, на женах
Так одежды легки,
Словно скорлупка цикады.

Хор

Не отряхнут рукавов,
Инеем занесенных.
Он блещет в лучах луны
Осенней студеной ночью.
Если же в поздний час
Прачек сморит усталость,
Если вынадут вдруг
Вальки из рук онемелых,
Сотнями голосов,
Тысячекратным эхом
Опять вальки застучат

По деревянным скаткам.
А люди лишь говорят:
«Это проделки ведьмы!»

Вернетесь в столицу опять,
Помяните меня добрым словом,
Рассейте ложь обо мне.
Но нет, эта самая мысль —
Глубокое заблужденье!
Отбросим же прочь навсегда
Все земные заботы.
Зло и добро бытия
Влача, как тяжелую ношу,
Ведьма обречена
Блуждать по горным дорогам.
О, печальный удел!

Горная ведьма
Усталым шагом бреду...

Хор

С одной горы на другую.

Горная ведьма берет в руки посох и, постукивая им все быстрее и быстрее, тяжелым шагом обходит сцену, потом посередине помо-ста устало падает на колени, поворачивается кругом и встает на ноги.

Горная ведьма
Если двое путников отдохнут
В сени одного дерева,
Зачерпнут пригоршню воды
Из одного потока,
Значит, крепко связала их
Карма прошлых рождений.
(Обращается к Хякума Ямамбе.)
Ведь мы связаны много крепче!
Ведьмы имя стократ помянув,
О моих беспросветных скитаньях
Пели вы под вечерней луной.
Эта песня вам озаряет
Темный жизненный путь.
Нет, не выдумка, не забава —
Гимн во славу Будды она.

Ах, до чего же мне жаль
Разлучаться с вами!

Но пора сказать вам: прости!
Ухожу я в горы.

Х о р

Там ветки ранней весной
Ждут цветов не дождутся...

Г о р н а я в е д ь м а

Любуясь на вишни в цвету,
По горам кружу я.

Х о р

А осенней порой я ищу
Скалу или кручу,
Где всего прекраснее вид
В ясном лунном сиянье.

Г о р н а я в е д ь м а

Любуясь осенней луной,
По горам кружу я...

Х о р

Зимой в нетерпенье гляжу
На темные тучи.
Дождем набухли они,
Скоро ль снег посыплет?

Г о р н а я в е д ь м а

Любуясь на белый снег,
По горам кружу я...

Х о р

Круг за кругом — и снова круг,
Коловращение без конца.
Слепая привязанность к земле —
Туча, темнящая лунный свет.
Пыль вожделений свилась клубком —
Так горная ведьма родилась.
Глядите, глядите на демонский лик!

Вот она поднялась на скалу,
В долине эхо отозвалось.

Гора и снова гора,
Так круг за кругом...
Гора и снова гора,
Так круг за кругом...
В свой нескончаемый путь
Уходит ведьма.
Была здесь только сейчас
И вдруг — исчезла.

КИЁЦУНЭ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А в а д з у С а б у р о (ваки).

Ж е н а К и ё ц у н э (цурэ).

Д у х Т а й р а К и ё ц у н э (ситэ).

Место действия — столица, дом Тайра Киёцунэ.

Время действия — на грани осени и зимы. Вечерний сумрак и ночь.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Звучит музыка, и появляется Авадзу Сабуро и жена
Киёцунэ.

А в а д з у С а б у р о
(начальная песня)

Восьми морей бескрайние просторы
Остались позади,
Восьми морей бескрайние просторы
Остались позади.
В девятивратный град столичный
Лежит мой путь.

Я служу у благородного Киёцунэ, а имя мое — Авадзу Сабуро. Случилось вот что: милостивый повелитель мой, изволив, видно, сам своей судьбою распорядиться, бросился в волны Ивовой бухты, Янаги-но ура. На дне ладьи нашел я прядь волос — случайно оброненный им амулет. Я сохранил его на память об ушедшем и вот везу в столицу.

(Песня странствия.)

За годы долгие в скитаньях,
За годы долгие в скитаньях
Успел отвыкнуть я от шумной жизни.
И вот сегодня в город, сердцу милый,
Я возвращаюсь снова, но, увы,
Былой весны уж нет, и ей на смену

Пришла глухая горестная осень.
Холодный дождь сечет неумолимо
Мои дорожные одежды. Обветшали,
Поблекли рукава. От непогоды
Лохмотья жалкие укроют ли? Украдкой
В столицу пробираюсь я. Украдкой
В столицу пробираюсь я.

Эй, кто-нибудь! Скажите госпоже, что здесь Авадзу Сабуро из Цукуси.

Жена Киёцунэ. Авадзу Сабуро? Входи же скорее, разве твое имя нуждается в том, чтобы о нем докладывал слуга? С какой вестью ты пришел сегодня?

Авадзу Сабуро (*выходит на середину сцены, садится перед ней*). Я шел сюда, желая многое поведать госпоже. И вот я здесь, а что сказать — не знаю.

Жена Киёцунэ. Но что это? Ты молчишь и горько плачешь... Отчего?

Авадзу Сабуро. Увы, я пришел с недоброй вестью.

Жена Киёцунэ. С недоброй? Неужто господин решил удалиться от мира и принял монашеский обет?

Авадзу Сабуро. Нет-нет, монахом он не стал, не в этом дело!

Жена Киёцунэ. Так в чем же? Ведь говорили мне, что из битвы на Цукуси он вышел невредимым?

Авадзу Сабуро. Да, это правда, на Цукуси он не был убит.

Жена Киёцунэ. Не был убит и не стал монахом... Почему же ты говоришь о недоброй вести?

Авадзу Сабуро. Увы, хотя господин и вышел невредимым из битвы на Цукуси, в столицу возвратиться он не мог, и ему грозила гибель от рук грубых дружинников. Что может быть бесславней? И господин предпочел позору иной конец: у берегов Янаги-но ура лунной ночью бросился он в морские волны.

Жена Киёцунэ

Он в море бросился? Жесточе
Поступка он не мог бы совершить!
Когда б он был убит на поле брани

Или, недугом тяжким пораженный,
Оставил этот мир, где жизнь людей
Росинки мимолетней, — что ж, тогда
Его б я не винила. Но ведь мы
Друг другу дали клятву: вместе
Покинуть этот мир, чтобы в ином рожденье
Вновь встретиться. И этой клятве
Он изменил. Ах, впрочем,
Упреки все напрасны. Ведь теперь
Его уж не вернешь. О, как непрочны
Супружеские узы...

Х о р

Да, все недолговечно в нашем мире.
Таков удел его. Я проводила дни,
Скрываясь от недобрых глаз,
Скрываясь от недобрых глаз...
В саду у дома моего гуляет ветер,
И одинокая метелочка сусуки
Колышется бесшумно. И беззвучно
Я плакала украдкой по ночам.
А ныне что скрывать? Не таясь,
Проплачу я до самого рассвета.
Рыдает, не смолкая, лунной ночью
У дома одинокая кукушка.
И не скрывает имени она...
И не скрывает имени она...

А в а д з у С а б у р о. Когда господин мой исчез в волнах, я заметил на дне ладьи прядь волос. Я подобрал ее, вот она — пред вами.

Ж е н а К и ё ц у н э. Неужели я снова вижу эту прядь? От одного лишь взгляда на нее в глазах темнеет и замирает сердце. Еще невыносимей становится боль утраты.

Стоит взглянуть,
И больно сжимается сердце.
Мучительной тоски
Не в силах вынести, я эту прядь волос
Хозяину обратно отсылаю.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Во время пения хора жена Киёцунэ сидит неподвижно, как бы погружаясь в сон. Авадзу Сабуро покидает сцену. А актер с и т э появляется на помосте в печальной маске духа воина и в роскошном воинском одеянии.

Хор

Отвергнут дар жестокий. Мне остались
Одни лишь слезы — вечная отрада.
Лишь с ними ложе разделяя, этой ночью
Глаз не сомкну, без устали моля:
«Приди, о, хоть во сне приди!»
А о тоске ночных часов бессонных
Пусть одинокое расскажет изголовье,
Пусть одинокое расскажет изголовье.

Дух Киёцунэ

«Снов суетных не видит
Совершенномудрый!»
Найдется ль человек,
Почесть готовый явью бранный мир?
«О, если пыль тщеты туманит взор —
Сжимается бескрайность трех миров.
А осени тебя покой — и в тесной келье
Найдешь ты беспредельность». Право,
Все в мире — призрачно. Недолгим сном
Проходит жизнь: мелькнет на миг короткий —
И тает в небе облако. Роса
Блеснет и высохнет на травах. В этом мире
Все — лишь уход и возвращение, и мы
Обречены на вечные скитанья.
О, безысходность!
«Однажды во сне
Любимого я увидала.
И вот с той поры
В сновиденьях непрочных опору
Стала в жизни себе искать».

(Жене.)

Ты спишь, любимая минувших дней?
Киёцунэ пришел к тебе.

Жена Киёцунэ. Что я вижу? О, чудо! У моего изголовья — живой Киёцунэ! Но как же так? В морские волны он бросился, и все же... Ах, верно, это сон, иначе мне не дано с ним встретиться. Но пусть хоть так, во

сне ли, наяву — отрадно видеть милого супруга. Я о том лишь скорблю теперь, что ты нарушил наш обет и оставил меня одну, покинув этот горестный мир раньше, чем пришел конец судьбой тебе отпущенного срока.

Д у х К и ё ц у н э. Ты упрекаешь меня, но и я таю в душе обиду. Отчего решила ты вернуть прядь волос, посланную на память?

Ж е н а К и ё ц у н э. Не помнишь разве? Ведь нестерпимая тоска заставила меня вернуть твой дар. О том и в песне говорилось:

«Стоит взглянуть,
И больно сжимается сердце.
Мучительной тоски

Д у х К и ё ц у н э

Не в силах вынести, я эту прядь волос
Хозяину обратно отсылаю».

И с этими словами вновь

Дарю тебе я эту прядь волос.

И если любишь ты меня, как прежде,

Ты сохранишь ее.

Ж е н а К и ё ц у н э

Быть может, стою я презренья твоего...

Прощальный дар, он в утешенье послан

Тобою был, но вот — едва взгляну —

Смятенно путаются горестные мысли.

Д у х К и ё ц у н э

Увы, напрасен мой прощальный дар!

Его ты снова отвергаешь. Как мне горько!

Ж е н а К и ё ц у н э

Покинул этот мир ты без меня...

Как горько мне!

Д у х К и ё ц у н э

И так один другого упрекает,

Ж е н а К и ё ц у н э

Упреком отвечает на упрек.

Д у х К и ё ц у н э

Всему виною эта прядь волос,

Ж е н а К и ё ц у н э

Безжалостный прощальный дар!

Х о р

В жестокости друг друга обвиняя,
В жестокости друг друга обвиняя,
Они ложатся этой ночью рядом
На изголовье, влажное от слез,
Ложатся рядом этой ночью, но обиду
Таят в сердцах и потому чужими
На ложе общем, одиночеством томясь,
Часы желанного свидания проводят.
Печально, ах, печально!
«Прощальный дар!
Он был мне не на радость,
А на муку послан.
Не будь его, забвение, быть может,
Скорее бы пришло ко мне, увы...»
И от печальных мыслей
Влажнеют рукава,
И от печальных, безнадежных мыслей
Влажнеют рукава мои.

Д у х К и ё ц у н э. Забудь же о своих обидах и послушай, что случилось у берегов Сикоку и Цукуси... Однажды пронесся слух, что враги отправились в поход на наш замок в Ямага. Немедля сели мы на весла, всю ночь, ни на миг не смыкая глаз, гребли, а утром оказались у берегов Янаги-но ура.

Х о р

Залив был, право же, достоин
Названья своего.
Вдоль берега его чредою длинной
Тянулись ивы, а под сенью их
Расположилось станом войско Тайра.

И вот однажды пожелал наш повелитель отправиться на поклоненье в храм бога ратных дел, могущественного Хатимана. Мы поснешили в Уса и вознесли молитвы о помощи в грядущих сражениях и, уповая на милость великого бога, поднесли ему свои дары — семь лучших скакунов, золото и серебро.

Жена Киёцунэ

«Горестям мира
Даже боги и те подвластны,
Так для чего
Вы пришли и напрасной молитвой
Утруждаете души свои?» —

Дух Киёцунэ

Слова такие прозвучали в храме.

Хор

«Осенним вечером
Слабеют голоса цикад.
Слабеет сердце,
С последнею надеждою расставшись
В сей сумеречный час», —
Промолвил тюнагон,

Дух Киёцунэ

И мы тогда

Хор

В унынии глубоко — неужели
Оставили и боги нас, и будды —
Упали духом и, утратив все надежды,
Отправились назад. Уныло
Скрипели старые колеса. И в печали
За государем мы вернулись во дворец.
О, горькая тоска!

Но тут прослышали, что вражеские рати
Приблизились к Нагато, и опять
На весла сели, с омраченным сердцем
Ладьи направили неведомо куда.
Воистину, что мир наш? Сон мгновенный!
Проходит и сменяется другим.
Цветы, что расцвели весной Хогэн,
Давно увяли, и холодный ветер
Срывает листья осени Дзюэй.
Безжалостно разбросанные листья
Качаются в волнах. Плывут куда-то
По морю бесприютные ладьи.
А в бухте Ивой вздымает волны ветер,
Их рати грозные за нами по пятам
Бегут, не отставая, вал за валом.

На сосны бросишь взгляд — там стаи белых цапель
Крылами плещут — или на ветру
Там плещутся знамена Минамото?
Все больше падали мы духом. И тогда
Киёцунэ задумался невольно:
«В душе моей так явственно звучат
Слова пророческие Хатимана.
Они ведь сказаны не даром: «Буду я
Лишь с правым!» Безраздельно сердцем
Мысль эта завладела.

Д у х К и ё ц у н э

Все тщетно в жизни нашей. На мгновенье
Блеснет роса — и тает без следа.

Х о р

Конец неотвратим. Доколе
Мне суждено страдать, скитаться в мире,
Беспомощный листок ладьи отдав на прихоть волн?
Не лучше ль в воду броситься однажды
И так свой кончить век? Решился сердцем —
Чего от мира ждать? — и, не сказавшись людям,
Стал на корме, луною предрассветной
Залюбовался, флейту вынул,
И звуки чистые над морем потекли.
И так стоял он, напевая имаё,
Слагая песни о былом и о грядущем.
О, жизнь превратная! Волна нахлынет и отхлынет,
И знать, когда придет конец, нам не дано.
Волна уйдет, чтоб не вернуться боле,
Не возвращается и прошлое. Ах, право,
Одни лишь муки постоянны в этом мире!
«Жизнь — странствие, и я без сожаленья
Прерву его», — он молвил, и казалось,
Безумие вдруг овладело им в тот миг.
Не замечая никого, он взор свой светлый
С надеждой в небо устремил. Взгляни!
Луна, наш мир печальный покидая,
Скользит на запад...
«Меня с собою ты возьми, — воскликнул он, —
О, не оставь меня, великий Будда!»
Наму Амида Буцу... Наму Амида Буцу...
Он в волны бросился, течение морское
В пучину тело увлекло.
Печальная кончина!

Жена Киёцунэ

Рассказ печальный твой мне разрывает сердце.
Но горек ведь и мой удел: обречена я
Тонуть в волнах тяжелых сновидений,
Бушующих в бескрайнем море скорби.
Увы, как горестны супружеские узы!

Дух Киёцунэ

К чему слова! И этот мир земной
Подобен царству тьмы. Печальна участь
Непрочной пены, вдруг вскипевший на воде,—
Но никому не избежать ее, увы!
В мир демонов сошедший,

Хор

В мир демонов сошедший
Спасенья боле не найдет.
Теснят деревья вражеские рати,
Подстерегает смерть от стрел дождя,
Сверкает месяц — острый меч, громады гор
Темнеют крепостью прочнейшей!
Пылают злобой очи недругов, бесстрашно
Обнажены жестокие клинки.
Знамена облаков победно плещут,
Желанья, страсти, алчность, глупость, гнев
Сплетаются на поле брани в схватке.
Страданья, просветленья здесь столкнулись,
Сцепились в беспощадной, страшной битве.
И яростного натиска прилив
Сменяется отливом отступленья...
Все это испытал он, но теперь,
Десятикратно вознеся молитву Будде,
Взошел в ладью Закона и в Ученье
Надежную обрел опору наконец.
И ныне сердцем чист,
И ныне сердцем чист Киёцунэ.
Благословенен путь к вершинам Просветленья!

ТАДАНОРИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Странствующий монах (ваки).

Два его спутника (вакидзурэ).

Старик (маэдзитэ), он же во втором действии
призрак Тайрано Таданори (нотидзитэ).

Местный житель (кегэн).

Место действия — побережье залива Сумá в провинции Сэцзу.

Время года — весна в пору цветения вишен.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Под звуки музыки появляется и шествует по помосту на авансцену странствующий монах, за ним следуют два его спутника.

Странствующий монах

Даже вишенный цвет печалит.

Мы отринули бранный мир.

Даже вишенный цвет печалит.

Мы отринули бранный мир.

Пусть луна в облаках померкнет,

Нашу душу не омрачит.

Узнайте же, некогда служил я при особе Сюдзэя. Когда же он преставился, я, как видите, надел иноческую рясу. Не случилось мне побывать в Западной стране, и посему я отправился в долгий путь.

(Песня странствия.)

Посетили мы «Южный дворец»

Государей, лишенных престола.

Ямадзакки достигли мы,

Это горный рубеж столицы.

Странствующий монах и его спутники (вместе)

Мы заставу прошли Сэкидо —
На пути мимолетное имя.
Нет коротким привалам конца —
Но таков дорожный обычай.
Засыпает нас дольний прах —
Скорбных путников этого мира,
Но мы смыли мирскую грязь
В светлых водах Акутагавы.
Раздвигая низкий бамбук,
По равнине Инá брели мы...
Там, где любит гостить луна,
Любовались мы озером Коя,
Чистым зеркалом блещет оно
И до самого дна прозрачно.

Ветер в листьях шуршит тростника,
Ветер в листьях шуршит тростника,
О, когда бы его не слышать!
Нам от грустных дум не уйти,
От житейской горестной хмари.
Аримá — край пустынных гор,
Но нигде не найти покоя.
Даже на изголовье ночном
Нас во сне бывшее тревожит.
Еу! — гудит колокольный звон,
Это Нáнива на побережье.
Перед нами залив Наруо.
В даль морскую ладьи уплывают.
В даль морскую ладьи уплывают.

Путники достигли побережья Сума. Они отходят в сторону и садятся. Музыка играет интродукцию. Появляется старик в маске и седом парике. На нем простые одежды селянина. В правой руке он держит посох, в левой цветущую ветку.

Старик

Да, поистине тяжкую жизнь
Мне послала моя судьбина.
Никаким не гнушаюсь трудом,
Чтоб снискать себе пропитанье.
К солеварне хворост ношу
И таскаю морскую воду.
Просушить одежду мою

Я в трудах моих не успеваю.
По крутым блуждаю горам
И опять спешу к побережью...
Ах, печально название Сума,
Как сума скитальца пустая.
Ведь недаром молвил поэт:
«Если кто о судьбе моей спросит,
Отвечайте людям одно:
«Пропитались мои одежды
Солью слез и воды морской
На побережье Сума».

Одинокие лодки в тумане,
Солеварни летучий дым,
Ветер в соснах уныло гудящий —
Все рождает в душе тоску.

Здесь на склоне горы посажено вишневое дерево в память одного погибшего человека.

Но опять весна возвратилась,
И, хотя человек я чужой,
Совершу подношение древу.
(*Кладет на пол цветущую ветку.*)
Каждый раз в прибрежных горах,
Где влачу я усталые ноги,
К ноше хвороста на спине
Я пучок цветов добавляю,
Чтоб, спустившись сюда с высоты,
Совершить свое приношение,
Чтоб, спустившись сюда с высоты,
Совершить свое приношение.

Странствующий монах (*встает и подходит к старику*). Эй, дедушка, ты что, лесоруб в здешних горах?

Старик. Точно так, я солевар.

Странствующий монах. А если ты солевар, то должно тебе жить на морском берегу.

Но если охапки ветвей
К берегу ты приносишь,
Значит, ты лесоруб
И горы — твоя обитель.

Старик. Но если солевар черпает морскую воду, разве не должен он ее выпарить?

Странствующий монах

Правда, правда, поистине правда,
Ты разумно, старик, говоришь —
Вижу я, солеварня курится,
Вьется к небу вечерний дым.

Старик

Но раньше, чем дым растает,
Я снова в горы спешу.

Странствующий монах

И пусть различны дороги,
Равно от людей далеки.

Старик

Нечасто услышишь говор
На побережье Сума.

Странствующий монах

А на холме лесистом,
За деревушкой глухой...

Старик

Сбираю сухой валежник,
Ветки рублю топором.

Хор

Сбираю сухой валежник,
Ветки рублю топором.

Старик (*в сторону*). Уж слишком вопросы нелепы! Заумь монаха...

Хор

В целом мире не отыскать
Такого печального места,
Как побережье Сума.
Даже вишенный цвет ранит сердце,
Когда с высоких вершин
И вдоль по горному склону,
Шумя, налетает вихрь.
И стоит беззащитно
На самом морском берегу
Юное дерево вишни.

Горный ли вихрь промчится,
Дует ли ветер морской,
Все лепестки разметет,
Ветки все оголит.

Странствующий монах. Послушай, дедушка! Солнце скрывается за горами, набегают темнота, не приютишь ли ты нас на одну ночь?

Старик. Что ты, что ты! Здесь цветочная обитель, где же еще искать тебе лучшего прибежища?

Странствующий монах. Но если мы укроемся под сенью дерева, кто же будет нашим хозяином?

Старик. Если ты заночуешь в этой сени, твоим хозяином будет вишенный цвет. *(Устремляет вниз свой взор.)*

Так молвил в своих стихах
Некто здесь погребенный
Под мшистым покровом земли.
И мы, поселяне простые,
На побережье Сума
Не забываем молитвой
Эту могилу почтить.
А если, отцы святые,
Хоть он безвестен для вас,
Не вознесете моления,
Чтоб душу его спасти,
То вы бессердечные люди.

Странствующий монах
(декламирует)

Сгущается тьма.
Под сенью цветущей вишни
Нашел я приют.
Вишенный цвет — мой хозяин
В эту весеннюю ночь.

Стихотворение сие сложил Тайра-но Таданори.

Старик. Таданори был сражен в бою при Итино-тани, и близкие его посадили вишневое дерево на самом месте его гибели.

Странствующий монах

Так, значит, меня к этой вишне
Чудесный промысел вел.

Как грустно! Сам Тосинари
Песни его ценил.
Поэзия их сдружила,
Навеки сроднила сердца.

Странствующий монах
Так вот кто сегодня ночью...

Старик

Твоим хозяином был.

Хор

Имя его «Таданори»
Значит: «Только Закон»
И предвещает благое:
Спасется его душа.
На лотосовом сиденье
Он воссядет в раю.

Старик

О, как же я благодарен!
Силой святых молитв
Дух грешника станет буддой!
О, радость! Счастливый миг!

Хор

Как странно! С великим блаженством
Внимает молитвам старик,
Как будто о нем здесь молят...
А почему, не понять.

Старик

(с сильным чувством)

Чтобы монах помолился,
Знайте, сюда я пришел.

Хор

Засни осененный ветвями,
Во сне я откроюсь тебе,
Отсюда вернешься в столицу
И весть от меня передашь.

Он скрылся под сенью вишни,
Ушел неизвестно куда.
Он скрылся под сенью вишни,
Ушел неизвестно куда.

Монах и его спутники

Дымкою затуманен
Свет вечерней луны.
Дымкою затуманен
Свет вечерней луны.
Слышно, как в отдаленье
Призывно кричат кулики,
Но скрыты они темнотою.
Берег морской опустел.
Здесь под цветущей вишней
Сном мы забылись в пути.
Слышим сквозь нашу дрему —
Ветер грозит лепесткам.
Странника сон беспокоен
На побережье Сума.
Странника сон беспокоен
На побережье Сума.

И Н Т Е Р М Е Д И Я

Появляется кёгэн и говорит, что он местный житель. Затем подходит к монахам и повествует о том, как Таданори, опальный беглец, молил друга своего Тосинари поместить его танка в императорскую антологию и как тот, выполнив его просьбу, написал: «Автор неизвестен».

Далее ведет он рассказ о битве при Итинотани, когда Минамото-но Есицунэ внезапно напал на войско Тайра из глубины гор с трехтысячным отрядом.

Тогда-то Окабэ-но Рокуйта Тададзуми сразил Таданори в бою и отсек ему голову.

Кёгэн объявляет монаху, что старик — это призрак Таданори, и удаляется со сцены через боковую дверь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Странствующий монах. Должен я без промедления спешить в столицу и поведать об этом случае господину Тэйка.

Музыка играет интродукцию. Появляется призрак Таданори. На нем маска молодого аристократа, парик с длинными, ниспадающими на плечи волосами, шелковые и парчовые затканые золотом одежды. За поясом у него лук, к нему привязана полоска бумаги со стихотворением. Таданори останавливается возле первой сосны.

О, мне поистине стыдно!
Покинув земную юдоль,
Я прежний облик приемлю

В сонных грезах людей —
Так сильно память о прошлом
Владеет сердцем моим.
Пришел я, бесплотный призрак,
Тебе поведать, монах,
Рассказ печальный и долгий,
Как «Повесть в дождливую ночь».
Увы! Полна обольщений
Наша земная жизнь.
Какой удостоилось чести
Стихотворенье мое!
В «Сборник тысячелетья»
Было оно включено
Другом моим Тосинари,
Но радость была недолга.
Случилось, в те давние годы
Я гнев государя навлек.
Подумать лишь — «Автор безвестен»,
Меня не посмели назвать!
Среди бесчисленных бедствий
Вот главное горе мое!
Теперь и сам Тосинари
Покинул наш бранный мир.
Ты был у него на службе,
Так к сыну его поспешай.
Моли господина Тэйка,
Чтоб имя поведал мое.
С тобой говорю в сновиденье.
О, ветер залива Сума,
Будь милосерден, утишься
И дремы не потревожь.

Х о р

Родиться в доме поэтов —
Вот самый завидный удел.
Японским древним искусством
Сердце свое напитать,
Сызмлада слагая танка,—
Прекрасней дороги нет.

Странствующий монах

В своей семье Таданори
Особо был отличен,
И как поэт, и как воин

Достиг высочайших вершин.
И целого света почтенье
По праву он заслужил.

Х о р

Узнайте: царственный инок
Го-Сиракава велел
Сборник танка составить,
И Тосинари-Сюндзэй,
Третьего ранга сановник
И владелец дворца
На Пятой столичной улице,
Этот труд совершил.
«Сборник тысячелетья»
Славою осиян.

Х о р

Но осенней порою
В несчастные годы Дзюэй
Пришлось всему роду Тайра
Бежать из столицы вдаль.

Х о р

(от имени Таданори)

Я в трудах неустанных
Воинский долг мой вершил,
Я в трудах неустанных
Воинский долг мой вершил,
Сражался в дружинах Тайра,
Но в сердце моем не поблек
Поэзии цвет вишневый.
От лотосов и хризантем
На реке Кицунэгава
Я в дом Тосинари пришел.
Как просил его, как молил я
Одну мою танка включить
В «Сборник тысячелетья».
Пусть имя мое живет.
И он поручился словом.
А я взял стрелы и лук,
И долго на Западном море
Волны носили меня.
Искал я приют неверный
На побережье Сума.

Злое предзнаменование!
Принц Гэндзи здесь обитал,
Ведь можно имя его
Прочсть: «Принц Минамото»,
Забыли мы, что оно
Смертельно для рода Тайра,
И нас победили враги
В битве при Итинотани.
Все кончено! На кораблях
Тайра искали спасенья.
Уплыли в морскую даль.

Т а д а н о р и

Я тоже вслед за другими
К морскому берегу спешил,
Казалось, он уже близко,
Я почти доскакал,
Но вдруг назад оглянулся
И вижу: несется за мной
Окабэ-но Рокуята,
Родом из Мусаси боец,
А за ним поспешает
На подмогу дружина его.
«Вот противник меня достойный!» —
Я подумал тогда в душе
И, натянув поводья,
Повернул своего коня.
Рокуята схватился со мною,
И оба упали мы
С наших седел между конями.
Я прижал его крепко к земле
И рукою за меч схватился...
Да! Победа была моя.

Х о р

Но дружинники Рокуяты
Налетели из-за спины
И, когда в могучем обхвате
Таданори врага распластал,
Отрубили внезапным ударом
Правую руку с мечом,
А он тогда Рокуяту
Левой рукой отшвырнул
И, с жизнью прощаясь, крикнул:

«Эй, вы! Отойдите назад,
Чтоб мог я в мольбе последней
Призвать Западный рай.
В десяти направлениях мира
Блещет небесный свет.
Всех, кто к Будде возносит молитву,
Не оставит милостью он».
Но еще не затих его голос,
Рокуята выхватил меч
И голову снес Таданори.

Т а д а н о р и

Рокуята, взглянув, воскорбел:

Х о р

«О, жалость! Лежит, несчастный,
Убит во младости лет.
В «долгий месяц» поры осенней
Затуманилась жизнь его,
А парча одежд багрянеет,
Словно клен от холодных дождей.
Нет, он не обычный воин,
И я по всему сужу —
Это юноша знатного рода,
Но где же его колчан?»
Хочет на нем Рокуята
Имя врага прочитать,
Но что находит, о, чудо!
Он танка там отыскал.
Название ее гласит:
«В гостинице придорожной».

Х о р

(торжественно поет)

Сгущается тьма.
Под сенью цветущей вишни
Нашел я приют.

Т а д а н о р и

(глядит на бумагу со стихотворением и исполняет танец какэри)

Вишенный цвет — мой хозяин
В эту весеннюю ночь.

Глядите, здесь стоит подпись: «Таданори».

Х о р

Отныне сомненьям конец.
Правитель Сацумы автор,
А не безвестный поэт.

(Обращаясь к монаху, поет от имени Таданори.)

Тебя к вишневному древу
Чарами я приманил
И день затемнил раньше срока,
Чтоб повесть поведать мою.
Развеяны ныне сомненья,
И должен к древесным корням
Вишенный цвет вернуться.
Прошу, молись обо мне.
Когда под цветущей вишней
Ты ищешь дорожный приют,
То этой весенней ночью
Хозяин твой — вишенный цвет.

Таданори дважды стучит ногой, возвещая конец пьесы.

Кандзэ Кодзиро Нобумицу

ФУНА-БЭНКЭЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мусасибо Бэнкэй (ваки).

Три спутника Ёсицунэ (вакидзурэ).

Минамото Ёсицунэ (коката).

Сидзукá (маэдзитэ), она же во втором действии
дух Тайра Томомори (нотидзитэ).

Кормчий (кёгэн).

Место действия — провинция Сэтцу, залив Даймоцу.

Время действия — осень.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Под звуки музыки появляется Бэнкэй, Минамото Ёсицунэ и его спутники.

Бэнкэй и спутники Ёсицунэ
(начальная песня)

Надели мы сегодня

Платье странствий,

Надели мы сегодня

Платье странствий.

Путь дальний впереди, когда же снова

Увидим мы столицу?

Бэнкэй. Мусасибо Бэнкэй перед вами. Живу я близ Сайто — Западной башни. Мой господин, Минамото Ёсицунэ, согласно воле властителя Камакура, разбил войска чванливых Тайра. Казалось бы, теперь два брата должны жить в полном согласье, как солнце и луна. Но, увы, наветы злых людей посеяли меж ними вражду. Мой господин, почитая брата, решил оставить

столицу, и устремились мы в далекие Западные земли, где станем смиренно молиться о том, чтобы оправдан был перед братом невинный брат. Так, нынешняя ночь застанет нас в пути к заливу Даймоцу, к мысу Амагасаки.

Шел первый год правления Бундзи, когда начался жестокий разлад между двумя братьями — Ёритомо и Ёсицунэ. Было ясно, что примирения ждать нечего.

Ё с и ц у н э

И в ранний час, пока еще свободны
Окрестные дороги, брат опальный
Столицу покидает, отправляясь
В неведомые Западные земли.

Х о р

Ночь все еще темна, и светлый месяц
Готов покинуть Облачный приют.
Печально расставанье! Только год
Прошел со дня, когда в поход на Тайра
Отсюда выходил Ёсицунэ.
Прошел лишь год, но как все изменилось!
Где свита пышная? Увы, ее уж нет.
Идут за ним немногочисленные слуги,
Готовые, как верные друзья,
Изгнанье господина разделить.
Взошли они в ладью, и волны Ёдо
Прочь от столицы повлекли ее.

Ё ц и ц у н э

Снуют ладьи — то уплывая вдаль,
То снова возвращаясь. Исчезают
Вода и облака и возникают вновь...
Увы, непостоянна наша участь!
О, пусть злословят,
Пусть злословят люди.
Не им судить, чист или нет
Родник моей души.
Бог Горных Родников об этом знает!
Склонившись низко перед ликом светлым,
Пустились в путь, и скоро все тревоги
Вода морская унесла, а волны
Вперед влекли ладью, и вот пред взором
Раскинулся залив Даймоцу,
Раскинулся залив Даймоцу.

Бэнкэй выходит на самую середину сцены. Повернувшись к Есицуна, преклоняет перед ним колени.

Бэнкэй. Мой господин, дозвоьте мне сказать. Госпожа Сидзука повсюду следует за вами, и это вызывает немало пересудов. Верно, они дошли и до вас. Заклинаю господина приказать ей немедленно возвратиться в столицу.

Есицуна. Что ж, пусть Бэнкэй поступит, как ему угодно.

Бэнкэй. Бэнкэй всегда вам первый слуга. *(Совершает проход к помосту. Говорит, обращаясь в сторону занавеса.)* Здесь живет госпожа Сидзука, не так ли? Нельзя ли мне войти?

Появляется молодая женщина в костюме и головном уборе танцовщицы-сирабёси. Останавливается на помосте.

Сидзука. Кто изволил пожаловать ко мне?

Бэнкэй. Перед вами недостойный Мусаси, госпожа.

Сидзука. Мусаси? Я не ждала вас. Что же привело ко мне почтенного Мусаси?

Бэнкэй. Я пришел к вам, чтобы передать веленье господина: вы должны немедленно возвратиться в столицу.

Сидзука. Какая неожиданная весть! А я надеялась быть вместе с господином повсюду, где бы он ни был. Увы, напрасная надежда. Непостоянно человеческое сердце. Но что со мною будет? Что мне делать?

Бэнкэй. Мне понятно ваше горе, но что прикажете ответить господину?

Сидзука. Я сама пойду к нему с ответом. Мне вдруг подумалось, что это повеленье — всего лишь козни господина Мусаси.

Бэнкэй. Вы вольны поступать, как вам угодно. Пойдемте же скорей к господину.

Сидзука выходит на самую середину сцены и, опустив голову, преклоняет колени перед Есицуна.

К вам госпожа Сидзука, мой господин.

Есицуна. Выслушай меня, Сидзука. По воле злой судьбы я стал изгнанником. Твое желание разделить со мною тяготы нелегкого пути осудит молва. Прошу тебя, вернись в столицу и дожидайся там поры, когда судьба к изгнаннику вновь будет благосклонна.

Сидзука *(подняв голову)*. Так, значит, это ваше решение. Мне жаль *(поворачивает голову к Бэнкэю)*,

что я своими дерзкими речами обидела достойного Мусаси, обвинила невинного в злом умысле. (*Обернувшись к авансцене, склоняет голову.*)

Простит ли он меня? Какой позор!

Бэнкэй. Не думайте об этом, госпожа, и не печальтесь. Ведь Мусаси только исполнял повеленье господина, и было вызвано оно желаньем уберечь вас от злых наветов. Любовь же господина к вам осталась неизменной. Так говорил Бэнкэй, слезами обливаясь.

Сидзука

Осталась прежнею любовь иль нет,
Не мне таить — служанке недостойной —
Обиду злую. Но ведь скоро
Откроется пред вами путь морской, подует
ветер
И волны встанут на пути стеной...

Хор

«Так отчего ж не взять меня с собою,
Так отчего ж не взять меня с собою,
Ведь в имени моем сокрыты
Хранительный покой и тишина», —
Их умоляла Сидзука, рыдая.
О, вспомните, мы поклялись однажды
Перед богами в верности друг другу.
Ах, даже клятвы ненадежны в этом мире!
«Поистине, готова я отдать
За долгий-долгий век
Короткий миг разлуки,
Когда бы только знать, что в этой жизни
Мы сможем снова свидеться с тобой».

Ёсицунэ. Бэнкэй, вели подать Сидзуке вина!

Бэнкэй

«Всегда слуга ваш верный». — И Бэнкэй
Подносит чашу Сидзуке. — «Так пейте
Напиток долголетия — росу,
Впитавшую целительные соки
Чудесной хризантемы. Пусть в пути
Сопутствуют нам радость и удача».

Сидзука

Ужели расставанье неизбежно?
И сердце разрывается от боли
В груди у Сидзуки. Рыдания душат.

Бэнкэй

Бэнкэй же молвит: «Омрачать слезами
Не надо расставанья тяжкий миг.
Не лучше ль песнею прощальной
Удачного пути нам пожелать?»

Сидзука

Тут поднялась она и начинает петь,
Хоть голос прерывается от горя:
«Вот ветер стих, и в путь привычный
Вновь отправляется ладья.

Хор

Вот солнце вышло из-за туч, и среди волн
Видна вдали земля изгнанья».

Сидзука

«Бремя тягостных дум
Движенья лишает свободы...

Хор

И «рукавом взмахнуть»,
Увы, не в силах я».

Сидзука. Предание рассказывает нам о том, как в старину князь Тао Чжу,

Хор. ...последовав за государем Гоу-цянем, разделил уединение его на горе Куайцзи. Там был составлен хитроумный план, и Гоу-цянь смог наконец одержать победу над властелином царства У. Так исполнилось его заветное желание.

Сидзука исполняет танец-пантомиму кусэ-но май.

Власть над страной вернулась к Гоу-цяню,
Он смыл позор сраженья на Куайцзи.
И торжеством таким обязан был немало
Прозорливости мудрой Тао Чжу.

И, удостоенный высоких званий,
Стал ведать Тао Чжу дела правленья,
Обрел он имя славное, богатство,
И исполнялись все его желанья.
Но вдруг открылось Тао Чжу: в вершине
славы

Уйти от мира — вот он, путь,
Отмеченный благословеньем Неба!
И, сев в ладью, от берега шестом
Он оттолкнулся и уплыл к далеким
Прекрасным островам Пяти Озер,
Дабы покой желанный обрести
Вдали от суетного мира.

Сидзука

О да, случилось и такое. А теперь

Хор

В тот ранний час, когда луна
Еще сияет в предрассветном небе,
Мой господин, столицу покидая,
Взошел в ладью и вот плывет к далеким
Чужим просторам западных морей.
Мольбы безвинного изгнанника, я верю,
Дойдут до государя, и тогда
Склонится к брату сердцем Ёритомо —
Так ветка ивы клонится под ветром,—
И, право, можно ль разорвать
Связь братьев двух — двух ивовых ветвей,
Растущих из единого ствола?

Хор

Ты только верь...

Сидзука

О да, «ты только верь,
Невзрачная полынь, век жалкий свой
Влачащая в долине Симэдзи,

Хор

Пока я в этом мире есть,
Ты не лишишься никогда опоры».

Сидзука

Коль истинно обетованье Каннон,

Х о р

Коль истинно обетованье Каннон,
Недолго господину быть в изгнанье.
Но в путь пора, не медлите, гребцы,
Но в путь пора, не медлите, гребцы,
Ёсицунэ к своей ладье выходит.

С и д з у к а

А Сидзука все плачет, плачет горько.

Х о р

Она отбросила и шляпу, и накидку.
Ей боль разлуки разрывает грудь.
Невольно сердце полнится печалью,
Невольно сердце полнится печалью
При взгляде на нее.

Во время пения хора Сидзука снимает головной убор и медленно покидает сцену.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

К о р м ч и й сообщает Б э н к э ю, что приготовления к отплытию закончены. Выходит на середину сцены, садится лицом к Бэнкэю. Между ними происходит короткий диалог о готовности корабля.

Б э н к э й

Прошу всех по местам, и в путь скорее!

О д и н и з с п у т н и к о в. Постоите! Наш господин желает повременить с отплытием. Слишком разбушевалось море, опасно отправляться в путь.

Б э н к э й. Я уверен, что здесь одна причина — не может он с Сидзукой расстаться. Ведь помню я, как год тому назад мы отправлялись в поход на Тайра из Ватанабэ и Фукусима. Тогда и ветер был сильнее, чем сейчас, однако мы немедля выступили, повергли чванливых Тайра и Поднебесную объединили под свою власть. Сегодня день ничем не хуже, да и медлить с отплытием нельзя.

С п у т н и к

Он прав, теперь не время медлить,
ведь враги
Нас поджидают всюду.

Бэнкэй

С плеском волн
Смешались голоса гребцов.

Хор

Эйя! Эйя! Отчалили. И вот
В волнах морских качается ладья.

Кормчий выносит на сцену сооружение с очертаниями лодки, располагает рядом с хором. Сообщает, что все готово к отплытию. Есицунэ садится в носовую часть лодки. Кормчий располагается сзади. Бэнкэй посередине. Спутники садятся неподалеку на пол.

Бэнкэй. Эй, кормчий! Мне кажется, что ветер внезапно переменился.

Кормчий. Вы правы, но причин для беспокойства пока я не вижу.

Бэнкэй. О, ужас! Ветер дует с горы Муко, с вершины Юдзуриха! Как же мы пристанем к берегу? Скорей молитесь о спасении!

Спутники. О, ужас! Слово дух — предвестник кораблекрушений преследует нас!

Бэнкэй. Ах, полно! Теперь не время падать духом!

Тем временем на лодку налетает большая волна, которая изображается с помощью куска ткани актерами-помощниками.

Но что это? Из морской пучины встают Тайра, поверженные нами у берегов Западной земли. Взгляните! Вот они, качаются в волнах! Да, они выбрали для мести удачный миг.

Есицунэ. Послушай-ка, Бэнкэй, теперь не время поддаваться страху. Даже если нас преследует томимый жаждой мести злобных дух, что нам с того? Подумай сам, ведь Тайра творили только зло, не помня о наставлениях Будды и богов. Их гибель была лишь исполнением воли Неба.

Хор

Но вот уже встает из волн сам государь,
За ним — телохранители. Взгляните:
Как облака, клубящийся туман,
Все новые и новые обличья
Встают из моря и качаются на волнах!

Звучит музыка. На помосте появляется ситэ в маске, длинноволосом парике, в костюме злобного духа самурая. В руке у него меч. Энергичными шагами ситэ продвигается по помосту, останавливается.

С и т э. Здесь перед нами — дух Тайра Томомори, потомка великого государя Камму в девятом поколении. Вот удивительно, не правда ли, Ёсицунэ?

Х о р

Со мной не ждал ты, верно, встречи.
Но вот я здесь. Влекомый плеском волн
И криками гребцов твоих, явился.

Д у х Т а й р а Т о м о м о р и

Я — Тайра Томомори, и могилу
В волнах морских нашел свою, но здесь же

Х о р

Ее теперь найдет Ёсицунэ!
Так молвил он, в волнах морских качаясь.
Вот меч свой обнажил. Мечом вращает,
Взбивая волны. Страшный смерч всклубился.
О, гнев неистовый ему туманит взор
И разум! В ослепленье
Вокруг не видит ничего он. Ужас! Ужас!

Дух Тайра исполняет танец хатараки, изображающий поединков.

Ё с и ц у н э

Но тут Ёсицунэ, не дрогнув,

Х о р

Но тут Ёсицунэ, не дрогнув,
Выхватывает меч, и, словно перед ним
Из плоти человек, он с громким криком
Вперед бросается, готовый бой принять.
Бэнкэй, не растерявшись, встал меж ними:
«Нет, меч тут не поможет!» —
И, перебирая четки, начинает
Произносить молитву:

Богу-хранителю Восточных врат, Годзандзэ,
Богу-хранителю Южных врат, Гундари,
Богу-хранителю Западных врат, Дайтоку,
Богу-хранителю Северных врат, Конго,
Всем богам-хранителям
И главному среди них —
Всемогущему защитнику Фудо!..

Ситэ, опустив руку с мечом, постепенно отходит в сторону помоста. Совершает энергичный проход по помосту, резко останавливается перед занавесом, поворачивается кругом, сильными прыжками возвращается к месту дзёдза и замирает неподвижно, показывая, что дух исчез.

Он молится, и злые духи в страхе
Все дальше отступают. А Бэнкэй
Становится возле гребцов, и дружно
Взлетают весла. Вот уже ладья
У берега, а духи злые,
Теснимые молитвою, бессильно
Качаются, качаются в волнах...
И гребни белые смыкаются над ними...

Фарсы театра Но

УДАР В НОС

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Даймё.

Слуга Таро.

Прохожий.

Даймё. Я знатный даймё Хатиман. Имя у меня громкое, а слуга всего один. Этого мне мало, и решил я нанять побольше. Позову-ка я слугу Таро и прикажу ему заняться этим... Эй, слуга Таро, где ты?

Слуга. Да здесь я, перед вами.

Даймё. Проворен, как я посмотрю. Позвал я тебя вот по какому делу. Одного слуги мне мало, и решил я еще нанять. Как смотришь ты на это?

Слуга. Ах, господин, лучше и придумать нельзя.

Даймё. Сколько же человек нам нанять?

Слуга. Сколько? А это вашей милости видней.

Даймё. Сколько же нанять? Найдем как раз в меру.

Слуга. Сколько же?

Даймё. Тысячу.

Слуга. Не многовато ли, ваша милость? И поселить-то их негде будет.

Даймё. Разве в полях и горах мало места? Выгоним их, пусть себе живут на воле.

Слуга. Да никто вам тогда служить не станет.

Даймё. Тогда найдем поменьше.

Слуга. Это другое дело.

Даймё. Что ж, сбросим и найдем как раз в меру.

Слуга. Сколько же?

Даймё. Хватит и пятисот.

Слуга. Сбросить-то вы сбросили, но, пожалуй, все равно вам не по средствам.

Даймё. Не по средствам? Не прокормим, что ли?

Слуга. Вот именно, ваша милость.

Даймё. Мало ли воды в лесах и в горах?

Слуга. Ах, господин, будет ли тогда прок от них?

Даймё. Что ж, придется, видно, еще сбросить.

Слуга. Вот так-то лучше будет.

Даймё. Не к лицу мне, даймё, по мелочам разминоваться. Сбрасывать так сбрасывать. Найму слуг как раз в меру.

Слуга. Сколько же?

Даймё. Двоих хватит.

Слуга. А не многовато ли? Сбросьте еще одного.

Даймё. Да нет, двоих вместе с тобой.

Слуга. Значит, всего одного найдем?

Даймё. Ну да.

Слуга. Это другое дело.

Даймё. А теперь, Таро, отправляйся на большую дорогу, встретишь подходящего человека — нанимай.

Слуга. Слушаюсь. Ну, я пошел.

Даймё. Иди, да скорее возвращайся.

Слуга. Ага.

Даймё. Ну, пошел!

Слуга (*один*). Вот задачу-то задал. Пойду прямо к большой дороге, попадется подходящий человек — найму без промедления. А ведь подумаешь, и верно: все дела на мне одном лежат, за целый день присесть некогда, а с помощником я немножко отдохну. Вот и дорога. Сяду здесь и подожду.

Прохожий. Я житель восточных провинций. В жизни не видывал столицы и вот решил: пойду посмотрю на нее, а может, и служба найдется. Пойду потихоньку. Правду люди говорят: смолоду белый свет не исходишь — в старости и рассказать не о чем будет. Послушал я людей и пустился в путь.

Слуга. Кажется, идет тот, кто мне нужен. Попробую заговорить с ним. Эй, эй, парень!

Прохожий. Вы меня? Чего изволите?

Таро. Откуда ты и куда идешь?

Прохожий. Службу ищу, за тем и в столицу иду.

Таро. Какая удача! Господин у меня даймё, и я замолвлю за тебя словечко.

Прохожий. Сделайте одолжение, замолвите.

Слуга. Пожалуй, сразу и пойдем к нему.

Пр о х о ж и й. Слушаюсь.

С л у г а. Скажи-ка, не обучен ли ты какому-нибудь искусству?

Пр о х о ж и й. Да как вам сказать... Кое-чему я обучен, но только сойдет ли это за искусство?

С л у г а. А что ты умеешь?

Пр о х о ж и й. Умею я стрелять из лука, играть в мяч, го и сугорóку, разбираюсь в поварском деле, обучен верховой езде, борьбе сумо и прочим видам единоборства.

С л у г а. О, да ты, я вижу, мастер на все руки. Стоит мне рассказать об этом господину, и ты непременно понравиться ему. Поспешим, поспешим. Смотри, не заметишь, как и пришли. Я доложу, а ты у ворот подожди.

Пр о х о ж и й. Слушаюсь.

С л у г а. Господин, вы дома? Это я.

Д а й м ё. Кажется, слуга Таро вернулся. Таро, это ты?

С л у г а. Я к вашим услугам.

Д а й м ё. Ты уже пришел?

С л у г а. А как же. Только что вернулся.

Д а й м ё. Вот молодец! Ну как, привел нового слугу?

С л у г а. Привел.

Д а й м ё. Где же ты его оставил?

С л у г а. У ворот дожидается.

Д а й м ё. Знаешь, начало решает дело, я буду с тобой говорить, да погромче, чтобы ему пыль в глаза пустить, а ты не оплошай, помогай мне.

С л у г а. Слушаюсь.

Д а й м ё (*громко*). Эй, слуга Таро, ты здесь?

С л у г а. Так точно, ваша милость.

Д а й м ё. Подай сюда походную скамеечку.

С л у г а. Слушаюсь. Вот вам скамеечка.

Д а й м ё (*тихо*). Ну как, слышит он нас?

С л у г а. Еще бы не слышать!

Д а й м ё. Тогда иди к нему и скажи: мой господин только что пожаловал в большой зал, пойдешь предстанься. Если понравиться, будешь сразу допущен к нему, а нет — придется подождать. Так скажешь, да смотри держись поважней!

С л у г а. Слушаюсь. Эй, где ты там?

Пр о х о ж и й. Здесь я дожидаюсь.

С л у г а. Господин мой только что в большой зал вы-

шел, представься ему. Понравишься — сразу будешь допущен к нему, а не понравишься — придется подождать. Запомни это!

Прохожий. Слушаюсь.

Дай мё. Эй, эй, слуга Таро, где ты?

Слуга. Чего изволите?

Дай мё. Передай там самураям, нечего им бездельничать, пусть наконецники стрел почистят.

Слуга. Слушаюсь.

Дай мё. А оруженосцам вели коней помыть, ту сотню, что на днях из Осю пригнали.

Слуга. Слушаюсь.

Дай мё. Погода сегодня хорошая, молодежь, наверно, в мяч соберется играть, прикажи площадку водой полить.

Слуга. Слушаюсь. Господин, новый слуга перед вами.

Дай мё. Что? Этот молодчик?

Слуга. Он самый.

Дай мё. На вид-то он смысленый. Да разве их разберешь, может, на деле тупица из тупиц. Спроси у него, обучен ли он искусству какому.

Слуга. Я уже по дороге все выспросил. Да только он сомневается, искусство ли то, чему он обучен.

Дай мё. Чему же?

Слуга. Стрельбе из лука, игре в мяч, поварскому делу, игре в го и сугороку, верховой езде и еще единоборству.

Дай мё. Да может ли это быть?

Слуга. Именно так.

Дай мё. Тогда он мастер на все руки. Спроси, в чем он более всего искусен.

Слуга. Слушаюсь. Эй, ты, господин изволит спрашивать, в каком из этих искусств ты больше всего толк понимаешь.

Прохожий. Доложите, что в единоборстве.

Слуга. Ваша милость, он говорит, что больше всего искусен в единоборстве.

Дай мё. Что? В единоборстве, говоришь?

Слуга. Да.

Дай мё. Да он как будто по моему заказу явился! Желательно мне борьбу посмотреть; скажи ему, пусть покажет.

Слуга. Слушаюсь. Эй, ты, господину желательно посмотреть на борьбу, входи сюда и покажи.

Прохожий. Доложи, что я готов. Но с кем же мне бороться?

Слуга. Ваша милость, он говорит, что готов, но ему противник нужен.

Дай мё. Вот еще! Пусть один покажет.

Слуга. Слушаюсь. Господин приказывает тебе одному, без противника, показать.

Прохожий. Нет, это невозможно, как же узнает господин, кто верх взял?

Слуга. Ладно. Он говорит, одному невозможно, потому что ваша милость не узнает, кто верх взял.

Дай мё. Хм... И то правда, не узнаешь, кто победил. Где же взять ему противника? Может, годится Доун, что баню топит?

Слуга. Куда ему, он совсем старик.

Дай мё. Твоя правда, Доун еле на ногах держится. Тогда борись с ним ты.

Слуга. Что вы, что вы, ваша милость, да я в жизни таким делом не занимался.

Дай мё. Эх ты, слюнтяй! Борьбу бы посмотреть, да противника нет. Была не была, схвачусь сам с ним. Спроси-ка, готов ли он со мной бороться.

Слуга. Слушаюсь. Эй, ты, борцами у нас хоть пруд пруди, да, на беду, все по делам разосланы. Господин хочет сам быть твоим противником и изволит спрашивать, готов ли ты к этому.

Прохожий. А почему бы и нет? От противника не отказываются. Передай, что я готов принять бой.

Слуга. Слушаюсь. Ваша милость, он говорит, от противника не отказываются, и готов принять ваш вызов.

Дай мё. Что ж, тогда приступим. Но если, скажем, победителем выйду я, кто же меня наградит? Ну, а если проиграю, тогда о награде и говорить нечего. Ладно, передай, пусть приготовится и выходит.

Слуга. Слушаюсь. Эй, приготовься и выходи.

Прохожий. Слушаюсь.

Дай мё. А ты, слуга Таро, помоги мне. Ему же скажи, как только будет готов, пусть выходит.

Слуга. Слушаюсь. Эй, ты там, как только будешь готов, выходи.

Прохожий. Хорошо.

Дай мё. Судьей будешь ты, слуга Таро.

Слуга. Слушаюсь. Приготовиться, начи-най!

С криками набрасываются друг на друга. Даймё тут же падает.

Ой, что с вами, ваша милость! Это я, слуга Таро, что с вами? Что с вами?

Д а й м ё. Вот это борьба! Не успели схватиться, как я получил такой удар, что в глазах потемнело и все вокруг поплыло. Спроси у него, что это за прием такой.

С л у г а. Слушаюсь. Эй, ты, господин изволит спрашивать, что это за прием такой, от которого у него в глазах потемнело?

П р о х о ж и й. Скажи, что этот прием в большом ходу у нас на востоке, ударом в нос он называется. Те, у кого носы послабее, так вовсе их лишаются, а у кого покрепче, те на всю жизнь с кривым носом остаются. А у твоего господина нос не как у других, крепкий, счастье его.

ГУСЬ И ДАЙМЁ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Даймё.

Слуга.

Торговец дичью.

Даймё. Я даймё Хатиман. Надолго задержался в столице, но зато новых земель даровано мне немало, и теперь можно на родину возвратиться. Эй, Таро, где ты?

Слуга. Здесь я.

Даймё. Вот что. Скоро нам ехать домой, а потому хочу я на прощанье пир устроить. Есть ли у нас чем гостей встретить?

Слуга. О господин, ничего у нас нет.

Даймё. Тогда отправляйся в лавку и закупи всякой снеди.

Слуга. Слушаюсь, ваша милость.

Даймё. Да смотри быстрее приходи.

Слуга. Не извольте беспокоиться. *(К зрителям.)*

Пир задумал устроить и велит мне в лавку сходить. Что же, схожу. Вот и рыбная лавка, но в ней ничего нет!

Торговец дичью. А вот гуси! Кому гусей?

Слуга. Хорошая вещь! Куплю-ка гуся.

Торговец дичью. Пожалуйте, к вашим услугам.

Слуга. А хорош ли гусь?

Торговец дичью. Птица свежая.

Слуга. Сколько стоит?

Торговец дичью. Две сотни.

Слуга. Если вправду свежий, куплю, пожалуй.

Торговец дичью. Берите... Эй, эй, а деньги?

Слуга. Какие деньги?

Торговец дичью. Давай назад гуся.

Слуга. Или не знаешь меня?

Торговец дичью. Откуда мне тебя знать?

Слуга. Что ж, схожу за деньгами. А ты этого гуся убери с прилавка, я сейчас приду.

Торговец дичью. Ладно.

Слуга *(один)*. И правильно сделал, что не отдал. Придется принести деньги. Ваша милость, дома ли вы?

Д а й м ё. А, слуга! Ну, купил чего-нибудь?

С л у г а. Гусь есть.

Д а й м ё. О, хорошая штука! Так готовь его скорее!

С л у г а. Хм, да гусь-то в лавке остался.

Д а й м ё. Так какой же прок от него?

С л у г а. Деньги нужны, без денег не дают.

Д а й м ё. Разве лавочник не видит, что ты мой слуга?

С л у г а. Он сказал, что знать меня не знает, и отнял гуся, говорит, деньги давай.

Д а й м ё. Вот досада, у меня как раз при себе ни гроша нет. Может быть, у тебя есть? Выручи!

С л у г а. И у меня нет.

Д а й м ё. Что же делать, гости вот-вот нагрянут.

С л у г а. А может, отложите?

Д а й м ё. Ну нет, нельзя! Подумай-ка лучше, как нам гуся добыть.

С л у г а. Это трудное дело. А впрочем, придумал. Извольте сами в лавку пожаловать и, сколько бы лавочник ни запросил, соглашайтесь купить гуся.

Д а й м ё. Да ведь денег-то у меня нет!

С л у г а. У нас с ним уговор был, что я пойду за деньгами, а он пока уберет гуся с прилавка. Времени прошло уже много, и, наверное, лавочник этого гуся снова на прилавок выложил. Пока вы будете с ним говорить, подойду я и скажу, что деньги принес, и потребую гуся. Лавочник не будет мне его давать, потому что вы пообещаете ему заплатить дороже. Я буду настаивать на своем — уговор, мол, был не отдавать другому моего гуся, а вы в это время ругайте меня на чем свет стоит. Я тоже рассержусь и стану спорить с вами. Лавочник примется вас успокаивать, а я тем временем схвачу гуся и убегу.

Д а й м ё. А ведь это ты ловко придумал. Да, забыл я, где эта лавка находится.

С л у г а. Да, кажется, четвертый или пятый дом от угла.

Д а й м ё. Ну, я пошел. Смотри приходи туда вовремя!

С л у г а. Не извольте беспокоиться.

Д а й м ё. Смысленый у меня слуга! Где же эта лавка? Четвертый или пятый дом от рыбного ряда... Ага, вот она.

Т о р г о в е ц д и ч ь ю. А вот гуси! Кому гусей?

Д а й м ё. Эй, лавочник, давай гуся.

Л а в о ч н и к. Пожалуйте.

Даймё. Цена?

Лавочник. Пять сотен.

Даймё. Беру, давай сюда.

Слуга (*входит*). Господин лавочник, я принес деньги. Давайте моего гуся.

Торговец дичью. Э-э, ты опоздал. Я уже продал его господину даймё.

Слуга. Нет, позвольте, это мой гусь, я первый его выбрал.

Даймё. Эй, ты, негодяй, как ты смеешь дотрагиваться до гуся, которого я купил!

Слуга. Я его первый купил, я и возьму!

Даймё. Какой наглец! Да я тебя одним ударом пришибу!

Слуга. Не посмеете, у меня ведь тоже господин есть.

Торговец дичью. Ах, господин даймё, вот ваш гусь, только пощадите его.

Даймё. И слушать не хочу.

Торговец дичью. Я вам отдам гуся, только смилюйтесь над этим человеком.

Даймё. Ну так и быть, прощаю его. (*Берет у торговца дичью гуся, незаметно прихватывает другого и уходит. Таро хватает еще одного гуся и убегает.*)

Торговец дичью. Ай, гуся стащили!

Даймё. Слуга, ну как?

Слуга. Чего изволите?

Даймё. Стащил гуся?

Слуга. А то как же!

Даймё. Ну, живо готовь его!

Слуга. А ловко вы справились.

Даймё. Ты это про что? Про то, как я быстро меч обнажил и ссору затеял?

Слуга. Нет. Я про то, как вы быстро руку к прилавку протянули и в один миг гуся стянули.

Даймё. Ты разве заметил?

Слуга. А то как же!

Даймё. А что делать? На родину еду, надо подарок привезти. Вот и прихватил его.

Слуга. Выходит, и вы украли гуся.

Даймё. Ладно, ладно! Смейся, смейся!

Слуга. Слушаюсь.

ДВА ДАЙМЁ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

С а к ё.

У к ё.

Г о р о ж а н и н.

С а к ё. Перед вами прославленный даймё. Я сговорился с одним человеком совершить паломничество в храм в Китано. Пойду потихоньку, найду за ним. Вот здесь он живет. Вы дома?

У к ё. Дома, как же! О, кого я вижу! Что привело вас сюда?

С а к ё. Да ведь мы с вами сговаривались сходить в храм в Китано, вот я и зашел за вами.

У к ё. А ведь и верно. Заходите.

С а к ё. Стоит ли? Пойдемте прямо в храм.

У к ё. Что ж, как хотите, пошли. А где же ваш слуга?

С а к ё. Он больным притворился и не пошел, бестия, со мной.

У к ё. Вот как. И моего дома нет. Как же нам быть?

С а к ё. Ничего, я придумал, что делать. Выйдем на дорогу, остановим какого-нибудь прохожего и заставим его нас сопровождать.

У к ё. Что ж, прекрасно.

Появляется горожанин.

Г о р о ж а н и н. Почтенная публика! Перед вами житель из пригорода столицы. Сегодня двадцать пятое число, в храме Тэмmano-мия праздник, надо сходить в Китано, где этот храм. Пойду потихоньку.

С а к ё. Смотрите, вон кто-то идет. Как раз подходящий для нас человек. Он и будет нас сопровождать.

У к ё. Лучше и не придумаешь.

С а к ё. Эй, ты!

Г о р о ж а н и н. Это вы меня?

С а к ё. А то кто же!

Г о р о ж а н и н. Что вам угодно?

С а к ё. Откуда идешь и куда?

Горожанин. Иду в храм в Китано.

Сакё. Тебя-то нам и нужно. И мы туда же. Пойдешь вместе с нами.

Горожанин. Что вы, что вы! Какой я для вас, самураев, спутник? Я уж лучше один пойду.

Сакё. Значит, не хочешь с нами идти? (*Кладет руку на рукоятку меча.*) Ну, а теперь как, тоже не пойдешь?

Горожанин. Ой, что вы! Как не пойти!

Сакё. Не бойся, я пошутил. Ну, иди, иди.

Горожанин. Слушаюсь, ваша милость.

Сакё. Господин Укё, что это вы сами меч несете, отдайте ему, пусть он несет.

Укё. И то правда, на, носи его.

Горожанин. Слушаюсь, ваша милость.

Укё. Ну, иди, иди. Да кто же так оружие носит, это тебе не абурадзуцу. К поясу меч привяжи!

Горожанин. Слушаюсь.

Укё. Что там у тебя гремит? Как ты меч привязал, ведь он по ногам тебя бьет!

Горожанин. Да я не знаю, так, что ли?

Укё. Раз не знаешь, научу. Золотой меч полагается носить, придерживая правой рукой.

Горожанин. Значит, вот так?

Укё. Вот теперь так. Ну, иди, иди.

Горожанин. Долго вы издеваться надо мной будете? Не уйдете от меня, негодяи! (*Обнажает меч и набрасывается на самураев.*)

Сакё и Укё. Постой, постой! Да в своем ли ты уме?

Горожанин. Думаете, раз я горожанин, так можно надо мной издеваться? Как бы не так, не на того напали!

Сакё и Укё. Ой, да что ты!

Горожанин. Эй, вы, господа даймё, ишь как нахохлились, прямо как петухи. А ну, покажите мне, как петухи дерутся, тогда и меч обратно получите.

Укё. Ты, горожанишка! Да где это видано, чтобы господа даймё петухов изображали?

Горожанин. Что? Не желаете?

Сакё. Господин Укё, видно, ничего не поделаешь, давайте покажем.

Горожанин. А ну, быстрее, быстрее!

Сакё и Укё изображают петушиный бой и кричат по-петушину.

Ну и потешили, повеселили вы меня. А теперь снимайте ваши балахоны и давайте их сюда.

Укё. Да где это видано, чтобы даймё раздевали?!

Горожанин. Ах вот как, не хотите раздеваться?

Укё. Снимаем, все с себя снимаем.

Горожанин. А вот теперь, когда вы разделись да скорезились, стали оба похожи на окиягарикобоси. А ну, покажите, как они кувыркаются!

Укё. Да мы не умеем кувыркаться.

Горожанин. Не умеете, так я научу. Смотрите на меня.

(Поет.)

Окиягарикобоси, кто в столице вас не знает?

Посмотрите-ка на нас, господин хороший.

Как взглянул — так и кувырк, так и кувырк.

Укё. А мы не умеем так трясти головой.

Горожанин. Не умеете? Тогда повторяйте за мной.

(Поет.)

Окиягарикобоси, кто в столице вас не знает?

Посмотрите-ка на нас, господин хороший.

Как взглянул — так и кувырк, так и кувырк.

Ну и потешили вы меня, уж так потешили! Вот что, самураи, вы, наверное, хотите меч обратно получить.

Сакё. А как же!

Горожанин. Ах, вы меч хотите? А звезду с неба не хотите?

Сакё и Укё. Ты куда? Держи его, держи!

ЖЕНЩИНА, ВЫМАЗАВШАЯСЯ ТУШЬЮ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Д а й м ё.

Ж е н щ и н а.

С л у г а.

Д а й м ё. Я прославленный даймё из дальних мест. Надолго задержался я в столице, зато все тяжбы разрешены в мою пользу, и новых земель даровано мне немало. Это ли не удача! Позову слугу Таро и порадую его. Эй, Таро, где ты?

С л у г а. Здесь.

Д а й м ё. Где здесь?

С л у г а. Да тут, перед вами.

Д а й м ё. Позвал я тебя вот зачем. Долго мы с тобой пробыли в столице, зато все тяжбы благополучно разрешены в мою пользу, и новых земель даровано мне видимо-невидимо. Это ли не удача?

С л у г а. Уж верно, удача, как вы и изволите говорить.

Д а й м ё. А потому на днях отправляемся мы с тобой в обратный путь, на родину. Не знаю, когда еще доведется мне встретиться с моей возлюбленной, вот и надумал навестить ее сегодня и попрощаться. Что ты скажешь на это?

С л у г а. Это вы хорошо придумали.

Д а й м ё. Тогда не будем время терять. И ты со мной пойдешь.

С л у г а. Слушаюсь, ваша милость!

Д а й м ё. Ну, пошли, пошли!

С л у г а. Иду, иду.

Разговор в пути.

Д а й м ё. А на родине-то нас с тобой ждут со дня на день, наверно, слышали про наши удачи.

С л у г а. Уж как не ждать. Ваша милость, за разговором-то мы и не заметили, как пришли. Я доложу о вашем приходе, а вы тут подождите.

Д а й м ё. Ладно.

С л у г а. Есть ли кто дома? Мой господин самолично к вам пожаловать изволил.

Ж е н щ и н а. Вот не ожидала! Слуга Таро, да неужели сам господин пожаловал?

С л у г а. Да, сам.

Ж е н щ и н а. Чудо! И каким это ветром вас занесло? Совсем меня забыли, а я в тревоге за вас измучилась вся.

Д а й м ё. И то правда, давненько я у тебя не был. Но, как я вижу, ты, моя милая, в полном здравии и благополучии, а это для меня важнее всего. Эй, Таро, не рассказать ли ей о наших делах?

С л у г а. Что же, ваша милость, расскажите.

Ж е н щ и н а. Уж не случилось ли чего с вами? Говорите скорей!

Д а й м ё. Не беспокойся, ничего со мной не случилось. Ты сама знаешь, как давно живу я в столице. зато все тяжбы мои благополучно разрешены, и потому в скором времени отбываю я на родину. А сегодня пришел проститься с тобой.

Ж е н щ и н а. Что вы говорите? Неужели вы уезжаете домой? И неизвестно, когда доведется нам встретиться снова... Горе мне, горе. *(Ставит около себя чашечку с водой, смачивает глаза и делает вид, что плачет)*.

Д а й м ё. Мне понятно твое горе. Но запасись терпением. Вернувшись на родину, я сразу же пришлю за тобой гонца.

Ж е н щ и н а *(плачет)*. Нет, не верю я! Стоит вам вернуться на родину — и забудете вы меня. От одной мысли об этом слезы душат меня.

С л у г а *(к зрителям)*. Да что же это такое? Я думал, она и правда плачет, а оказывается, просто глаза водой смачивает. Ах, негодница! Ваша милость, послушайте меня...

Д а й м ё. Что тебе?

С л у г а. Я вижу, вы ей верите, думаете, она и вправду плачет. А она вас обманывает, водой глаза смачивает, а не плачет.

Д а й м ё. Не может этого быть! Разлука со мной — вот причина ее слез, а ты такую напраслину на нее возводишь.

Ж е н щ и н а. О, куда же вы исчезли? Ведь и так встретились ненадолго. Идите ко мне!

Д а й м ё. Ах, это все Таро. Сказал, что дело у него какое-то, а оказалось — глупости.

С л у г а. Да что же это такое? Она знай воду льет, притворяется, а он будто слепой. Ага, придумал! Докажу, что я прав! Подставляю ей вместо чашечки с водой тушечницу. *(Заменяет чашку с водой тушечницей.)*

Ж е н щ и н а. О, как горько, как грустно мне!.. А я-то мечтала ни на миг не расставаться с вами, но, увы, вот и пришел час разлуки. Ах, сердце мое не выдержит этого горя.

С л у г а *(к зрителям)*. Вот потеха-то! Даже не заметила, как я тушечницу подставил, теперь тушью по лицу мажет. Ну и рожа! Смотреть страшно! Ваша милость...

Д а й м ё. Чего опять тебе?

С л у г а. Вы не хотели верить мне, а я взял да поставил ей вместо воды тушь. Взгляните на нее.

Д а й м ё. Да, ты прав оказался! Ах, как я обманут! Негодница! Как проучить мне ее?.. Ага, придумал! Подарю ей на память зеркало, пусть устыдится, притворщица.

С л у г а. Лучше и не придумаешь.

Д а й м ё. Да, делать нечего, я возвращаюсь на родину и немедленно пришлю за тобой гонца, а пока вот тебе зеркало на память, смотришь в него и вспоминай меня.

Ж е н щ и н а. Зачем растравлять мое бедное сердце? Мне и во сне не снилось получить такой подарок. Нет-нет, не пережить мне нашей разлуки. О! Что это такое? Кто вымазал меня тушью? Ах вот ты как! Это твоих рук дело!.. Вот тебе!

Д а й м ё. Нет-нет, это все придумал слуга Таро.

Ж е н щ и н а. Так я и поверила! Не выпущу, пока не разукрашу тебя.

Д а й м ё. Как ты смеешь! В лицо тушью... Ой, помогите! Пощади! *(Убегает.)*

Ж е н щ и н а. А, негодник Таро еще здесь! Я и тебя сейчас разукрашу.

С л у г а. Что вы делаете! Да как же я на улицу покажусь такой размалеванный? Пощадите, пустите!

Ж е н щ и н а. Куда, куда? Еще добавлю тебе! Стой, не убежишь!

ПОДАЯНИЯ НЕ ДАЛИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

М о н а х.

П р и х о ж а н и н.

М о н а х. Перед вами — настоятель храма. Только я собрался к одному прихожанину, где для меня всегда готова утренняя трапеза, как вдруг получил приглашение от другого. Что тут было делать? Пришлось к нему пойти, и вот только сейчас я возвращаюсь оттуда. А там, у первого, где я каждое утро бываю, наверное, ждут меня не дождутся. Придется туда сходить, хоть сутры почитать. К тому же в этом доме для меня всегда припасены десять монов подаяния. А этим пренебрегать грешно. Ну что же, пойду потихоньку. А ведь вправду говорят: не живи, как хочется, а живи, как Небо велит. Так и у меня. Что бы им догадаться — одному утром пригласить и накормить, а другому — вечером. А то получается или пусто, или слишком густо. Ну, я и пришел. Можно войти?

П р и х о ж а н и н. Кто там?

М о н а х. Это я.

П р и х о ж а н и н. А, отец настоятель! Наконец-то пожаловали. Я вас все утро ждал.

М о н а х. Вы уж извините. Я ведь свое время знаю и совсем было собрался к вам, а тут пришел с приглашением один давнишний мой прихожанин: жду, говорит, на трапезу обязательно. Что тут было делать? Пришлось идти, и вот только сейчас вернулся. Я уж торопился — знаю, что вы ждете, да все равно опоздал. Сегодня я вам только сутры прочитаю и сразу домой — с тем и пришел.

П р и х о ж а н и н. Хорошо, что пожаловали. Пожалуйста, прочитайте сутры. Проходите.

М о н а х. Слушаюсь. Иду, иду. О, какое у вас благолепие царит! Я каждый раз поражаюсь, как красиво убран у вас алтарь.

П р и х о ж а н и н. Ну что вы, какое там убран...

Монах. Что же, примемся за сутры. «И слышал я, что было так: однажды был Будда у ученика своего князя Субхуты в мире Трех тысяч Великой тысячи миров». Ах, какие прекрасные цветы вы мне в прошлый раз подарили!

Прихожанин. Да-да, вспоминаю. Что же, они вам на пользу пошли?

Монах. А как же! Как раз тогда в храм прихожане пришли, увидели они ваши цветы на алтаре и глаз отвести не могут. Очень хвалили.

Прихожанин. Я рад, что они вамгодились.

Монах. Итак (*продолжает читать сутру*), «и поучал Будда, что благодеяния и подаяния ваши избавят вас от несчастий и продлят жизнь вашу». А что, эти цветы у вас в саду растут или вы их от кого-нибудь получили?

Прихожанин. Нет, они у меня в саду растут.

Монах. В таком случае, не подарите ли мне семян? Я их у себя посажу.

Прихожанин. Рад буду.

Монах. Смотрите не забудьте!

Прихожанин. Не беспокойтесь.

Монах (*читает сутру*). «Наму, Кяратано...» Ну вот, служба и окончена. Я пойду, вы приходите в наш храм почаще.

Прихожанин. Обязательно.

Монах. Оставайтесь с миром!

Прихожанин. Доброго вам пути, спасибо!

Монах (*один*). Это что же такое? О подаянии он даже не заикнулся. А? Видать, забыл. А может быть, не дал потому, что я опоздал сегодня? Нет-нет, если не напомнить, так он и впредь не будет давать. Прочту-ка я ему проповедь и попробую получить свое. (*Стучит.*) Вы дома?

Прихожанин. Как, вы разве не ушли?

Монах. Ушел, да вспомнил: сколько раз хотел проповедь вам прочитать, а до сих пор так и не сделал этого. У вас сегодня есть время?

Прихожанин. Да, я свободен. Благодарю вас. Охотно выслушаю проповедь.

Монах. Тогда пойдете.

Прихожанин. Да-да, входите.

Монах. Что ж... Проповедь-то ничего особенного собой не представляет. Главное в ней — доказатель-

ство бренности жизни человеческой. А жизнь человека подобна вспышке молнии, утренней росе, искре, высекаемой из кремня, пламени свечи перед порывом ветра, нежному цветку вьюнку. Ведь вьюнок, как вы, наверное, и сами знаете, очень недолговечное растение: распускается он рано утром, днем — увядает, а к вечеру совсем засыхает.

П р и х о ж а н и н. Да-да, вы правы.

М о н а х. Но у цветка вьюнка есть хоть одна радость: утром распуститься и ждать до вечера. А человек и того лишен. Столь мимолетна его жизнь, что, как говорят, выдохнуть-то успеешь, а на вдох и времени не останется.

П р и х о ж а н и н. Ах, именно так.

М о н а х. И Будда учил, что если хочешь быть верным учению его, то отдай всего себя на служение вере да помогай монахам. И еще поучал он так: вот собираются тучи, начинается дождь — и наступает время подаяния. Конечно, сразу вам всего этого, пожалуй, и не уразуметь. Попробую объяснить попроще. Ну, что значит быть верным учению Будды? Это значит соблюдать его учение, то есть не жалеть на украшение храмов и помогать монахам. А что значит помогать монахам? Это значит не жалеть на подаяние бедным монахам вроде меня. А отдать всего себя, или, как это пишется иероглифами, «бросить тело свое», совсем не значит броситься в омут, а значит отвергнуть суету мирскую и устремиться помыслами в будущую жизнь и ради этой будущей жизни не жалеть ни себя, ни жизни, ни богатства своего. Слова «вот собираются тучи, вот начинается дождь» говорят о делах мирских. К примеру, так: решил ты такому-то человеку дать столько-то и вдруг пожалел и не дал. Вот когда душой твоей овладевает жадность, это и значит, что «собираются тучи и начинается дождь». Ну, точь-в-точь как ясное небо вдруг начинает заволакиваться темными тучами.

П р и х о ж а н и н. Ваша правда.

М о н а х. Значит, уразумели?

П р и х о ж а н и н. Еще бы не уразуметь.

М о н а х. Или вот сказал я: время мрака, время подаяния. Это значит — заволокло все небо и нет про света. Но если дающий начнет давать полной горстью, а берущий — брать, то и наступит прояснение, и будет всем хорошо. Благо, когда дающий да разумеет про-

сящего. А иначе что видит просящий? Он видит, что ему всегда что-нибудь давали, а сегодня вдруг забыли или пожалели подать, а это все равно, что принять на душу все грехи, какие есть на свете. Это же величайший грех, и ложится он не только на того, кто свершает его, но и на тех, кто дает, дает, да вдруг и не даст. Вот поэтому я и говорю, что настало время мрака,— значит, надо дать подаяние, и тогда снова засияет солнце. Ну вот и вся моя проповедь. Так заходите в храм, я вам еще не одну проповедь прочитаю. Как, уразумели?

Прихожанин. Еще бы не уразумел!

Монах. Вот и хорошо, что уразумели. Так я пойду. Хотя постойте, я еще кое-что вспомнил. В песне одной говорится: «Вот встретились мы и, кажется, все друг другу сказали... А после прощанья вдруг видим — как много несказанных слов!» А потому если при встрече вы что-то забыли, то при расставании непременно подумайте, не забыли ли что сказать, не забыли ли что дать.

Прихожанин. Нет, ничего я не забыл. Вы уже уходите?

Монах. Да, ухожу, прощайте.

Прихожанин. Может быть, вином угостить?

Монах. Ах, ведь вы меня так давно знаете, разве я когда-нибудь к вину прикасался?

Прихожанин. О, совсем забыл.

Монах. Ну, я пошел.

Прихожанин. Пошли? Доброго вам пути.

Монах (один). Да что же это такое? Уж я ему все уши прожужжал, почти прямо сказал, а ему все невдомек. Как же быть? А еще твердил: уразумел, уразумел, а что уразумел — и сам не знает. Неужели я так ничего и не добьюсь? Нет-нет, надо на что-то решиться. Но если снова докучать ему, может неприятность случиться. Или уже отказаться от них? Плюнуть и забыть об этих несчастных десяти монах, будь они прокляты! Хм, да разве можно деньгами бросаться? Вот задача-то! Эх, думай не думай, а для бедного монаха не все равно — получить или не получить десять монет. Нет, надо как-то их добыть. Ага, придумал, нашел зацепку. (Стучит.) Вы дома? Вот странно...

Прихожанин. Ах, это опять вы, отец настоятель? Забыли что-нибудь?

Монах. Вот странно, помню, что, когда я читал вам проповедь, на мне кэса была, помню, что я потом снял ее и положил, но куда она запропастилась, не знаю. Не оставил ли у вас?

Прихожанин. Право, не заметил. Давайте поищем.

Монах. Да она у меня приметная. Как-то раз я вернулся, не помню откуда, повесил ее на шест, а мышь на ней дырку прогрызла величиной с монетку, вроде тех десяти монеток, что бедному монаху то тут, то там всегда в виде подаяния дают. Увижу эту дырку величиной с монетку, какие монахам подают, думаю, надо непременно зашить, чтоб подаяния не лишиться, но до сих пор так и не собрался. Если найдете мою кэса, пришлите, пожалуйста. Ну, я пошел.

Прихожанин. Нет, постойте...

Монах. Слушаюсь.

Прихожанин (*к зрителям*). Я ведь ему всегда подаю десять монет, а сегодня забыл и не подал, вот он под разными предложениями и возвращается. Послушайте, отец настоятель.

Монах. В чем дело?

Прихожанин. Виноват я! Совсем забыл про подношение, которое всегда даю вам. Получите его и управляйтесь себе с миром.

Монах. Ах вот вы что забыли.

Прихожанин. Да, совсем забыл.

Монах. О, какой вы честный человек! Но я сегодня вовсе и не собирался его получать, в другой раз все вместе отдадите. А сейчас я пойду.

Прихожанин. Нет-нет, если не дам вам подношения, на душе беспокойно будет. Обязательно возьмите.

Монах. И не уговаривайте, сегодня не возьму.

Прихожанин. Да почему же?

Монах. Я к вам раз, другой вернулся — то проповедь предложил, то вот кэса у вас забыл, а вы, может, подумали, что все это ради подношения? Сказал, не возьму — и не возьму.

Прихожанин. Да что вы, возьмите!

Монах. Нет-нет, пусть пока у вас останется.

Прихожанин. Да возьмите уж, пожалуйста. О, что я вижу! Ваша кэса нашлась?

Монах. Где? Ах, эта? Вот как получилось хорошо!

П р и х о ж а н и н. Что хорошо?

М о н а х. Да видите, как только вы подавание мне предложили, так и кэса нашлась.

П р и х о ж а н и н. Кто этому поверит? Ну, прощай, иди себе!

М о н а х. Ах, как нехорошо получилось! Куда деваться от стыда!

КОСТИ, КОЖА И ПОСЛУШНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Н а с т о я т е л ь .

П о с л у ш н и к .

И т и б э й

Д з и р о б э й

С а б у р о б э й

} прихожане.

Н а с т о я т е л ь . Я настоятель этого храма. Решил уйти от дел, отшельником стать, а храм передать послушнику. Эй, послушник.

П о с л у ш н и к . Что изволите?

Н а с т о я т е л ь . Я ухожу на покой, а храм поручаю тебе. Господа прихожане пожалуют, будь с ними пообходительней да поласковой. И за храмом присматривай как положено.

П о с л у ш н и к . Не извольте беспокоиться.

Н а с т о я т е л ь . Я буду в задних покоях жить, если что нужно будет, заходи, помогу.

П о с л у ш н и к . Слушаюсь, очень благодарен.

И т и б э й (*к зрителям*). Я местный житель. Отправился я в путь, да, кажется, вот-вот хлынет дождь. Зайду, пожалуй, в храм, попрошу зонтик. Эй, есть ли кто в храме?

П о с л у ш н и к . Кто там?

И т и б э й . Да это я. Кажется, дождь собирается, не дадите ли мне зонтик?

П о с л у ш н и к . Всего-навсего зонтик? Да берите! А знаете, ведь теперь этим храмом я ведаю.

И т и б э й . Да что вы! Поздравляю, поздравляю.

П о с л у ш н и к . Вы уж нас не забывайте. Милости прошу сюда, как и раньше, заходить.

И т и б э й . Да я всегда готов. Ну, доброго вам здоровья! (*Уходит.*)

П о с л у ш н и к . Пойду расскажу отшельнику. Можно к вам?

Н а с т о я т е л ь . Что случилось?

Послушник. Сейчас господин Итибэй изволил заходить, зонтик просил. Я дал.

Настоятель. Разве ты не знаешь, что «для бонзы отдать единственный зонтик — значит последнего добра лишиться»? Если еще кто-нибудь обратится к тебе с подобной просьбой, отвечай, что, мол, вынесли зонтик на двор просушить, а тут поднялся ветер, бумага — в одну сторону, спицы — в другую, пришлось обмотать зонтик веревкой и подвесить к потолку. Скажи так и ничего не давай.

Послушник. Слушаюсь.

Дзиробэй (*к зрителям*). Я из здешних мест. Собрался в дальний путь, а коня у меня нет. Зайду в храм, попрошу на время коня да поеду верхом. Эй, есть ли кто тут?

Послушник. Кто там?

Дзиробэй. Это я. Хочу я съездить за ту гору, не дадите ли мне на время коня своего?

Послушник. Рад бы помочь, да, на беду, вывели мы его во двор просушить, а тут поднялся ветер, шкура — в одну сторону, кости — в другую, пришлось связать его веревкой и подвесить к потолку. Едва ли он вам пригодится.

Дзиробэй. Что? Коня подвесили?

Послушник. Да.

Дзиробэй. Тут уж ничего не поделаешь. Придется ни с чем домой идти. Прощайте! (*Уходит.*)

Послушник. Пожалуй, пойду расскажу наставнику своему. Святой отец, сейчас изволил заходить господин Дзиробэй, коня просил, а я ему ответил в точности, как вы приказали, и коня не дал.

Настоятель. Да ведь я про зонтик говорил, а у тебя коня просили, — все перепутал!

Послушник. Как вы мне приказали, так я и сказал.

Настоятель. Вот что. Если кто-нибудь опять коня попросит, так скажи: вывели, мол, его на луг попасться, а он увидел кобылу, взбесился и до того дошел, что на ногах не стоит, пришлось его в конюшню загнать, и толку от него вам все равно не будет.

Послушник. А-а, ну, теперь так и буду говорить.

Сабуробэй. Завтра день поминовения усопших. Зайду в храм, приглашу бонз к себе. Эй, есть ли кто в храме?

Послушник. Опять кто-то пришел. Кто там?

Сабуробэй. Это я. Завтра день поминовения усопших. Прошу святого старца и вас к себе на трапезу.

Послушник. Ах вот оно что?.. Я-то приду, а старцу нельзя.

Сабуробэй. А что с ним?

Послушник. Вывели его на днях на луг попасться, а он увидел кобылу, взбесился и до того дошел, что на ногах не держится, привязан в конюшне сейчас.

Сабуробэй. Как так? Святой старец — и из-за кобылы взбесился?

Послушник. Да. Так что одному мне придется к вам пойти.

Сабуробэй. Тогда вы один пожалуйста, буду ждать.

Послушник. Приду, приду.

Сабуробэй. Прощайте. *(Уходит.)*

Послушник. Пойду расскажу... Господин Сабуробэй изволил приходиться, завтра день поминовения, так звал он нас с вами к себе на трапезу.

Настоятель. Вот и прекрасно! Надеюсь, ты сказал что надо?

Послушник. А как же. Так и ответил: я-то, мол, приду, а святого старца вывели на днях на луг попасться, а он увидел кобылу, взбесился и на ногах не стоит, пришлось его привязать в конюшне.

Настоятель. Да как ты мог сказать такое! Чтобы я бесился из-за кобылы!

Послушник. Ах, господин настоятель, ведь я же сказал так, как вы сами приказывали!

Настоятель. Когда я говорил такое о себе?

Послушник. А разве вам не приходилось из-за кобыл беситься?

Настоятель. Вы только посмотрите на этого негодяя! Сказать про монаха, что он взбесился из-за кобылы...

Послушник. Ах, учитель мой, будто я не видел, как вы к себе в келью прихожанок уводите...

Настоятель. Да ведь я водил их, чтобы они шили для меня, негодяй!

Послушник. Шьют они или не шьют, но только всякий раз слышу, как воркуете вы, словно два голубка, а из покоев выйдете — с обоих пот ручьем льет. Видел я, все видел.

Настоятель. Ну и негодяй же ты, ну и проходимец!

Послушник. Ты что? Святой отец — так думаешь, я тебя испугаюсь?

Со словами: «А ну ударь!» — послушник и настоятель набрасываются друг на друга. Настоятель сбивает послушника с ног.

Ах, ты так, ну, держись! Вот тебе, вот тебе, негодяй, не уйдешь!

МОЛЕНИЕ ОБ ИСЦЕЛЕНИИ ПОЯСНИЦЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ямабуси.

Дед.

Слуга.

Ямабуси (*нараспев*). У отшельника-ямабуси ни гроша за душой, ходит он по дорогам да посвистывает, бродит да небылицы рассказывает. Почтеннейшая публика, перед вами ямабуси, уроженец Хагуросан, из провинции Дэва. Я выполнял свой обет в святых местах в горах Оминэ-Кадзураки и сейчас возвращаюсь на родину. Поспешу, пожалуй. Здесь поблизости живет мой дед. Давно мы с ним не виделись, хочу заглянуть к нему... Ямабуси — это тот, кто ночует в горах, кто обрек себя на жизнь, полную тяжелых испытаний. И коль соблюдает он обет свой, то даруется ему сила молитвой своей даже птицу, в небесах летящую, низвергать. Ну, вот я и пришел. Постучу. Эй, есть ли кто дома?

Слуга. Кто-то пришел. Кто это?

Ямабуси. Да это я.

Слуга. А-а, это вы, почтенный странник. Наконец-то нас вспомнили, давно мы с вами не виделись, но, благодарение Небу, вы, кажется, пребываете в добром здравии.

Ямабуси. Да-да. Но и у тебя, видать, тоже все благополучно. Это хорошо. А как мой почтенный дедушка поживает?

Слуга. О, все хорошо! Дня не пройдет, чтобы он о вас не вспомнил.

Ямабуси. Вот как? Ну, надо поскорей увидиться с ним. Передай, что я пришел.

Слуга. Сейчас доложу. А вы извольте здесь подождать. Послушайте, хозяин, почтенный странник пришел вас навестить.

Дед. Что говоришь? Погода сегодня хорошая?

Слуга. Да нет, какая там погода. Почтенный странник, говорю, пришел вас навестить.

Дед. Что ты там говоришь? Навестить пришли? Кто пришел? Совсем я стар стал, поясница болит, сил нет! Принеси-ка скамеечку.

Слуга. Слушаюсь. Вот вам скамеечка. Послушайте, хозяин, почтенный странник пришел вас навестить.

Дед. Что? А, почтенный странник пришел! Каким это ветром тебя занесло? (Слуге.) Почтенный странник сладости любит, принеси-ка сладостей!

Ямабуси. О, вижу, не забыли, каким я в детстве был. А я каждый год хожу по святым местам, в горы Оминэ-Кадзураки. Свободного времени ни минуты, потому до сих пор и не мог навестить вас. Эй, слуга Таро, когда это моего почтенного дедушку так скрючило? Неужели он всегда теперь такой?

Слуга. Все время так мучается. Просто не знаем, что делать. Так его согнуло, что смотреть тяжело.

Ямабуси. Еще бы! Трудно ему, бедному. Вот что, передай ему, что ныне я в себе большую силу чувствую и мои заклинания могут исцелить его.

Слуга. Слушаюсь. Хозяин, почтенный странник изволил сказать, что ему очень жаль вас. Но ныне он в себе большую силу чувствует, и его заклинания могут помочь вам.

Дед. Ну, если столь велика его сила, пусть попробует помолиться за меня.

Ямабуси. Хорошо. Сейчас принимаюсь за молитву и помогу его исцелению. Ямабуси — это тот, кто денно и ночью в горах пребывает, и за то он зовется отшельником-ямабуси. А под названием «токин» — то есть плат головной — лоскут материи в один сяку мы разумеем. Он в черный окрашен цвет, и, складки на нем заложив, голову им накрывают, за то и название «токин» получил он. А вот эти четки — вовсе не четки ирадака, в четках ирадака бусинки все граненые, тесно одна к другой нанизаны. Если такой ямабуси, силы святой обладатель, прочтет за молитвой молитву, разве не случится тут чудо? Бороон, бороон! И-ро-ха-ни-о-э-то, бороон, бороон! Эй, слуга Таро, смотри, или это не чудо? Видишь? Чудо из чудес! Даже не верится.

Слуга. Чудо из чудес! Даже не верится.

Дед. Ой, слуга Таро, наконец-то я снова могу вверх смотреть и любоваться луной и звездами. Какое это счастье. О, какое счастье!

Слуга. Слышите, как ваш дедушка изволит радоваться?

Я мабуси. Еще бы, и мне самому это приятно.

Дед (*пробует нагнуть*). Эй, слуга Таро, что же это? Неужели я на всю жизнь таким останусь?

Я мабуси. Да, навсегда!

Дед. Да он что, смеется надо мной? Не могу я больше так оставаться. Эй, Таро, скажи ему, пусть он меня оставит таким, каким я прежде был.

Слуга. Почтенный странник, вы слышали, что ваш дед изволил сказать?

Я мабуси. Как не слышать. Уж очень сила во мне велика: перемолился я на этот раз. Попробую теперь сотворить молитву сзади него и поправить дело.

Дед. Молись же скорей!

Я мабуси. Сейчас приступаю. Если молитва твоя не услышана Небом, духом не падай. Твори за молитвой молитву, четки в руках перебирая, как молился наш учитель Эн-но гёдзя. О, разве не будет тут чуда? Бороон, бороон... Ирис, что под мостом, кем же посажен этот ирис? Бороон, бороон...

Дед согнулся и не может выпрямиться.

Эх, перемолился.

Дед. Эй, передай страннику, что он не пожалеть меня пришел, а издеваться надо мной. Пусть сделает меня таким, каким я раньше был. Нет больше сил терпеть.

Я мабуси. Ах, слуга Таро, передай, что я опять перемолился. Уж больно велика во мне сейчас сила. Теперь я попробую помолиться перед ним, а ты стой сзади и оттягивай, чтобы его слишком вперед не перегнуло.

Слуга. Слушаюсь.

Я мабуси. Хоть и зловредна сия поясница, но неужели не будет чуда, если сотворю я молитву, взявшись рукой за веревку, которая из рук бога Мёо получена? Бороон, бороон, бороон...

Все трое поют и пляшут.

БОГ ДЗИДЗО ИЗ КАВАКАМИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Слепой.

Его жена.

Слепой. Почтеннейшая публика, перед вами местный житель. Ни с того ни с сего у меня заболели глаза, и я ослеп. Вот горе какое приключилось. Говорят, будто бог Дзидзô из Каваками может любую просьбу исполнить, стоит только обратиться к нему с молитвой. Хочу я у него зрение себе вымолить. Эй, жена, дома ли ты?

Жена. Чего тебе?

Слепой. Сама знаешь, уж как ни лечил я свои глаза, а толку все никакого. Одна у меня надежда осталась — обратиться с молитвой к богам и буддам. Как ты на это смотришь?

Жена. Что ж, это дело хорошее.

Слепой. Люди говорят, бог Дзидзо из Каваками может любую просьбу исполнить, вот я и надумал уединиться на молитву на целую неделю, — может быть, и прозрею.

Жена. Отчего не попытаться... Слепота твоя замутила меня, ни днем ни ночью покоя не знаю.

Слепой. Да лучше умереть, чем слепым оставаться.

Жена. Тогда иди в храм и уединись там на целую неделю. А я тоже вместе с тобой уединюсь и хотя бы чаем буду подкреплять твои силы.

Слепой. Что ты, что ты, а за детьми кто присмотрит? Оставайся дома.

Жена. Твоя правда. Придется ради детей остаться дома.

Слепой. Я не задержусь. А пока отправлюсь в путь.

Жена. Да будет тебе удача, возвращайся зрячим, ждать тебя будем. Доброго пути! (*Уходит.*)

Слепой (*к зрителям*). Жена моя страсть какая ревнивая! Я думал, она меня и на день не отпустит от себя, а тут, вот удача, согласие дала, сама сказала: уединись. Поспешу и весь отдамся молитве. Конечно, если судьбой суждено остаться слепым, ничего не поделаешь. Но если это случайная болезнь, то уж, конечно, бог Дзидзо вернет мне зрение... А паломников-то сколько в храм идет!.. Ну вот я и пришел. Поклонюсь. А теперь весь отдамся молитве... О, благодарение Небу! Только что было мне видение. Я прозрел! О, милостивый Дзидзо! Какое же это счастье! Да бог Дзидзо куда больший чудотворец, чем люди о нем говорят. Слава богу Дзидзо! Благодарение Небу! Какое же это счастье! Теперь и жене моей желать больше нечего, и дети мои возрадуются.

Появляется жена.

Жена (*к зрителям*). Муж мой потерял зрение и сказал, что уединится на целую неделю в храме, будет молиться богу Дзидзо из Каваками. Но на сердце у меня что-то беспокойно. Пойду проведаю его. Кто знает, может быть, он и прозрел по воле бога Дзидзо. Пойду, пожалуй.

Слепой. Куда это ты?

Жена. Да вот забеспокоилась и решила тебя проведать.

Слепой. И хорошо сделала. Взгляни-ка на меня, ведь я прозрел! Отныне я вижу даже лучше, чем прежде.

Жена. Какая удача, какая радость! О, благодарение Небу!

Слепой. Ах, было мне чудесное видение от самого бога Дзидзо, и вот я прозрел.

Жена. Мне передавали, что ты почти целую неделю ничего не ел. Я-то думала, бедный мой, наверно, исхудал, ослаб, на ногах не держится. Но странное дело — вид у тебя цветущий, как никогда, и вообще что-то уж слишком бодрый. Непонятно, с чего бы это.

Слепой. Ах, все это из-за моих глаз. Как только прозрел, так и сам не знаю, откуда силы взялись. Да ведь у меня всегда цветущий вид.

Жена. Нет, это неспроста.

Слепой. Ясное дело, неспроста, ведь на то воля бога Дзидзо была.

Ж е н а. Эх, ты думаешь, я не догадываюсь? Несчаст-
ный, и до меня слухи дошли! Знаю я, кто приходил
к тебе с вином и всякой всячиной.

С л е п о й. Да кто же, кроме тебя, мог меня навес-
тить? Что ты городишь!

Ж е н а. Берегись. Тебе не впервой обманывать меня.
Знаю я, все знаю. Негодяй! Берегись теперь!

С л е п о й. Какая же ты безрассудная женщина!
Клянусь богом войны Хатиманом, никого, кроме тебя,
нет у меня на сердце.

Ж е н а. Пустые клятвы твои. Откроешь ты мне всю
правду или нет?

С л е п о й. Постой! Я снова слепну! Горе мне!

Ж е н а. Не ври, и раньше видел, и сейчас видишь,
все это один обман!

С л е п о й. Нет никакого обмана. Горе мне. Правда
это, слепну.

Ж е н а. Что там у тебя ослепло? Берегись же!
Где там у тебя ослепло?

С л е п о й. Темно, ничего не вижу. Пощади!

Ж е н а. Куда ты... Не уйдешь!

С л е п о й. Пощади, пощади!

ТРОЕ КАЛЕК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Х о з я и н д о м а.

С л е п о й.

Х р о м о й.

Н е м о й.

Х о з я и н. Я — местный житель. Ради доброго дела хочу принять к себе на службу несколько убогих калек. Повешу-ка объявление вот здесь. Готово! *(Уходит.)*

С л е п о й. Я — здешний игрок. Мне чертовски не повезло, проигрался в пух и прах. Спустил все добро, о серебре и золоте говорить нечего: прости-прощай! Живот с голоду подвело, и вдруг вижу объявление: там, за соседним холмом, в одном доме берут калек на службу. Я-то, сказать по правде, здоровехонек. Глаза у меня так и бегают, все насквозь видят, но прикинусь слепым. *(Говорит на ходу.)* Эх, советовали мне добрые люди вовремя остановиться, а я все думал, отыграюсь, верну свое,— и теперь я голь перекатная. Вот я и пришел. Зажмурю глаза. Эй, эй, прошу прощения!

Появляется х о з я и н.

Х о з я и н. Никак зовут. Кто там?

С л е п о й. Это я — слепой, явился по объявлению.

Х о з я и н. А, ты незрячий? Ладно! Найму тебя в слуги. Иди сюда.

С л е п о й. Премного благодарен. Сяду здесь. *(Садится в стороне.)*

На сцене появляется х р о м о й.

Х р о м о й. Я — игрок, известный на всю округу. Но счастье от меня отвернулось. Здорово меня обставили. Пришлось продать дом со всей утварью, о серебре и золоте речи нет. Впору с голоду помирать, но вдруг прослышал я, какой-то человек за теми холмами калек на службу принимает. У меня-то ноги вон какие здоровенные, но притворюсь-ка хромцом. *(Говорит на ходу.)*

Да, натворил я глупостей, совсем пропадаю. Поздно теперь каяться. Вот я и пришел. Сделаю-ка вид, будто еле ноги волочу. Эй, эй, прошу прощения!

Появляется х о з я и н.

Х о з я и н. Никак зовут. Кто там?

Х р о м о й. Это я — калека. Пришел по вашему объявлению.

Х о з я и н. А, убогий хромец. Жаль тебя, еще молодой. Будешь служить мне. Иди сюда.

Х р о м о й. Спасибо от всей души. Сяду здесь. (*Садится в стороне.*)

Х о з я и н. Не смущайся, садись, как можешь.

Х р о м о й. Весьма вам признателен.

Хозяин уходит со сцены. Появляется н е м о й.

Н е м о й. Я — игрок, прославленный в здешних местах. Но попалась мне, на грех, компания молодых игроков, и спустил я все денежки до последнего гроша, в доме продал весь свой скарб, даже женины наряды. Хожу, ломаю голову, как день прожить, и вдруг вижу: висит объявление. Ну, чудеса! Вон за тем холмом калек на службу приглашают. Я-то здоров языком молоть, но прикинусь немой. Вот со мной и колотушки. Небо людей милует, как гласит пословица. Если меня примут на службу, так небось накормят. Постучу-ка я колотушкой, будто заправский немой.

Появляется х о з я и н.

Х о з я и н. Что такое! На улице кто-то стучит и мычит. Что тебе надо?

Н е м о й. М-м-м. Э-э-э!

Х о з я и н. Ты немой?

Н е м о й. М-м-м. Э-э-э!

Х о з я и н. Отлично, принимаю тебя на службу. Может, ты владеешь каким-нибудь искусством?

Н е м о й. М-м-м. (*Делает вид, что натягивает лук.*)

Х о з я и н. Так ты стрелок из лука?

Н е м о й. М-м-м. Э-э-э.

Х о з я и н. Может, ты еще что-нибудь умеешь?

Немой делает вид, будто бросает копьё.

Х о з я и н. Так ты мастер метать копьё! Я назначу тебе большое жалованье.

Н е м о й. Вот спаси... (*Зажимает себе рот рукой.*)

Хозяин. Странное дело! Немой что-то сказал. Но, говорят, слова немого к счастью. Беру тебя на службу. Садись вон там.

Немой. М-м-м.

Хозяин. Теперь у меня полный дом калек. Назначу каждому работу, а сам отлучусь на время. Эй! Слепой!

Слепой. Что изволите приказать?

Хозяин. Я отлучусь дней на пять. Будешь сторожить кладовую во дворе, где сложены лучшие одежды. Храни ее неусыпно.

Слепой. Не извольте беспокоиться. Доброго пути.

Хозяин. Хорошо. Эй, ты, хромой! Я покидаю дом на несколько дней. Вверяю тебе сундук с моей казной. Сторожи его как зеницу ока.

Хромой. Будьте спокойны. Счастливого возвращения!

Хозяин. Ладно. Эй, немой!

Немой. М-м-м.

Хозяин. Я скоро возвращусь. *(Уходит со сцены.)*

Слепой. Надоело все время жмуриться. Ну-ка, приоткрою глаз чуть-чуть.

Хромой. У меня ноги затекли. Ух, больно! Распрямлюсь наконец.

Слепой и хромой переглядываются.

Слепой. Вот тебе на! Это ты! Значит, тебе тоже не повезло, пришлось идти внаем.

Хромой. Ну да, так оно и есть. Но кто там жалобно мычит? Пойдем посмотрим.

Слепой. Давай окликнем его. Пугнем немножко.

Слепой и хромой *(вместе)*. Эй, ты, эй, эй!

Немой. М-м-м.

Слепой и хромой. Странно, непонятно.

Немой. Ах, так это вы! Тоже, значит, прогорели?

Хромой. Ну да, ну да!

Немой. Но как вы попали в этот дом?

Хромой. Я-то притворился хромым, а он слепым. Ну, а ты кем прикинулся?

Немой. Меня ославили болтуном, а я наперекор молве онемел.

Слепой. В самом деле, каждый поверит.

Немой. Хозяин уехал ненадолго. Он поручил вам сторожить что-нибудь?

Хромой. Да, слепой сторожит кладовую с одеждой, а я того лучше — господскую казну!

Немой. Вот здорово!

Слепой. А ты что бережешь?

Немой. Я стерегу погреб.

Слепой и глухой *(вместе)*. Ух ты, повезло!

Немой. А давайте откроем сначала погреб да и выпьем хорошего вина. Потом откроем сундук с казной и сыграем на господские денежки. А напоследок откроем кладовую с одеждой, завяжем ее в узлы, взвалим на плечи и удерем куда глаза глядят, подальше.

Слепой и глухой *(вместе)*. Славно придумал.

Немой. Ну, идем сюда. Откроем дверь погреба. *(С шумом отодвигает ее в сторону.)* Смотрите-ка, сколько кувшинов с хорошим сакэ! Что за крепкий дух, превосходное вино. Налью вам по чарке, пейте, не жалейте.

Слепой и глухой *(вместе)*. Наливай! Попробуем. Да, чудесный напиток. Пей и ты, немой, не отставай!

Немой. Меня так и подмывает завести песню.

Слепой и глухой *(вместе)*. Затяни, подхватим.

Слепой. Я буду наливать сакэ.

Немой. Спасибо, вот спасибо! Выпей, слепенький.

Все трое заводят песню.

Немой. Здорово мы нализались. Слепой, пляши!

Слепой. А что! Я плясун не из последних.

Немой и глухой. Лихо пляшет.

Слепой. Подпевайте мне, олухи. *(Слепой пляшет, двое остальных поют.)*

Немой. Дай ему выпить. Теперь твой черед, хромой черт, пляши.

Хромой. Отколю вам такой танец!

Немой и слепой. Давай, давай.

Хромой пляшет, остальные двое горланят песню.

Слепой и хромой. Теперь ты попляши, немой.

Немой. Спляшу не хуже вас.

Все трое поднимают страшный шум. Внезапно в разгар веселья появляется х о з я и н.

Хозяин. В пути я испугался, что доверил свой дом побродяжкам-калекам. Сердце не на месте, решил вернуться. Но что такое! В доме, никак, пирушка идет. У слепого глаза прозрели, хромой пляшет, немой песню поет. Ах вы разбойники!

Трое калек. Вот тебе на! Хозяин вернулся. Что делать?

Немой. С благополучным возвращением, хозяин.

Слепой. М-м-м. Э-э-э...

Хозяин. Только что ты был слепой, а теперь языка лишился? А ты, хромой, на оба глаза ослеп? Воры, жулики, мерзавцы! Это вам даром не сойдет!

Немой. Простите меня, пощадите! Я сейчас поползу на карачках.

Хозяин. Ты же был немой, а теперь сыплешь словами, еле-еле волоча ноги...

Немой. М-м-м. Э-э-э.

Хозяин. Брось валять дурака. Негодяи! Солоно вам придется.

Все трое *(вместе)*. Простите нас, простите!

Хозяин. Ну уж нет, не спущу вам, пройдохи!
(Гонится за ними.)

Драматические
поэмы театра
Дзёрури

Тикамацу Мондзаэмон

**НОЧНАЯ ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА
ЁСАКУ ИЗ ТАМБА**

КНИГА ПЕРВАЯ

Одно зерно,
Рожденное от князя,
Приносит тысячи отборных зерен риса
И рассыпает вокруг себя дары
Несчетные...

Оно еще незримо
Таится в материнском чреве,
А уж десятки тысяч
Покорных и почтительных вассалов,
Смиренно лбы склоняя до земли,
Бьют в барабаны лести
И щелкают в восторге языками.

У князя Юруги,
Властителя замка в Тамба,
Там, в отдаленной округе,
Дочь родилась Сирабэ
От служанки,
Гревшей воду для чая...
Дитя кипящей любви,
Милости, пролитой случайно,
Как угодно было судьбе.

А теперь Сирабэ,
Тонкая, гибкая,
Словно стебель цветка, поднялась
И, хоть нет ей еще десяти,

Шуршит шелками
Придворного платья.
Длинные волосы перехвачены
Золоченым шнуром
Для первой прически.
Не отвести восхищенных глаз!

Ей предстоит далекий путь — в Эдó,
Путь из родной столицы
На Восток.

Она просватана
В высокородный дом
Владельца князя Ирумá;
Сначала станет дочерью приемной,
Потом женою княжеского сына.
Князья берут
Свою невестку в дом
Еще нераспустившимся цветком.

Чтоб охранять
Невестку в пути,
Прибыл эскорт почетный
Во главе с доверенным
Старшим вассалом.
Все воины
У него под началом,
Он у князя в большой чести.

Готов длинный-предлинный поезд.
В паланкине
Золотом и алом,
На шелковых подушках покоясь,
Сама поедет
Юная госпожа
О-химэсама.
Двадцать конников-самураев
Ее сторожат,
Как пристойно невесте высокого сана.
Впереди пойдет
Толпа скороходов,
Разгоня простой народ.
Позади — нескончаемый ряд:
В паланкинах, носилках
Разных чинов придворные дамы,
Высших рангов дамы,

Средних рангов дамы,
Младших рангов дамы...
На каждой великолепный наряд.
Все паланкины под номерами —
Четыреста восемьдесят паланкинов!
Всюду золото, шелка всех цветов,
Раззолоченная парча.
Вот носилки придворного врача,
Опытного целителя
Любой детской хвори.
Вот паланкин главной наставницы,
Кормилицы Сигэнóи.
И еще: прачки, стряпухи, судомойки,
Прислужницы для шитья и кройки,
Няньки, девушки-забавницы...
Все красивы, как на подбор,
Даже служанки простых служанок.
Сколько проказ и любовных ссор!

А сколько на улице перебранок!
Носильщиков больше тысячи
Ждет у ворот.
Носильщики
В ящиках на длинных шестах
Дары понесут богатые:
Золото, серебро, жемчуга,
Драгоценные камни, яшму, агат,
Золотые чаши, ветки коралла,
С длинными ручками зонты,
Разукрашенные лаком тисненым, алым;
В узорных ножнах большие мечи...

На ящиках покрывала
Из златотканой старинной парчи
С большими родовыми гербами:
Павлония в полном цвету,
Заяц с веткой вишни во рту,
Ветка сосны,
Журавль на лету
На распростертых крыльях.
А там драконы
Свиваются кольцами,
Сеют
Пурпурное пламя.

Драгоценная кладь
Перевязана шнурами
Червлеными.
Узлы на шнурах
Алеют пионами.
Ящикам с утварью нет числа,
Навалены грудой...
Корзины с кухонной посудой,
Мешки с недорогой поклажей
Отправят на сменных ломовиках,
А на собственных конях отборных
Повезут под надежной стражей
Самое ценное в тяжелых тюках.

Заранее намечен час отъезда,
Счастливым час Змеи.
Накормленные лошади готовы.
Погонщики —
Все опытные люди! —
Подобраны под стать:
Красивы и ловки,
Умеют песни петь!
Их нанимали, денег не жалея.

Стеснились люди, кони, паланкины.
Широкий двор
Запружен до краев.
И вот выходит из дворца начальник,
Доверенный вассал,
Старик почтенный, знающий обряды,
Допущенный и в женские покои.
Он носит имя Хонда
Ядзаэмон. Взгляните на него!
Хоть он стоит нетвердо на ногах —
Немало чарок выпил он вина, —
Хоть он качается,
Но тверд в решеньях.
На нем дорожная накидка
Из огненной парчи; его лицо
Огнем пылает;
Ноги у колен
Обмотаны пурпурными шнурами.
Весь красен он.
Лишь волосы седые
Как снег белы.
Он громко возглашает:

— Хо-хо! Как я вижу, все в сборе... Что ж! Передовые могут отправляться в путь. Эй, Бундза и Гэнгодза! Вы, как я еще вчера распорядился, поедете в самом хвосте! Э-э, молодые самураи, слуги, погонщики и скороходы! Да-да, я вам говорю, шныряльщики по харчевням, в дороге не смейте напиваться! И ежели вы на постоянных дворах либо на переправах буйство учините, так знайте наперед: пощады не будет. То-то! И вот еще что: не вздумайте тискать по всем харчевням каждую девку в красном переднике! Особо остерегайтесь любовных шашен перед паланкином юной госпожи. Ей по малолетству еще рано смотреть на все ваши проделки.

Все ясно?.. Ну да, впрочем,
В дороге долгой нелегко поститься
И трудно избежать любовных встреч.
Так незаметно,
В темном уголке,
Да поскорей,
Да кое-как... За это
Мы взыскивать не станем!
В самом деле,
Наш поезд — поезд радости. Везем
Мы князю дочь,
А княжескому сыну
Невесту... Чтобы счастья не спугнуть,
Я, так и быть, грешок один-другой
В пути вам отпущу без наказания!

— Мы повинuemся! — сказали старшины
Носильщиков. —
В дорогу! Становись
По номерам — и в путь!

Как вдруг — тревога.
Вдруг суматоха в доме, беготня,
Встревоженные голоса служанок
И детский плач.

«Что там такое?»

«Стойте!»

Служанка выбегает из дворца:
— Какая неприятность! Погодите!

О-химэсама
Изволит гневаться. Не хочет ехать,
Упрямится и плачет:
«Не хочу!
В Эдо я не поеду, не поеду!»
Сам князь сиятельный с супругой вместе
Пытаются упрямицу унять
И успокоить: то бранят сурово,
То утешают. А она свое:
«В Эдо я не поеду!»
Сигэнои —
Почтенная кормилица —
В слезах.
Все доводы, все средства исчерпала.
О-химэсама
Топает ногами:
«А, злая нянька! Хочешь на Восток —
Сама и поезжай!»

И по спине
Зонтом свою наставницу колотит:
Хлоп-хлоп!
Ну как тут быть?

И вдруг,
Навзрыд рыдая,
Размазывая брови по лицу,
Сурьму смешав с румянами, из дома
Сама о-химэсама выбегает,
Крича:
— В Эдо?
Не еду!
На Восток?
Я не желаю!

Слуги, самураи
Бегут к воротам:
Им запрещено
Смотреть на молодую госпожу,
Хотя она совсем еще ребенок.

Смятенье! Суматоха!
Все мужчины
Стопились за воротами. Остался
На месте только старый Хонда.

Поспешно на веранду выбегает
Почтенная кормилица, дрожа
От страха, побледнев от огорченья:
— О-химэсама! Да послушайте меня!

Даже дети простых людей, когда им уже девять-десять лет, и то начинают понимать разумные уговоры. Извольте взглянуть сюда! Вот этот старый воин, убеленный сединой, и все эти именитые самураи, которые стоят там, за воротами, все они совершили долгий путь, перевалили через горы, переправились через реки, только для того, чтобы с почетом проводить вас на Восток! Когда вы прибудете в Эдо, вас примут почтительно, как нареченную невесту старшего сына владетельного князя.

Но если станут люди толковать,
Что худо вас я воспитала,
Тогда что делать мне? Какой позор!
Я женщина, не самурай, не воин,
И все же мне придется
Живот себе разрезать!.. Умереть!..
Как! Неужели вам меня не жаль?
Прошу вас, успокойтесь.

Сигэнои
И уговаривает и бранит ее,
А толку нет!

О-химэсама плачет:
— Все обман!
Нет-нет! Я не поеду!
На Востоке
Пустыня! Дикая места!
Там, говорят,
Не видно гор!
Эй, девушки, сюда!.. Ко мне идите!
Вот слушай, нянька, что они поют.
Приказываю спеть
С начала до конца
Всю вашу песню. Начинайте!

И девочки-подруги,
Приставленные к юной госпоже,
Чтоб забавлять ее,

Простушки,
Захлопали в ладоши мерно
И стали петь:

«Неужели ты уедешь в Эдо?
В дальний город,
Печальный город,
Где не видно гор?
А как останусь одна я,
Любя?
Как я буду жить без тебя?
Лучше убей меня, уезжая!»

Кормилица разгневалась: — Молчите!
Для знатных девушек
Какой позор
Неслыханный!
Под звуки цитры
Пристойные должны вы песни петь.
Да кто вас научил, как вы посмели
Такие низкие горланить песни
Пред нашей юной госпожой?..
Того гляди, она их переймет
От вас, бесстыдницы!

Тут седовласый Хонда
Решает, что пора ему вмешаться.
— Ну, полно, полно, госпожа!
Не плачьте.
Послушайте меня. Ведь эта песня —
Глупая шутка, не более!
Город вишневых цветов — Эдо,
Да лучше города нет на свете!
Каждой весной Эдо
Тонет в вишневых садах!
Я покажу вам
Цветущие вишни
В парках Асакуса и Уэно!
А сколько там веселых забав!
Бом-бо-бо-бом! Бьют барабаны!
В театрах на улице Сакаи
То-то весело куклы пляшут.
Бум-бу-бу-бум! Бьют барабаны
В театрах на улице Кобьики.
Храбрый Кимпира, могучий Бэнкэй
Рубятся там насмерть мечами:

«Э-я, вот тебе! Получай!»
А чем дорога в Эдо плоха?
Какая радость
На Фүдзи взглянуть!
Сквозь облака
До самого неба
Она возносит
Вершину свою.

Много чудес
Можно увидеть
По дороге в город Эдо!
Ну, полно плакать,
О-химэсама!
Утештесь, утрите слезы,
Садитесь в ваш паланкин!..

И старый Хонда задохнулся.
Он исчерпал все доводы.
Напрасно!
Молодая госпожа
По-прежнему упрямится:
— В Эдо
Я не поеду, не поеду!

Кормилица совсем уж растерялась.
Почтенный Хонда
Просто стал в тупик:
Как быть с упрямицей?
Но в этот миг
Служанка Ваканá,
В плетеной из осоки шляпе,
Уже совсем готовая в дорогу,
Во двор вбегает:

— Послушайте, госпожа кормилица! Вот забавный случай! Мальчик-погонщик с бритым лбом, лет десяти от роду, с виду ровесник нашей госпоже, разложил прямо на земле большую карту Токайдоской дороги и с другими погонщиками играет в игру — как это ее называют? Забыла!.. А, вспомнила: в сугороку — знаете, кто первый придет из Киото в Эдо. И так весело играет, так задорно!

Вот посмотрела бы о-химэсама!
Как знать?
Быть может, плакать перестала б!

— Что ж! Это хороший случай. Я слышала, что сугороку — очень веселая игра. Пусть поглядит молодая госпожа, может быть, развеселится. Зови сюда погонщика. Я разрешаю: ведь он еще ребенок. Да беги скорее, мигом приведи сюда этого шалопая!

— Я повинуюсь! —

Вакана стремглав
Бежит к воротам и — через минуту —
Уже ведет погонщика-мальчишку.
Одно плечо его оголено.
Широко выбрит лоб. Пучки волос
Торчат, нечесанные, за ушами.
Он не смущаясь всем глядит в глаза,
Садится — без стеснения — на край
Веранды, ногу на ногу задрав,
И говорит:

— Ну и ну, почтенные хозяева! Вы нам всю игру перешибли. Мы, ребята, резались в сугороку. Мне куда как везло: я так и чуял, что выиграю денежки на пару дорожных сандалий!.. Как вдруг — на тебе! - позвали меня, поволокли, не дали доиграть.

Погнали, как погонщик лошаденку:
Хар'э-яр'э, харэ-ярэ! Вперед!
Но-но! Поехали!

Он боек на язык
И без смущенья жарит напрямик.
Недаром говорят:
Погонщик, лодочник,
Прислужница да нянька
Горазды тараторить.

— Ишь какой
Разбойник! Больно смел! —
Почтенный Хонда
Глядит на мальчика. —
А как тебя зовут?
И сколько лет тебе?

— Одиннадцать как раз:
Все пальцы и еще один!
Годов с пяти
Я погоняю лошадей.
Ну, что глядите?

Ведь я не мальчик с челкой,
На все услуги годный. Не таков!
Вы видите мой лоб?
Как выбрит он?..
Я сам себе главарь!
Подстилкой не бывал я — и не буду!
Я не из робких. Сánкити Дикарь —
Вот как зовусь я...

— Меткое прозвание! —
Промолвила кормилица. — Скажи...

Я слышала, что у тебя есть игра про Токайдоскую
дорогу. А ну-ка, сыграй в нее с девушками. И вы,
о-химэсама, позабавьтесь. Иди, мальчик, к девушкам,
не бойся!

— Ладно, ладно!
Чего бояться мне? —
И он идет,
Попыхивая трубкой,
Подходит к девушкам,
К их юной госпоже...
И ни кормилица,
Ни старый самурай
Не видят в этом ничего дурного.

И мальчик расстилает на песке
Большую разукрашенную карту,
Где вся дорога
От самого Киото до Эдо,
Все пятьдесят три станции видны.
Прислужницам и юной госпоже
Дает по фишке;
Быстро обучает,
Как мечут кости,
Как полагается считать очки, —
И начинается игра...

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ТОКАЙДОСКОЙ ДОРОГЕ

Сюда! Сюда! Собирайтесь в круг!
Идите скорей! Глядите!
Начинаем игру

Веселей, чем жмурки и прятки!
Собственные лодыжки и пятки —
Вместо коней
Вороных и гнедых.
Оседлайте резвые ноги!
Гоп-гоп! На своих двоих
Поехали по Токайдоской дороге!

Но-о!.. Бросайте
Игральные кости!
Они из вишневого дерева.

Сперва от Киото — «Вишневой столицы» —
На перегон
Мы должны отдалиться,
Проехать три долгих ри.

Прощайте!
А вот и селенье Ёцу...
Смотри!
Вот и «Прощальный берег».
На берегу мы бросим поводья
И — напрямик через озеро Бива!
Прекрасный повод
Плыть по воде!
Занятно, красиво...
Да смотришь,
Все лодки заняты...

А теперь сколько очков?
Шесть?
Значит, места еще есть.
По порядку. Без суматохи.
Лодки не плохи,
Да цена кусается!

Вот и Кусáцу,
С горячей снедью лотки.
Здесь продаются
«Нянькины пирожки».
Глянь!
Госпожу перегнала нянька:
Ай да кормилица!

Один пирожок, другой пирожок — поторапливайся, дружок. По пути Минаку́ти — «Третий глоток». В три глотка глотайте «уху-плясунью». Неплоха из гольцов уха! Да дорога́, не для мальчишек-огольцов: кому — уху́, а кому — по́ уху!

Скорей, скорей к «Сосновой горе». Не жалеите гудящих колен! Встряхните кости: покатаются с громом!.. Но откуда доносится гулкое эхо? С перевала «Стонущий олень»? Не вышла бы на пути помеха!

Удачный удар: гляди,
Перевал позади!

Не мешкай. Забудь про лень — никому не хочется проиграть. Вот застава «Спешка». Всадники спешились с коней. Поскорей: ехать пора! Не тащись черепахой...

Прямо
Перед глазами Камэяма —
«Черепаха-гора».
Дальше — к новой цели!
Вот Исиякуси, там —
Прославленный храм.
В нем
Каменный Будда-целитель.
Там мы ударим камнем-кремнем,
Раскурим трубки дорожные.

Вглядитесь пристальней.
Сквозь туман видна
Пристань Куванá.
Кто промерз до дрожи,
Пусть согреется на «Горячем поле».

А растает иней —
Не медли долее,
Проворней скачи
До «Реки глициний»...
А уж тут
Тебя оплетут:
Со всех сторон подают тебе знаки!
Ох и девушки в Окадза́ки!
Ох и девушки в Окадзаки!
Ох и девушки-дзёро там горячи!

Всех зазывают в гости,
Крутятся, крутятся,
Словно кости игральные...
С любимым готовы крутить любовь!
Любая служанка по первому слову
Готова сбросить передник пунцовый.
А если вина запросит душа,
На «Красном холме»
Винная лавка так хороша!

Вот Ёсида, вот Футика́ва — «Два рукава реки», Си-
расука́ — «Белые пески». Вот «Дикое поле» — Араи,
глухая дыра...

Только проехали — окрик сторожевого:
— А есть у вас разрешение на проезд
женщин?

— Ах, в рукаве прореха! —
Теперь не до смеха:
Неужели
Вернуться назад
И ехать снова?
Еле-еле нашел: за подкладкой!
Снова игральные кости кидай!
Мало очков? Небо хмурится.
Скорей плывите, пока не застряли:
Вот ваша лодка на причале!
Вихрь облаков.
Посвист бури...
«Морские ракушки хамагури!»
«Продаются ракушки хамагури» —
На всем пути до «Прибрежных сосен».

Снова кости мы бросим.
Три и пять? Выпало восемь.
Скоком, плясом промчимся мы
Через пески у реки,
Через пашни,
Через «Пляшущие холмы».
Деревенька «Сторожевая башня».
Девки и здесь
Гостей сторожат.
А уж если прохожий им знаком,
Так и виснут на нем:
«Милый, хоть на час

Задержи́сь у нас!»
Тут прохожий,
Хоть он и жаде́нок,
Все ж потря́сет кошельком,
Не пожа́лет денег,
Задержит́ся на дене́к.

Скоро и Фукурóи — «Колоде́ц-мешок». Здесь ка́ждый — бедный, богатый — развя́жет полоса́тый кошель. И, чтоб не сесть на мель на реке «Покла́жа», связко́й моне́т звеня, слезает с коня.

Вверх — вниз. Вверх — вниз,
Мы добра́лись
До «Горы улыбок» — Ниссака́.
Низка? Да нет, крута,
высока!

И трава ка́кая высокая,
Папоротник да осо́ка.
Но любой улы́бнется тут,
Когда́ ему подми́гнут
Два-три «папоротниковых пирожка».
Чудесные пиро́жки!
А вот, как в сказке, новое́ чудо!
Взгляните́ отсюда!
Что́ там широ́кое, голу́бое?
Не отгада́ли? Не поня́ли?
Да ве́дь это — река́ Ои,
Сама́я больша́я в Япо́нии!

А те́перь — де́ло тво́е плохое:
Выпа́ли очки́ «голь».
Хоть ду́ша и не ра́да,
В Кана́я и Сима́да
Задержи́ться изво́ль.
Воды́ разли́в и напор!
Восемьде́сят пото́ков
Сюда́ устреми́лись с гор.

А те́перь ско́лько очко́в?
Уда́ча! По́дряд — и пять
И ше́сть!
Все на коне́й торо́пятся сесть
И в доро́гу о́пять.

Станция
«Ветка глицинии»,
Какой поток
Лиловый, синий
Гроздьев пахучих!

Вперед —
До Окабэ и Сэто!
Тут — красный рис продают.
А дорога все круче
До самой горы Уцунояма,
Где у быстрой реки
Сладкие купишь ты колобки —
По десятку в связке:
Знаменитые лакомства
Пестрой окраски,
Нежного аромата...
А денежек маловато!
У денег растут ноги.
Денежки
Так и бегут по дороге
Врассыпную, вскачь!..
Плачь не плачь,
А свой кошель раскрывай пошире.
Раз-два-три-четыре!
Вот и станция «Мяч».
Близится путь наш к концу.
Вскоре —
«Гавань открытого моря» —
Окицү.
Там днями, ночами —
Сутонтон-тон-тон!
Сутонтон-тон-тон! —
Грохот и перезвон:
Волны играют камнями,
Словно мячом.

Да это нам нипочем!
Нам это знакомо!
Вот и храм «Ясного окоема»,
Где любуются ясной луной
Над бором сосновым.
А если ветер ночной, суровый
Подует
И если щеку раздует горой,

Здесь под горой
Можно лекарство купить
И выпить
Целебный настой.

— Эй, погоняй, не стой! Мимо Юи, Кáмбара, до станции Ёсивáра, где так сладко благоухают жареные угри. Их кожа нежней, чем у девушек в квартале любви Ёсивара в Эдо. Так и тает во рту. Не мешкай — ешь на лету!

Сколько очков — равным счетом?
Посмотри,
Ну, сосчитал?

А сырые угри
Пахнут болотом!
Вот и «Болотный причал».
Мчимся мимо
«Трех островов» — Мисíма.
Оттуда четыре ри
До «Большой заставы»,
А дальше самый крутой перевал,
Кто там не бывал,
Тот забот не знал!

Кости бросайте!
О! Двойная шестерка?!
Вот это славно!
Сядем на быстрых коней.
Главное —
Проскочить «Большую заставу»,
И еще большая забота —
Одолеть перевал Хаконá. А не то —
Возвращайся обратно в Киото.
Поняли правила? Или
Игра нелегка?

«Мы их проглотили
В три глотка,
Словно пилюли Одавáра».
А вот промелькнули, гляди,
Слева и справа
Одавара, Оисó, Хирацукá, Фудзисáва...
Как хорошо, что застава
Уже позади!

Скоро кончаем путь,
Надо еще раз кости метнуть.
Сколько очков? Посчитай, скажи:
Шесть — шесть — пять?
Значит,
Для нашей молодой госпожи
Снова большая удача:
Столько очков подряд!
Не бывает удара счастливей!
Вот Тодзукá — «Торопливый скат».
И еще торопливей
Поспешим по «Быстрой долине»...
Вперед!
Мимо нас пролетели
Канага́ва и Каваса́ки
И последняя станция — Синагава...
Мы у цели,
У самых ворот.

Вот и прибыли мы в Эдо,
В лучший из всех городов,
В город вишневых садов!

Игра кончается.
О-химэсама победила всех
И первая
«Приехала в Эдо»!
Она смеется, хлопает в ладоши,
В восторге от игры!..

Все девушки-прислужницы,
Вся свита,
Спешат поздравить госпожу свою.
О-химэсама плакать позабыла
(Она еще дитя!)
И всех торопит:

— Ах! Ах! А я и не знала, что так много чудесного
можно увидеть по дороге на Восток. Скорей поедем!
Скорее в путь!

— О, вы согласны? Вы говорите, что поедете? Вот
и отлично!

— Так едем же! — развеселился Хонда
Ядзаэмон. Он восклицает: — Эй!
Все к паланкинам!

Стройся по порядку
И — и живо в путь, пока о-химэсама
Не передумала!

Кормилица опять
Приободрилась:
— Если так, прошу,
О-химэсама, зайдите в дом,
Выпейте прощальную чарку
Вместе с отцом благородным вашим,
Вместе с матушкой вашей почтенной.
А ты куда,
Мальчишка-погонщик? Стой!

Послушай, мальчик! Все так хорошо обошлось только благодаря твоей игре. Молодец, молодец! Ловко все у тебя получилось! Я тебе и спасибо скажу, и награжу тебя. Зайди сюда, в эту комнату, и подожди меня минутку.

Веселые в разгаре сборы!
Кормилица и юная невеста
Проходят в глубь дворца.
Погонщик Санкити один. Он бродит
По комнате,
Бросая беглый взгляд
На золотые расписные ширмы:
Таких он в жизни не видал.
И ноги мальчика,
Привыкшие к камням,
К рогоже грубой,
Точно по льду,
Скользят по гладким дорогим циновкам,
Плетеным в Бинго...

— Э-э! У этой комнаты пол такой скользкий, что, того и гляди, растянешься. Нет, домишко, где я живу, куда лучше! Болтают: «Ах, дворец! Ах, княжеские покои!» Да по мне, постоянный двор куда покойнее, — бормочет мальчик.

Вошла кормилица,
В ее руках поднос:
Большая крышка от ларца,
Застеленная белой бумагой,
А сверху груды лакомств.

— Ну как, Санкити Дикарь, ты еще здесь? О-о, я вижу, что ты не глухой мальчуган! О-химэсама теперь разохотилась ехать, забыла про свои причуды. «Скорее едем в Эдо! Скорее едем в Эдо!» — вот как она изволит говорить. А все оттого, что выиграла в сугороку.

И светлейшие родители ее довольны, очень довольны. Эти сладости посылает тебе сама госпожа супруга князя, прими их с должной благодарностью. А вот тебе и три связки денежек: в каждой по сто медных монов. Купи себе всего, чего тебе только захочется.

Ведь ты — погонщик
И пойдешь пешком
Вплоть до Эдо. Дорога нелегка!
Так, если кто-нибудь тебя обидит
Или понадобится что-нибудь,
Скажи, что хочешь повидать меня.
Я еду в свите юной госпожи
Как главная наставница. Ты понял?
Зовут меня — запомни! —
Си-гэ-но-и!

Вдруг Санкити
Стал белым как бумага
И задрожал.
Молчит.
Во все глаза
Он смотрит на кормилицу. Но та,
Не замечая, продолжает:
— Право,
Чем дольше на тебя смотрю, мой
мальчик,
Тем ты мне больше нравишься.
Наверно,
Твои родители больны, несчастны,
Дошли до крайней нищеты... Иначе
Зачем — еще малыш — ты стал бы
Простым погонщиком? —
Но Санкити молчит.
Он только смотрит.
Он словно весь окаменел. Язык
Его не слушается.
Наконец:

— Вы... Вы та самая Сигэнои?.. Вы кормилица молодой госпожи и служите во дворце князя Юруги?..

Так знайте: вы —
Моя родная мать!

И он — стремглав —
Бросается к кормилице и хочет
Ее обнять...

— Прочь! Прочь! Да что с тобой? Это еще что за выдумки? Какая я тебе мать? У меня нет сыновей-погонщиков!

Она отталкивает мальчика. А он
Опять цепляется за платье Сигэной.
Она рванулась прочь,
Но Санкити прильнул
К ней головой,
Руками крепко обнял
И, задыхаясь, говорит:

— Зачем я стану лгать? Мой отец был твоим мужем. Он служил в этом доме... Самурай, настоящий самурай! А имя моего отца Датэ-но Ёсаку. Я его сын. Это ты, ты меня родила! Ёносукэ — вот кто я на самом деле! Я знаю, мой отец не угодил князю

И должен был уйти из здешних мест.
Когда в последний раз
Отца я видел,
Всего три года было мне, но я
Его немного помню...

Вот что говорила мне старуха, которая присматривала за мною в деревне Куцукакэ: «Я воспитала тебя. Надеялась, что ты найдешь своего отца... Мало, мало на это надежды!

Но ты можешь найти свою мать. Ее зовут Сигэной. Она кормилица в доме у князя Юруги.

Вот покажи ей мешочек для амулета. Она своими руками сшила его для тебя: уж она-та должна будет узнать свое рукоделие!»

Так говорила много раз старуха.
Когда же мне исполнилось пять лет,
Она, жестоким кашлем мучась,
Пошла на праздник храмовый в Тоба,

Там в горле у нее застряло моти,
Она и померла.
Чужие люди
Меня в деревне приютили.
Я выучился погонять коней...

Вот я и работаю на хозяина конного двора на станции
Исиб́ в Оми.

Взгляни на этот вышитый мешочек
Для амулета! Узнаешь его?
Нет! Я не лгу!
Молчишь?..
Теперь ты поняла?
Да! Я твой сын!
Мне ничего не нужно...
Я одного хочу: найти отца!
Найти отца мне помоги. Хотя бы
Один денек — втроем — побудем вместе!
Ты знаешь, я умею из соломы
Плести сандалии.
Я прокормлю тебя.
Я прокормлю отца.
Найдем его!
С моим отцом должна ты помириться!

И, плача, он хватается за платье
Кормилицы. Она потрясена.
Как? Этот маленький погонщик,
Похожий на косматого зверька,
Он — сын ее? Давно пропавший сын!
Возможно ль это? Вглядываясь, ищет
Знакомые черты в его чертах...
Глядит — и начинает узнавать.
Да! Это он! Конечно, это он!
Вот и свидетельство прямое:
Мешочек, вышитый ее рукой.

Ей страстно хочется обнять ребенка,
Прижать к груди...
Но честь?.. Но стыд?..

«Нет, главное на этом свете — долг,
Позор моей семьи набросит тень
На имя юной госпожи.

Что ж, обмануть его и побранить?
Нет-нет!..
Прогнать его?
Но я не в силах!
О, как мне хочется обнять его,
Хоть на мгновенье
Тайком прижать его к своей груди.
Ах, что же делать мне?»

О, радуга скорбей!
О, слезы тысячи печалей!
О, слезы, красные и голубые,
Бегущие
Из безутешных глаз...

И Сигэной,
Упав, захлебывается в слезах.
Вот-вот, рыдая, чувств она лишится.
Но... надо с мыслями собраться: «Нет!

Нет сомненья, он — мой сын. Мне кажется, Санкити очень умный мальчик. Если я попытаюсь его обмануть, он все равно мне не поверит.

И он не должен презирать меня, свою родную мать, как женщину с низким сердцем: это было бы слишком ужасно!

Да! Я открою ему всю истину. Я заставлю его понять мое положение... его положение...

Он все поймет! И лишь тогда я отошлю его!»

И Сигэной
Слезы осушила
И твердым голосом зовет:
— Ёносукэ!
Пойди ко мне! —
И за руки его
Она берет:

— О-о! Как же ты вырос! Ты уже совсем взрослый. Ты сможешь все понять.

Ах, почему, почему тебя не так воспитали, как подобает сыну знатного самурая? Лицо твое почернело от солнца. Твои прекрасные волосы висят лохмами. А руки? А ноги? Они грубее, чем у дикой обезьяны. Я гляжу на тебя — и не узнаю. В тебе ничего не

осталось от прежнего... Даже руки не те, даже ноги не те!..

О, недаром говорится: «Воспитание важнее знатного рода!»

И Сигэной снова
Над ьвно плачет.
— Слушай и пойми!
Хоть я и родила тебя, но ты
Теперь не сын мне.
Я тебе не мать!

Пойми, я говорю это не потому, что ты стал Санкити Дикарем. Я все, все тебе расскажу. Это было давно-давно. Я и тогда была на службе у благородной супруги князя.

А твой отец — Ёсаку — был слугой
В покоях женских...
Волнуемые ветром страсти,
Мы, словно молодые дерева,
Сплетались,
Обнимались...
А ночь одна
Звала другую ночь...
Свиданья становились чаще...

Я потеряла в комнате для слуг
Любовное письмо.
Начальник стражи
Нашел его и поднял.
Прочел... донес...
О, ты не знаешь,
Какая строгость в княжеских дворцах!
А в нашем замке
Обычай был особенно суров.
Высокие вассалы собрались
И вынесли решение: обоим
Виновным — смерть!
Позор и казнь!
Но госпожа моя молила князя
Простить меня...
Так госпожа меня любила,
Что предлагала жизнь свою —
Взамен моей!
Да! Милосердью князя нет границ!
Нам жизнь дарована была...

И мало этого —
Был найден выход:
Нас объявили мужем и женой.
Отец твой, самурай Ёсаку,
Упав так низко,
Стал понемногу снова подниматься
По лестнице чинов.
Он стал главою слуг,
Распорядителем хозяйства в замке.
Ему большой

назначили оклад

На зависть прочим —
Тысячу и триста
Мешков с отборным рисом.
Пойми же, если я еще жива
И головы отец твой не лишился,
То живы мы по милосердью князя!
И если князь умрет,
Наш долг — последовать за ним.
Вспороть себе живот и умереть.
Теперь ты понял силу долга
И благодарности?..

.....
Тем временем я родила тебя.
У князя дочка родилась,
О-химэсама,
И госпожа в знак милости своей
Кормилицей назначила меня!
Ах, если бы судьба и дальше
К нам оставалась благосклонной,
Теперь ты был бы сыном самурая,
И, гордый милостью господ,
Ты никому из сверстников своих
Не стал бы уступать дорогу!
Но, на свою беду, на наше горе,
Отец твой послан был в Эдо
По делу службы...
Там он повадился
Ходить в квартал любви,
Вконец запутался и погубил
Ему порученное дело.
Князь приказал ему: умри!
Ты знаешь сам: для самурая
Последний долг и выход —
Харакири.

Но если самурай взрежет себе живот, тогда его вдова опозорена, она не может служить во дворце. Все женщины в доме говорили госпоже: опасно менять кормилицу! Если о-химэсаму сейчас отнять от груди, она заболит, она зачахнет...

И вот ради меня твоему отцу снова даровали жизнь. Но его лишили должности, отняли жалованье... прогнали его!

О, если бы я тогда ушла вместе с ним из дворца, долг любящей жены был бы исполнен. Но обречь доверенного мне ребенка на болезнь и страдания.. Нет-нет! Немыслимо, невозможно! Как я могла уйти с твоим отцом? Ведь ему даровали жизнь только ради того, чтобы я осталась главной кормилицей при моей маленькой госпоже!

«Кто и в каком рождении сможет возблагодарить этот дом за все его благодеяния? — так говорил твой отец, расставаясь со мною. — Остайся здесь — и заплати долг благодарности за дважды дарованную мне жизнь!»

И вот — по слову твоего отца — поставила я верность княжескому дому превыше всего... выше верности мужу...

И мы, рыдая, разошлись навек.

Ты еще мальчик. Но должен понять: ты сын провинившегося человека, опального самурая. Я за тебя страшусь! Никому не говори, что твой отец — Датэ-но Ёсаку!

А теперь... скорее уходи за ворота. Мы слишком замешкались. Время не ждет...

А-а-а!..

Какая кара тяготит надо мной?

Мой сын — погонщик на большой дороге.

Мой муж — он скрылся от людей

Неведомо куда!

Какая радость в том,

Что я ношу богатые одежды?

Что слуги и служанки,

Почтительно склоняясь, говорят мне:

«Мы повинемся»?

Что путешествую я в пышном паланкине?

К чему все это?..

И она не в силах
Рыданий удержать.

Еносукэ
За свой короткий век немало видел
И много пережил. Чем глубже
Он понимает мать,
Тем горше плачет.

— Твой печальный рассказ...
Его я услышал и понял.
Но старуха всегда повторяла:
«Санкити, помни:
Грудь матери твоей породнила
Тебя и дочь
Всесильного князя.
Если сумеешь,
Найди свою матушку — Сигэнои,—
Знай, и отец твой тогда
Честь свою восстановит.
Ты должен князя молить
Отцу твоему даровать прощенье», —
Так говорила старуха,
Меня воспитавшая.

— Тише!
Молчи, молчи!
Все это тяжкий грех! —
И Сигэнои
Рот ему зажала:—

Не смей никому говорить, что ты ее молочный брат!
О-химэсама едет в Эдо.

Знатнейший князь
Ее в невесты прочит сыну,
Наследнику прославленного рода.

Пойми: добрая слава девушки — превыше всего. Честь
девушки драгоценна. Ведь о-химэсама едет в чужой дом,
к чужим людям. Что они скажут?

«Погонщик Санкити — ее молочный брат?
Вот новость!» И они смеяться будут.

На ее доброе имя падет пятно. А это может помешать
ее замужеству. Кажется, пустяк, а какое серьезное дело!

Плотина рушится
От норки муравья!

Но... мы все шепчемся и шепчемся. Нас могут под-
слушать!

Сюда сейчас придут. Ты слышишь
шум?..
Беги! Беги скорей!

Но Санкити ей возражает:
— А, матушка! Уж слишком ты робка.
Всего боишься: «Нас услышат! Нас
Осудят!»

Ты на дверь косишься взглядом...

Нет! Князя надо умолить!

Пойди к нему. Скажи, что ты нашла
Родного сына! Милости проси!

— О, значит, ты меня совсем не понял!

Чего ты требуешь?

Чего ты просишь?

Разве может мать

Позабыть сына?

Разве может жена

Позабыть мужа?

О нет! И все же

Долг — превыше всего.

О, непонятливый!

О, бестолковый!

А между тем из внутренних покоев
Несутся возгласы:

— Где Сигэнои?

Где старшая кормилица? Ее

О-химэсама требует!

— Ты слышишь?

Скорее уходи!

Она в испуге

Толкает сына к двери. Санкити

Заплакал в три ручья.

Его глаза
От слез совсем запухли.
Сандалии свой он поднимает,
Засовывает их за пояс. К двери
Уныло он бредет. Его спина
Понуро сторбилась...
И сердце Сигэной
Не в силах выдержать:

— Эй, послушай, Санкити! Ёносукэ! Вернись сюда на минуту!

Смотри, будь осторожен
На трудных горных перевалах,
На трудных переправах через реки.

Если в дороге тебя захватит дождь, сильный ветер, снежная буря, ты притворись, что болен, отдохни два-три дня. В дороге не ешь ничего вредного. Остерегайся лихорадки. Смотри корью не захворавай. У тебя такой жалкий вид. Не могу смотреть на тебя! Душа надрывается... За какую вину выпала тебе такая доля! Нищий, отверженный... А ведь ты должен был наследовать отцовское жалованье — тысячу триста мешков риса. Бедный мой сын!

...Она рыдает.

Ничком она упала на ступени
Высокого крыльца, приподнялась,
Достала из-за пазухи кошель
И высыпала тридцать золотых.
Потом монеты завернула
В платок из шелкового крепа.
— На, возьми, —
Протягивает сверток сыну, —
Возьми — и спрячь на крайний случай!
— Нет! —
Мальчик в гнев обернулся:

— Нет! Раз ты не мать мне, а я тебе не сын, так и нечего обо мне заботиться! Заболею я или умру — тебе-то что за дело? Я не возьму от тебя и одного медного гроша!

Я простой побродяжка, и конец! И вся недолга! А мой отец — Датэ-но Ёсаку — опозоренный, разжалованный самурай. Зачем я стану брать деньги от чужой женщины? Чужой, совсем чужой... А, бессовестная! А, бессердечная! Ты еще пожалеешь о своей жестокости!

И он не может слезы удержать.
Увидя, как он плачет, Сигэной
Готова потерять сознание. Все же
В последний раз пытается она
Разгневанного сына образумить:

— О, пойми! Пойми же! Если бы я не думала
о моей юной госпоже... Ах, ведь я ее, как и тебя,
вскормила своей грудью! И о милостях этого дома...
и о своем долге... разве я прогнала бы свое единственное
дитя?

О, как тяжело,
Как грустно в княжеском дворце служить! —
Она рыдает горько...

В этот миг

Во внутренних покоях суматоха

И голоса:

«Пора! Мы отбываем!

Все в сборе!

Поднимают паланкины

И строятся в процессию!

Скорее!

О-химэсама села в паланкин!

За нею вслед поедет Сигэной!

Да где ж она? Куда ж она девалась?»

Начальник шествия

Выходит из дворца,

И, овладев собою,

Сигэной

Небрежно говорит ему:

— Да, вот что!

Пускай этот мальчик-погонщик пойдет вслед за моим
паланкином. Он будет и в дороге забавлять юную
госпожу. Пусть он затянет песню!

— Повинуюсь! —

Кормилице надсмотрщик отвечает. —

Что ж, это можно! Эй, Дикарь!

А ну-ка, песню затяни! Смотрите,

С чего бы он?

О чем мальчишка воеет?

Нет, это не к добру! Как смеешь ты

Слезами портить час отъезда? Ну!

Молчи! Довольно выть!
Что? Все еще ревешь? Так получай! —
И кулаком его с размаху бьет
По скулам. — Пой!

И Санкити — сквозь слезы —
Поет:

«Солнце горит, горит
Над горой Судзука,
А над «Горой встреч»
Облака, облака
Плачут о нашем горе».

Но упрямей, чем дождь осенний,
Льются слезы

Матери... сына...

Где укрыться
От ливня скорбей?
Горе темною тучей нависло.

КНИГА ВТОРАЯ

— Эй, эй, сюда! Сюда, пожалуйста! Дело идет к вечеру. Заверните к нам с дороги! У нас в гостинице берет недорого! Господин самурай, здесь и самому рай, и копя вашего накормим — лучше не надо!

Ночуйте здесь! У нас все есть: и хорошие комнаты, и комнаты попроще, на любой вкус, кто что попросит!

Посуда чистая. Циновки новые: этим летом переменили. Постели мягкие, вино отборное, чай крепкий, горячий, душистый.

Эй, заночуй у нас! Верно, ног под собой не чуешь! Деньги берем только за уголь, а угол даром. А угли под чаном так и пылают пожаром. Вода бурлит, так и ходит ходуном. Обмоешься — станешь здоров. Уплати только за вязанку дров — грязи дорожной как не было!

А когда разбудить вас прикажете? В какую стражу? Можно в четвертую, можно в пятую, на самом рассвете! Мы всегда на страже.

Если пожелаете подругу для изголовья, найдется скромная девушка или скромная женщина. Любая закрутит с вами любовь. Ноги разотрет, поясницу разомнет, спину погладит, трубку наладит, огонь разожжет.

По жилам побежит огонек! Или вам невдомек?..
Нет наших девушек горячей!

О, да это, никак, Рокудзó из «Горячих ключей»!
Легкую девицу везешь на своем коньке. А сам бежишь
налегке! Ноги-то у самого стали легки, словно крылья
у птицы!

— Отцепись, болтунья! Ну что ты плетешь?

— А! А! Вот Сансукэ и Сандзо из вашего «кусачего»
Кусацу! Не угодно ли вам закусить с дороги? Кинкити
из Исибэ! Кинкити из Исибэ! Угодишь и себе, и своим
седокам, если к нам угодишь на ночь! И зачем искать
далеко, харчевни все одинаковы. И наша поет в лад,
словно соловей весною... Хоть осоловей от вина, цена-то
всюду одна. Это у нас святая заповедь!

А вы, господин, мне сдается, идете к святым местам,
в Исэ, по морскому берегу? Ах, из ваших глаз соленая
влага уже полилась! Или это у вас от несчастной
любви? Заверните к нам хоть на час!

И вы, монах, куда так спешите? День-то теплый,
а на вас толстая одежда бумажная, да еще подбитая
ватой. Вы, наверное, из Сэндая? По покрою узнаю все-
гда я!

А этот путник откуда? Угадаю! Всю правду открою!
Ох, наверное, из Явата: ноги-то у него волосатые,
как чертополох!

А вон бедняк бредет, голыш голышом! Видно, все
ему нипочем! Шляпа дырявая, из осоки плетенная.
Верно, все в карты продул — под метелочку. Вот ве-
тер его и продувает. Вы, прохожий, похоже, из Хо-
ки, из округи «Метла»? Какой вас метлой к нам за-
мело?..

Эй, молодой человек! Вы из Акаси? Или из Этиго?
Уж очень мне нравится, как пряди волос у вас на
висках курчавятся, словно жатый шелк! Да какой толк:
мимо прошел, проклятый!..

А вон — в паланкине
Князь, окруженный свитой!
Ох и сердитый!
Нос задран. Сколько гордыни!
Лицо длинное, словно семечко дыни.
Верно, родом он из столицы,
С Дынной улицы
Или Тыквенного переулка...
Урожай хорош.

Ну, зазывала, помолчи,
Не то конец —
Пропадешь ни за грош.

А это что за юнец — с неподбритой челкой? И нос как хорош — иголкой! Ух ты, какой нос: точь-в-точь мыс у морского залива. Эй, молодой человек! Не шагайте так горделиво. Задержитесь, отдохните у нас!

А вот — конец.
Еле волочит ноги,
Словно в коленках налит свинец.
Словно камни дороги
Смазаны птичьим клеем.
Право, он из Микава,
Там варят отличный клей.
Эй, ноги свои пожалей!

А кто эти путники? Это, пожалуй, слуги из Эттю.
А как я узнала? По повязке набедренной. Да, господа,
не вредно было бы вам отдохнуть по пути, тугие
повязки свои распуснуть... Да куда вы? Куда вы?

Так в сумерках
На станции «Застава» —
Застава здесь поставлена любовью —
Болтает зазывала у дверей,
На постоялый двор
Сирокая
Прохожих и проезжих завлекая,
В харчевню.
Там живут
Три девушки-красотки, мастерицы
Любви продажной,
Прославленные красотой
На все сто двадцать ри
Дороги Токайдоской...

Одной рукой они прохожих манят,
А на другой —
В широком рукаве —
Висит корзинка с конопляной пряжей.
И, в сердце скрытая глубоко,
Любовь накручивает
Нити страсти

На мотовило горестной судьбы...
Что ждет их впереди?
Увы! Суровый холст —
Вот их печальный жребий!
— Послушайте, Коёси, Кодзёро,—
Подругам говорит Коман,—

не правда ли, слишком много различий среди девушек нашего ремесла! Столичная куртизанка — это дама высшего ранга... А потом все ниже и ниже, ступень за ступенью, пока дело не дойдет до нас — служанок в придорожных харчевнях. Нам-то уже не на что надеяться.

С рассвета на ногах:
Беги к колодцу,
Да подметай, да стряпай...
А с полудня
Встречай гостей веселою улыбкой...
До самой ночи — словно воробьи
В чащобе тростников —
Должны, не уставая,
Мы щебетать беспечно... А потом...
А по ночам...
Скажите, отчего
В последний год
Гостей почти не стало?
Да! Гости!.. Где они?
Куда девались?
Зайдет один,
Проглотит чашку
Горячей снеди...
Здравствуй — и прощай!
Да и таких все меньше...

Вот по соседству остановилась дочка князя Юруги. Сегодня уже третий день, как она гостит у нас в селенье. Служанки в других харчевнях прямо с ног валяются. Легко ли! Вечером, утром — сто шестьдесят человек!

Так девушки суетятся! Так хлопочут! А у нас что? У нас и последний слуга не заночует.

У хозяина лицо кислое-кислое. На лбу, как у черта, рога от злости выросли, да такие длинные, ветвятся во все стороны: того гляди, нас забодает!

Даже погонщики лошадей, наши прежние дружки,

позабыли нас. Не приводят к нам больше гостей. Да что ж это такое? Что за беда приключилась?

Да, к слову сказать, Кодзёро! Твой-то любезный Ситини из Мацудзакá, он-то почему глаз не кажет? Что это у вас, любовная ссора? Или он слишком долго возился с тобой под лестницей, да и скис? Смотри, совсем ослабнет, так и лошадей погонять не сможет. Разве что мух отгонять подбородком. Ты хоть слёпни от слез, а ему и дела нет. Слепни его закусайте...

Так говорит Коман.
И Кодзёро
Задумалась:

— А!.. Ситини?.. Ты, верно, говоришь о Курусукэ? Ах, как давно это было, словно в прежнем рождении... Теперь у нас все любезности кончились. Не услышишь даже, как он погоняет коней: корэ-корэ!.. Но-о-о!..

А прежде как меня любил он!
Ну, так и льнул ко мне.
Бывало,
Чего он только мне не покупал:
Шнуры цветные для волос,
Помаду,
И пояса, и ноговицы... Словом,
Задаривал меня.
И даже деньги
На башмаки давал.
Все было ложью!..

Он только глаза отводил мне. А сам напрапалую крутил. И не то что с одной или двумя девушками — со всеми сразу! С Огэн и Минакути. Отец ее — известный кремень, продает в своей лавчонке трут, а его дело табак! С вдовою продавца гребней из Цутияма. С толстухой о-Ёнэ из Сёно: так и вцепился в ее бедра, пухлые, как мешки с рисом. Да разве всех перечтешь? Надувал меня, свою подружку, с каждой девкой.

Я знаю, если попрошу его,
Он, может быть, ко мне еще вернется.
Да мне самой
Теперь не нужен он:
Все просадил он в карты,

Все продул!
Что у него осталось?
Только куртка
На вате да исподнее. На что
Такой голыш мне сдался?..
Сдали карты,
А у него четверка и девятка...
Тринадцать! Хуже не бывает.
Да, надо же, как не везет ему!

Он, верно, и хозяину не сможет заплатить за лошадей!

А знаешь, Коман! Я слыхала, что твой милый тоже из этой картежной компании. Если ты любишь своего Ёсаку, удержи его от игры. Пристыди его, хорошенько пробери! А то как бы не попал он в беду. Ты, Коёси, верно, тоже слыхала?

И Коёси

Тихонько подтверждает:

— Да-да-да! Вот послушай, Коман. Наш хозяин кое-что пронюхал в одной оптовой лавке в Камэяма Я подслушала, как он с женой своей шептался:

«Этот паршивец, погонщик Ёсаку, дружок нашей Коман, стал главарем шайки игроков. А уж отсюда один шаг до воровства! Если он к нам пожалует, турни его хорошенько, не пускай его в дом ночевать. Он мне здорово задолжал. Положим, долг я с него взыщу. Догола раздену, а стробую. А потом можно его и по шее».

Коёси

Еще не кончила,
А уж Коман
Слезам залилась:
— Вот-вот! Кругом напасть!
Я говорю,
Что в нашем ремесле
Мы низшие из низших!
До сих пор
Я даже вам, моим подружкам,
Не говорила о моей беде...

Отец мой — крестьянин из деревни Ёкота. Ему уже шестьдесят шесть лет, и вот его, старика, бросили в водяную темницу за недоимку. Требуют с него два

мешка с лишним рисового зерна... А всех детей у него — одна я. Не на кого ему надеяться, кроме как на меня. А я простая служанка в харчевне, только и всего, но даже князья знают, как умеет плясать девушка Коман. Имя мое не вовсе неизвестно... Неужели я могла допустить, чтобы моего отца уморили в темнице? Нет, нет, любой ценой надо было спасти его.

Сказала я хозяину: «Иду
В паломничество».
Получила отпуск.
Пошла в управу,
К старосте села,
И обещала, твердо поручилась,
Что за отца
Внесу я недоимку
До урожая. Время подошло,
А денег нет... Я не сдержала слова.
Освободить отца
Освободили...
Да вот надолго ли?
Что делать мне?
Ума не приложу!
Где денег взять?..

Я так грущу, так тоскую! Гости ко мне ходить перестали... День и ночь кручу да мотаю пеньку. А иной раз останются у нас женщины на ночлег, узнают, что я та самая прославленная Коман, и пожалуют мне чаевые... Вот и весь мой жалкий доход. словно журавлю просынные зернышки подбирать! Одно горе! Жалкая моя участь. Подходит срок уплаты. Я совсем упала духом! Взгляните, как я исхудала...

Я стараюсь защитить моего Ёсаку — всеми силами. Но все так дурно говорят о нем!.. Одна я еще в него верю.

О, как безрадостен наш мир!

Коман
В слезах
Упала на корзинку с пряжей.
И вдруг:
— Он! Он! Вы слышите? Идет,
Спешит! Поет
Он песню Кóмуру,

Нанев любимый свой...
Эй, эй! Ёсаку! —
Коман ему рукою машет.
Песня
Все ближе... все слышней...

«До чего же конь хорош —
Сонсорэва!
Две корзины по бокам —
Сонсорэва!
Семь попонок на спине —
Сонсорэва!
И глубокое седло —
Для возлюбленной моей —
Сонсорэва!..

И мне в старину случалось
На статном
Коня разъезжать.
Шелками было расшито седло,
Но никто
Об этом не помнит,
Все прошло, все быльем поросло!»

Ёсаку своего коня подводит
К открытой стороне харчевни
И помогает путнику сойти
С седла на землю...
Потом приказывает:
— Эй, Коман!

Угости этого господина хорошенько и устрой его на ночь
в лучшей комнате. С ним еще трое пеших слуг, и о них
тоже хорошо позаботься!

И он спешит
Поклажу отвязать.
Кюёси, Кодзёро
Хлопочут:
— Ах, скорей зайдите в дом!
Вам надо отдохнуть
И обогреться!
Горячая вода для ног готова!
Сегодня нет у нас других гостей.
Располагайтесь на просторе.

Гостя

В харчевню девушки ведут.

Ёсаку

Сгрузил тюки с поклажей и бросает

Их прямо в дом,

А следом — длинный ящик

С большим мечом.

— Готово! Ну, Коман,

Давненько не видал тебя.

Я рад,

Что ты здорова.

А теперь — прощай!

До нового свиданья!..—

И он хватает лошадь под уздцы

И прочь — бегом!

Коман бежит за ним,

Проворно догоняет

И перехватывает повод:

— Стой!

Что же это такое? Я столько должна тебе рассказать! Да и тебе, верно, есть о чем со мной перемолвиться!

Куда ты мчишься так нетерпеливо?

Как? Ни словечка ласки?

Ни привета?

Побудь со мною хоть немного...

— Э-э!

Не приставай!

Ты видишь, я спешу!

Ведь болтовня твоя не к спеху,

А я... я тороплюсь! —

Ёсаку с силой

Ее отталкивает.

Но Коман

Его опять руками обвивает:

— Да полно, милый,

Что с тобой случилось?

Что ты скрываешь от меня? Скажи!

Коман его насильно тянет к дому:

— Пока не скажешь,

Я не отпущу!

Какая тяжесть

У тебя на сердце?

— Ах, да оставь меня в покое!
Что ты?..
Какая тяжесть?..
Тяжести сгрузил я
И бросил в дом,—
Ты видела сама!
Ну ладно, будь по-твоему, тебе
Я расскажу про все мои несчастья.
Чертовски мне не повезло!

Демон зависти так и подзуживал меня: не давал мне покоя! Что, мол, в самом деле: все мои дружки выиграли кучу денег, кто в карты, кто в кости... А я? Я хуже их, что ли?..

А тут как раз Кю́та из Сэ́та затеял большую игру в отгадыши. «Ну, отгадай, сколько грошей зажато у меня в кулаках?» Я и подумал, отчего ж не рискнуть сотней медяшек.

Мне сперва здорово повезло. За один раз я загреб семьсот монет.

О-го-го! Недурное начало!
Дзинь-дзинь-дзинь,
В поясе весело забренчало!

Добрались мы до «Стонущего оленя». Все опять взялись за игру. И я попробовал свое счастье. Да как уставил на моих дружков рога — пришлось им постонать громче оленей в осеннюю пору.

Еще шестьсот медяшек отхватил!

Вот если бы я тогда оставил игру! Да ведь говорится от жадности глаза слепнут. А мы, погонщики, как раз застряли в деревне «Зоркое». Тут уж я сам стал за главного играть — гляди в оба. А счастье отвернулось от меня... Только и слышу: «Не угадал! Не угадал!»

Так с самого полудня
До вечера мы резались.
И что же?
Хотя б монетка высунула нос!
Все просадила.
Весь выигрыш спустил.
Да и своих, как говорится, кровных

Медяшек пятисот
Как не бывало!..
Досады демон начал грызть меня:
Во что бы то ни стало
Отыграюсь!

Дотащились мы до «Сливовой деревни», знаешь, где аптека этого Дзэсая, который ватюсан продает — целебный порошок. К этому времени я был готов сам себя в порошок истолочь... Стали мы снова играть, да что толку! Никакой ватюсан не помог. Все я промотал, все денежки прахом пошли!

В деревне
«Сыпучие пески» я пересыпал
Все денежки
В чужие кошель.

Да мало того! Задолжал еще один золотой бу с четвертью. Золотой долг потяжелее медного: не так-то легко свалить с плеч!

Ну, я и уговорил Шмеля Хатидзё из Исибэ поручиться за меня. Хуже глупости нельзя было придумать! В городе Оцу на Восьмой улице я просадил восемь раз по сто монет. А возле могилы красотки Комати прохлопал еще девяносто девять, как раз по числу ее любовных ночей.

Тут уж мое счастье повисло на тоненькой нитке. На перевале «Игла» меня словно укололо: надо острее играть, острее, подумал я, не то под гору покатишься... А в деревне «Катушка» я перемотал наново все мои планы!

В лавчонке около храма Каннон в Морияма заложил я все свое барахло, до последней вещицы. И выдали мне тридцать три моммэ серебром. Тут мною будто овладели все демоны разом: так неистово я стал играть... Но в храме Тамура в Цутияма — вот уж правда, на пути яма! — моего демона усмирили, да как! Только ненадолго: скоро я опять поддался искушению...

Когда в Исэ
Мы остановились,
В чайном домике
«Утренняя звезда»,
Всю ночь напролет
Мы резались в кости.

Выпала утром
Густая роса,
Но я,
Я был досуха выжат...

Приехали мы к «Сосновой горе». Тут заблудился я среди трех сосен... Совсем голову потерял: что делать? Хочешь не хочешь, пришлось занять денежек под двойную лихву.

На переправе Кумодзу было время одуматься. Подсчитал я свои долги, вижу — задолжал я этому мерзавцу Хатидзо — будь он четырежды проклят! — четыре раза по два кана серебром. Где же мне такую уймищу деньжищ наскрести?

А может, отыграюсь?
Или нет,
Отныне зарекусь играть...
Как вдруг
Я вижу, кто-то бойко гонит лошадь.
А, это Хатидзо!
Проклятый Шмель!
Вот принесла нелегкая
Не к месту,
Не вовремя...

Я думал, что меня он не заметит!
Куда там!
Подбежал, схватил за ворот
И начал в ухо мне жужжать:
«Эй, ты! Когда заплатишь долг?
Ты хочешь отвертеться?
Ха! Не выйдет!»
И вправду Шмель,
Вот-вот ужалит!

Что ж! Не мог же я перед ним распинаться да разливать-ся в жалобах. Я и говорю ему: так, мол, и так. Деньжат у меня сейчас маловато. Да ведь я у тебя деньгами-то и не брал. Так, на словах только... Ведь это поигрыш. Я деньжонки просвистал, а ты их прожужжал, то есть поручился за меня. Вот давай лучше сыграем — в отгадыши. Либо ты простишь мне восемь канов, либо я тебе буду должен все шестнадцать. Ну, валяй, начинай!

А этот хитрец Хати Шмель опытный игрок. Он гово-

рит: «Ты уж и так мне восемь канов задолжал. Если я проиграю, выходит, ты мне ничего не должен. Но если ты проиграешь, придется тебе шестнадцать канов выложить».

А где ты их возьмешь?
Нет-нет, дружок,
Меня не проведешь!
Так, без залога,
Я играть не стану!»
Не мог же я
От слова отступиться!

«Ладно, — говорю. — Нравится тебе эта лошадь? На конной ярмарке в Тирю за нее дали девять рё и один бу. Конек этот не мой, он моему хозяину принадлежит. Но я готов рискнуть. Я поставлю эту лошадку против моего долга. Хотя — по правде сказать — такой конь вдвое больше стоит... Ну что, согласен теперь?»

Мы бросили наших седоков и пошли на обочину, под дерево.

Каждый зажал по несколько монет в кулаке.

Я спрашиваю: «Сколько всего монет у нас обоих?»

Он отвечает «Семь!» И, словно нечаянно, приоткрыл ладонь. Я мельком заглянул, а у него, как мне почудилось, две монеты.

А я пять монет в кулаке держал. Ох, думаю, сейчас он выиграет!

«Шесть!» — говорю. А сам потихоньку одну монету из кулака скинул и припрятал, чтобы ровно шесть получилось. Словчил я, словчил!

А он смеется и жужжит. Разжал он кулак, а у него три монеты! Как он третью подсунул — ума не приложу! Я скрыл монету, а он подложил!

Вот горе, вот горе! Тут-то я и понял: не передерни я — моя была бы игра! Спрятать-то я спрятал монету в рукав — а вышло, что ему в руку сыграл. Вот досада, вот досада! Я совсем упал духом. А подлец Хатидзо взбодрился от своей удачи — и орет: «Моя лошадка! Моя лошадка!»

И всей десятернею
Хвать за повод!
Какой он шмель,
Он просто — грязный овод!

Но сегодняшний ездук, спаситель мой, стал настаивать: «Я нанял эту лошадь и этого погонщика. А ну, Ёсаку, поехали до следующей станции!» А у жужжалы Хатидзо седок тоже был самурай. Он как заорет на Шмеля: «Ты что там застрял, погоняй коня!» — да так страшно, глазищи у него чуть на лоб не вылезли.

Хати Шмель говорит: «Я провожу моего господина до Кубота, а там уж заберу твою лошадку!» — и понесся вприпрыжку, словно скороход...

Вот не повезло! Дальше некуда! Крышка!

Если он заберет у меня лошадь моего хозяина, то уж о Токайдоской дороге и думать нечего. Даже на самых дальних дорогах Кисо и Накасэн нельзя будет мне показаться... Чем я тогда буду жить?

Спрячемся в доме поскорее, пока этот прохвост Хатидзо не прибежал!

Глаза Коман наполнились слезами.

Ее душа

Глубоко погрузилась

В крошечный мрак...

— Так, значит, люди правду говорят:

«Когда судьба изменит,

Меняется и сердце...»

Беда! Беда!

Как опустился ты,

Ёсаку! Прежде был ты самураем.

Таких, как я,

Тогда б ты не пустил

К себе на кухню — в судомойки!..

Видно, судьба велела,

Чтобы, как ветки под ветром,

Мы приникали друг к другу,

Сплетались...

Словно наши сердца

Слились в одно,

Словно ничто на свете

Не расплетет наших рук!

Нечасто такая любовь

Встречается в нашем мире!

Нет, не на радость,

На горе

Моя любовь

Все растет и растет!

Как жить нам теперь?..

Твоя душа
Отравлена игрой.
О, подлая забава!
Камнем
Становятся сердца у игроков.

Ты ведешь себя, как самый последний кули. Я знаю, трудно тебе сторониться своих дружков-погонщиков... Но ты забыл обо мне!

Я же говорила тебе: если не смогу покрыть недоимку моего отца до шестого дня десятой луны, старика снова бросят в водяную тюрьму. А этот день уже не за горами... Вот-вот сельская управа пришлет отцу бумагу с печатью: плати недоимку. О, мое сердце, как оно томится, как тоскует: это я ввергаю моего отца в ледяной ад!

Я не хочу тебя огорчать, но ты ко мне так равнодушен! Ты полонен игрой, думаешь только о ней, любишь только ее... Как подумаю об этом, слезы сами собою льются...

Она захлебывается в слезах.
Но вдруг
Ёсаку тоже зарыдал.

— Нет, это слишком жестоко! Я не из корысти играл, не ради забавы... Подумать только! Что значили мешок-другой риса для меня, Датэ-но Ёсаку, в прежние годы! Столько — и много более — жаловал я последнему слуге из моей свиты, оборвышу, который нес мои сандалии, погонщику моего коня. А теперь...

Любимая, хотел тебе помочь я
Спасти отца!
Толкнула на игру
Любовь, а не корысть!
А не подумал я:
Куда же мне
Играть на счастье!..
Ведь с ним я не в ладу.
Я неудачник —
В жизни и в игре!..
Я, самурай,
Придворный князя,
Начальник над всеми слугами...
Я, получавший
Довольство:
Тысячу и триста

Мешков, набитых рисом...
Скажи, кто я теперь?
Погонщик... хуже
Погонщика!..

Я покорно терплю мою долю. Небо карает меня за то, что согрешил я против моего господина. Но как жестоко с твоей стороны, Коман, упрекать меня, называть бессердечным, каменным — завзятым игроком! Да, я играл — ради твоего отца. О, если бы все мои мысли были написаны на моем сердце, я вырвал бы его из груди — и показал тебе!

И он
Себя колотит в грудь,
И слезы брызжут
Из глаз его.
Повязка на груди
От горьких слез обиды
Промокла, как в грозу,
Хоть выжимай!..

Коман, всплеснув руками, говорит:
— О, как тебе я благодарна!
Прости меня!
Ах, если б сразу
Ты все мне объяснил, поверь,
Не стала бы я упрекать тебя!

Я продала все свои летние платья, чтобы выволить из беды моего отца. И у подружек моих тоже взяла в долг! Так я наскребла почти всю недоимку — сто тридцать моммэ серебром. Чутьочку только не хватило, но я набрала остальное, мотая пряжу. Вот — взгляни!

Она выхватывает деньги
Из тайника на дне корзинки
С готовой пряжей.

— Вот цена жизни моего отца! Что же, возьми эти деньги — и не тревожься больше!

На дороге темно, скоро ночь и уж, наверно, Хати Шмель сегодня не придет сюда. Привяжи свою лошадь покрепче — вон там и пройди в дом. Ляжем рядом. Развеем все наши печали и отдохнем душой...

Коман

Развязывает длинные шнуры
Его соломенных сандалий.
Вдруг вваливается в ворота
Непрошенный и нежеланный гость —
Сам Хатидзо из Исибэ.
Он видит: вот — Ёсаку, вот — Коман,
И черные его глаза
От гнева загорелись:

— А-а! Да это Ёсаку! Скажите на милость: привязывает мою лошадь к столбу, как свою собственную. Да разве ты не знаешь, что я Хати Грубиян? Я все вижу — все, как сквозь сито, как сквозь грубое рядно... Ни за стеной, ни за горой от меня не укроешься. Я тебя и в преисподней разыщу.

Ах ты грязный ворюга! Ты что же, хочешь, чтобы я задаром простил тебе двести моммэ серебром? Больно хитер. Отдавай коня! Отдавай коня!

Он хочет отвязать коня.
Ёсаку
Бросается к нему,
Рывком хватает за руку
И с силой
Ее выкручивает.

— Эй, ты, чертов Шмель! Ты что делаешь? Оставь коня в покое! Хоть ты и грязное рядно из Исибэ, да я-то ведь Ёсаку из Тамба!

Ты что же? За долг в двести моммэ хочешь получить лошадь ценою в пятьсот? Ты парень не промах. Да не выйдет дело! Раньше подай сюда разницу — триста моммэ. А там забирай коня.

Я, Ёсаку, на всей Токайдоской дороге из кого хочешь сок выжму, любого в порошок сотру! Нишкни у меня, падаль паршивая!

Он за ворот хватает Хатидзо,
Трясет его, толкает прочь к воротам.
Шмель вырывается, крича:

— Ого, как развоевался! Туда же еще, самурая из себя корчит. Выкладывай лучше монету, выкладывай. А!.. Ты драться хочешь? Ну, давай!

И разъяренный Шмель
Бросается вперед... Он налетает,
Но тут Коман
Повисла на его руке.
Она пытается Шмеля утихомирить:

— Послушайте, господин Хатидзо! Что это вы оба словно рассудка лишились? Вы люди подневольные — и тот и другой. Ну, хорошо ли забирать у своего товарища хозяйскую лошадь? Неужели кто-нибудь вас за это похвалит?

Зачем бесчинствовать, кричать
и драться?

Немного потерпите:
Он все отдаст,
Он все сполна заплатит.
Иль сердца нет у вас? —
Коман, бедняжка,
Не выдержав, заплакала.
— А, шлюха!

Привыкла хныкать.
Нюни распускай
Перед своим Ёсаку. А меня
Слезами ты не проберешь. И так уж
Я уступил ему:
Взамен монет
Беру коня!

— А я, Коман из Сэки,
Я не позволю увести коня!
Нет, этого не будет!

— Ах ты стерва
Зловонная!
Ну, погоди, тебя
Я угощу бамбуковым хлыстом!

Ёсаку вспыхнул гневом:
— Как, мерзавец,
Ты хочешь драться с женщиной?
— Эге!
А почему бы нет?

И Хатидзо,
Взмахнув хлыстом,
Наотмашь бьет Коман —

И прямо по лицу.

Коман упала.

Ёсаку заслонил ее.

— Подлец!

Да как ты смеешь бить ее? Она

Принадлежит хозяину харчевни!

И ты перед судом ответишь!

— Хо!..

А не твоя ли

Она подстилка? Вроде как жена.

За это я ее и колошмачу!

— Так вот тебе

«Спасибо» от жены! —

И, сжав кулак,

Ёсаку бьет Шмеля

По переносице,

Чуть-чуть мозги

Не вышиб кулачищем!

Шмель заорал:

— Ты драться, падаль?

Так получай!

В долгу я не останусь...

Они вцепились в волосы друг другу.

Пихаются ногами.

Рвут. Ломают.

Молотят кулаками.

Норовят

Ударить по глазам или в живот.

Топочут,

Словно бешеные кони.

Вот как у нас погонщики дерутся!

Шмель-Хатидзо

Силен как бык. Зато

Ёсаку знает ловкие приемы —

Сумб и дзбдо.

И — лишь только Шмель

Замахивается —

Ёсаку мигом

Его хватает за руку,

Лягает

Ногою в бок,

С размаху отшвырнув

Его к воротам.

Шмель о верю
Расшиб крестец.
Опешил. И, жужжа,
Шатается, таращась на Ёсаку
В бессильной ярости.

— Подлюга! Вор!

Ну погоди: попомнишь ты Шмеля!
Всем расскажу про твой поганый норов,
Про гнусный твой обычай!
Все узнают...
Надсмотрщики...
Смотрители всех станций...
Хозяева харчевен... постоянных
Дворов...
Владельцы лошадей...
Все... все!
Я по миру пущу тебя...
Пойдешь
В лохмотьях,
С чашкой нищего в руках...
Вымаливать объедки будешь,
Как шелудивый пес!
Ты!.. Ты!..

Он поперхнулся дикой злобой
И хочет проскочить в ворота. Но
Коман опять на нем повисла:
— Полно!

Господин Хатидзо! Господин Хатидзо! Чем жить погонщику, как ему прокормиться, если на него донесут начальству, будто он вор и мошенник?..

Взгляните на меня: вот я стою перед вами, сложив руки, как на молитве, и я умоляю вас... Ведь настоящий мужчина не сердится долго за драку. Ну простите Ёсаку... смените гнев на милость! Пожалуйста!

Но чем она униженнее молит,
Тем Хатидзо
Становится наглей.

— Еще что скажешь, грязная девка! Он, мерзавец, нагрел меня на двести моммэ серебром да вдобавок еще спину мне сломал! Простить его? Это было бы ему на

руку, да мне-то худо! Вот только выйду из ворот — и начну вопить: погонщик Ёсаку — прожженный мошенник, нечистый игрок, гнусный вор.

И Шмель бросается к воротам.
Коман бежит за ним.
— Пойдите! Поглядите!
Вот здесь сто тридцать моммэ!
Вот, взгляните!

Это заветные деньги. Они должны были спасти жизнь одному человеку!.. Но мне...

Мне для Ёсаку ничего не жаль!
Возьмите их в счет долга!

Хатидзо
Выхватывает деньги:
— Ну, смотри!
Не вздумай у меня зажилить
Остаток долга!

А в какую цену пойдут эти медяки?

— Мне все равно!
Назначь любую цену.
— Ну, хорошо!

На рынке за тринадцать моммэ серебром дают один кан медяков. Значит, здесь как раз десять канов.

Попомни!
Еще шесть канов за тобой! —
И Хатидзо сует проворно деньги
В бумажный свой кошель.
— Прощай! —
Шмель наконец
Убрался восвояси.
Калитка хлопнула. Коман,
Печально голову склонив, вздыхая,
Бредет назад
И тихо говорит
Угрюмому Ёсаку:

— Я отдала ему все мои деньги, и он ушел. О, я надеюсь, что ты больше не будешь водиться с такими, как этот Шмель!

Ёсаку онемел
От неожиданности и от гнева.
Потом он, задыхаясь, говорит:

— Как ты могла! Эти деньги, эти заветные деньги
Я побегу за ним, я их отниму!

Он на ноги вскочил.
— Пстой! Пстой!

Ты ведь должен ему! Как же ты можешь взять эти деньги обратно?.. Нет, теперь не прежние времена! Нынче все дороги под строгим надзором. И если Шмель пожалуется на тебя зрителям и про тебя пойдет дурная слава, то тебе конец, ты пропал! Все ворота закроются перед тобой. И мы уже не сможем встречаться!..

А если во дворце твоего прежнего господина узнают... Узнают, что ты ошельмован как мошенник... тебе никогда не смыть позорного пятна, не заслужить себе прощенья.

Я буду все оттягивать и оттягивать срок уплаты... А если мне не удастся уговорить сельскую управу, что ж, я пойду в водяную темницу вместо моего отца. Я это твердо решила!

Только бы вызволить из беды тебя, моего любимого!

Увы! не так-то просто
Взбешенного Ёсаку успокоить.

— Еще что скажешь? Какой позор может грозить мне, нищему погонщику? Ты столько выстрадала, чтобы собрать эти деньги ради спасения твоего отца, и вдруг — отдать их этому процелыге, этой грязной скотине! Нет, я этого не допущу!

...И он
Бросается бежать за Хатидзо!
Но вдруг...
— О, три сокровища
Святого Будды...
Я, кажется, попал в беду!

Смотри, Коман! Вон идет твой хозяин Садзи с целой оравой зрителей и старост. Видно, что-то стряслось! Не знаю, в чем дело, но поднялась суматоха. Мне лучше не

попадаться им на глаза. Я спрячусь, а ты мигом отведи мою лошадь куда-нибудь! Скорее!

Ёсаку замечает паланкин
За занавескою,
У входа в лавку.
Крадется.
Тихо открывает дверцу.
Одной ногой ступает в паланкин...
И вдруг оттуда детский крик:
— Ой, больно!
Кто мне на ребра наступил? —
И маленький погонщик Санкити,
Зевая во весь рот,
Высовывается из паланкина.

- О-о! Это ты, маленький Дикарь?
- Смотрите-ка! Да это Ёсаку!
- Что ты здесь делаешь?
- Да отдыхаю, сплю. Я гоню лошадей до самого Эдо.

Нас тут, погонщиков, уйма на соседнем постоялом дворе. Мы сопровождаем дочку князя. Гостиница для знатных людей полным-полна. Шум, суета, негде отдохнуть... А мне захотелось после ужина вздремнуть маленько. Я и заполз сюда. А ты, Ёсаку, зачем здесь?

— Ну уж это, Дикарь, не твоего ума дело. Я не хочу встречаться с хозяином харчевни. А ну-ка, потеснись. Спрячь меня здесь.

Санкити глядит
Сквозь щелку в занавеске.

— Э-э-э! Я вижу Коман. Вот уж кто молодчина так молодчина!

Я знаю, что вы в дружбе. Ну, лезь сюда. Я тебя спрячу! Для кого-нибудь другого я бы не потеснился. Вот еще! Но тебя зовут Ёсаку, такому человеку я ни в чем не откажу!

Они влезают оба в паланкин
И тесно прижимаются друг к другу.
Несчастный Санкити!
Не знает он,
Что рядом с ним — отец.
И все же смутно
Он чувствует сыновнюю любовь.

Хозяин постоялого двора
Кричит, в воротах стоя:

— Эй, вы там! Все служанки, все девушки! Живо вставайте! Знатные господа к нам пожаловали: все главари «пятидворок», надсмотрщики, старосты сельской управы. Жена, и ты вставай, выйди к нам.

Разбуженные криком,
Все служанки
Проворно выбегают из харчевни.
Потом выходит
И сама хозяйка.
Начальники, все разом, говорят:

— Эй, жена хозяина! Слушай нас. Сегодня мы совещались все вместе. И как раз получили приказ из главной сельской управы. Вот что написано в бумаге:

«Отец известной девицы Коман, Хикобэй из Ёкота, был заключен в водяную темницу за недоимку четырехлетней давности — он должен два коку и два то рисового зерна. Его отпустили на свободу по просьбе и поручительству его дочери Коман. Вы, должностные лица, смотрители здешней станции, должны, не слушая никаких отговорок, взыскать с поручительницы Коман этот долг».

Так вот какой приказ
Мы получили!
Вы слышали,
Хозяин и хозяйка?
Вы крепко должны стеречь Коман,
Не то — ответите
Перед судом!

Коман, закрыв лицо,
Тихонько плачет.
Хозяйка
Удивлена, огорчена:

— Коман!

Что натворила ты?
Как ты могла
Наделать неприятностей и мне,
А главное — хозяину?

Хозяин,
Не сдерживаясь,
Резко говорит:

— Какие там неприятности хозяину? Знать ничего не знаю, ни за один медный грош не отвечаю! У нас господа приезжие щедро одаривают деньгами знаменитую Коман. Кто дает сто медных монет, а кто и двести отвалит. Да она за одну ночь целое моммэ огребаёт: бамбуковый хвост у весов так и взлетает вверх, словно хвост у чайки!

Да она за каких-нибудь полгода могла бы скопить сто моммэ серебром или два рё золотом — равным счетом!

Так нет, она все до последнего гроша отдает этому мошеннику Ёсаку, этому проклятому игроку! Летние платьишки все спустила, в сундуке у нее даже исподней одежды не осталось! Мы-то Ёсаку здесь в долг кормили — она поручилась за него. Небось расходная книга не забудет: все записано!

Вот! Вот! Глядите: шесть ночевок с одной кормежкой, вина — четыре мерки с половиной, семьдесят порций закусок по десять грошей каждая, восемьдесят пять порций вареного батата с китовым мясом и еще сто пятьдесят — сто пятьдесят! — дюжин сладких колобков. Вот как он набивал себе брюхо! А теперь что ему денежки — звук пустой!

То и дело крути ему утку на вертеле. А как дело закрутилось, ему все шутки: думает отвертеться!

Ты, Коман, кормишь бездельника, деньги на ветер бросаешь — твое дело! Меня не касается, что бы с тобой ни стряслось! Если этот подлец Ёсаку даже шкуру с себя сдерет и продаст, все равно ему не покрыть твоего долга. Заставь-ка лучше его заложить свою лошадь, да и расплатись.

Эй, вы! Заприте Коман в доме! Да хорошенько ее сторожите!

Прошу прощения за беспокойство, господа! Прошу прощения!

И он, ворча, уходит в дом.
Дверь хлопнула,
И щелкает замок.
Смотрители переглянулись.
Они посмеиваются:
— Хо-хо!

Скажите, кто бы мог подумать, что этот Ёсаку такой обжора! Мало обычного ужина, подавай ему колобки, да вино, да разное варево — и девицу Коман в придачу, перед сном закусить!

И все зрители
Уходят восвояси.

Ёсаку отирает пот со лба.
Он вылез наконец из паланкина.
Заглядывает в дом
Сквозь паз дверей,
Сквозь щели ставен —
Ничего не видит,
Вытягивает шею, прижимаясь
К бамбуковой решетке...
Там за окном все тихо, все темно.
Вдруг... кто-то изнутри припал лицом
К решетке... кто это?

Ёсаку прыгнул прочь.
— О! Не пугайся! Это я.
— Коман?..
— Да, милый!

О, Ёсаку! Ты слышал все, о чем они говорили? Какая беда со мной случилась! Вот я и стала птицей в клетке!

Какая грусть!.. Но по крайней мере моего отца не тронут: теперь я одна, одна за все в ответе! Уж и не знаю, свидимся ли мы когда-нибудь на этом свете? Быть может, это наше последнее прощание. Мы ведь живем на самом дне; разве мы знаем, как поступят люди там, наверху?

Ёсаку к ней протягивает руки.
Коман к ним прижимается лицом
И горько плачет.
Но Ёсаку шепчет:

— Молчи! Есть еще просвет в тучах! Не пойму, отчего я так полюбился этому маленькому погонщику — Санкити? Он готов для меня на все. Когда мы сидели с ним в паланкине, я подговорил его стянуть деньги у дочери князя, она остановилась в соседней гостинице. Я втолковал ему, что это — дело, достойное мужчины.

Я уж сумел его подбить,
Мальчишка
Весь так и загорелся! Говорит:
«Я непременно украду».
Удастся —
Мы спасены.
А попадется — что ж?
А нам какая разница?
— Нет-нет!
О, ни за что! Пожалуйста, не надо.
Как можешь ты
Ребенка не жалеть?
Толкать его на грех?
— Коман! Коман!
Ты слишком боязлива:
Ну, поймают,
Ну, поколотят малыша — и все!
Эй, Санкити! Я на тебя надеюсь.
Не вздумай отвильнуть!

— Я не таков.
Сказал — и сделаю.

И нечего размазывать. Не хочешь, чтобы я украл для тебя, так плюнь на меня — и дело с концом! Я Санкити Дикарь, я не отступаю, если уж дал слово. Нет у меня ни отца, ни матери. Моя голова стоит дешевле рисового коlobка.

Мне голова моя не дорога.
Поймают, голову снесут...
Пускай!
Поверь, не испугаюсь! —
Вот каков
Он — Санкити Дикарь, простой
погонщик.
Не знают ржавчины
Порода самурая
И золото.
Но как печально,
Что мальчик благородной крови
Готов идти на преступленье!

Ёсаку подстрекает мальчугана:

— О, ты храбрец, настоящий самурай! Я на тебя надеюсь. Я доверил тебе дело жизни и смерти!

Но Санкити смущен:
— Как! Я боюсь?
Что с сердцем у меня?
Оно так сильно
Колотится.
Быть может, оттого,
Что страшно перед другом осрамиться?
Ну, отойди
Куда-нибудь, Ёсаку.
Эй, Коман!
Ты милочка!
Ты видишь амулет?
Прошу, возьми его на сохраненье!
— Да что ты, Санкити?
Твой амулет?
Как раз сегодня... он тебе так нужен!

— Нет-нет! Ты знаешь, имя
Мое написано на нем,
Не прозвище,
А данное отцом
Мне при рождении.
 Меня поймают?
Что за беда! Беда, когда прочтут,
Как я по-настоящему зовусь:
Мне будет стыдно.

Санкити снимает
Свой амулет.
Большие чувства
Таятся в этой маленькой груди!
Передает через окно Коман
Свое сокровище
И подтыкает
За пояс полы кимоно...
Тихонько
Он крадется
К гостинице для знатных
Проезжих...
Между тем Ёсаку
За ним следит издалека.
— Коман!
Коман! Меня ты слышишь?

Пойду спрячусь в доме Ярёку, у подножия горы. Вернусь сюда в полночь. Отойди от окна. Иди к себе...

— Ах, я так боюсь... Холодная дрожь пробирает...
Сохрани нас, Дзидзо-сама, Дзидзо-сама!

О, три сокровища святого Будды!
— Э-э! Ты думаешь, теперь молитвы
Помогут нам?
Но тише... тише...
Ты слишком громко молишься.
Нас могут
Подслушать. Спрячься!

И Ёсаку тихо
Прощается с Коман,
Бредет
Вниз по холму,
О камни спотыкаясь...
Вот-вот он упадет.
На сердце камень.
В душе темно, как в преисподней.
А он идет все вниз...
Все ниже... ниже...

Когда случается, что князь
В гостинице задержится, охрана
Всю ночь не дремлет.
И о-химэсама,
Дочь князя,
Охраняется надежно.
Проходит с гулкой колотушкой сторож,
Отстукивая время.
Девять
Ударов — скоро полночь...
Тишина...
Потом опять проходит сторож.
Восемь
Ударов...

О, неразумное сердце ребенка!
Как ловко все удалось!
Никто не заметил!
Удача! Удача!
Сжимая в руках
Парчовый кошель,

Из ворот выбегает
Санкити, не помня себя
От восторга.
Ему не до сторожа.
Он колотушки не слышит.
Бежит. Бежит, задыхаясь.
Стремглав.
Но сторож увидел
И бросился следом —
В погоню!

...Мальчик

Заметил. Заметался.
На замке
Все двери.
Негде спрятаться.
Юркнул
В знакомые ворота.
В паланкин!
Дверь запирает изнутри.
Ложится,
В комок свернувшись, на полу...
Но сторож
Увидел все!
Он подбегает,
Нажал на дверцу,
Поднял занавеску.

— Я-а! Вот ты где! И кошелек с деньгами в руках!
Эй, люди! Вор! Вор! Держите! Маленький погонщик
Санкити своровал кошелек с золотом! Эй! Эй! Все идите
сюда!..

Так он воит.
Бедняга Санкити
Попал, как мышка в мышеловку,
В ловушку, что из этой тесной жизни
Ввергает в преисподнюю.

На крик
Сбегаются все слуги, все служанки,
Охрана с палками,
Большие самураи
Из свиты юной госпожи, другие
Проезжие, разбуженные криком

И суматохой.
Тащат паланкин
На середину улицы. Приносят
Шесты с подвешенными фонарями.
Является начальник стражи.

— Отчего тревога? Всех на ноги подняли из-за мальчишки! Вытащите его из паланкина!

— Мы повинемся! —
И стражники проворно
Распахивают дверцы паланкина.
— Ну! Выходи! —
Но Санкити молчит.
Они его вытаскивают грубо
За маленькие руки.

— Вот те деньги,
Что я украл!
Вот кошелек, начальник!
Возьмите! —
Санкити глядит кругом,
Наморщив брови
И сверкая дико
Глазами.

— Хо! Да он совсем ребенок!
Не мог же он один
Устроить кражу? Что-то не похоже!
Найти его сообщников!
Всех-всех
Погонщиков собрать сюда!

— Приказ
Немедленно исполнен будет! — Стражи
В соседние гостиницы бегут.
Сзывают всех погонщиков. Ведут
И Хатидзо Шмеля,
Хоть вдребезги он пьяный...

Шатаясь, Шмель гудит:
— А где он, вор?
Ха! Ты, чертенок?
Опозорил нас,
Погонщиков!

В тюрьму его!

Казнить!

Распятъ его! Распятъ! —

И он с размаха

Бьет Санкити ногою в спину.

Мальчик

Летит на землю кувырком. Разбил

Он лоб о камень.

Кровь струей пурпурной

Окрасила лицо.

Но дикий дух

В его груди еще не укрощен!

Он на ноги вскочил:

— Как! Ты посмел

Меня пинать ногою? Погоди,

Проклятый Шмель!

Тебе я ноги-руки

Пооборву!..

Он хочет броситься на Хатидзо.

Его удерживают силой.

Старший

Бранит Шмеля:

— Как, негодяй, ты смел

При нас, при самураях, бить ребенка,

Пинать ногами?

Грязная скотина!

Ответишь ты за буйство!

Санкити

Опять рванулся.

— Он меня ногою

Ударил! Негодяй!

А я-то думал,

Никто из низкой черни не посмеет

Меня ударить!..

И не только ногою пнуть, но даже мечом зарубить не посмеет! А теперь у меня на лице позорные рубцы!

Нет-нет! Я отомщу тебе, проклятый!

Пусть голову мне отсекут!

Но раньше

Зубами в морду я тебе вцеплюсь!

Месть Дикаря узнаешь! —

Слезы гнева

Из глаз его ручьями полились.
Такая ярость в этом юном сердце,
Что волосы
Невольно встали дыбом
У всех, кто это видит...
Сигэной,
Разбуженная шумом,
Из дома выбегает, посмотреть,
Что за беда стряслась.
И видит сына,
Толпу погонщиков и стражу,
Узнает,
Что сын украл...
Она теряет силы
От страшной вести —
Может только плакать!
Ах, если все откроется, к чему
Ее старанья тайну сохранить?
Что, если слух пройдет:
«Молочный брат княжны —
Простой погонщик,
Да к тому же — вор!»
Досада, жалость, ужас, гнев, любовь
Ее терзают.
— О, какое горе!

Ах, неблагодарный! А я-то о тебе так заботилась с самого нашего отъезда! Все мои хлопоты о тебе пропали попусту. Ты совершил ужасное преступление. А мне казалось, что в твоих жилах течет благородная кровь!

Ты так испорчен! Видно, оттого твои родители и не хотят тебя узнавать! Оттого и стал ты простым погонщиком! Я тоже знаю, что такое — иметь дитя. А сердце матери всегда одинаково. Если бы твоя мать узнала, что ты сделал, ну как ты думаешь, прибежала бы она сюда спасать тебя, даже если она готова броситься в огонь и воду для твоего спасения? Пусть со стороны кому-нибудь и кажется, что мать равнодушно позволяет погибнуть своему ребенку. Но разве — в глубине души — она не взывает к богам и буддам, моля сохранить твою жизнь? Но ребенок твоих лет не мог сам пойти на такое преступление. Кто приказал тебе украсть? Быть может, твой отец, впавший в нищету? Или кто-нибудь чужой?

О, я представляю себе, что сейчас творится на сердце

у твоей матери! Мы с тобой эти дни так подружились в дороге. Да, я хочу спасти тебе жизнь. Если б только на доброе имя моей юной госпожи не упало позорное пятно, я была бы готова сказать, что ты мой сын, что ты ее молочный брат, лишь бы спасти тебе жизнь. Ну, отчего ты молчишь? Скажи хоть что-нибудь в свое оправдание!

Из глубины души,
Из самых недр
Тоскующего сердца
Льются слезы
Несчастной матери.
Ее рыданья
Как будто умоляют всех понять,
Что перед ними — сын...
Что перед сыном — мать...
Но мудрено им догадаться!
И Санкити Дикарь
Пытливо смотрит
В лицо несчастной матери — и вновь
К земле глаза он опускает... Слезы
Ему сжимают горло...
Он молчит...
И наконец:

— Послушай, госпожа кормилица! Я один, один пустился на это позорное воровство. Да и чего же ждать от простого мальчишки-погонщика? Я никого не стыжусь. Но перед тобой мне стыдно. Вот ты спрашиваешь меня: не ради ли моего отца я украл? Жестокие слова! Поверь, будь у меня отец, не пришлось бы мне лошадей гонять. Но я не знаю, есть ли у меня отец. Хоть краем глаза взглянуть бы на него!..

Правда, у меня есть мать, но она боязлива, как все женщины... И она служит в знатном доме. Мы теперь чужие друг другу.

К чему мне оправдываться? Все равно: теперь я заслужил кличку «вор»! Меня опозорили перед целым светом. Я никогда не посмею взглянуть в глаза моему отцу! Я молю: убейте меня! Скорее убейте меня!

Когда ты так говоришь со мной и жалеешь меня, я теряю мужество. Еще немного — и я не захочу умирать.

Отойди от меня. Вернись в гостиницу для знатных людей. Я не хочу больше видеть твоего лица!..

Он прижимает оба рукава
К своим глазам
И плачет...
Сколько силы
В его мятежном сердце!..

Сигэной
Совсем теряет разум:
— Умоляю!
О, будьте милосердны!
Пощадите
Воришку... мальчика!..
Я, Сигэной,
Готова жизнью поручиться
За этого несчастного ребенка!

Она рыдает в голос,
Позабыв,
Что самураи смотрят на нее
И слушают...
Она ломает руки
И падает без сил,
Ничком, на землю...
Тут старший из вассалов — Хонда
Ядзаэмон — выходит из дверей:
— Мне доложили
О происшествии!
И я постановляю:

Поскольку украденная вещь была возвращена, а главное, поскольку мы находимся в пути, следовательно, в чужих владениях, — считать, что столь ничтожное дело не требует судебного разбирательства.

Дарую жизнь тебе.
Вставай — и уходи! —
Он поднимает Санкити с земли
И ставит на ноги.
Но дикий мальчуган
По-прежнему глубоко безутешен:
— Так опозорить
И потом простить?

Как же мне жить теперь? Нет-нет, если у тебя в сердце есть сострадание, вели казнить меня! А лучше — убей меня сам, своим мечом!

Он снова падает на землю.
Старый Хонда
Разгневан.

— Ах ты маленький наглец! Ни в старых, ни в новых законах — нигде не сказано, чтобы карали смертью за такой ничтожный проступок. Вставай, ну! И проваливай отсюда!

Но Санкити упрям:
— Так вы насильно,
Жестокие,
Мне навязать хотите
Поруганную жизнь?..
О, о! Теперь
Я знаю, что мне делать!

Санкити
Вдруг вскакивает на ноги. — Я-а!
Ты, подлый Хатидзо!
Меня ногами,
Как червяка, топтал!
Оставил знак
Позорный на моем лице! А я —
Сын самурая. Каждый самурай,
Когда он опозорен, умирает.
Мои слова ты слышал —
И не понял?

Не кончив говорить,
Одним рывком
Короткий меч,
Отточенный, как бритва,
Из ножен выхватив,
Вдруг
Санкити
Бросается к Шмелю —
И быстрым взмахом
Ему перерубает шею!

Взмах —
Как молния удар!
И голова
Слетела с плеч.

«Убийство! Стой!» —
Все разом вскрикнули.
Его хватают.
«Пощады не проси!»
Десяток рук
Веревкой скручивают малыша,
Сам Хонда потрясен.
Он объявляет:

— Да! Приходится сдать его с рук на руки старосте этого селения. Послать его под стражей в здешнюю управу!

Ну что ж ты сел на землю? Встань!

И стражи
Убийцу маленького поднимают
И ставят на ноги.

Мать — Сигэнои, —
Теряя разум,
Может только плакать.
Она понять не в силах, что стряслось,
И только повторяет:

— Я еще никогда, никогда не слышала, чтобы в такое время... в такое время, когда свадьба готовится... кого-нибудь веревкой связывали... бросали в тюрьму... Я еще никогда...

Она шатается...
Ее уводят в дом.
Она шагнет,
Оглянется — и снова
Шагнет бессильно...
Мальчик провожает
Глазами мать.
Потом покорно,
Закрыв глаза,
Стоит, как будто в камень
Он обратился.
Но в себя приходит
И говорит:

— Что ж... этого я и хотел. Не мог я
Жить опозоренный. Меня ногами
Пинали. Лоб расшибли. А потом

Швырнули жизнь, как нищему — подачку.
Э! Одному спуститься в ад? Не лучше ль
С собою взять попутчика? И разом
Поклажу двух хозяев подвезти?
За тот же путь словчить двойную плату?
Умрут все люди. И отец, и мать
Когда-нибудь умрут. И под конец
Мы, трое, там сбредемся, не боясь
Разлуки. Все приходят из другой
Гостиницы на землю. И должны
Мы к вечеру в харчевню возвратиться.
Пошла в обратный путь, моя лошадка!
Споткнулась, стерва? Но!.. Корэ-корэ!
Хоп-хоп!..

Любой бесстрашный самурай
Его отваге может подивиться.
У седовласого Ядзаэмона
Слезинки навернулись на глаза.
Жаль смельчака!

И Санкити уводят.
Толпа расходится угрюмо..
Все тихо.
Только крики сторожей,
Следящих за огнем, стук колотушек
Порою нарушают тишину
Гостиницы,
Где сном глубоким спит
О-химэсама
Со своею свитой.

Ёсаку узнал:
«Санкити пойман!»
Как только услышал,
Проворно бежит
К воротам гостиницы,
Громко крича:
— Я виноват! Это я
Подбил мальчишку
На воровство!
Вяжите меня! —
Коман подзывает Ёсаку,
Стуча по решетке: — Скорее!
Кто мне подойди!

Ёсаку к ней подбегает.

— Что, что стряслось? Он попался в воровстве? Его поймали?

— О, ты еще ничего не знаешь. А я все видела отсюда! Мало сказать — попался в воровстве! Он убил человека, убил Хатидзо! И все ради нас.

Он голову отрубил Шмелю, а завтра ему самому снесут голову. О, бедный Санкити! Несчастный мальчик!

Так она шепчет сквозь слезы.

Ёсаку, дрожа, говорит:

— Наму Амида! Наму Амида! Это мы его убили. О, какие мы страшные преступники!

Они со слезами в глазах

Глядят друг на друга.

— Послушай, Ёсаку! Мы не смеем даже на один час пережить Санкити. Неужели ты не согласен со мной?

— О! если ты так решила... я согласен! Если так, то я спокоен... и доволен! Еще с вечера я думал об этом, но затаил в сердце свои мысли. Все мне казалось, что ты не захочешь покинуть своего отца в беде. Разве ты не тревожишься о том, что с ним будет без тебя?

— Нет-нет! На меня обрушилось такое несчастье, что ничем уж не могу я помочь отцу. Но знаешь? Если мы будем так долго рассуждать, то, пожалуй, раздумаем. Решено! Забудем обо всем на свете — и скорее уйдем отсюда.

— О! Я рад! Но я не могу бросить хозяйскую лошадь... Лучше возьмем ее с собой — к месту нашей смерти. Она повезет тебя. Я приведу лошадь. А ты пока постарайся вынуть решетку.

— Это не трудно! Ведь через окно пробирался любовник к моей подружке Коёси. Стоит только нажать на решетку — сама выпадет.

— Да-да! Для Коёси это окно вело к любовному свиданию. А для нас это железные ворота, ведущие в ад!

Он, тихо жалуясь,

Коня приводит.

— Коман! А где кинжал,

Который я тебе оставил?

— Здесь!

Он цел и невредим. Он у меня
За поясом!

— А, хорошо!

Спускайся осторожно. На седло
Ставь ногу. Так! Не ушибись!

И он,
Который охраняет,
И она,
Которую оберегают, вместе
Готовятся к последнему пути
При свете убывающей луны...
Конь лунной масти,
Хвост его взлохмачен
И вымочен в росе.
И рукава
Ёсаку и Коман мокры от слез...

Коман легко спускается на землю...
Они выходят на дорогу,
Проворно пробегают
По тихой улице. Потом, замедлив шаг,
Ёсаку говорит:

— Слишком много людей спует по Токайдоской дороге. Не лучше ли нам расстаться с жизнью на дороге в Исэ?

— Ах, ты напомнил мне! погоди: мне Санкити оставил свой амулет. Надо посмотреть, какому богу он посвящен. И у меня на груди тоже есть амулет: из великого храма Исэ. Мы можем осквернить амулеты своей смертью, и это помешает спасению наших душ. Лучше я оставлю эти святые вещи здесь, в храме Дзидзо!

— Да-да! Это разумно. Хорошо, что ты об этом вспомнила!

Она открывает
Узорный мешочек,
Подбитый пурпурным шелком,
И в руки Ёсаку
Кладет амулет.
При свете луны
Он читает:

«Великий храм богини Солнца в Одара. Благополучие и долгая жизнь для Ёносукэ, сына Датэ-но Ёсаку, родом из округа Тамба».

Ёсаку точно молнией сражен.
Он вскрикнул:
— О, три сокровища святого Будды!
Так это мой Ёносукэ! Его,
Трехлетнего, покинул я, проклятый!

О!.. Мальчик не знал, что я его отец, родной отец! Но он любил меня, он почитал даже самое имя Ёсаку. А я ни о чем не догадался! Я сам толкнул его на воровство — и довел до плахи! Словно я сам руку протянул, чтобы отрубить голову моему ребенку!

Он падает на землю. Кулаками,
Ногами бьет дорогу.
Он кричит,
В отчаянье рыдает. И Коман
Безудержно рыдает вместе с ним:

— Мы, верно, были прокляты в прежнем рождении... Мы преступники... Какие мерзкие поступки совершили мы... один ужаснее другого!

Да, только решив умереть, мы следуем высшей воле. Ах, чем дольше мы пробудем в этом мире, тем больше нагрешим! Скорее в путь!

— Да, ты права! —
Ёсаку хочет встать.
Его не держат ноги.—
Как мне стыдно!
Смотри, Коман: я не могу подняться.
— О, как ты духом слаб!

Коман пытается поднять Ёсаку,
Но у него колени подогнулись,
Он снова падает...
И слабыми руками
Коман возлюбленного тянет вверх.
Он грузно оседает вниз,
На землю...
Она его приподымает вновь,
Он падает... еще... и много раз.

Ёсаку
Родился в Тамба,
Где столько цветет каштанов.
Как быстро жизнь его отцвела!
Тридцать с немногим
Он прожил лет...
А сколько видел несчастий!
Коман сажает его на коня
Лунной масти.

По шести дорогам вселенной
Проедут они, гоня
Спотыкающегося коня.
Путь длинный-длинный.
Спуск — крут. Подъем — высок.
Зыбучий песок...

Как поется в песне старинной:
«На горе Судзука облака
Туманятся... туманятся...»
Гора — слева. Гора — справа.
Впереди переправа
Через подземный поток
К трем путям преисподней.
Но любящие и там не расстанутся.

Но-о!.. Но!.. Вперед!
Копыта стучат: тон-тон!
Еще сегодня
Добраться им надо
До железных ворот
Ада.

О, наш мир!.. Это — сон.

КНИГА ТРЕТЬЯ

М И Т И Ю К И

СТРАНСТВИЕ ПО ДОРОГЕ СНОВИДЕНИЙ

Эй, Ёсаку из Тамба!
Ты погонщиком был,
А теперь от погони

Сам бежишь, словно конь,
Озираясь пугливо
Средь далеких лугов!

Средь далеких лугов
Звучало
Имя твое — Ёсаку, Ёсаку из Тамба!
Там, бывало,
Про тебя пели птицы,
А теперь...
Даже маленькая трясогузка,
Любви обучившая богов,
В мертвой траве,
В осенней траве
Замолчала.
Сквозь ночной осенний мрак
Погоняй коня, Ёсаку,
Колокольцами звеня!
Но-о!.. Корэ-корэ!..
«Только вспомню тебя, Ёсаку,
На дуга туман упадет».
О, не твои ли слезы, Коман,
Пролились печальным дождем?
Но-о!.. Корэ-корэ!

Путь не близкий.
Надо коня покормить.
Мы оставим сухую траву
И камыш
С кровли хижины низкой
Про запас,
На прокорм коню...
Пусть не знает
Он голода утром,
В час,
Когда нас не будет на свете...
Ах, как скоро вянет трава!

Как эта трава луговая,
Мы увянуть должны
На рассвете,
Под звон осенних цикад.
И под звон осенних цикад
Погоняет коня Ёсаку
Под гору вниз.

— О Коман, погляди, погляди!
Вниз по склону холма
Торопится всадник
На усталом вьючном коне...
Где найдет он ночлег — в Ёккайти?

И нам
Надо спешить.
И нас ожидает ночлег
И покой долгожданный,
Но раньше
Семь раз по семь
Дней и ночей
Мы будем блуждать
В преддверии ада,
Покорно,
Как стадо овец бредет... бредет...

Но-о!.. Корэ-корэ!..
Вниз — под гору. Вверх — по горе.
Скорей, скорей!
О, горе!..
Он дергает повод,
Понукая коня.
Но конь упрямится,
Замедляет шаг,
Словно чуя скорый конец
Коман и Ёсаку.

С двенадцати лет,
Коман, бывало,
Зазывала гостей ты
Голосом нежным,
Как пенье флейты.
Сколько ж друзей
У тебя побывало!
— Ах, как мало
Осталось теперь у меня
Друзей и подруг!
О, их дружба короче
Летней ночи,
Недолговечней осенних цветов.
Кто, кроме коня,
Станет грустить надо мною
В мой смертный час?

И, покачиваясь на ходу,
Конь протяжно заржал,
Словно чуя беду...
Конь устал,
Не хочет бежать во мгле,
Ступает едва-едва.
Ёсаку согнулся в седле.
И градом сыплются слезы
На его рукава.
Так сыплются семена с ветвей
На усталого путника...

— Коман, ты помнишь,
Как в первый раз
Словами любви мы обменялись?
С тех пор три года прошло.
Паломники, шли мы на поклоненье
И встретились на пути случайно...

Посреди Кусидá,
По дороге в Исэ,
Я тебе признался, Коман,
В любви — навсегда!
О, твоя шляпа — в вечерней росе —
Красная, красная!
Помнит статуя святого Дзидзо
В храме селения Сэки,
Как поклялись мы оба
До гроба не разлучаться...
И за гробом... Навеки!

Хоть я и нес покорно
Все эти годы тяжкий груз
Моей любви к тебе, Коман,
Но было мне легко на сердце!
Я бодро гнал навьюченную лошадь,
И ноги весело шагали по земле.
О, и сейчас
Моя любовь к тебе не угасает.
И все ж сегодня ночью
Морозный иней пал на землю,
И на рассвете кончится наш путь
В глубокой пади,
На самом дне вселенной,
Где имя я свое похороню.
Так низко я упал...

— Коман, я вспоминаю
Давно минувшее...
Мы словно две скалы
В заливе пенистом Футáми.
Они окаменели — муж с женою, —
Войдя в святилище
Без омовенья. Вот урок для нас!
И мы умрем,
Железом осквернив свои тела.
Преступники, мы преступили долг,
Любовью увлеченные... О, вспомни,
Когда с тобой мы встретились впервые,
Переходили мы из храма в храм
В томлении любовном,
А теперь
Должны мы странствовать
В преддверье ада.

— Не надо думать
О невозвратном прошлом!
Я слез не в силах удержать...
— Не плачь, Коман,
Молю тебя, не плачь!
Как горько мне!
О, как кричат вороны!
Не раз я слышал,
Что карканье ворон
Вещает людям горестную гибель.
Теперь я знаю: это правда!..
Ты видишь? Из тумана
Возносится вершина Асамá,
Как будто смерть сама,
Подстерегая нас,
Пригнулась за горою.
Нельзя нам медлить: здесь мы оскорбим
Двойным самоубийством
Обитель жриц, не знающих греха.
Какой позор! Два грешных тела,
В запекшейся крови,
Покинутые посреди дороги, —
Такое зрелище для глаз,
Что даже
Паломники, отпрянув, содрогнутся.
Кто, сострадательный,
Помолится за нас?

Никто, никто...
Как жестока судьба... и как печальна!
Где прошлые дни?
Где будущие года?
Взгляни, взгляни на сегодняшний день —
И все ты поймешь, узнаешь.
Взгляни: без следа убегает вода...

Коман взглянула на Ёсаку
Сквозь льющиеся слезы:
— Слышишь
Удары барабана? Восемь раз!
Какой высокий звук
Летит
Из храма на «Высоком поле»!
Ущербная луна
Стоит высоко.
Недолго ждать нам до рассвета...

Много было у нас по пути
Приютов, гостиниц,
Где мы ночевали
На ложе любви...
Но длиннее,
Чем тысячи тысяч ри,
Тянется путь на Запад
До райских селений,
И негде сменить нам усталых коней!
На пороге обитатели «Ста наслаждений»
Встретят нас бодхисаттвы —
Каннон и Сэйси.
За руки нас, истомленных, они поведут
И даруют покой
На подножии-лотосе,
Где, кроме нас,
Иных не будет гостей...
Помолимся Будде:
Наму Амида Буцу,
Наму Амида Буцу!

И пусть надеяться нелегко
Тому, кто в грехах закоснел!
Они умоляют
О прощении, о защите
Амитáбу
Из храма Ко,

Милосердной которого нет,
И с молитвой подходят к сосне
«Тысячи жертвенных монет».

Наступает мгновенье расплаты...
КОНЕЦ МИТИЮКИ

Потомок гордых самураев,
Прославленных стрелков из лука,
Ёсаку в эту ночь
Решил расстаться с жизнью...
И, спрыгнув на плотину, он надежно
К стволу сосны
Привязывает повод
Усталого коня.
Стряхнув росу,
Он раздвигает заросли бамбука
И подзывает грустную подругу.
Глядит — сквозь влагу слез —
в глаза Коман
И за руки
Ведет ее в глубь чащи.

— Сюда! Скорей!.. Подумай, Коман: тебе двадцать
один год, мне — тридцать один! Вместе нам всего пять-
десят два года. Это и для одного человека не очень-то
долгая жизнь!

Любимая!.. Сейчас тебя убью...
О, если хочешь,
Сердце облегчи
В последние мгновения. Скажи,
Что тяготит тебя?..

— О, что ты! Разве у женщины, готовой умереть
вместе со своим любимым, может еще остаться в душе
сожаление о нашем бренном мире?

И все же —
Гнетет мне сердце тяжкий камень.
Хотя... теперь...
Былого не вернешь.

Она не досказала. Но Ёсаку
Спешит ее прервать:
— К чему печаль?

О чем заботиться?
Забудь про все земное!
Пока мы дышим, нас влекут вперед
Шесть наших чувств.
Желаньям нет предела.
Отбрось заботы и забудь стремленья
Земные.

Не печалься!

Изгони

Из памяти все горестные думы.
Освободись
Из сети вожделений,
Из невода земных забот. Должны
Мы вырваться
Из их круговорота.
Жизнь! Смерть! Не все ль равно?
Когда-нибудь
И мы к воротам подойдем нирваны!..

Поверь, мне тоже хочется поведать тебе тысячи ты-
сяч моих дум. Но я отрываю их от себя — и бросаю
прочь!

Впрочем... Одна моя ошибка... Только вспомню —
и дрожь берет!

В ящике, который я передал тебе на сохраненье... там
остался свиток. На нем начертаны имена моих предков,
перечислены их владения, их подвиги во многих битвах.
После моей смерти люди найдут этот свиток. И они будут
не только меня клеймить позором, но и бесчестить имя
моего рода. Вот что терзает меня...

Довольно!

Оставим это... О, какая скорбь!
Как тяжело мне;
Мой сын, Ёносукэ,
Погибнет утром, так и не узнав,
Что я его отец.
Его зарубят.
За что?

Чем согрешил он?

Он умрет.

Его погубит преданность отцу,
К которому он потянулся сердцем,
О, горе!..
Ведь это я, я виноват во всем!

Я не отец его,
Я враг ему!
Великий грех —
Убить родного сына:
Вот что кромсает душу! —
 Он, рыдая,
Упал ничком на землю.
 — О!.. Ты плачешь?
А мне ты запрещаешь говорить?
Нет, я молчать не в силах. Мой отец,
Несчастный мой отец!..

Он старик. А единственная его дочь сойдет в могилу раньше его самого. Я умру — и никто на всем свете, никто ему не поможет...

 — Какая грусть!
Не в силах мы отбросить,
Как шелуху, земные наши чувства,
Забыть любимых. Мы обречены
За гробом странствовать
Вдали от рая.
О, мы забыть не можем:
Я о сыне,
Ты об отце.
Не можем удержать
Горючих слез...
Хотя бы нам пришлось
Упасть на дно пылающего ада!
 — Ты прав! Ты прав!
Не в силах изменить
Мы наши думы и заботы о близких!
Так — в жалобах,
 в стенаньях — изольем
Все, что томит нас,
Все, что нас терзает!
Я не могу забыть
Судьбу отца.
Не можешь ты забыть
О казни сына.
Пусть нас за это адом наградят!

Они, обнявшись, плачут.
Голос ветра
С полей Тоёку
Вторит их рыданиям.

— Смотри туда, Коман!
Огни! Огни!
Ты видишь? Скороходы с фонарями!
Куда они бегут?

Мы слишком близко стоим к дороге. Отойдем в глубь чащи. Нужно выбрать другое место для нашей смерти!

Они отходят
В глубь зарослей лесных.
А мимо пробегают скороходы
С большими фонарями, обливаясь
Обильным потом,
И кричат друг другу:
— Скорей, скорей!
Нам надо торопиться!
Почтенная кормилица, конечно,
Нас наградит!
В святилище Исэ
По настоянию ее должны
Исполнить поутру священный танец
С молебствием.
Нельзя нам опоздать!
Успеем до рассвета! Э!
Вперед! Нас ждет богатая награда!

Их крики затихают вдалеке...

Ёсаку

Со вздохом говорит:

— Коман! Как ты думаешь, чья это может быть кормилица? Верно, ребенок, которого она кормит грудью, тяжело занемог. Вот она и молит богов о его спасении. А мы обрекаем на бесполезную гибель две наши жизни. О, если бы мы могли отдать их в обмен на жизнь этого ребенка!

Коман сквозь слезы
С ним соглашается:

— О, я была бы счастлива умереть во спасение ребенка... Но не ради чужого, нет! Ради твоего мальчика, твоего сына, которого казнят на рассвете. О, я согласна пойти на любую пытку, на любую казнь; пусть меня изрубят на мелкие части всю, с головы до ног. Пусть погибнет моя душа, лишь бы спасти его!

В ее простых речах
Звучит печаль
Самоотверженной души, готовой
Пожертвовать собою...
Вот решимость,
Которая сильнее любых обрядов,
Сильнее тысяч храмовых молитв!

Вдруг... шорох.
Осторожные шаги.
Со всех сторон
Крадутся люди.
Их сорок,
Пятьдесят. Разбились цепью,
Как на облаве.
В темноте
Кого-то ищут... Шепот:
«Посмотрите!

Лошадь без всадника! Привязана к дереву... одна...
в ночной темноте. Здесь что-то неладно!»

Раздался крик:
«Откройте фонари!»
С потайных фонарей покров отброшен.
Светло как днем.
Светлей, чем в праздник
«Ста тысяч фонарей».
«Они недалеко!
Ищите в поле или на опушке,
Обшарьте все кругом —
Шагов на двести!»

И множество людей, крича: «Ёсаку!
Коман! Ёсаку!» —
Окружает их...

Из круга воинов
И стражников теперь
Нельзя им ускользнуть.
— О, наму сáмбо!
Коман! Скорей умрем!
Не то двойной
Позор падет на нас! —
И он рывком

Выхватывает свой клинок из ножен.

Блеснуло лезвие!

«Смотрите! Вот они!» —

И воины, подкравшись, вдруг хватают

Ёсаку и Коман, разводят их

И ставят порознь.

— О, если вы — самураи и вам понятно, что такое честь самурая, имейте ко мне сострадание! Я Датэ-но Ёсаку. Вы захватили меня врасплох. Я должен покончить с собой. Неужели вы помещаете мне — в последнее мгновение моей жизни — исполнить мой высший долг?

Какое унижение! Пустите!

Он бьется, вырывается из рук

Десятка воинов...

Из паланкина,

Стоящего поодаль, звонкий голос

Дает приказ.

И торопливо

К Ёсаку подбегает самурай:

— Да-да!

Сомнения нет. О, это ты, Ёсаку,

Пропавший без вести.

Ты узнаешь меня?

Вглядиись! Твой друг — Сагисакá Санай.

Удача! Вовремя тебя нагнали!

Ты, конечно, знаешь, что наша юная госпожа изволит следовать на Восток — навстречу счастливой судьбе. Но события этой ночи омрачили ее радостный путь. По ее высочайшему приказу мы спешно провели расследование и в изголовье девицы Коман нашли свиток, где означено твое подлинное имя. Нам также стало известно, что Санкити, по прозвищу Дикарь, твой родной сын Ёносукэ. Но больше всего тронули сердце нашей госпожи верность и преданность ее старшей кормилицы Сигэнои. Она даже родного сына не пожалела. Не признала его, чтобы не омрачить своей воспитаннице свадебного путешествия.

Узнав все обстоятельства дела, о-химэсама даровала Санкити жизнь и в безграничном милосердии своем сама сюда прибыла вместе с Санкити и его почтенной матерью, чтобы спасти жизнь вам обоим.

В ожидании окончательного решения сиятельного князя она назначает тебе свиту в пятьдесят человек. Девицу Коман она тоже принимает в свой дом и обещает даровать ей свою высокую милость.

Так повелела нам о-химэсама.
Я передал тебе
Ее приказ.
Будь благодарен ей.
Вернись — и следуй
За паланкином юной госпожи!

Ёсаку до земли склонил свой лоб:
— О! О! Мой род!..
Он мною опозорен!

Я ничем, ничем не отплатил князю за беспримерные его милости ко мне — с тех самых пор, как я вошел в число его слуг!.. Небо покарало меня за мою неверность. Я пал так низко, что во мне ничего не осталось от доблести самурая. Я даже не узнал моего родного сына!

Теперь мой долг —
Оставить на дороге
Мой окровавленный, позорный труп!

Ни в этой жизни, ни в будущих рожденьях не забуду я великой доброты юной госпожи.
Моя жена и мой сын показали такую твердость духа... Кто посмеет смеяться над ними? Но я... Как я смогу показать перед людьми свое лицо? Я, опозоренный?..

Из сострадания,
Мой старый друг,
Скажи, что мертвым ты меня нашел
Здесь, у дороги.
А теперь — прощай!
Коман твоим заботам поручаю.
Прощай — навек!

Он хочет заколоться.
Коман бросается к нему:
— Что? Как?
Мне говоришь — останься? Что же,

Я без стыда и совести! Подумай!
Все будут восхвалять твою жену,
Ее решимость, преданность. Меня же
Позорить... И винить во всем.
Ты мне даруешь жизнь? Зачем?
На стыд и на позор?
Чтоб каждый встречный
В глаза и за глаза
Смеялся надо мной?
Но нет,
К чему слова пустые!
Еще подумают,
Что я хочу
Кого-нибудь разжалобить, лукавлю.
Нет, этого не будет!
Я умру!
Прости, что я тебя опережаю!

Она выхватывает свой кинжал.
Ёсаку кинулся...
Схватил за руку...
Остановил.
— Коман! Да, ты права.
К чему возвышенная речь! Слова
Хвалений, благодарности — для тех,
Кто умереть готов?
Все это — шелуха,
Пустая кожура — и только...
Спаси нас, Будда!
Ты готова?

Они хотят друг друга заколоть.
Санай к ним бросился,
Кинжалы
У них он вырвал
И швыряет прочь
В лесную чащу.
Скрежеща зубами
От гнева и досады, он кидает
Ёсаку и Коман на землю...

— А, неблагодарный! Недостойный называться человеком! Чудовище!..
Ведь в прежние времена князь наш поставил тебя начальником над своими воинами! В пути всегда за тобой

следовали два копыеносца! Но теперь у тебя в груди — сердце неразумного погонщика! Было у меня много друзей и товарищей, но именно тебя я, Сагисака Санай, считал своим братом, — вот что обидно! Ведь мой отец Саконъэмон в день твоего совершеннолетия надел тебе на голову убор взрослого мужчины и дал тебе имя Ёсаку! Ты вопишь: «Умру! Умру!» Неужели умереть — это уж такое небывалое дело? Ты полагаешь, что самоубийство — смерть, достойная воина?

Вот первому ворваться в замок вражий,
Испробовать свое копые в сраженье
Иль голову срубить
Могучему врагу
И, нападая, пасть в бою — такая
Смерть подобает воину!
Но помни:
Она дается только смельчаку,
Ее завоевать не так-то просто!

Э!.. Ни в одной священной книге не сказано, что покончить с собою вместе с девицей — это великий подвиг! Ты боишься мелкого унижения. Но разве не последний позор — ответить черной неблагодарностью на милосердие князя? Или ты уже забыл об этом? Презренный! Да если бы все показывали на тебя пальцами, обзывая собакой, то и тогда твой долг повелевал бы тебе проглотить этот позор! Вот что значит быть настоящим самураем, прямодушным воином, для которого честь и верность выше обиды! Но ты уже не способен отличить истину от лжи. Что ж! Убей себя. Я, Санай, не стану тебя удерживать. Поступи по своему разумению! Однако не подобает простому погонщику погибнуть от воинского меча. Хочешь умереть — откуси себе язык, спрыгни с каменной скалы, а еще лучше — удави себя грязной уздой от ломовой лошади!

А я — из сострадания к тебе —
Останусь тут и погляжу...
Э! Я всю душу вымотал свою,
Внушая чувство чести человеку,
Который был когда-то самураем,
Теперь — не самурай! —

И он в сердцах

Зевает во весь рот...

Ёсаку зарыдал:
— Я был не прав, Санай!
Мой разум помутился.
Несчастья омрачили душу мне
И спутали мне мысли. Отдаю
Свою судьбу тебе.
Повелевай,
Я повинуюсь!

Он сложил ладони
И поднял их в мольбе.
Санай встает.

— Так ты согласен? Отлично! Отлично! Теперь ты
опять прежний Ёсаку. Я сам буду просить милости для
тебя у нашей юной госпожи!

Он громко говорит:

— Прошу вас, почтенные дамы, доложите нашей гос-
поже: ее приказ исполнен.

Ёсаку,
Послушный повеленью,
Остался жить и отказался
От мысли о самоубийстве!

Возгласы радости!
Носильщиков веселые крики!
Спешат поднять паланкины,
Подносят их ближе...
Раздвинуты занавески.
Распахнуты дверцы.
Санкити, по прозванью Дикарь, —
Теперь он снова Ёносукэ —
И кормилица Сигэной
Склоняются в чинном поклоне,
Как пристойно супруге и сыну
Благородного самурая...
Ёсаку и Коман
Склонились вместе с ними.
Все четверо
Взглянули друг на друга.
Глаза блестят
От благодарных слез.

Нет сил для долгой речи...
Они, собравшись с духом,
Говорят
(Рыдания слова их прерывают):
«О-химэсама,
Наша госпожа,
Нам даровала счастье,
Жизнь и милость,
И мы ей вечно будем благодарны!»

Юная госпожа
Чуть-чуть раздвигает
Парчовые занавески.
— Так это — он,
Ёсаку из Тамба,
О котором песни поют?
А прославленная Коман,
Я вижу, еще красивей,
Чем на пестрых картинках
В книгах моих.
Говорят, она прекрасно танцует!
Мы здесь проведем целый день,
Пусть Коман покажет
Искусство свое:
Я велю моим самураям
Щедро ее наградить!

Она говорит,
Как подобает
Властительной госпоже,
И каждое слово ее
Рождает тысячу мер зерна,
Тысячу золотых монет,
Счастье тысячи поколений,
Чтобы дольше жил
Прославленный род,
Дольше, чем тысячелетние сосны,
Дольше, чем вековые скалы.

Дорогу, дорогу коням!

Единое слово —
И снова ты стал самураем,
Счастливец Ёсаку из Тамба.
Мы в песнях имя твоё прославляем,

Есаку из Тамба!
Ты снова можешь гордиться
Двумя мечами
В столице вишневых садов — Эдо!

Дорогу, дорогу коням!

По длинной дороге
Ты шла, Коман,
Сквозь туман и ненастье,
Тоскуя и плача,
Не зная, что впереди — удача,
Что судьба тебе уготовит счастье.

Дорогу, дорогу коням!

Звонкие флейты
Сзывают юных танцовщиц.
Радостно топают кони
Под дробный гром барабанов.
Прекрасны движенья
Юных плясуний,
Их одежды прекрасны —
Золотые, красные,
С головы до ног —
Загляденье!

И Коман в их кругу —
Всех прелестней —
Танцует
Под звуки песни,
Кружится, кружится
На осеннем лугу.

День радости!
Праздник любви!

САМОУБИЙСТВО ВЛЮБЛЕННЫХ НА ОСТРОВЕ НЕБЕСНЫХ СЕТЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

«Подожди меня у моста!
Ба́ккара-ф́унгоро — у моста! —
Просил он. — Скажи, подождешь?
Фунгоро-но́ккоро — подождешь?»
«Ах, я с собой не взяла зонта!
Гляди, собирается дождь!
Баккара-ва́ккара-фунгоро,
Баккара-ваккара-фунгоро!»

Все говорят:
«Селенье любви» —
Рай на земле
Для простака»,
Но девушек здешних
Любовь глубока.
Здесь течет Сидзими,
Ракушек река,
Но моря любви
Не вычерпать ими,
Не осушить до самого дна.
Здесь любовь до смерти верна.

Полно гостей
В квартале Сонэдзáки
Всегда шатается здесь разный сброд.
Разгуливают, шлятся без дела,
Горланят песни
Из любимых пьес,
Кривляются, актерам подражая,
Ломаются, насмешничают, пляшут —
Ну, кто во что горазд!..

Есть и такие гости:
Прочтут на фонаре
Название дома:

«Застава радостных писем»,
И сердце
Подманивает их остановиться.
Стоят и слушают.
А там, в покоях верхних,
Призывный звон
Веселых сямисёнов.
Ну как тут устоять и не зайти?

И такие гости бывают,
Что праздник «момби» они забывают.
Девушек — всех подряд —
В день «момби» дарят
Монетою звонкой,
А этот норовит
Проскользнуть сторонкой.
Прячется в тень,
Даже съежится весь,
Хоть каждый вечер
Гуляет здесь.
Денежек жаль иному скряге,
Он и спешит пройти поскорей.
Но служанка Киё,
Полна отваги,
Сторожит у дверей.
«Жалкий беглец! Кажется, он?»
Цоп! И хватает за капюшон.
Киё, как герой на поле битвы,
Словно Кагэкиё, хватает врага.
«Стой, если жизнь тебе дорога!
Входи!»
Не помогут просьбы, молитвы!
Войдет, а там уж его обучат!
Там одурачат!
Колпак нахлобучат!
Кошель растрясут
Скупердьям в пример.
На то и «момби» —
Праздник гетер!
И такие гости бывают.

Здесь каждый мост
Цветка название носит:
«Мост сливы», «Вишен мост»...
И вот среди цветов

Еще один цветок —
Та самая Коха́ру
Из дома Кинокунья.
Оставив бани южного предместья,
Она теперь живет
в «селении любви»
И легкий свой халат переменяла
На праздничный наряд гетеры.
«Кохару» — «Малая весна»,
Ведь так зовется
Последнее тепло поры осенней...
Такое имя — знак несчастья, знак,
Что эта девушка
Покинет мир
В десятый месяц года
И оставит
запятнанную память о себе.

Откуда слышен дальний зов кукушки?
Сегодня ночью кто позвал Кохару?
Она идет по улице.
За ней
Служанка Сүги еле поспекает.
Навстречу им еще одна красотка
Торопится куда-то
И вдруг при ярком свете фонаря,
Узнав Кохару, замедляет шаг
И говорит:
— Да это ты, Кохару?
Давным-давно
Не веселились мы с тобою вместе,
В одной компании!
Как поживаешь ты?
Постой, как ты осунулась, бедняжка!
Какое изможденное лицо!
Как похудела ты!
Ты не больна?

Говорят, у тебя много огорчений из-за Дзихэя, торговца бумагой. Будто тебе строго-настрого запретили с ним встречаться. Я слышала еще, будто твой хозяин так и впивается глазами во всех твоих гостей. Боится, как бы не пробрался к тебе твой возлюбленный. Тебя, говорят, редко-редко посылают куда-нибудь. Веселая жизнь, нечего сказать!

Да от кого-то я еще слыхала,
Что хочет выкупить тебя торговец
По имени Тахэй
И ты должна
Поехать с ним в провинцию Итами.
Все это правда?.. Или..

Но Кохару
Подругу прерывает:
— О!.. Молчи!
Не смей напоминать мне про Итами!
И там, в Итами,
Стану я томиться!..

Вот горе: ничего особенного нет между мной и Дзихэем.
А этот болтун, пустослов, этот сплетник Тахэй распускает про меня гадкие слухи. Дурная слава — что может быть хуже? Ты права: меня покинули все хорошие гости. Мои хозяева не позволяют мне встречаться с Дзихэем. Они говорят, что вся беда из-за него. А теперь нам даже переписываться не позволяют, — вот до чего дошло!

А нынче я удивлена: меня
Послали в чайный домик Кавасё.
Там будет гость, какой-то самурай.
Меня он пожелал,
И вот спешу!
Но я в тревоге —
Как бы по дороге
Не встретиться с Тахэем.
Боюсь его: он словно кровный враг
мне!

Постой!..
Не он ли там виднеется в толпе?

Подруга оглянулась.
В самом деле!
Из первого квартала
С толпой гуляк идет намáйда-бóдзу —
Переодетый бонзой скоморох.
А среди толпы пьянчуг и оборванцев
Какой-то затесался весельчак,
Разряжен в пух и прах,
В причёске фатовской.

И сразу видно —
Хвостун и грубиян.
— Конечно, он, Тахэй!
Скорей беги, Кохару!
Толпа валит сюда...

Кохару не успела убежать,
Как появляется монах-кривляка.
Он в рясе шутовской, а рукава
Закатаны на волосатых лапах.
В такт гонгу своему бормочет чушь,
Юродствуя, горланит он молитвы
И дзёрури
О битвах Кёксинги
И о безумцах,
С собой покончивших из-за любви.

«День-день-день» —
Трезвонит дребедень
Он целый день,
Не жалея сил.
— День-день-день!
Коксинга возгласил:
«Говорят, жил китаец Хан Кай.
Был могуч он и смел,
И добился он славы:
Лучше всех он умел
Крушить заставы!
А по мне, славы достоин
Только один:
Асахина — японский воин!
Вот кто ловок был и силен!
Лучше всех ворота проламывал он!»
Вот идет на врага
Коксинга,
Полон бешеной злобы.
Что запоры ему
и железные скобы?
Разобьет поперечную балку ворот
И ограду из бревен тоже сдерет!
Обезглавит Урёко,
Обесславит Сарёко
И с победным кличем,
Могучий,
Идет

Сквозь «Заставу Луны и Солнца»,
Как луна и солнце пролетают

сквозь тучи.

Вот как исстари повелось!
Помилуй нас... помилос, помилос!
Намайда-намайда!
Дон-дон-дон!..

Вот обезумевший Ванкью,
Оборванный и нищий.
Он ищет милую свою,
Возлюбленную ищет.
Он бродит средь толпы зевак,
Утешиться не хочет.
То плачет горестно, чудак,
То весело он хохочет.
Вот как он плачет: о-о-о!
Вот как хохочет: ха-ха-ха!
Сто девушек — и что же?
Нет ни одной на нее похожей.
Как пес, он валяется на траве,
В канаве у забора.
С таким смятеньем в голове
Наш мир он покинет скоро!
Вот жизни горестный конец!
А был он богач! А был молодец!

Вот как погибнуть ему довелось!
Намайда-намайда!..
Помилуй нас... помилос, помилос!
Эй-эй-эй-эй!
Красильщик Токубэй,
Сколько варил он составов и масел,
Всё ткани красил,
И невзначай окрасился сам
Любовью к красотке Фусá!
Самая стойкая краска!
Ни мылом ее не проймешь,
Не выбелишь щелоком,
Не сотрешь любовной работой.
Стал он мотом и щеголем.
Деньги свои расшвырял без счета,
А где их снова возьмешь?
С этого горе его началось.
Помилуй нас... помилос... помилос!..

Он кончил петь.
Но тут служанка Суги
Монетку достает из рукава
И подает ему:
— Послушай, бонза!
— Чего тебе?
— Не накликай несчастья!

Твои песни — зловещие песни. Что это ты вздумал распевать про самоубийцу Токубэя? И как раз теперь, когда в нашем квартале любви уже давно не слышно о самоубийстве влюбленных. Лучше спой нам про битвы славного Коксинги, про его путешествия!

Но скоморох не хочет:
— Что такое?
Как? За один или два гроша
Путешествие за три тысячи ри?
В далекий Китай?
Эта песня слишком для вас хороша!
Будет с вас песен... Буде!.. Буде!..
Помолимся Будде! Помолимся Будде! .
Бу-бу-бу!..

И бонза-шут,
Под нос себе ворча,
Уходит прочь с гуляками
Кохару,
С толпой зевак смешавшись, впопыхах
Вбегает в чайный домик Кавасэ.
Ее встречает бойкая хозяйка:

— Скажите пожалуйста, как скоро пожаловали! Вот спасибо! А то о вас последнее время и слух пропал. Редкая гостья, госпожа Кохару! Давно не заглядывали, госпожа Кохару! В добрый час, госпожа Кохару!

Вот тараторка!
Бойкий язычок!
Хозяйка так трещит, что за семь улиц,
Пожалуй, слышно: «Госпожа Кохару!»

— Что вы! Что вы! На улице слышно! Умоляю вас, не называйте громко моего имени. Там, у входа, — ненавистный злодей Ри Тóтэн. Ну, вы меня понимаете.

Я вас прошу, потише!

Не успела
Она договорить,
Как в чайный домик
Три удальца с Тахэем во главе
Без спроса ворвались.

— А, так! Я, оказывается, Ри Тотэн! Я злодей Ри Тотэн! Нечего сказать — одолжила! Спасибо, спасибо!

Друзья мои, поглядите! Вот она, та самая Кохару! Я о ней рассказал вам по секрету всю подноготную. Вот она, знаменитая Кохару, несравненная по уму и сердцу, несравненная в постели! Станет ли она на днях моей женой, или ее выкупит хозяин бумажной лавчонки Дзи хэй? Что и толковать, девица нарасхват. Так и рвут на части! Прошу любить ее и жаловать. Отнесите к ней запросто, по-дружески.

Тахэй идет к Кохару
И с наглым видом
За руку хватает.
Кохару отвернулась от него:
— Я вас не стану слушать. Отпустите!

Вы полагаете, что это подвиг, достойный настоящего мужчины, — распускать дурные слухи про людей, о которых вы ничего толком не знаете? Можете говорить все что вам угодно, я и слушать не хочу! Пустите меня!

Кохару вырвалась. Но грубиян
Опять ее хватает... И, достав
Тугой кошель, перед ее лицом
Бренчит деньгами:
— А, не хочешь слушать?..

Не хочешь меня слушать? Так я заставлю тебя, заставлю — звоном моих золотых. Нечего сказать, хорошую судьбу ты себе готовишь! Здорово тебе повезло! В трех частях города Осака мужчин хоть отбавляй. А ты? Ну, кого ты выбрала? Дзихэй?.. Дзихэй, бумажный торговец Дзихэй! Да он связан семьей по рукам и ногам! Отец двух детей; женат на своей двоюродной сестре; тесть у него — муж его родной тетки! Торговлишка у Дзихэя захудалая, катится под гору. Он даже не знает, как

расплатиться в срок с оптовиками. Вот какая у него торговля!

Ну, подумай сама, как он может выложить за тебя выкуп — целых десять каммэ серебром? Смешно! Все равно что сядет богомол посреди дороги и станет махать передними лапками, чтобы остановить экипаж!

А я?.. — Я — вольный Тахэй!
Нет у меня ни детей, ни жены.
Нет у меня ни тещи, ни тестя.
Я — Тахэй «Сам по себе»,
Ни от кого приказаний не слышу.
Я не живу по чужой указке!

В бахвальстве я, пожалуй, не смогу потягаться с этим Дзихэем. Но уж если речь пойдет о деньгах — тут Тахэя никому не одолеть! Да-да-да! Тут уж, друзья, все мне подвластно! Все могу купить!.. Уж наверно, это он, пройдоха Дзихэй, вызвал Кохару сюда на ночь. Но я ее отобью. Переманю ее, перекуплю! Тахэй «Сам по себе» никому не уступит возлюбленной.

Эй, хозяйка, давай вина!
Всем нам подай вина!
Так он буянит.
Хитрая хозяйка
Пытается его утихомирить:

— Что вы, господин Тахэй! Нельзя, нельзя! Нынче ночью Кохару занята: к ней придет гость, знатный гость, почтенный самурай — с двумя мечами. Он вот-вот пожалует. А вы ступайте с друзьями своими. Развлекитесь в каком-нибудь другом чайном доме!

Тахэй упрям.
Его не образумишь.
Он нагло продолжает болтовню:

— Глупости! Гость — все равно гость, кто бы он ни был. Носит он два меча или один, самурай он или горожанин. Ведь у каждого есть свой собственный меч! Хо-хо!..

Ты говоришь: самурай, самурай!
Да если он будет при полном параде,
И то у него только два меча:

Короткий и длинный!
Раз-два — и обчелся!
А я, богач, ничего не значу?
Беру Кохару
С самураем в придачу!
И куда от меня убежишь, Кохару?
Ведь если написано на роду,
Везде я тебя найду!
Вот и сейчас нашей встрече помог
Монах-скоморох.
А я, Тахэй,
Чем не монах?
Я тоже могу бормотать молитвы!
О, дивная сила великих сутр!
Вот сковородка — отличный гонг,
Вот колотушка — табачная трубка!
Бум-бум-бум!

Эй!..

Бумага, бумага!
Дзихэй, Дзихэй!
Ума он лишился:
В красотку Кохару влюбился!
Ну, быть беде:
А деньги-то где?..
Обрывки, клочки, мусор бумажный!
А золото где для девицы продажной?
Ну хоть не золото — медь!
Одни лоскуты бумаги рисовой,
Нагнись, подними и нос утри свой —
Да противно и нос утереть!
Вот под ногами
Дзихэй-ханагами,
Дрянной бумаги клочок,
Дзихэй — обманщик, пустой стручок!
Все богатство его в грязи расплзлось!
Намайда-намайда!
Помилуй нас.. помилос... помилос!

Пока Тахэй бахвалится, шумит,
У двери появился новый гость.
И ночью прячет он свое лицо,
Надвинул низко
Шляпу-амигасу,
Тахэй пришельца принял за Дзихэя

Конечно, незадачливый соперник
Украдкою пожаловал!
И гостя
Тахэй без церемонии хватает
И тащит в дом,
Крича и гогоча

— А! Дзихэй!.. Пожаловала бумага, дрянная бумага! Бумажный мусор с помойки! Грязные обрывки, обшарпанные лоскуты! Ну что ты упираешься?

Трус! Ты боишься
Моих молитв!
Скорей говори:
Помилуй нас Будда!
Зови на помощь себе Амитабу,
Не то сдери
С тебя амигасу! —
Буян пытается
Отнять у гостя шляпу,
Под фонарем взглянул —
Остолбенел:
И вправду — настоящий самурай!
С двумя мечами —
Длинным и коротким;
Под сенью шляпы
Черные глаза,
Свирепые, от гнева округлились,
Как два блестящих гонга
И Тахэй,
Не в силах вымолвить
Ни «боже», ни «спаси нас!»,
Скорее на попятную... Дрожит,
Старается
Не показать испуга
И все же хорохорится:

— Да-да! Ну-ну... Так-так... видно, я ошибся. Ну, госпожа Кохару, я — горожанин, длинного меча никогда не носил. Зато дома у меня немало найдется серебра, полновесного серебра. Я полагаю, что блеск моего серебра может затмить блеск любого клинка.

А что касается
До вашего Дзихэя,

Бумажного Дзихэя, — это мусор,
Негодный мусор! Все его богатство —
Обрывок рисовой бумаги! Э!..
И где ему соперничать с Тахэем
«Сам по себе»?
Пошли, друзья, пошли!
От «Моста вишен» и до Накамáти —
Широкая дорога.
Уж наверно,
Мы где-нибудь бумажника найдем
И втопчем в грязь его!..

Тахэй ушел,
Гордясь, что так удачно
Скрыл свой испуг.
За ним его друзья
Пошли, крича и чванясь.
Но Кохару...
Вся побледнев, почти лишилась сил,
Оскорблена, испугана, страшась
За милого...
В слезах..
Она забыла
Приветствовать как подобает гостя.
Она лицо закрыла рукавом...

Но тут из дома Кинокуния
Стремглав служанка Суги прибежала
В большом смущенье:

— Простите, простите! Когда я проводила сюда гос-
пожу Кохару, дорогой гость еще не успел пожаловать
И мои хозяева ужас, ужас как меня разбранили за то,
что я не проверила: уж не переодетый ли это Дзихэй!

Так я должна проверить!
Извините
Мою невежливость,
Почтенный гость.
Хозяева велели убедиться!

И Суги, шляпу гостя приподняв,
К его лицу фонарь подносит.

— Гм!..

Конечно, это не Дзихэй!

Простите!
Ну, госпожа! Я покидаю вас
В приятном обществе.
Оставьте гостя на ночь.
Да!.. Ночка будет бурной.
Не беда!
Для этого дождя не нужен зонтик.
Повеселите гостя, покажите
Искусство ваше!
Много-много раз
Распахивайте веер!
Свой салат
Приправьте красным перцем!
Пусть огурчик
Помаринуется на славу в сое!
Хозяйка! С вами я еще увижусь, —
Так сыплет шутками служанка Суги.
Но до сих пор молчавший самурай
Заговорил,
Он недоволен, он
Разгневан:

— Да что же это в самом деле? Здесь так изучают лица гостей, как придирчивый покупатель разглядывает подозрительный товар. Крутят меня во все стороны, как гончар — чайник или чашку. Хотят меня оболванить, что ли? Разве я пришел сюда затем, чтобы надо мной издевались?..

Из ограды замка моего господина даже днем нелегко выйти, а чтобы отлучиться на ночь, нужно выпросить разрешение у самого начальника дворцовой стражи, и притом расписаться в книге отпусков. Правила у нас строгие, строже не бывает! Но я наслышался о красоте госпожи Кохару и стал томиться любовью к ней. Недавно я сам заходил сюда уговориться о ночном свидании: я сам пришел, не прислал слугу!

Госпожа Кохару! Я-то думал, что свидание с вами останется для меня приятным воспоминанием на всю жизнь, если я хоть на одну ночь доверюсь вашей любви! И что же?.. Ни одной улыбки, ни слова приветия. Вы все время смотрите вниз, словно деньги считаете у себя за пазухой. Не заболела ли у вас шея? Что же это такое, хозяйка? Пришел в чайный дом к веселой красавице, и на тебе — тоска такая, словно должен ухаживать за роженицей. Это небывалый случай!

Вот как разгневан этот самурай!
Хозяйка хочет гостя успокоить:

— Вы правы, вы правы. Разумеется, все это кажется вам странным. Но я все вам объясню!.. У госпожи Кохару есть любимый гость, по имени Дзихэй. Сегодня — Дзихэй, завтра — Дзихэй, каждую ночь — Дзихэй. А другой гость к ней и не сунься. Богатые гости так и разлетелись во все стороны, как листья в бурю. А если такая страсть разыграется, то уж оба словно одуреют от любви. Далеко ли до беды? Тут может случиться несчастье и с девушкой и с гостем. А главное нашему делу от этого большой вред бывает. Понятно, что у нас, хозяев, повсюду один обычай: такой любви надо мешать. Вот почему мы так придирчиво оглядываем всех гостей:

Как бы Дзихэй украдкой не пробрался!
Девушка-то, пожалуй, права,
Станешь тут угрюмой и грустной!
Но и гость по-своему прав.
Гость-то повеселиться хочет!
Вот и выходит,
Что каждый прав!
Но, как хозяйка, я так скажу:
Самая правильная правота —
Не портить себе настроенья
Ну-ка скорей
Выпейте чарочку!

Госпожа Кохару! Госпожа Кохару! Веселее, веселее!
Улыбнитесь, прошу вас!

Так болтает хозяйка,
Желая умаслить гостя,
Но Кохару молчит..

Вот она подняла лицо,
По которому катятся слезы:

— Позвольте спросить вас, господин гость.

Смерть никого, конечно, не минует
Но говорят,
Что тот, кто умирает
Во время «Десяти святых ночей»,

Хоть грешник он,
Становится святым
И в будду превращается на небе.
Что, это правда?
— Мне откуда знать?
Спросите лучше у монаха в храме.
— Я так и сделаю,
Как вы сказали.
Но я еще осмелюсь вас спросить:
Что легче — петля или меч? И если
Решился кто-нибудь
Покончить с жизнью,
Что проще —
Удавить себя петлей
Иль перерезать горло?

— Что за странная девушка! Откуда мне это знать?
Я ведь не пробовал ни повеситься, ни зарезаться. Спросите меня лучше о чем-нибудь веселом. А то я хоть и воин, а как-то жутко становится на душе.

Гость хмурится.
Бывалая хозяйка
Торопится вмешаться в разговор:

— Госпожа Кохару! Госпожа Кохару! Это уже чересчур — так ошарашить гостя, который пришел в первый раз. Ну, придите в себя! Соберитесь с мыслями! Схожу-ка я лучше за своим муженьком.

Выпьем вина! Выпьем вина!
Скоро ночь.
Не войти ли нам в дом?

Вслед за хозяйкой в дом они вошли.
А на небе вечерняя луна
Склоняется к закату.
Облака
Уже развеялись...
Шаги прохожих
Почти затихли. .

В Тэмма есть храм —
Бога обитель
С кровлей высокой.

Там обитает
Бог — покровитель
Города Осака.
В Тэмма — квартал,
Где повисли, пестрея,
Вывески-флаги.
Кто не видал
Лавку Дзихэя —
Продавца бумаги?
В храме
Любой прихожанин заметен.
В храме ударили
В священный колокол... сплетен!
Со всех сторон
Несется трезвон,
Словно к беде и пожару:
Бумаготорговец
Влюблен
В красотку Кохару!
В несчастный час
Их любовь родилась.
Связали их боги
В несчастный час
Священным шнуром!
Но шнур пополам разорвали,
И бог найдется в небе едва ли,
Чтоб связать концы надежным узлом
Они в разлуке живут, печальась,
Хотя обетами
Обменялись...

Каждую ночь, каждую ночь
Дзихэй из дома
Уходит прочь.
Он бродит
По улицам опустелым,
Словно душа растается с телом.

Они поклялись
Повидаться хоть раз,
И это будет их смертный час!
Дзихэй и Кохару, поверьте,
Уже давно
Приготовились к смерти.

Дзихэй сегодня ужинал в харчевне
И новости узнал.
Как?.. У нее свиданье?..
В домишке Кавасэ?.. Гость — самурай?
«Сегодня ночью, — думает Дзихэй, —
Сегодня ночью
Вместе мы умрем!»
И к дому Кавасэ
Подкрался он.
Лицом припал к решетке и глядит.
Любимую он видит.
В глубине
Он видит самурая в капюшоне.
Лица не видно.
Слов не слышно. Только
Чуть шевелится подбородок гостя.
Дзихэй бормочет:
— Бедная Кохару!
Несчастливая Кохару!

Она все время отворачивает свое лицо от лампы. Как она побледнела! Как она похудела! Я чувствую, что ее сердце полно тревогой обо мне. О, если бы я мог потихоньку шепнуть ей, что я здесь, близко! О, если бы я мог убежать с ней куда-нибудь... В Умэда?.. В Китанó?..

О!.. Как подать ей весть, позвать ее?

И в мыслях он с возлюбленной бежит
В счастливый отдаленный край...
А тело,
Как высохшая скорлупа цикады,
Приклеилось к решетке у окна.
Дзихэй рыдает,
Глядя на Кохару.
А гость,
Беседуя с красавицей, зевает:

— Какая тоска иметь дело с влюбленной девицей!
А на улице как стало тихо! Пойти, что ли, на веранду,
поглядеть на фонарь у входа — все станет душе немного веселее.

Они вдвоем выходят на веранду.

— О, боги милосердные! Скорей!
Я должен спрятаться! —
Дзихэй пригнулся.
Он в плечи голову втянул...
И тихо
Прокрался в тень решетки.
Но Кохару
И самурай его не замечают.
Гость продолжает
Прежнюю беседу:

— Ну, Кохару, по некоторым вашим словам я понял, что вы хотите покончить самоубийством вместе с этим — как его? — бумаготорговцем Дзихэем, о котором тут болтала хозяйка. Я ведь не ошибся, правда?

Я хорошо знаю, что уши человека, который находится во власти у бога смерти, глухи к разумным условиям. И все же я скажу: это ваше решение глупо и глупее не бывает, поверьте мне. Вот послушайте! Когда вы оба покончите с собой, то родные вашего возлюбленного не его будут винить в безрассудстве. Конечно, они во всем обвинят вас и станут вас проклинать. Чем только они не придумают про вас! Сотни зевак обступят мертвое ваше тело, будут глазеть на ваше обезображенное лицо. Какой стыд! Какой позор!.. Может быть, ваши родители умерли. Но если они живы, вас на том свете ждет еще наказание за дочернюю непочтительность. Нет-нет! Тогда уж вам не стать буддами в раю. Вас обоих разлучат на том свете, непременно разлучат. Даже в преисподнюю вместе вы не попадете. Как это ужасно! Как печально!..

Послушайте меня. Я вас вижу в первый раз. Но я самурай. Не годится самураю безучастно глядеть на вашу гибель. Может быть, деньги могут все устроить! Я могу вам помочь, если пять или десять золотых чему-нибудь послужат. Да покарает меня Хатиман, бог-покровитель самураев, да лишит он меня своей милости, если я когда-нибудь кому-нибудь хоть слово скажу обо всем этом.

Мне можете довериться, Кохару,
И расскажите без утайки все.

Спокойно, ласково он говорит
С несчастной девушкой.
Она сложила

Свои ладони:
— Как я благодарна!
Как тронута я вашей добротой!
Вы даже поклялись,
Хотя меж нами
Ни дружбы не было,
Ни связи, ни любви.
Я плачу...
От признательности плачу.

Говорят, любовь на лице написана. И верно: ее не скроешь. Вы угадали: мы уговорились с господином Дзихэем вместе умереть. Мы ведь не можем больше встречаться. И он не может меня выкупить. Какое горе!.. А мне осталось еще пять лет... — пять лет! — служить моим хозяевам. А если в эти годы меня выкупит кто-нибудь другой, это покроет позором не только меня, но и моего возлюбленного.

«Смерть легче, чем позор!
Умрем вдвоем!» —
Так он сказал.
«Умрем! — я обещала. —
Такая жизнь постыдна».
И теперь
Смерть — это наш неотвратимый долг.

Вот мы и условились ждать первого удобного случая. Не для любовной встречи... Когда господин Дзихэй даст мне знать: «Выйди украдкой!» — это будет знаком, что мы должны умереть. Вот так и живу я — в ожидании этого дня. Живу... и не живу.

А мать моя уже стара годами...
Ютится в жалкой хижине она
И кормится поденною работой.
Умру — что станет с ней?
Она должна
Стать нищенкой
Отверженной, скитаться
С рукой, протянутой за подаяннем.
Она умрет
От горя и позора.
Какая грусть!..

Еще признаюсь вам:
Я молода,
И смерть мне ненавистна!

О, вы сочтете меня ничтожной обманщицей. Мне так стыдно. Но я отброшу стыд. Главное для меня — не умереть!

Пожалуйста, пожалуйста, молю
У ваших ног:
Не дайте умереть мне.
Ах, помогите мне! Я не хочу,
Не смею умереть,
Мне умереть нельзя,
И вам я буду преданна до гроба!

Так говорит она.
А самурай
В раздумии качает головой.

Дзихэй все слышал.
Он приходит в ярость.
Так вот как это дело обернулось!
Не верит он своим ушам.
Что?.. Как!..
Он вне себя
От гнева и стыда,
Он словно с дерева свалился,
Как незадачливая обезьяна.
— О-о!.. Обманщица!
Все, значит, было ложью?
Три долгих года?
Подлая лисица!
Она меня обманывала, значит!
О!.. Потаскуха с низкой душонкой!
Бойтся умереть?
А долг?
А стыд?..
Ворваться к ним и задушить ее?
Покончить разом с ней.
Одним ударом?
Иль просто осрамить ее?..
Не знаю.
Что делать мне?
Как душу облегчить?

Зубами он скрежещет.
Слезы льются
Из глаз его — от горя и обиды.
А на веранде слезы льет Кохару
И горько жалуется:

— Я знаю, я трусливая девушка и моя просьба — позорная просьба. Но я прошу милосердия самурая. Я не могу, я не смею умереть. Приходите ко мне чаще. Не покидайте меня! Приходите еще и еще... всю эту зиму... и всю весну...

И каждый раз,
Как этот человек
Придет ко мне просить,
Чтоб умерла я,
Мешайте и препятствуйте.
Я буду
Тянуть, оттягивать последнее свиданье...
И наша связь —
Как знать? — вдруг распадется.
Я не умру — и не умрет Дзихэй.
В несчастный час дала я обещанье
С ним умереть.
Печальная судьба!..
О, как жалею, как жалею я
Об этом обещанье!

И она,
Уткнувшись головой в колени гостя,
Рыдает.

— Я согласен вам помочь, —
В раздумье отвечает самурай. —
Гм-гм!.. Согласен!
У меня есть план.
Но ветер дует здесь. И люди могут
Услышать нас. —
И он встает и с шумом
Захлопывает раздвижные рамы.

Дзихэй, подслушивавший, обезумел
От бешенства:
— А!.. Барсучиха! Тварь
Продажная!

И как не раскусил я
Ее породы?
Мелкая воровка,
Мою судьбу укравшая и честь!
Что ж! Зарубить ее?
Проткнуть мечом?

Вот на бумаге рамы
Видны их тени:
Кохару тень и профиль самурая.
Дзихэя душит гнев:
— Избить ее!
Швырнуть на землю!
Топтать ее ногами!
И о чем
Они молотят языками?
О чем болтают?
А Кохару
О чем-то просит, умоляет. Он
Нашептывает что-то ей...
Не в силах
Я это видеть. Растираю грудь!
Ну как все это вынести?
О, сердце!..

Он в иступленье.
Он стремглав из ножен
Выхватывает острый меч работы
Сэки-но Магорóку,
И, нацелясь,
Он с криком:
«Вот где грудь Кохару!» —
Бьет,
Разит наотмашь сквозь решетку рамы,
Бумагу продырявив...
И по локоть
В отверстие рука его уходит.

Кохару, к счастью, далеко сидела.
Меч не достал ее.
Хоть испугалась,
Но невредима.
Самурай вскочил,
Раздвинул рамы настежь
И, за руки схватив Дзихэя,

Снимает быстро перевязь меча,
И мигом к перекладине окна
Дзихея он прикручивает руки.
Не вырваться теперь.
Надежен узел.

Гость поспешил Кохару успокоить:
— Тревожиться не надо.
Но в окно,
Прошу вас, не выглядывайте. Стойте
Спокойно в стороне...—
А в это время
На крик бегут хозяин и хозяйка.
— Что, что случилось тут?
— А! А!.. Пустое! —
Спокойно отвечает самурай: —

Какой-то буйан пробил мечом окно. Вот я и прикрутил его руки крепко-накрепко к оконной решетке. Прошу вас, не отвязывайте его. У меня есть свой план, свои соображения!

Ну, госпожа Кохару!
Того гляди, сбегутся сто зевак
И разыграется скандал.
Ни вам,
Ни мне здесь оставаться не годится.
Пойдем в глубь дома.
Поздний час. Пора
Нам лечь в постель.

«Да!» — говорит Кохару,
Хотя она в тревоге. Этот меч,
Пробивший раму, кажется знакомым.
Он не пронзил ей грудь,
Но ранил сердце!

— О, пьяные буйства — не редкость у нас, в квартале любви. Я думаю, что лучше отпустить этого буйана подобру-поздорову. Не правда ли, господин Кавасё? — хозяина Кохару убеждает.

Но гость настаивает на своем:
— Ну, нет, ну, нет!
Я не согласен. Мне

Все дело предоставьте. Все устрою.
Пойдемте в дом.
За мною все идите!

Они проходят в комнаты. Дзихэй
Следит, как тени их
Скользят и исчезают
Но он прикручен накрепко. Шнуром
Он, как оковами преступник, связан.
Он вырывается, но только ту же
Затягивает узел. .
Какой позор!
Невыносимый стыд!
Как низко пал он!
Он теперь как пес,
Прикованный к позорным
вождедelyам!

Из глаз кровавые струятся слезы.
Не может даже спрятать он лицо.
О! О! Как жалок он!..

Еще беда:

Тахэй «Сам по себе» идет сюда.
Довольно он уже бродил без дела,
И шляться по кварталу надоело.
— А!.. Что я вижу?

Кто-то здесь привязан
К решетке дома Кавасё. Да это
Знакомый наш Дзихэй! Конечно, он!
Дзихэй — банкрот, обманщик!

Я швырну

Его на землю! —

И, схватив Дзихэя,

Он с силой дергает его за ворот.

Бедняк невольно застонал:

— О!.. О! —

Тахэй доволен.

Можно над врагом

Беспомощным

Поиздеваться вдоволь:

— А, трус, ты кричишь: «О!.. О!..» Да, ты привязан шнуром. Значит, ты что-нибудь стянул, а веревка тебя стянула! Ах ты грабитель, бродяга, мелкий ворьяга! Вот тебе! Вот тебе!

Так говоря, он бьет его наотмашь,
Коленями пинает
И кричит:

— Ах ты каторжник! Ах ты висельник! Тебя уже повесили, а потом и голову отрубят. Вот тебе! Вот тебе!

Эй-эй-эй!
Бумаготорговец Дзихэй
Привязан, как пес у ворот!
Отлично, отлично!
Глядите, он
В воровстве уличен
И пойман с поличным! —
Так он орет.
Проснулись соседи.
Сбежался народ.
Всегда найдутся зеваки,
Раз дело доходит до драки!

На шум
Из дверей самурай выбегает:

— Это ты тут орал — «вор», «грабитель»? Ну, говори, что украл Дзихэй? А ну, выкладывай все на-чистоту!

И он, схватив Тахэя,
Его швыряет наземь. А когда
Тот, корчась, встать пытается,
Толкает
Его ногой, и снова
Тахэй летит на землю кувирком
И падает у ног Дзихэя.
Самурай
Советует:
— А ну, Дзихэй,
Ударь разок-другой
И душу отведи!

Привязанный Дзихэй
Ногами бьет лежащего врага
То по затылку, то в скулу.
Тахэй
В грязи, в кровоподтеках.

Он встает
И, обведя глазами всю толпу,
Ругается:

— А-а! Зеваки проклятые! Глазеют, как на представление, а нет того, чтобы заступиться! Мерзавцы! Позволили, чтобы меня ногами топтали! Звери! Я запомнил рожу каждого из вас Я еще посчитаюсь с вами! Будете меня помнить!

Но зрители хохочут: «Вот потеха!
Его ногами бьют,
А он трещит,
Как змей бумажный, языком.
Ему
Умыться надо!
Кто проворней? Сбросим
Его с моста в Сидзими.
Пусть воды
Он наглотается и прохладится! Эй!
Куда?.. Куда?..
Он убежал! Держите!»
И вся толпа — вдогонку за Тахэем!

Тут, подойдя к Дзихэю,
Самурай
Развязывает шнур
И, шляпу сняв,
Показывает вдруг свое лицо.

Дзихэй взглянул
И рукавом закрылся.
— Магоэмён-дóно! Мой старший брат!
О! Я покрыт позором! У меня
Нет больше чести...
Нет лица!..—
И он
Упал ничком на землю
И рыдает.
Кохару выбежала из дверей:
— Как! Этот господин —
Ваш старший брат?..

Дзихэй вскочил. Он разъярен. Схватил
За вышитое кимоно Кохару
У самой шеи,

С силой притянул
Ее к себе и треплет, как тростинку:
— Продажная!

Обманщица!

Лисица!

Мне хочется топтать тебя ногами,
Вот так! Вот так!
Больнее, чем Тахэя!

Он поднял ногу.
Но Магоэмон —
«Э-э! Не смей!» —
Прочь оттащил его.

— Ну вот!.. Ну вот, теперь ты видишь, из-за какого ничтожества, из-за какого пустого дела вся беда случилась!

Околпачивать мужчин — да ведь это ремесло продажной женщины! Теперь уж ты понял? Вот я, Магоэмон, с первой встречи заглянул в самую глубину сердца этой женщины. А ты?.. Простак, простак! Ты был близок с ней больше двух лет — двух лет! — и не сумел понять, что у нее на душе! Почему ты не топчешь ногами свою собственную глупость, вместо того чтобы бить эту притворщицу!

Тебе, Дзихэй, почти тридцать лет, и ты — отец двух детей. Сыну твоему Кантаро шесть лет. Дочери твоей о-Суэ четыре года. У тебя большая лавка, есть где торговать. А ты что?.. Ты губишь свое дело. Ты, как слепой, прямо падаешь в яму!.. Увещеваний твоего старшего брата ты и слушать не хочешь, пропускаешь их мимо ушей! Тесть твой — муж твоей родной тетки. Теща тебе — словно мать родная. Жена твоя о-Сан и мне тоже двоюродная сестра. Все мы связаны тесно друг с другом: узами брака, узами родства. А ты? Каждый раз, когда семья соберется, только и разговоров что про тебя: «Он таскается в Сонэдзаки! Шляется в Сонэдзаки!» Несчастливая наша тетушка!.. Муж ее Годзаэмон-доно — почтенный человек, старой закалки. Он твердит: «Надул меня женин племянничек, надул!.. Погубил я свою дочь! Заберу-ка я ее домой и осрамлю зятя на весь город!» Так он ворчит. Тетушка одна несет бремя всех забот: то заступается за тебя, как за друга, то бранит тебя, как врага. Она извелась, исхудала. А если она заболит, отвечай: кто будет виноват?

Конечно, ты!
А ты, неблагодарный,
Не понимаешь, чем ты ей обязан,
Как горько прикрывать ей свой позор!
Тебе и нужды нет, да за один
Вот этот грех
Мишенью станешь ты
Небесного возмездия, повсюду,
Куда б ты ни бежал.

Если дело и дальше так пойдет, то дом твой долго не продержится. Вот я и решил, чтобы спасти твою семью от гибели, повидаться с твоей возлюбленной. Я задумал узнать, что у нее таится на сердце. И вот я договорился с хозяином Кавасё о ночном свидании с Кохару. Я хотел сам познакомиться с источником всех твоих бед. А!.. Нашел, в самом деле, на кого променять жену и детей! До чего ж верная любовница! Славная победа!

О, ну и братец славный у меня!
Смотрите,
Я — для всех купец почтенный,
Мучник Магоэмон.
Ну а сейчас?
Я ряженный! Я скоморох! Я шут
В процессии на празднике.
Мечи
Я нацепил и капюшон напялил.
Комедию ломаю, как актер
Последнего пошиба.
Самурай?
Позорище, посмешище, болван —
Вот кто я. О!..
От злости лопнет сердце,
И все из-за тебя!

И он скрипит зубами
И морщит лоб,
Чтоб слезы удержать.
Кохару, всхлипывая, говорит:
— О, как вы правы! —
И речь ее
Заглушена рыданьем.

Дзихэй кричит, ногою топнув: — Я!..
Я виноват!
Мой брат! Да, я три года
Давал себя обманывать лисице!
Да, я пренебрегал своей семьей,
Женой, детьми,
Торговлей, тестем, тещей!
И все из-за нее!
О, я прозрел
И горько, горько каюсь.
Вырываю
Ее навек из сердца моего —
Ноги моей отныне здесь не будет.
Ты оборотень, ведьма, барсучиха,
Лисица и грабительница! Ты,
Ты тайно подкопала стену сердца
И дома моего!
Смотри сюда:
Вот доказательство,
Что я порвал с тобою!

Он с амулетами достал мешочек,
Который прежде прятал на груди.

— Вот они, вот они, эти письменные обеты, которыми мы обменивались в начале каждого месяца: их двадцать девять, двадцать девять! Вот! Я возвращаю их тебе, я их швыряю тебе в лицо. Нет у меня больше ни любви к тебе, ни привязанности. Вот они! Бери их обратно!

И он мешочек ей в лицо кидает.

— Старший брат! Возьми у нее обеты, которые я ей дал, тщательно проверь их и сожги у себя дома. Ну, ты! Отдай сейчас же все обеты моему брату!

— Я повинуюсь.—
И Кохару, плача,
Такой же точно достает мешочек
И отдает его
Магоэмону.
А тот под фонарем
Внимательно считает все листы:
— Один, два, три, четыре, пять...

Да-да... еще... еще...
По счету точно
Все двадцать девять здесь.
Но здесь еще
Письмо от женщины!
Сейчас его прочту.

Кохару вдруг приподнялась:
— Письмо?..
Постойте, ах, постойте!
Я забыла.
Ах, это очень важное послание.
Я не могу его отдать! И вам
Нельзя его читать!

Она подходит,
Чтоб выхватить письмо...
Магоэмон
Ее спокойно локтем отстраняет
И про себя при свете фонаря
Читает адрес:
«Госпоже Кохару
Послание от Сан,
Жены торговца
Бумагою».
Не дочитав,
С невозмутимым видом
Письмо за пазуху он прячет
И говорит:
— Послушайте, Кохару!

Полчаса тому назад я поклялся богом — покровителем самураев. А теперь, как торговец мукой Магоэмон, я призываю в свидетели бога — покровителя торговли. Я клянусь, что не покажу этого письма никому. Никому, даже своей жене.

Я сам прочту письмо,
А после брошу
Его в огонь. И все обеты ваши
Сожгу в огне.
Я вас не обману —
И клятву я сдержу.
Не надо плакать.

— Я так вам благодарна. Сохраню
Я честь свою... —
Она, упав ничком,
Безудержно рыдает.
Но Дзихэй
Не знает сострадания:
— Хо-хо-хо!
Туда же, падаль говорит о чести,
Как человек!
Скорей, Магоэмон,
Скорей пойдем отсюда.
Не могу
Я видеть эту женщину. Идем!
О, я не в силах вынести досаду.
Гнев, отвращение, презренье, боль
Мне разрывают сердце...
О, позволь,
Один лишь раз, но должен я ударить
Ее в лицо! —

И, подойдя к Кохару,
Он топает ногою по земле:
— Три года я считал тебя любимой,
Чудесной, несравненной.
Но сегодня...
Одним ударом я с тобой прощаюсь!

И он с размаху бьет ее ногой
В висок.
Кохару вскрикнула от боли
И снова залилась слезами.
Братья
Уходят вместе, полные печали.
Она их провожает скорбным взглядом,
Прощальным взглядом...
Как она тоскует!
Как слезы льются!
О, как жаль ее!..

Верна она иль не верна?
Кто скажет?
В письме и в сердце
Истина сокрыта.
Письмо написано женой Дзихэя.
Магоэмон прочтет его.
А сердце

Кохару глубоко лежит в груди —
И дум ее никто прочесть не может.

Пути влюбленных разошлись. Кохару
Осталась в Сонэдзаки.

А Дзихэй

Домой вернулся — к детям и жене.

КНИГА ВТОРАЯ

В квартале Тэмма
В богатом храме
Люди молятся богу Амамицу-ка́ми,
Чтоб послал им счастье:
В делах — удачу,
В деньгах — прирост.
Даже улица рядом —
«Улица бога»,
Торговая улица, посетителей много,
Даже мост зовется —
«Бога Тэндзина мост».
Здесь по соседству
И лавка бумаготорговца Дзихэя —
От удачливых дедов наследство.
Когда-то дело велось богато
И бумага продавалась отличная.
Обычно толкались покупателей сотни.
Когда-то
Дзихэю жилось вольготней.

Дремлет Дзихэй
У очага-кота́цу.
О-Сан торопливо
Расставляет ширмы,
Оберегая мужа
От сквозного вечернего ветра.
А на улице люди торопятся в храм.
Сегодня — в последнюю из «Десяти
Святых ночей» — спешат помолиться...

У жены Дзихэя
Хлопот полон рот:
И хозяйство, и дети, и заботы о муже,
Да и торговля к тому же, —
Сотни забот.

— Дни теперь короткие, пора ужинать. Тама пошла на овощной рынок и не возвращается. Куда она запропала? Уж этот мне Сангоро! Одно горе, а не подмастерье. Плохо нянчит он детей!

Ветер холодный, дети, должно быть, замерзли. Неужели он забыл, что сейчас уже время, когда о-Суэ просит грудь? Вот олух! Да, надо же было родиться таким дураком!

И вдруг сынок вбегает — Кантаро.

— Мама! Я вернулся один.

— Кантаро! Ты вернулся один? А куда девался Сангоро? И где о-Суэ?

— Мы играли около храма, но о-Суэ сказала, что хочет молочка, и начала плакать.

— Еще бы, еще бы! Ой, руки и ноги у тебя окоченели, словно гвозди. Скорей согрейся у котаци, поди туда, там твой папа спит.

Ну что поделаешь
С болваном Сангоро?

О-Сан в досаде выбегает в лавку
И видит:
Подмастерье Сангоро
С развальцем возвращается домой,
Один, без о-Суэ.

— Какой болван!

Да где ж посмел ты о-Суэ оставить? —
Но подмастерье глуп.
Он отвечает:

— Смотри-ка, я, пожалуй, и на самом деле ее где-нибудь обронил. Кто-нибудь, уж верно, ее подобрал! Пойти, что ли, поискать?

— Ах ты негодяй! Ах ты бездельник! Да если с моей дорогой доченькой беда случится по твоей вине, я тебя отколочу, насмерть забью!

Так в гневе на него кричит о-Сан.

Но в этот миг
Проворно входит в двери
Служанка Тама,

Неся ребенка на спине
— Бедняжка!
На перекрестке плакала навзрыд
Ну, Сангоро,
Ты в няньки не годишься!
Растяпа, дурень!
Кто ж детей бросает
На улице?..—
Так все наперебой его бранят.

— Прозябла, дочка, и проголодалась!
Что, хочешь молочка? —
О-Сан садится ближе к очагу
И кормит грудью
Маленькую дочку.

— А ну-ка, Тама! Отколоти этого болвана! Чтоб он хорошенько запомнил! Дай ему, дай ему горячих, да побольше!

Но Сангоро качает головой:

— Нет-нет, не стоит! Я сыт: только что возле храма кушил детям по два горячих пирожка, да и сам пяток проглотил!

Он балагурит на дурацкий лад.
И все ж о-Сан
Невольно улыбнулась,
И гнев ее утих...
Служанка Тама
Спешит хозяйке доложить:

— Чуть-чуть не забыла из-за этого дурака! Послушайте, госпожа о-Сан. Сюда идут господин Магоэмон и ваша почтенная матушка.

О-Сан встревожилась:

— Они идут сюда! Сейчас же надо разбудить моего Дзихэя. Вставайте, хозяин, вставайте! Сейчас сюда пожалует моя матушка, а с ней и ваш старший братец. Если они увидят, что купец спит посреди бела дня, они опять будут вами недовольны! Ведь теперь так быстро темнеет...

— А?.. Что?.. Ну ладно, ладно! —

И Дзихэй

Встает.

Одной рукою придвигает книгу

Торговую,

Другой рукою — счеты.

Он притворяется, что погружен

В торговые дела.

— А ну-ка, проверим опять:

Десять разделить на два — пять.

А ну-ка, Дзихэй,

Еще раз столбец просмотри:

Девять делить на три — три.

Шесть разделить на три — два.

Прежде-то сколько случалось?

Сложишь едва, умножишь едва!

А теперь какая малость!

Семь умножить на восемь —

Выйдет пятьдесят шесть,

Сколько тетушке лет — аккурат...

Тетушка! Старший брат!

Какая честь,

Милости просим!

Добро пожаловать! А я сейчас занят спешным подсчетом. Прошу прощения! Четыре на девять — тридцать шесть моммэ, трижды шесть выходит одно моммэ и восемь бу, еще два бу — выйдет целый кан серебра! Кан, кан! А ну, Кантаро, живо тащи сюда поднос с табаком и трубками! О-Сан, принеси чаю почтенным гостям!

Так с напускной развязностью

Он шутит.

Но тетка не намерена шутить:

— Нет-нет. Мы пришли сюда не затем, чтобы пить чай и табак курить. Послушай, о-Сан! как ты ни молода, но все же мать двух детей. Быть покладистой и на все смотреть сквозь пальцы — это еще не самое главное в жизни. В беспутстве мужа повинна и жена-потатчица. Если погибнет благосостояние семьи, если супругам придется разлучиться, то позор падет не на одного только мужа.

О-Сан, будь твердой
И осмотрительной: следи за мужем!
Не распускай Дзихэя своего!

Магоэмон вмешался в разговор:

— Тетушка! Тетушка! Оставьте, все это ни к чему! Он обманывает даже меня, своего старшего брата. Неужели такой беспутный малый послушается укоров своей жены? Позор, позор, Дзихэй! Ловко же ты провел меня, Магоэмона! На моих глазах ты вернул этой продажной женщине все обеты, а не прошло десяти дней — и что же? Ты выкупаешь ее из веселого дома! Э-э!.. Не годяй! Ну что ты теперь подсчитывал на счетах? Отвечай! Долги Кохару?

И в гневе он выдергивает счета
Из рук Дзихэя и швыряет их
Через окно во двор.

Дзихэй ошеломлен.

— Уверяю вас, это ошибка, это недоразумение. Мой старший брат! Я говорю правду: со времени нашей последней встречи я только три раза переступил порог моего дома! Два раза побывал у оптовика на Имабаси и один раз в храме бога Тэндзин. Выкупить Кохару? Да что вы! Я о ней даже не вспомнил ни разу!

Но тетушка племяннику не верит:

— Не лги, не лги! В прошлый раз в храме Тэндзин на службе по случаю «Десяти святых ночей» среди прихожан только и шли пересуды о том, что «один богатый покровитель» из Тэмма так влюбился в продажную женщину по имени Кохару из дома Кинокуния, что разогнал всех ее прочих гостей и поклонников, и что не сегодня завтра этот «богатый покровитель» выкупит ее! Вот какие шли толки!

И прихожане очень удивлялись,
Толкуя меж собою:
«В наши дни,
Когда повсюду цены подскочили,
По-прежнему и лишних денег много,
И много дураков!»

Мой старик Годзаэмон-доно услышал, что все повторяют имя Кохару, и сразу насторожился. Он хорошо понял, о ком речь идет. Когда мы вернулись домой, он мне сказал: «Богатый покровитель из Тэмма, который спутался с этой Кохару из дома Кинокуния, конечно, Дзихэй. Он твой племянничек, да мне-то он чужой. Дурак, который выкупает девицу из веселого заведения, способен продать свою собственную жену в чайный дом. Пока он не спустил за гроши приданое моей дочери, все ее платья и пояса, я лучше возьму ее назад к себе домой».

И он уже перешагнул порог,
Да я за ним проворно побежала
И успокоила:
«Ну что ты так шумишь?
Все надо хорошенько разузнать
И взвесить доводы
И «за» и «против!»
Для этого я и пришла сюда
С Магоэмоном вместе!

Сперва я поверила всему, что тогда мне рассказал Магоэмон: сегодняшний Дзихэй совсем не похож на вчерашнего; он-де порвал всякую связь с кварталом Со-нэдаки, он стал самым примерным из мужей.

Но не успела я
Порадоваться этой доброй вести,
Гляжу — еще все хуже обернулось.
Что за напасть?
Что за болезнь такая?
Покойный твой отец — мой старший брат —
С трудом приподнял, умирая,
С подушки голову
И умолял меня:
«Дзихэй — твой зять
И твой родной племянник.
Прошу тебя,
Заботься о Дзихэе!»
Поверь, я не забыла слов его.
Но ты!.. Как дурно ты себя ведешь!
Напрасны были все его заботы.
Какое горе! —

И, упав ничком,
Она рыдает в голос.

Дзихэй всплеснул руками:

— А-а-а!.. Понял, понял! Кохару, про которую там сплетничали, — это, конечно, та самая Кохару. Но «богатый покровитель» — это не я, это совсем другой человек. Тахэй «Сам по себе» — вот кто этот богатый гость! Мой старший брат, вы, конечно, его помните: это он так буйствовал в ту ночь. Я его еще ногами топтал! У этого гуляки нет ни жены, ни детей, ни близких родственников. Денег ему присылают уйму, сколько ему заблагорассудится, прямо из Итами. Это его родина. Этот прохвост давно хотел выкупить Кохару, да я стал ему поперек дороги.

Как только бросил я Кохару, он
Решил:
Теперь настал удобный час.
И вот Тахэй Кохару выкупает,
А я здесь ни при чем! —
Лицо о-Сан
Невольно просветлело.

— Будь я так же добра, как сам великий Будда, и то... вряд ли я стала бы потакать мужу, если б он задумал выкупить женщину из веселого дома. Матушка! Почтенный деверь! Все это правда. В словах моего мужа нет ни крупинки лжи. Я ручаюсь за Дзихэя.

Слова жены и мужа так похожи,
Так верно сходятся между собой,
Как половинки
От платежной бирки.

Магоэмон и тетушка всплеснули
От радости руками:
Вот в чем дело!
И тетушка смягчилась:
— Хорошо!..

Но все же в этом деле нужна большая осмотрительность. Я очень рада, очень рада! Но чтобы нас уж совсем успокоить и чтобы мой упрямый муженек выбросил из головы все лишние подозрения, согласен ли ты, Дзихэй, дать нам письменный обет по всем правилам?

— Готов хоть тысячу я написать!

Теперь Магоэмон поверил брату.

— Я рад, я рад. А я как раз купил
Священную бумагу для обета,
Когда я шел сюда! —

Магоэмон

Полез к себе за пазуху рукой,
Достал священный амулет из храма
Кумано —

Лист бумаги, на котором
Большая стая воронов видна.

Дзихэй берет его.

Он, видно, позабыл

Другой обет:

Любить Кохару вечно,

Обет быть неразлучными всегда,

Как два крыла

У птицы неразлучны.

Дзихэй взял тушечницу, кисть

И пишет твердою рукой на амулете:

«Обет небесной кары.

Разрываю

Я связь с Кохару

Из дома Кинокуня.

Клянусь, что даже думать перестану

О ней. А если я солгу, пускай

Обрушат кару на меня все боги:

Великий Брама, Индра, все четыре

Небесных князя,

Будды, бодхисаттвы

И прочие властители судеб».

Так, не колеблясь,

Пишет свой обет

Дзихэй

Потом своею кровью ставит

Внизу печать

И отдает бумагу.

О-Сан развеселилась:

— Ах, благодаря матушке и деверю я теперь спо-
койна! У меня и Дзихэя двое детей, и все же до сих
пор я никогда не получала от своего мужа таких твер-
дых обещаний. Какая радость! Какое счастье!

И тетушка довольна:
— Правда, правда.

Раз у Дзихэя такие добрые намерения, то его поведение теперь исправится. Ваша торговля снова будет процветать. Вся семья беспокоится и хлопочет, желая добра прежде всего самому Дзихэю, да и жалея его детей Ну, Магоэмон! Проводи меня скорее домой: я хочу обрадовать и успокоить своего старика. На улице становится холодно. Смотрите, чтобы дети не простудились.

Так вознесем моление Амитабе.
Благодаренье Будде!
Это он
Все к лучшему устроил в эти «Десять
Святых ночей».

И вот они уходят,
Веселые и радостные, словно
Уже достигли райского блаженства.

Дзихэй провожает их до дверей,
Но трудно ему от слез удержаться.
Он падает
У очага-котацу,
На голову натягивает одеяло
С похожим на решетку узором...
О-Сан с укором ему говорит:
— Ну что это значит?
Все еще сердце у вас горит
Любовью к вашей Кухару милой? —
Она одеяло срывает с силой
И видит:
Дзихэй безудержно плачет.
О-Сан заставляет его подняться,
Прислоняет
К решетке катацу
И пытливо смотрит прямо в глаза:

— Это уж слишком, Дзихэй-доно! Если вам так жалко расстаться с любовницей, то незачем было писать обет! вспомните, вспомните: когда в последний раз мы клали рядом наши подушки? В позапрошлом году, во второй день Кабана, десятого месяца, после церемонии

первого согревания очага. Не помните? Вот здесь это было, на этом самом месте. Два года тому назад! Что, у вашей жены за пазухой черт живет или змея?

Два долгих года
Одна в гнезде я оставалась, словно
Яйцо-болтун.
И в первый раз сегодня
Я понадеялась,
Что к нам опять вернется
Супружеская дружба,
Любовный разговор в постели будет.
Ах, как была я благодарна братцу
И матушке!
И вдруг —
Опять сначала!..
Противный, бессердечный человек!
О, если так грустите вы о ней,
Мне вас не жалко,
Плачьте, плачьте, плачьте!
Пусть ваши слезы
Потекут в Сидзими
И пусть Кохару их проглотит!..
О!..
Жестокий и бесчувственный обманщик!

Обняв его колени,
О-Сан скользит и падает на землю...
Он слезы вытирает рукавом
И отвечает:

— Люди плачут и от горя, и от досады. Если бы слезы печали лились из глаз, а слезы досады — из ушей, ты и без слов поняла бы, что у меня на душе. Но все слезы льются из глаз... все они одного цвета... Вот ты и не можешь понять, отчего я плачу. Нет у меня ни любви, ни привязанности к этой негодяйке Кохару, к этой твари в человеческой коже, но в моем сердце еще горит злоба против негодяя Тахэя «Сам по себе». Каких только ухищрений он не придумывал, чтобы выкупить Кохару!

Но до сих пор она,
Обманщица, лисица, негодяйка,
Противилась
Желаниям Тахэя.
Она мне повторяла:

«Ты не должен
Тревожиться:
Я никогда не стану
Его женой!
И если наша связь
Порвется, если будем мы с тобою
Разлучены навек...
И если деньги
Тахэя нас разъединят...
И если
Хозяин мой меня продаст,
Тогда...
Тогда, поверь, сумею умереть,
Тогда они узнают,
Что женщина не дрогнет
перед смертью,
Тогда они увидят
Прекрасный образец самоубийства!»

И вот смотри! Не прошло и десяти дней после того, как я порвал с Кохару, а мерзавец Тахэй уже выкупает ее! Нет-нет! У меня не осталось и капли любви к этой четве роногой твари, к этой лисице с прогнившей душонкой Но этот прощельга Тахэй будет бахвалиться, станет трезвонить по всему Осака: «Дзихэй разорен! Дзихэн разорен! Он даже не может достать денег, чтобы выкупить любовницу!»

Стыдно!..
О, этот стыд,
Он как огнем жжет мою душу!
Сердце вот-вот пополам разорвется!
Большие кушцы
Станут косо глядеть на меня!
Я плачу, я лью
Не слезы, а кровь,
Жгучие слезы обиды:
Липкие, словно смола,
Слезы досады;
Я лью слезы стыда,
Словно капли расплавленной меди!

Он снова бросается на пол
Возле катацу
И горько рыдает.

Но в душе у о-Сан
Досада сменилась тревогой:
— О-о-о!.. Если так, то беда —
Кохару покончит с собою! —
Дзихэй возражает жене:

— Пустяки! Выдумки! Хоть ты у меня и умница,
да ведь ты — честная жена купца. Где тебе понять
продажную женщину! Да у нее чести нет, у нее сердца
нет. С какой стати ей умирать? Она о своем здоровье
заботится: прижигается моксой, лекарства пьет!

— Нет-нет, неправда!
Если так, Кохару
С собой покончит.
О, она умрет,
И в гибели ее
Я буду виновата!
Я не хотела говорить...
Но если
Я равнодушно дам ей умереть,
Я буду бессердечною злодейкой,
Бессовестной преступницей!
Беда!
Я вам должна всю правду рассказать.

В сердце Кохару-доно нет и пылинки неверности. Если
связь между вами порвана, то в этом я виновата, это я
так устроила!

Как только я заметила, что вы
Решили умереть
С Кохару вместе,
Я тайно написала ей письмо,
Стремясь ее разжалобить
И сердце
Пытаясь тронуть слезными мольбами.
«Молю, порвите вашу связь с Дзихэем,—
Писала я,—
Мы, женщины, должны
Всегда друг другу помогать.
Я знаю,
Как горячо вы любите его.
Но вы, любя, погубите Дзихэя!
О, если это невозможно, все же

Должны и невозможное вы сделать!
Молю, спасите мужа моего!
Отца не отнимайте у детей!»
И мне в ответ
Кохару написала:

«Хоть мой возлюбленный для меня дороже жизни, обещаю, что порву с ним любовную связь, повинуюсь неотвратимому долгу». Я храню это письмо на груди, как священный амулет. Да разве может такая женщина, как госпожа Кохару, с таким твердым чувством долга, изменить любовному обету и бесстыдно продаться какому-то Тахэю?

Мы, женщины,
Однажды полюбив,
Не изменяем чувству своему.
Она убьет себя!
Я поняла теперь.
Мне очень страшно!
Я умоляю вас ее спасти!

Так восклицает в ужасе о-Сан.
Но и Дзихэй
Сражен внезапным страхом:

— Верно! Верно! Среди письменных обетов, которые Кохару вернула в ту ночь, было письмо от какой-то женщины. Она нечаянно отдала его в руки Магоэмону. Так это было письмо от тебя?

И я не знал! О, если так, она
Убьет себя!..

О-Сан в отчаянье:

— Как это страшно! Если
Она убьет себя,
Ведь это значит,
Что я ее убийца и что я
Не выполнила долга,
Не сумела
Ее спасти!..
О, я молю: Дзихэй,
Не позволяйте ей убить себя.
Скорей, скорей
Идите к ней, спешите,
Пока она еще жива!..

О-Сан,
Повиснув на его груди, рыдает.

— Ты права! Ты права! Но что же мне делать? Где взять деньги? Ведь только для того, чтобы остановить переговоры с Тахэем, я должен внести половину выкупа. Если мы не достанем сегодня же и не внесем семисот пятидесяти моммэ серебром нового чекана, мы не спасем Кохару. А где я возьму эти деньги? Хоть в порошок меня истолки, нет их, нет их у меня!

— Погодите, погодите! Не надо так отчаиваться. Столько-то денег у меня, пожалуй, найдется...

О-Сан проворно встает,
Подходит к комоду
И, выдвинув маленький ящик,
Достает мешочек,
Перевязанный туго шнуром.
Без колебання и сожаленья,
Шнур развязав, достает
Бережно скрученный сверток
И кладет его в руки Дзихэя.
— Что это? Деньги?..
Четыреста моммэ! —
Дзихэй изумлен.
Широко раскрыл он глаза.—
Столько денег! Откуда?

О-Сан отвечает:

— Я вам после расскажу, откуда взялись эти деньги. Я их копила, чтобы уплатить семнадцатого числа за бумагу оптовика Ивакуни. Но это дело как-нибудь уладится: я посоветуюсь с вашим старшим братом, как оттянуть срок платежа, чтобы все было шито-крыто и чтобы торговля не пострадала. Самое главное, самое спешное дело сейчас — это спасти Кохару!

У нас уже есть четыреста моммэ,
Но где же достать остальные деньги?

Она отпирает замок
Большого комода.
Как птица из клетки,
Из ящика вылетает платье,

Серо-коричневое,
Словно перья у ястреба,
Из шуршащего шелка,
И другое платье, из тонкого крена,
На золотистой подкладке,
Не надеванное до сего дня.
Сегодня! Не знает о-Сан,
Что нет для Дзихэя «завтра»!
И еще теплое платье
Маленькой дочери о-Суэ,
И лицо и испод
Ярко-алого шелка...
Лицо ее вспыхнуло, как от огня
Исподтишка
О-Сан вытирает слезы...
И еще — безрукавка на вате
Кантаро.
Оторвут с руками ее,
Только снеси к продавцу!
Но мальчик... Что будет он надевать
В морозные дни?
И еще — бледно-желтое кимоно
Из полосатого шелка гунна́й,
Которое так она берегла.
И еще — самое дорогое платье —
По праздникам надевать его! —
Из черного шелка хабута́э,
С большим семейным гербом —
Лист плюща в черном кругу.
Мечтала она: как плющ и стена,
Будут жизни их неразлучны...
И к тому же —
Самое нарядное платье мужа.
А в супружестве водится так:
Дома гуляй хоть голый,
Хоть оборванный,
Как последний бедняк,
А на людях — в шелку и парче!
И еще, и еще —
Всего пятнадцать вещей.

— Что ж! По самой низкой цене
Больше трехсот моммэ заплатят! —
Говорит о-Сан
С таким горделивым лицом,

Словно есть у нее даже то,
Чего она не имеет.
Все вещи складывает она
Наспех в один тяжелый узел
И завязывает в платок,
Заодно подбросив туда
И стыд Дзихэя,
И свой собственный долг,
И преданность мужу.

— Пусть и мне, и моим детям нечего будет носить!
Но самое главное — спасти Кохару и ваше доброе имя.
Выкупите Кохару, спасите ее! И свою честь поддержите
перед этим наглым Тахэем.

Так говорит о-Сан.
Но муж ее
Сидит, понурив голову, уныло,
И слезы льются по его лицу.

— Даже если я внесу задаток и потом выкуплю
Кохару, что я буду дальше делать? Поселю ее отдельно
или введу в свой дом? А с тобой что станется?..

От этих слов о-Сан остановилась
И вздрогнула.

— Ах, в самом деле! О себе я не подумала. Что ж
я буду делать? Стану нянькой у своих собственных
детей? Или простой стряпухой? Или постригусь в мона-
хини у себя же в доме?..

И, застонав, она ничком упала на пол.
Дзихэй в отчаянье воскликнул:

— О, какую страшную небесную кару я заслужил!
Если даже меня минует возмездие за мои проступки
против родителей, если я избегну наказания за прегре-
шения против неба и богов, все равно мой грех перед
тобой так велик, что никогда уже мне не видеть добра!

Прости меня, о-Сан!
Прости меня! —
В мольбе
Сложил он руки перед нею.
О-Сан смутилась:

— Это уже слишком! Это чересчур, Дзихэй-доно! Зачем вы меня умоляете? Да если бы мне пришлось — ради вас — вырвать себе все ногти на руках и на ногах, и то я себя не пожалела бы ради своего мужа: ведь это долг жены. Я уже давно стала закладывать свои платья, чтобы вовремя расплатиться с оптовиками... А сегодня мой комод совсем опустел. Ну и что? Зачем бы я стала жалеть свое добро? А вот если мы опоздаем выкупить Кохару, случится непоправимая беда. Ну, скорее, скорее! Переоденьтесь в другое платье и ступайте. Да сделайте веселое лицо!

Поспешно нижнее
Он надевает платье
Из шелковой материи гуннай,
Поверх него —
Из шелка хабутаэ
На тонкой вате черную одежду,
На плечи полосатую накидку.
Атласный пояс стягивает он,
Берет с собою меч
Не слишком длинный...
Один лишь Будда знает:
Нынче ночью
Клинок меча
Кохару кровь окрасит!

О-Сан зовет:
— Эй, Сангоро, сюда!..—
И, приподняв, наваливает узел
На спину подмастерья.
Тот лениво
Стоит и ждет хозяина.
Дзихэй,
Кошель с деньгами спрятав на груди,
Уже готов перешагнуть порог,
Как вдруг...

— Хозяин дома?
Где Дзихэй?

И, меховой откинув капюшон,
Вошел... Кто мог бы ожидать? —
Помилуй
Нас Будда! —

Входит тесть — Годзаэмон.
Супруги онемели, словно гром
Обрушился на крышу дома...
Не знают, что сказать.

— В добрый час к нам нагрянули!.. Пожаловали
как снег на голову!..

Годзаэмон
С плеч Сангоро срывает узел с платьем
И, тяжело усевшись,
Говорит
Угрюмым голосом:

— Эй, ты, женщина! А ну-ка садись! А! Господин
мой зять, в каком вы праздничном наряде: дорогая на-
кидка, меч! Смотрите пожалуйста, как разделся, словно
и вправду важный богач! Не скажешь, что простой тор-
говец бумагой. Что же? Опять в квартал любви отпра-
вляетесь? Вам не нужно доброй жены. Дайте о-Сан раз-
вод!

Вот и пришел я,
Чтоб ее забрать
И увести к себе домой, обратно!

Ключие слова!
Как будто у него во рту иголки.
Дзихэй как будто онемел.
О-Сан опомнилась:

— Отец, вы изволили пожаловать в такой холод!
Как это любезно с вашей стороны.

И, подойдя поближе, под предлогом
Подать Годзаэмону чашку чаю,
Она пытается
Отца утихомирить:

— Только что, вот только что моя матушка и братец
Магоэмон навестили нас и упрекали моего мужа за
легкомыслие. Он так тронут был их увещеваниями,
пролил горячие слезы! И настолько он глубоко рас-
каялся, что даже обет написал.

Он отдал матушке
Бумажный амулет.
Его обета вы не прочитали?
— А! Письменный обет!
Вот этот, что ли? —
Он из-за пазухи достал бумагу.

— Такой беспутный глупец и гуляка повсюду и по любому поводу рассыпает священные обеты, как торговые расписки. «Что-то мне не верится!» — подумал я, прочитав обет, и сам пришел сюда. Вот и вышло так, как я ожидал. Ну и зятек, нечего сказать! В таком наряде вы тоже клянетесь Брамой и Индрой? Если у вас так много досуга, чтобы писать разные обеты, лучше напишите разводную!

Годзаэмон
Священный рвет обет и мелкие клочки
Швыряет прочь.

В смятенье и испуге
Супруги быстро обменялись взглядом.
Они потрясены.
Они молчат.
Дзихэй в мольбе сложил свои ладони
И голову склонил:

— Вы вправе гневаться на меня. Я умоляю вас простить мне все грехи, которые я совершил, когда был еще другим человеком. Но теперь я исправился. Я словно заново родился. Будьте милосердны ко мне. Позвольте мне остаться вместе с женой.

И даже если должен я, Дзихэй,
Стать нищим,
Даже парией презренным,
И если должен буду я питаться
Объедками и милостыней...
Все же
Я на почетном месте посажу
О-Сан,
Я не позволю ей страдать,
Я не позволю ей терпеть лишения!
Я не могу с женою разлучиться,

Я связан с ней
Не только браком — долгом
Великой благодарности!
Поверьте
В мою правдивость!..
Месяцы пройдут —
Вы все поймете,
И вы оцените мое усердие,
Мои дела поправятся...
Молю,
На время отпустите мне грехи,
Глаза закройте на мои проступки.
Оставьте мне,
Оставьте мне о-Сан!

Он слезы льет.
Он плачет не слезами,
А кровью...
Умоляет о прощенье,
Прижавшись лбом к циновкам.
Но Годзаэмон
Неумолим:

— Вздор! Вздор! О-Сан не будет женой парии.
Пиши разводную. Пиши разводную!

Хочу проверить вещи:
Утварь, платья —
Приданое о-Сан. Ко всем вещам
Привешу я печать! —
И он идет
В глубь комнаты.
— Нет-нет, отец, не надо!
Не стоит пересчитывать:
Все платья
В сохранности! —
О-Сан бежит к комоду,
Пытается загородить дорогу...
Отец ее отбрасывает прочь,
С размаху выдвигает ящик...

—Э!

Что это? —
С грохотом второй он тащит ящик.
И этот пуст.
Он открывает третий,

Четвертый, пятый... Пусто!
Не найти
И лоскутка, чтоб наложить заплату.
Укладка, и плетеная корзина
Для платьев, и сундук —
Все пусто! — А!..
Обманщик! Мот! —
От ярости у тестя
Глаза на лоб полезли.
Он дрожит
От злобы...
Для Дзихэя и о-Сан
Пустые ящики полны позором.
Так в старину
Урасима-рыбак,
Открыв пустой ларец,
Нашел в нем только горе.

Супруги отступают к очагу,
Они готовы заползти в огонь,
Чтоб только спрятаться...

Годзаэмон

Тяжелый поднял узел:
— Что тут запрячено? —
И, узел развязав,
Он по полу расшвыривает платья.

— Так вот оно что! Последнее добро вы хотели спустить в закладной лавке! Хорош зять! Он готов содрать кожу с жены и собственных детей, лишь бы достать денег для своей шлюхи! Подлый вор! Грабитель! Моя жена — тебе родная тетка, да мне-то, Годзаэмону, ты чужой. Стало быть, незачем мне из-за тебя терпеть убытки. Все, все расскажу Магоэмону! Пусть твой братец вернет мне денежки... Скорей, скорей! Бери кисть, пиши разводную!

Дзихэй скорее мог бы убежать
Из преисподней
Через семь дверей,
И восемь адских разорвать цепей,
И через сто оград перелететь,
Чем выбраться из этой западни.

— Нет-нет!

Разводной я не подпишу!

Гляди, о-Сан!
Ты видишь этот меч?
Прощай!.. —
Дзихэй шагнул к порогу
И руку положил на рукоять меча.

О-Сан, крича, цепляется за мужа:

— Какое горе! Какое горе!.. Если Дзихэй и провинился, так ведь он так смиренно умолял о прощении! Отец, нельзя же думать только о себе! Вы говорите, Дзихэй вам чужой. Но ведь его дети — ваши родные внуки!

Нет-нет! Я не согласна на развод! —
Она рыдает в голос.
Но отец
Старается скорее кончить дело:

— Ладно, ладно! Пусть будет по-твоему. Не надо разводной. Идем, глупая женщина!

И, с силой оторвав ее от мужа,
К дверям он тащит дочь.
— Я не пойду! —
Кричит о-Сан
И тянется к Дзихэю:

— Отец, пусть ваша злоба
ростом с гору,
Но разве можно разрывать союз
Супругов?
Вам не жаль Дзихэя,
Но выставить открыто мой позор
На посмеянье людям!..

Так молит дочь отца.
Годзаэмон
Не слушает ее:
— Еще какого
Позора хочешь ты?
Я прокричу
На весь квартал про ваш позор!..
За мной! —
Ее он тащит за руку. О-Сан

КНИГА ТРЕТЬЯ

Здесь любви, страдания и смерти
Стремнины и водоверти...
Ночная волна холодна, глубока.
В полумраке
Дремлет квартал Сонэдзаки.
Тихо течет Сидзими-река,
Не слышны волн приливы, отливы.
Редкие путники молчаливы.
Третья четверть часа Быка.
В небе сверкает
Луна пятнадцатой ночи.
Фитиль все короче:
Огонь догорает
В фонаре у ворот.
Одной чертою на нем —
«Яматоя Дэмбэй».

«Эй-эй-эй!
Осторожней с огнем!
Осторожней с огнем!!»

Ночной сторож
С колотушкой сонной
Шаркает не спеша
Вдоль длинной улицы.
Кашляет, переступая
Тощими, как у кулика, ногами.
Даже голос сторожа
Сонный, ночной:
«Эй, осторожней с огнем!»
У входа в домик Дэмбэя —
Служанка с Верхней улицы
И носильщики с паланкином.
Она открывает
С шумом и грохотом
Входную дверь
И проворно
Вбегает в дом:

— Я пришла за госпожой Кохару. Мне велели про-
водить ее обратно в дом Кинокуния.

Голос служанки
Неясно доносится
Из внутренних комнат.

В ответ слышны
Два-три вежливых слова хозяйки,
И служанка быстро выходит во двор:

— Госпожа Кохару останется здесь до утра. Эй, носильщики! Можете отправляться спать. Да-да! Я совсем забыла. Хозяйка! Поберегите госпожу Кохару! Сегодня вечером господин Тахэй закончил переговоры о ее выкупе. И деньги внес полностью! Вы слышите меня? Теперь госпожа Кохару — чужая собственность, мы за нее отвечаем. Пожалуйста, приглядите за ней, чтобы ее не напоили вином.

Вот как кричит она,
В воротах стоя,
И, уходя, роняет семена
Тех роковых вестей, из-за которых
Влюбленные покинут эту жизнь,
Не дожидаясь утренней зари.

Все тихо.
Даже чайник в чайном доме
Спокойно отдыхает в час Быка.
Трепещет, догорая, пламя
Короткого светильника.
И ночь
Сгущается...
Холодный ветер
Повеял от залива. Иней
Ложится плотной пеленой.

Из дома слышен голос
Хозяина. Он провожает гостя:

— Еще глубокая ночь. Не дать ли вам провожатого? Господин Дзихэй уходит. Разбудите госпожу Кохару. Позовите ее!

Дзихэй, со стуком отодвинув дверь,
Выходит из дому на улицу.

— Тише, тише, Дэмбэй! Ни слова Кохару о том, что я ухожу. Если она услышит, то задержит меня до рассвета. Вот почему я стараюсь уйти, не потревожив ее! Разбудите госпожу Кохару, когда взойдет солнце, и

отправьте ее обратно в дом Кинокуния. Как только я вернусь домой, немедленно уеду в столицу сделать кое-какие закупки. У меня там много разных дел. Возможно, что я не успею вернуться к концу месяца, когда надо расплачиваться с долгами. Возьмите себе, сколько я задолжал, из тех денег, что я вам дал на хранение.

Еще прошу вас: дому Кавасё
Сполна вы заплатите
Все, что успел я задолжать
За праздник любования луною,—
Сто пятьдесят серебряных монет
Новейшего чекана.
Расписку спрячьте!

Да-да! Еще и бонзе Сайэцу из Фукусима — пожертвование на покупку алтаря и одну серебряную монету, чтобы отслужил заукокойную службу по всем усопшим из моей семьи. Не забудете? Не должен ли я еще кому-нибудь? А-а! Вспомнил! Слепому Исаити пять мелких серебряных монет. Это все!.. Заприте дверь и ложитесь спать.

Дзихэй прощается:
— Увидимся опять,
Когда вернусь я из столицы!

Но не успел он сделать двух шагов,
Как быстро возвращается:
— Хозяин,
Я позабыл свой меч!
Ночной порою
Он может пригодиться.

Ну, Дэмбэй, сразу видно, что я беспечный горожанин, — забыл свой меч. Будь я самурай, тут же сделал бы себе харакири.

Хозяин отвечает:

— А я и забыл совсем, что принял ваш меч на хранение. Вот он, вот он! А!.. К нему еще нож прилажен.

Дзихэй берет свой меч
И, оглядев его,
Засовывает плотно

За пояс, говоря:
— Когда мой меч
В моих руках, в себе я чую силы
Не одного, а многих-многих тысяч!
Ложитесь спать
И спите хорошенько.

Хозяин говорит ему вослед:
— Спасибо, что почтили посещеньем.
Скорее возвращайтесь из столицы! —
Он входит в дом
И с громом задвигает
Железный прут.
Все тихо. Никого.

Дзихэй назад на цыпочках прокрался.
Он к двери прижимается лицом,
Сквозь щель заглядывая в дом...
Но вдруг
Слышны шаги на улице... Идут...
Вот показались двое,
И он проворно
Скрывается в тени другого дома
И, затаив дыханье, выжидает,
Пока они пройдут...

Мучник Магоэмон,
Не в силах погасить
В своей душе мучительной тревоги,
Разыскивает брата.
Торопливо,
Почти бегом, идет он. А за ним
Шагает подмастерье Сангоро.
Он тащит на спине сына Дзихэя.
Они спешат
На свет мигающего фонаря
И, подойдя к дверям Дэмбэя,
Стучатся в дом.

Магоэмон кричит:

— Эй, хозяин! Скажите, не у вас ли ночует бумаго-
торговец Дзихэй? Прошу вас, позовите его, мне надо
с ним поговорить!

Дзихэй вгляделся.
Брата узнает он —
И глубже отступает в тень...
Из дома раздается
Хриплый голос
Хозяина, разбуженного стуком:

— Господин Дзихэй только что пошел домой. Он сказал, что сегодня уедет в столицу. Нет его здесь! Нет его здесь!

И снова тишина
Глубокая.
Ни звука... Слезы льются
Из глаз Магэмона...
В его душе тревога нарастает.
«Дзихэй пошел домой?
Не может быть!
Его мы встретили бы по дороге.
В столицу едет он?
Невероятно!
Боюсь, что он ушел с Кохару вместе!»
Не в силах совладать с тревогой,
Магэмон
Опять стучится в дверь Дэмбэя.

Рассерженный хозяин отвечает:

— Ну, кто еще там? Кто это стучит? Уже поздно, уже поздно! Мы все уже легли спать.

— Простите, что я опять беспокою вас, но позвольте еще раз спросить: отправилась ли к себе госпожа Кохару из дома Кинокуния? Может быть, она ушла куда-нибудь с господином Дзихэем?

— Что такое? Что вы говорите? Госпожа Кохару спокойно почивает у нас в верхних покоях.

Магэмон дыханье перевел:

— Спасибо, спасибо! Извините! Ох, немного от сердца отлегло. Где же прячется Дзихэй? Мы, его родные и близкие, места себе не находим от тревоги.

Ломаем голову,
Не зная, как помочь.
Мы все боимся, что в порыве гнева
Дзихэй поступит безрассудно.

Он может на ужасное решиться!
Вот почему со мною Кантаро.
Увидя сына, может быть, Дзихэй
Опомнится...
Но мы с ним разминулись,
И все старанья наши бесполезны.

Вот как тревожится Магоэмон
О младшем брате.
Слезы градом льются
Из глаз его.
Дзихэй все это слышит.
Дыханье стеснено в его груди,
И, сдерживаясь, он глотает слезы.

Теперь что предпринять Магоэмону?
Куда идти?..

— Эй, Сангоро! Не знаешь ли ты, куда еще глупец таскается по ночам?

Но подмастерье думает:
«Глупцом
Хозяин обозвал меня, конечно!» —
И отвечает:

— Знать-то знаю, но сказать не могу: стыдно!
— Если ты знаешь, то говори скорее!
— Скажу, скажу, хозяин. Только потом уж вы меня не браните! Это дурное место, под амбарами Итинокава. Я ведь каждую ночь туда потихоньку бегаю!

Увы, Магоэмону не до смеха.
— Дурак, дурак!
Ну разве про тебя

Я спрашивал?
Пойдем поищем брата
На дальней улице.
Смотри, чтоб Кантаро
Не простудился!

Бедный мальчик! Дзихэй — никуда не годный отец. Несчастный Кантаро так замерз, а он у нас слабенький. Долго ли простудиться! Ах, если бы только ничего худого не случилось!

Простудится ребенок —
Нехорошо.
Но если ждет его
Большое горе и удар судьбы?
О, как ужасно!
О, как это грустно!
Вся грудь моя горит
от гнева.

Так горько сетует Магоэмон.
В его душе сменяется тревога
То жалостью, то страхом.
— Ну, пойдем!
На дальней улице поищем брата.—
И, торопясь,
Они проходят мимо.
Когда их тени
Скрылись в темноте,
Дзихэй выходит из своей засады.
На цыпочки привстав, он смотрит вслед
И обвиняет сам себя:
— Дзихэй,
Ты негодяй,
преступник,
Ты виновен
Во всех смертельных десяти грехах!
Да, ты умрешь.
Но даже после смерти
Ты будешь долго причинять им боль.
И верные сердца твоих родных
Тебя и после смерти не покинут.

Склоняясь, он сложил свои ладони
И умоляет:
— О! Мой старший брат!
И все мои родные!..
Если я
Умру, детей моих не покидайте.
Еще и эту милость приложите
К сокровищу
Былого милосердия! —
Мольбу Дзихэя слезы прерывают.—
Любимая и я, мы поклялись

Не разлучаться даже в смерти. Клятва
Торопит нас.
Кохару ждет меня.

И он сквозь щель
Заглядывает в дверь.
Тень человека промелькнула в доме.
Уж не Кохару ли?..
Он легким кашлем —
«Эхэн-эхэн!» — дает условный знак.
Пора, пора!
Но к звуку кашля
Примешивается стук колотушки.
Слышны ночного сторожа шаги.
Он, шаркая и кашляя от стужи,
Бредет назад,
С трудом переставляя
Свои худые ноги.
«Кха-а-кха-кха!»
И снова колотушка — «тук-тук-тук!» —
Постукивает.
«Будьте осторожны
С огнем!»
И снова — «тук-тук-тук!..».
«Эй, берегись огня!»
Мучительная встреча для Дзихэя!
И без того
Он бережется
И должен прятаться в ночной тени,
Как безобразный Кацураки, бог
Такой ужасный,
Что скрывать он должен
Во тьме свое лицо.
Шаги затихли.
Дзихэй сквозь щель
Заглядывает в дом.
Но дверь немного приоткрылась...
— Кохару, ты?
— Дзихэй! Меня вы ждете?
Хочу я поскорей отсюда выйти.

Она спешит —
И все же нетерпенье
Должна сдержать:

Ведь двери заскрипят.
Чем их быстрее распахнуть,
Тем легче
Хозяева услышат и проснутся.
Дверь нужно тихо приподнять
И сдвинуть.
Но даже слабый стук
Грохочет в их ушах
И эхом отдается в их груди.
Дзихэй налег на дверь
И створку приподнял.
Любимой он старается помочь.
Дрожат их руки.
Их сердца трепещут.
Еще на палец...
Ширина ладони...
Как этот страх мучителен!
Тревога
Страшнее адской муки.
Ад от них —
Рукой подать.
Но демоны не видят,
И дверь приоткрывается на локоть.
Дверь дома —
Иль ворота прямо в ад?

Кохару,
Счастливая,
Как утром в Новый год,
Украдкой выбирается на волю.
Они берутся за руки. Куда
Теперь идти?
На север или юг?
На запад? На восток?
Они не знают.
Колеблются их мысли,
Словно волны
В реке Сидзими.
Полная луна
Скользит на запад по склоненью вод.
Влюбленные идут реке навстречу.
Они спешат к востоку.
Они бегут...

М И Т И Ю К И

ПРОЩАНИЕ С ДВЕНАДЦАТЬЮ МОСТАМИ

Они торопятся...
Так чертят торопливо
Коно́б-скорописью
Роли для актеров.

Как шапочки
У мальчиков-актеров
Всегда окрашены
В пурпурный цвет,
Так и безумцы,
Не знающие удержу в любви,
Всегда к печальному
концу приходят.

И неужели
Такой конец их жизни
Определен
Учением о карме Сакья-Муни?

И вот они спешат узнать,
Какое, следуя закону кармы,
Возмездие их ожидает.
Возмездие:
Как ветер по лугам
Летучие разносит семена,
Так завтра разлетятся вести
Об их двойном самоубийстве.

И разлетятся, словно лепестки,
Бумажные листы,
Порочащие имя
Дзихэя, продавца бумаги.

О, напечатанные наспех
С резных вишневых досок
Раскрашенные пестрые листы,
Где на посмешище толпы изобразят
Весь горестный его позор...
Они осыплются,
Как листья облетают

Под ветром осени,
Когда осенней ночью,
Все глубже зарываясь в землю,
Все ближе к преисподней,
К зиме готовясь, замирают корни.

Ведь тот, кто близок
К преисподней
И слышит голос бога смерти
(А есть ли этот бог среди богов?),
Тот примиряется
С печальной кармой,
Покорно смотрит,
Как надвигается расплата...
Расплата
За все его грехи,
За то, что погубил
Он все свои дела
И все пути запутал.

И все ж понятно,
Что человек колеблется и медлит
На этом горестном пути,
Когда он под луной идет
Туда, где должен он расстаться с жизнью.

И он не в силах
Взглянуть в лицо своей судьбе
В пятнадцатую ночь луны,
Когда осенняя редет тьма.

И разве это скорбное бессилье
Не знак того,
Что сердце человека,
Готового уйти из жизни,
Погружено во тьму,
В которой чуть белеет иней?..

Иней,
Что падает морозной ночью
И поутру опять исчезнет,
Как все на свете исчезает.
Но прежде чем исчезнет иней,
Влюбленные должны проститься

с жизнью.

О, сколько раз они лежали в спальне,
Обняв друг друга,
На изголовье из сплетенных рук
И думали о том,
Как их судьба печальна;
Их жизнь развеется,
Как нежный аромат
Узорных рукавов Кохару.
Дзихэй невольно вспоминает,
Что каждый раз следил он,
Как ускользает к западу река,
Когда он по утрам, по вечерам
Переходил по «Мосту Тэндзин».
Вот «Сливы мост».
Здесь Сугавара-но Митидзанэ
Остановился на пути в изгнание,
Когда он плыл
В провинцию Цукуси,
И здесь, печалась,
Песню он сложил:
«Не забывай меня, цветущий сад!»
А слива, им любимая, тоскуя
По своему хозяину,
В Дадзайфу
Одним прыжком вослед перенеслась.
«Зеленый мост».
Покинутая изгнанным поэтом,
Печалилась зеленая сосна.
Потом, не в силах вынести разлуку,
Перенеслась к нему вослед за сливой.

И третий мост — «Вишневый мост».
Но вишня
Была не в силах вырвать крепкий корень
И улететь
Учителю вослед —
И в горестной тоске она засохла.
И до сих пор
Рассказ о трех деревьях
Передают из уст в уста.
И песня
О скорбной участи Митидзанэ
По-прежнему
Полна великой силы...

Дзихэй грустит:
— Хотя родился я
В приходе мудрого Митидзанэ,
Но я убью тебя
И сам погибну.
Так в чем причина нашего несчастья
И где его источник? В том,
Что не было во мне благоразумья
Настолько, чтоб наполнить до краев
Хоть маленькую ракушку сидзими!
Вот «Мост ракушечный»,
Такой короткий,
Как наша жизнь...
Еще короче,
Чем осенний день.
Тебе всего лишь девятнадцать лет,
Мне — двадцать восемь.
Но сегодня ночью
С тобою до порога я дойду,
Где, как изношенную ветошь, мы
Отбросим прочь
Земные наши жизни.
Мы поклялись
До старости прожить,
Не разлучаясь,
В преданной любви.
Но вместе прожили всего три года
И повстречали гибель...
Пятый мост — «Мост встреч».
Его мы быстро перейдем:
Окончились земные наши встречи.

И новый мост —
«Мост Нанива» пред нами.
О, наново взгляни на этот город!
Теперь наш путь вдоль берега, туда,
Где лодочный причал.
«Мост Фунаири» —
И чем скорее мы его минуем,
Тем мы быстрее приблизимся к воротам,
Ведущим в преисподнюю...

Так жалуется и скорбит Дзихэй.
Кохару прижимается к нему,
Ища опоры...

И тихонько шепчет:
— Мы странствуем уже по преисподней?

Они глядят в глаза друг другу. Слезы
Глаза им застилают...

Сквозь туман

Они друг друга видят так неясно.

Поток их слез... Не он ли заливает

На севере «Мост Хорикава»?

— Если

На север мы пойдем,

Еще хоть раз

Смогу взглянуть на дом родной...

Но нет,

Не оглянусь!

Я отгоняю мысли

О грустном будущем моих детей,

О скорбной участи моей жены.

Не к северу ведет наш путь,

А к югу.

Девятый — «Тэндзин-мост». Его устои

Не сосчитать.

Не сосчитать дома

На южном берегу.

Мне непонятно,

Зачем назвали это место «Восемь

Домов». Не странно ли?..

Должны мы торопиться,

Пока паром не прибыл из Фусими.

На том пароме парами лежат

Влюбленные.

Паромщик нас заметит.

Десятый мост,

«Мост Тэмма», мы минуем —

«Мост Демона».

Как страшно это слово

Стоящим на пороге преисподней!

Здесь два потока — Эдо и Ямато —

Сливаются в один большой поток.

Поток и рыба неразлучны. Вместе

Скользят они...

Подобно им, Дзихэй
С Кохару неразлучен...
Мы перейдем
По «лезвию ножа»
Тройную быстрину,
Тройной поток, текущий в преисподней.
Пусть после нашей смерти возлиянье
Свершат речной водой
В честь божества
И в память наших отошедших жизней! —
И он, грустя, закрыл лицо...

Кохару
Печального Дзихэя утешает:
— О чем скорбеть?
Мы в этом бытии
Дороги не могли соединить.
Но в будущем рождении, я верю,
Мы возродимся
Мужем и женой.
О, и не только в будущем рожденье,
Но в будущем... и будущем... и дальше —
В грядущих возрождениях, всегда
Мы будем неразлучны!
Так о чем же
Грустить?
Как только наступало лето,
Красиво переписывала я
С молитвой
«Сутру Лотоса» святую:
«Пусть мы за гробом вновь родимся
вместе,
В едином лотосе...» —
Так я молилась
Богине Каннон —
Самой милосердной
И самой сострадательной богине.
Еще один, одиннадцатый, мост.
«Кёбáси-мост» —
«Священной сутры мост».
Его должны мы перейти
Без страха —
И мы достигнем берега нирваны,
В жемчужной чаще лотоса очнемся
И примем образ будды.

«Нáри-мост» —
«Преображенья мост»,
Прощальный мост...
Я выскажу последнее желанье:
О, если б я могла ценою жизни
Спасти всех брошенных моих подруг,
Всех проданных,
Поруганных, забытых,
Несчастливых девушек
На всей земле,
Чтоб от любви они не погибали!

Увы, неисполнимое желанье,
Мольба простой души,
Неискушенной
В познании возмездия и кармы!
Нам жаль Кохару,
Жаль ее до слез!
Но утро близится.
В заливе Нода
Поверхность вод дымится.
Чуть белеют
Края далеких гор.

Дзихэй торопит
Возлюбленную:
— Скоро утро. Слышишь
Удары колокола в храме, голос
Металла гулкого?
Пора! Умрем.
Мы разве можем дальше жить?..
И если
Должны мы в этой жизни разлучиться,
Так поторопим наш конец.
Идем! —
И с яшмовыми четками в руках,
Сто восемь пересчитывая зерен,
Нанизанных
На нить их бренной жизни,
Увлажненных
Жемчужинами слез,
Они проходят несколько шагов,
Молясь:
«Да охранит нас Амитаба!»

Вот перед ними Амидзёма — Остров
Сетей Небесных...
Здесь страстию конец.
Здесь суждено
Остановиться им.
Здесь, возле роши
Бамбуковой,
Вблизи от храма Дáйтё,
Где через гребень шлюзовых ворот,
Переливаясь,
Падают струя, —
Они умрут.

КОНЕЦ МИТИЮКИ

Дзихэй остановился:
— О, если без конца
Блуждать мы будем,
То, верно, мы нигде
Не скажем:
«Вот место нашей смерти!»
Пусть место нашей смерти
будет здесь! —
Он за руку ее берет, и оба
Садятся на траву.

— Увы, увы!
Как грустно мне.
Хоть вы и говорите,
Что все равно, где умереть...
И все же...

О, я всю дорогу думала о моем письме к госпоже о-Сан.
Я обещала ей, что разорву нашу связь и не погублю ее
мужа. Когда разнесется весть, что Кохару и бумаготор-
говец Дзихэй покончили с собой, и наши мертвые тела
будут лежать рядом, лицом к лицу, то мое обещание, мое
письмо, превратится в листок ненужной бумаги.

Ведь если увлеку
На путь самоубийства
Ее любимого супруга,
Что будет думать обо мне о-Сан?
«Кохару — бессердечная гетера,

Коварная, продажная.
Напрасно
Поверила я лживому письму!
Она — предательница
И не знает
Ни сострадания, ни чувства долга».
О, легче для меня снести презренье
Ста, тысячи
И многих тысяч,
Чем горестный упрек одной о-Сан.
Она должна
Меня возненавидеть
И будет дурно думать обо мне.
И вот — мое единственное горе,
Единственное, что смутит мои
Последние мгновения...
Убейте
Меня вот здесь,
А для себя найдите
Немного в стороне другое место.

Она склоняется к нему на грудь
И нежно умоляет.
А Дзихэй
В слезах
Пытается ее утешить:

— О, все это напрасные сомнения, неразумные слова! Ведь мой тесть увел о-Сан к себе домой и расторгнул наш брак. Я и о-Сан — мы теперь чужие друг другу... Она мне больше не жена. Вспомни, о чем мы говорили всю дорогу: отныне мы двое связаны навеки. Мы поклялись стать мужем и женой в трех будущих рождениях... Если мы умрем рядом, на одном изголовье, кто осудит нас? Кто из зависти очернит нас?

— Но разве вы по своей воле развелись с вашей женой о-Сан? Разве вы этого хотели? О, вы еще неразумнее меня!

Нет-нет! Умрем
Поодаль друг от друга.
И если наши мертвые тела —
Добыча воронов и коршунов...
Я верю,
В загробном мире наши две души
Сольются в странствии одном.

И в ад
И в рай
Войдем мы вместе, неразлучно!

Она на землю падает, рыдая.

— Ты права! Наши тела — земля, вода, огонь, ветер.
Когда мы умрем, они вернуться в небытие. Но наши души
останутся нетленными и пройдут сквозь пять рождений...
сквозь семь рождений.. в вечность.

Вот верный знак того, что наши души,
Как души мужа и жены, отныне
Не разлучатся никогда! —

И он
Выхватывает острый меч из ножен
И быстрым взмахом
Свои срезает волосы
В том месте,
Где перетянуты они шнуром.

— Смотри, Кохару!

До этой минуты я еще был купцом Дзихэем, мужем
о-Сан. Теперь, когда я срезал эти волосы, я покинул наш
суетный мир. Теперь я — монах, не обремененный ни
женой, ни детьми, ни земными сокровищами... А если
у меня нет жены по имени о-Сан, то и у тебя больше нет
долга по отношению к ней!

И, плача, он отбрасывает прочь
Отрезанные волосы.

Кохару

Воскликнула:

— О, как легко мне стало на душе! —
И острый меч
Взяла из рук Дзихэя...

И волосы, которые она
Искусно так причесывала, мыла
И холила,
Теперь без колебанья
Срезает и отбрасывает прочь —
Тяжелый черный узел,
Как будто узел всех земных забот.

Какая жалость:
Бережные пряди,
Заботливо уложенные, вдруг
С пушистыми метелками травы
Сусуки перепутались
На влажной
От утренней росы поляне...

— Теперь и ты монахиня. И я
Теперь монах...
Что для меня теперь жена и дом?
Ведь это — долг мирянина, а я
Простился с миром навсегда.
И все же
Я выберу различные места
Для нашей смерти:
Для тебя — гора,
А мне — река.

Эта поляна — над самым шлюзом, здесь самое высокое место, похожее на гору. И это будет место твоей смерти. А я повешусь вон там, и мое мертвое тело погрузится в поток.

Да, мы умрем
В один и тот же час,
Но смертью не одной. Ты от меча,
А я от петли...
Да, мы умрем поодаль друг от друга.
И совесть нашу чистой сохраним!
Так нам приказывает строгий долг
Перед моей женой.
Сними твой пояс-шнур
И мне отдай его!

Она развязывает пояс свой,
Снимает длинный шнур,
Чуть розоватый,
Как отблеск юной красоты ее,
И подает Дзихэю...
Этот шнур,
Который дважды обвивал Кохару,
Еще хранящий тонкий аромат, —
Вот зыбкий мост
Между двумя мирами!

Дзихэй конец шнура
Надежно укрепил
На длинной балке шлюзовых ворот,
А на другом конце
Завязывает петлю —
Силок,
Которым будет он задушен.
По доброй воле так летит фазан
В охотником расставленные сети,
Когда любимая подруга
Запуталась в тенетах...
Когда Кохару видит, что Дзихэй
Готовит петлю,
У нее темнеет
В глазах,
Сознание ее мутится.
— О!.. Вы умрете

не со мною рядом?

И вы меня покинете?
Недолго
Нам вместе быть.
Скорей сюда! Сюда!

Они берутся за руки.

— Итак,

Умру я от меча в одно мгновенье!
А вы... вы будете страдать...
О, как печально мне об этом думать! —
Отчаянья не в силах побороть,
Она украдкой плачет.

А Дзихэй

Подругу умоляет:
— О, не плачь!
Не все равно ли —
Перерезать горло
Иль умереть в петле?
И разве можно
Предсмертные мученья миновать?
Так не смущай
Последние мгновенья
Ничтожными тревогами!
Смотри!
Ты видишь, словно светлый образ Будды,
Склоняет к западу свой лик луна.

О, глаз не отводи!
Луна заходит
На западе, где рай.
Туда и мы
Когда-нибудь придем...
Об этом помни!
Но если что-нибудь еще лежит
На сердце у тебя,
Поведай мне
И перед смертью душу облегчи.

— Ничего у меня нет на душе, ничего не лежит на сердце. Но ваша душа, наверно, полна тревоги о ваших детях.

— О!.. Ты вдруг напомнила мне о них и заставила меня снова заплакать.

Бедняжки! Их отец
Сейчас умрет, а им и невдомек.
Я вижу...
Вижу милые их лица...
Как безмятежно спят они!
О, это
Единственное, что нельзя забыть! —
И он, лицом упав на землю, плачет.
И, словно вторя горестным рыданиям,
Покинув гнезда,
Воронь стада,
Взлетая, каркают,
Как будто вопрошая:
Какая здесь беда
Должна случиться?
И, слыша карканье вороньей стаи,
Рыдают обреченные на смерть.

Дзихэй приподнимается с земли:

— О, послушай, как они кричат!.. Как они кричат!.. Провожают нас в преисподнюю? Или встречают нас на ее пороге? Еще в древние времена говорили: когда человек дает обет и пишет его на обороте амулета Кумано, умирают три ворона в нагорных храмах.

...А ты и я?
Ты помнишь, как писали мы обеты

В начале месяца
И утром в Новый год —
Как первое начертанное слово,
Когда вся жизнь была подобна яшме,
Еще не отшлифованной...
Ты помнишь?
Так сколько же мы воронов убили!
Они всегда кричат:
«Пора пропасть!
Пора пропасть!»
А вот сейчас
Я различаю ясно: «Кáра! Кáра!» —
Они, кружась, кричат, как будто мстят
За мертвых братьев!
О, из-за кого
Грозит нам кара?
Да, из-за меня,
И ты умрешь такой жестокой смертью!
Прости меня! —

И он, обняв Кохару,
Спешит привлечь ее на грудь...

— Нет, эта кара
Из-за меня!

Влюбленные прильнули
Лицом друг к другу,
И, влажные от слез,
Их пряди на висках
От утреннего ветра леденеют...

За их спиною колокола голос —
В соседнем храме утренняя служба.
Монахи «наму самбо» там поют:
«О, три сокровища святого Будды!»
Светает... Промелькнула эта ночь,
Такая длинная,
Короткая для них,
Та ночь, когда они
Могли впервые
Назвать друг друга — мужем и женой...
Дзихэй любимую прижал к груди:
— Взгляни: заря
И колокол звучит.
Там, в храме Дайтё,—
утренняя служба.

Настал
Теперь
Для нас последний миг...
Не оставляй прощальных

капель слез:

Они застынут на твоём лице.
— Я не оставлю слез.
О, я не плачу!

Кохару улыбается...
Он видит
Её лицо, белеющее смутно
В лучах рассвета.
Как она бледна
От утреннего холода! Рука
Его дрожит...
В его глазах темнеет.
Ему — сквозь слезы —
Трудно различить,
Куда он должен погрузить клинок.

— Моя рука дрожит...

— О, не теряйте мужества! Спокойнее, спокойнее!
Быстрее! Быстрее!..

Она его торопит. Сколько силы
В душе у этой женщины!
А ветер
Доносит отголоски песнопенья
И колокольный гул.
Моление Амитабе,
Быть может, там возносят и о них?
И... словно меч разящий Амитабы,
Земные отсекающий желанья,
Зажат в руке Дзихэя,
Он мгновенно,
Возлюбленную усадив на землю,
Вонзает наискось ей в грудь

клинок!..

Но дрогнула его рука.
Кохару
Откинулась назад в предсмертных
муках.
Она ещё жива,

Хотя Дзихэй
Дыхательное горло перерезал.
О, кара кармы! О, возмездья мощь!
Она не может сразу умереть.
За что ей посланы
Мученья эти?..
Дзихэй страдает вместе с нею. Но,
Собравшись с духом,
С земли Кохару поднимает...
Он погружает меч по рукоять
И с силой поворачивает. Жизнь
Кохару отлетает, словно сон
На утренней заре...
Она мертва.
Он бережно укладывает тело:
На север головой,
Лицом на запад —
К обители блаженных.
Покрывает
Ее своей накидкой.
Не в силах
Рыданий удержать
(От рукавов ее
Знакомым веет ароматом),
Спешит он отвернуться...
Он идет,
К себе притягивает длинный пояс
И, в петлю голову продев,
На шее
Прилаживает шнур...

Молитва в храме
Пришла к концу.
Последние слова:
«Все верой просветленные,
И все
Не просветленные великой верой,
И все миры
Равно обрящут мир
И милосердие!»
Последние слова
Дзихэя...
Он провозглашает:
— Пусть
Мы возродимся в лотосе одном!

Хвала и слава Будде Амитаба! —
И прыгает с откоса.
Повисает,
Качаясь, как горлянка-тыква...
Недолго тянутся его страдания:
Дыханье перехвачено,
И он
Теряет связь с земною жизнью.

Утром,
На Остров Небесных Сетей
Приплыв, как обычно,
Нашли рыбаки
Дзихэя, Кохару,
Уловленных неводом смерти.

— Глядите! Глядите!
Беда!
Здесь двое погибших!
Сюда!
Сюда поспешите!

И в тот же час
Повесть о смерти влюбленных
Из уст в уста понеслась
По городу Осака...

Так были пойманы Кохару и Дзихэй
В сеть высшего возмездья,
Для того
Чтоб через длинный ряд перерождений
Родиться буддами —
В последний раз...

И слезы
Невольно набегают на глаза
У каждого,
Кто слышит эту повесть.

МАСЛЯНЫЙ АД

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Ёхэ́й, торговец маслом, 23-х лет.
Токубэ́й, его отчим, владелец торговой лавки Каватия́.
Тахэ́й, старший брат Ёхэя, 26-ти лет.
Ситидзаэмо́н, торговец маслом, владелец лавки Тэси-
ма́йя.
Ямамо́то Мориэмо́н, самурай, дядя Ёхэя.
Огу́ри Ха́тия, знатный самурай, начальник Мориэмо-
на, 20-ти лет.
Ягоро́ Щетка
Краснорожий Дзэ́мбэ́й } приятели Ёхэя.
Восковая Свечка, богатый торговец воском из про-
винции Айдзу.
Белый Лис, монах-заклинатель.
Кохэ́й, ростовщик.
Горокурó, торговец бумагой, старик.
О-Кй́ти, жена Ситидзаэмона, 27-ми лет.
О-Кй́ку, 9-ти лет }
О-Кйё́, 6-ти лет } ее дочери.
О-Дэ́н, 2-х лет }
О-Са́ва, мать Ёхэя.
О-Кати́, сестра Ёхэя.
Когй́ку, девушка из «Дома цветов» в квартале Сонэд-
заки.
Мацука́дзэ, девушка из веселого квартала Сим-
мати.
О-Камé, хозяйка «Дома цветов».
Девочка-ка́буро
Хозяин чайного дома.
Предводитель паломников.
Паломники. Слуги и служанки. Гости,
присутствующие на поминании. Воины. Страж-
ники.
Посетители веселых кварталов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Место — на пути в горный «Храм милосердных очей» в селенье
Нодзэки.

Время — одиннадцатый день четвертой луны 1721 года.

Р а с с к а з ч и к
(*Песня на плясовой мотив*)

Новая лодка легко плывет,
Са-эй-эй!

Закрутила красotka меня, увлекла,—
«Новая лодочка любви»!
Са-эй-эй!

Я и ты,
Ты и я,
Вместе сливаются два ручья,
Ситтонтон-ситтонтон.

Тихо-тихо, как сквозь сито,
Капли сыплются с весла.
Сыплются капли,
Льются речи.
Волна — изголовье
Для тайной встречи,
Ситтонтон-ситтонтон.
Я хотел бы вечно пить
Из твоей прекрасной чары,
Очарованный тобой.
Эта чара, чара, чара,
Словно полная луна
Над равниною Мусаси,
Ситтонтон, налей вина!

.....
Как шумно веселятся
На разукрашенной ладье,
Плывущей
По реке Намадзу!
Но эти люди — кто они?
Хоть чайный домик в Сонэдзэки
Осиротел —

Его хозяин умер, —
Но все ж почтенная вдова
Успешно продолжает дело,
И дело сладкие плоды приносит
В руках хозяйки о-Камэ,
Которая еще сама цветет
Богатым цветом!

Хозяйка
На лодке с домиком
Плывет к святым местам.
Веселая компания на лодке.
Красотка девушка Когику,
А с ней богатый гость
Из северного края Айдзу,
Набитый туго денежный мешок,
Купец, известный здесь
По прозвищу «Свеча»,
Точнее —
«Восковая Свечка».
Изрядно он сумел разбогатеть,
Торгуя воском,
И вот без удержу бахвалится богатством,
Сорит деньгами,
Чтоб слава не растаяла его,
Как тает воск,
Когда горит свеча.

На днях он в Нанива приехал
И сразу начал посещать
Квартал веселья — Сонэдзаки
И прилепился всей душой
К селению любви.

Его пленила
Девушка Когику
Из «дома радости» Тэннодзйя.
Простак в красотку по уши влюбился.
Прилип, как воск.
Улещивает, тешит,
Зовет в театр, на богомолье,
Он домогается ее любви,
Пригоршнями бросает деньги.
И вот увеселительная лодка
Плывет, качаясь, в сторону Нодзаки.

Жара запаздывает нынче.
Все сроки сдвинулись —
Ведь високосный год.
Уже четвертая луна,
А в лодке зябко.
Прохладный ветер дует вдоль реки.
Да не беда!
Любовные утехи горячат.
Гуляки согреваются вином
И знай себе поют:
«Ситтонтон, ситтонтон,
Са-ёй-ёй!»

* * *

Вселяющий, всезрящий Будда,
Он одарил нас в древние века,
На высоте Орлиной восседая,
Благим законом —
Святою «Сутрой Лотоса»... Теперь
Его мы «Амида» зовем —
«Владыкой Западного рая».
Он — в этом бренном мире
Из сострадания
Явил себя
Как бодхисаттва Кандзэон
И милостиво нам дарует помощь
В долине трех существований:
В прошедшем,
В будущем и в настоящем.

И вот уже подряд три года
Мы чествуем и славим
Вселяющего Кандзэона.

В годы Кабана
И брата младшего Земли
(Всего два года
Прошло с тех пор)
В нагорном храме Кумано
Торжественно воздвигли
Большое изваянье Кандзэона,
И все могли
Святому бодхисаттве поклониться
И умолять о помощи смиренно.
Все... даже люди,

В невежестве погрязшие,
В пороках,
Живущие в трущобах и лачугах,
Хранящие десятков медяков
На дне лоскутной ладанки для четок,
Где их не видит зоркий солнца луч,
В каком-нибудь игольнике,
В тряпице...
О, даже эти бедняки
Достали
Последние свои гроши
И принесли их в дар
Святому чудотворцу...
И милостивый Кандзэон,
Схватив их тысячью
Благословенных рук,
Внезапно вспыхнул золотым сияньем
И превратился в золотого Будду.

Прошедшею весной
Толпа паломников
Пошла на богомолье
В далекий край Ямато,
В храм Хорюдзи,
Чтоб поклониться
Святылищу, где читается принц Сётоку.
Одиннадцать веков
Исполнилось со дня его кончины...
А он был тоже воплощеньем
Всезрящего, вселюбящего Будды.
А нынешней весной
В селении Нодзаки
В нагорном храме
«Отдернута завеса»,
И очам
Чудесное явилось изваянье
Всемиловитейшего Кандзэона.
И тысячи паломников туда
Стекаются со всех сторон...
И там, в горах,
Где так печально и пустынно,
Когда осыплется вишневый цвет,
Спешат по всем дорогам вереницы
Мужчин и женщин,
Старых, молодых,

Как будто гонит их нагорный ветер.
Но ветер,
Летающий по небу,
Не в силах разметать,
Как лепестки,
Веселые и пестрые наряды,
Еще пестрей, чем вешние цветы.

Паломники
Подыгрывают на губах,
Изображая звуки сямисэна:
«Туда идут, трень-трень.
Назад бредут, трень-трень.
Трень-трень целый день...»
Деньжата сыплются...

А хорошо
В увеселительной кататься лодке,
И лучше, если пригласят тебя,
Чем самому ее нанять.
Что ни толкуй,
Так больше прибыли и толку.
Весною прибыла вода,
И лодки
Плывут гуськом вдоль дамбы Токуан:
Нос упирается в корму,
Все лодки словно
Один большой корабль!

Вот восседает Восковая Свечка.
Взгляните-ка на этого гуляку!
Он так сияет,
Как будто начинен самодовольством.
Он льнет к своей Когику,
Заводит с ней
Любовную игру
И шепчет на ухо...
Вся жизнь Когику
Лишь одному посвящена:
Мужским желаньям льстить и угождать.
Противиться она не смеет.
И все же
Ей совестно, когда любовник
Без всякого стыда
Заигрывает на глазах у всех.

Она еще так молода,
Еще неопытна —
И поневоле
Краснеет и смущается...

Причал.
Когикү
Легко, одним прыжком,
На берег прыгает из лодки.
Широкий капюшон
Надвинут на глаза
И прячет черную черту бровей —
Продажной девушки приметү,
Но модный пояс нагой
Повязан высокó,
Такой купецкие не носят женки.
Да, он — ярлык с высокою ценой,
И у мужчины
При этом виде падает душа.
Любой вдруг ослабеет,
Дрожит, как капля
На острие листа бамбука.
Благоразумие, расчет и верность —
Все сразу за борт полетит!..
Зеваки
Теснятся, толпятся,
Приметив прекрасный цветок.
Так на краю тропы
Густеют сорные травы.
Самый воздух вокруг отравлен
Сором вздорных речей.
Непристойные прибаутки,
Дурацкие шутки, остроты...

Со всех сторон сбегаются мужчины.
Она обратно подзывает лодку
И прыгает на борт.
А кто-то в толпе затянул
Песенку на модный манер:
«Погляди-ка поскорей!
Это утренний — трень-трень, —
Утренний туман,
Или это дым костров
Над горою Атагó
Поднялся трема — трень-трень, —

Поднялся тремя столбами.
Еэ-ё!»

Здесь четыре дороги,
Словно копы из яшмы,
Нацелены вдаль,
На четыре стороны света.
Эта — в сторону «Дракон и Змея» —
К городу Нара;
Эта — в сторону «Бык и Тигр» —
К городу Явата;
Эта — через Тамацукури —
В сторону «Овен — Обезьяна»;
Эта прямо — на запад —
Токайдоская людная дорога, —
Первая станция — мост Кёбаси
В знаменитейшем городе Эдо.

Оглянись на юг!
Там — позади города Нода —
Протекает река Ямато;
За рекою высится Окаяма,
Окаяма — «Гора тайных встреч»,
Где «Сосна долголетия» растет...
Сколько сложено песен об этой горе,
Сколько встреч здесь бывало с любимой!

А возле горы Сарара
Паломники покидают лодку
И там переходят через мост,
Ведущий к спасению грешной души.

О, святой бодхисаттва, чья мощь необъятна!
О, святой Кандзэон,
Взирающий сострадательным оком,
Неисчетные радости обещаю!
О, святой Кандзэон,
Поклявшийся некогда спасти
Каждого, кто призовет его имя,
Каждого, кто повествует людям
О его благодатных чудесах,
Каждого, кто внемлет рассказу о них,
Каждого, кто плывет к святилищу в лодке,
Каждого, кто бредет опираясь на посох,
Каждого, кто, молясь, раскрывает свой веер,

Кто, повторяя слова молитв,
Смиренно четки перебирает, —
Все обрящут стезю к святому спасению,
Избавленные от горестных странствий
По дороге обманов...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Р а с с к а з ч и к

Откуда эта женщина идет?
Она живет на улице Хонтэмма,
А эта узенькая улочка, пожалуй,
Немногим шире,
Чем тонкий стан ее
Стройнее юной ивы.
Как листья ивы,
Волосы блестят,
Недаром муж ее — купец,
Почтенный Ситидзаэмон,
Торгует маслом,
Отжатым из семян растений:
Душистым маслом для волос,
Кунжутным маслом,
Очищенным бальзамом для бумаги...
Ее зовут о-Кити,
И она
Идет с детьми на поклоненье Будде.

Кто дал ей имя
О-Кити —
«Счастливая» —
И так ошибся!
Она еще в расцвете красоты.
Поверить трудно,
Что это — мать троих детей,
Заботливая, добрая хозяйка,
И каждый встречный
Охотно смотрит на нее.
Двух младших девочек она взяла с собой:
Малютку бережно несет,
А шестилетнюю ведет за ручку,
И эта дочка теребит ее:
«Маманя, я хочу попить чайку!»
О-Кити видит чайный домик
Невдалеке,

У самого пути,
Там можно выпить чаю,
И закусить, и отдохнуть.

О-К и т и

Да! Да! Зайдем!
Передохнем немножко.

Р а с с к а з ч и к

Они вошли. Присели.
А тут, гляди,
Как раз шагает мимо
Ёхэй — знакомый паренек
Из лавки
Каватия, лет этак двадцати.
Лицом смазлив,
Но мот, бездельник,
И он еще живет
В родительском доме,
У отчима, на даровых хлебах,
Под крылышком у матери своей.

А дом и лавка
Его родителей —
Рукой подать,
Как раз напротив дома,
Где держит лавку Ситидзаэмон,
Маслоторговец, муж о-Кити,
И оба дома
Соседством близким связаны
И дружбой.

И вот Ёхэй идет на богомолье,
И с ним идут два закадычных друга:
Вот этот — Ягоро,
Известный всем под кличкой «Щетка»,
А вот — Дзэмбэй,
Верзила красномордый.
Все трое
Торгуют маслом, но, вернее, —
Способны лишь проторговаться.
Все трое заодно
В любовных похождениях
И завсегда в квартале Сонэдзакки.
Они проматывают все свое добро

По вечерам,
А утром дремлют в лавке,
Как будто жизнь не стоит ни гроша —
Пустое сновиденье...
Но сейчас
От сна очнулись,
Они шагают бодро...
И поочередно
Несут увесистый бочонок,
Пять мер вина —
Довольно, чтоб напиться
Вдрызг всем троим, —
Еще в придачу ящик
С закусками.
Меж ними уговор:
Как встретится им по пути монах,
Тогда они меняются поклажей.

Ё х э й. Эта мерзавка Когику, продажная тварь, здорово провела меня. Надула меня, надула. Мне отказала, а сама потащила с этим богатым дружкой, с Восковой Свечкой, прямо в Нодзаки, на празднество поглядеть. Дождусь, как пойдет она обратно по этой дороге, тут я ей и покажу!

Р а с с к а з ч и к

Как вдруг из глубины харчевни
Его окликнул кто-то:
«Эй, послушай,
Ёхэй! А ну-ка, загляни сюда!»
Ёхэй узнал по голосу о-Кити.

Ё х э й. А-а! Да это о-Кити-сама отправилась в храм на поклоненье. И с двумя малышками? Знал бы я, пошел бы тебя сопровождать! А муженек-то твой, Ситидзаэмон, верно, остался присматривать за лавкой?

О-К и т и. Нет, мы отправились вместе с ним, да по дороге он задержался по делам. Забот-то у него не оберешься! Вот и пришлось ему заглянуть в два-три места. Но не беда, он скоро должен здесь быть с моей старшей дочкой. Ну-ну, заходи сюда, присять, отдохни. И друзей твоих можешь позвать!

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй сдается. Как не согласиться,
Когда красотка-женщина зовет?

Ё х э й

Ну что ж. Зайду.
Пожалуй, надо трубку пососать!

Р а с с к а з ч и к

Он плюхнулся на мягкую подстилку
С развязностью завязатого гуляки.

О-К и т и. Ну, что ты скажешь, Ёхэй-сама? Видел ли ты когда-нибудь такую уйму паломников и паломниц? И богатеи, и бедняки, и девицы из знатных семейств, и почтенные купецкие жены. О, гляди, гляди: вот идет какая расфуфыренная. Одежда на ней фиолетовая, а подол светло-лиловый. Пояс-то, пояс — пестрей не бывает! Уж наверное — продажная девица. Ты только погляди!

Ё х э й. О! А вон там, вот та, на эту посмотри! Кимоно из полосатого крепа и пояс с яркими кругами! Голову дам на отсечение — она из веселого квартала Симмати, самая шикарная из всех девок!

О-К и т и. Да-да! Меня нисколько не удивляет, что молодой повеса на праздник приглашает такую записную красотку и без счета сылет деньгами направо и налево. Ты ведь тоже, верно, не прочь пройтись в такой компании. А ну-ка, признайся, кого бы ты выбрал — Когику из веселого квартала Сонэдзаки или Мацукадзэ из квартала Симмати? Ну, что скажешь? Не правда ли, я все, все на свете знаю? В самом деле, почему ты не подцепил одну из этих красоток?

Р а с с к а з ч и к

Все это льстит Ёхэю,
Он попадаетея на удочку легко.

Ё х э й. Уж и не говори! Вот ведь досада! А я-то задумал пустить всем пыль в глаза и появиться сегодня с самой нарядной девицей. Я давно из кожи лез, чтоб это заранее устроить. А эта мерзавка Мацукадзэ вдруг объявила мне, что давно уже с кем-то уговорилась.

И эта маленькая дрянь — Когику
Мне отказала наотрез.
Нодзаки, видишь ли, лежит
В несчастном направлении для нее.
И кто б ни пригласил ее — отказ!
Но слушай дальше: эту лгунью

Сегодня нанял
Какой-то деревенский грубиян,
Мешок, набитый серебром,
И рано утром
Они сюда приплыли по реке
На лодке разукрашенной.
И если
Мужлан заезжий
Верх надо мной возьмет,
То я, Ёхэй,
Я буду опозорен
И втоптан в грязь.
Такому сраму не бывать!
Я подожду:
Пускай негодница Когикю
Пойдет с дружкой обратно —
Я с ней поговорю по-свойски!
Да и ему несдобровать!

Р а с с к а з ч и к

Пока Ёхэй
Болтает, понемногу разъярясь,
Его завзятые дружки,
Хлебнув вина,
Между собой устроили борьбу,
С таким азартом
Бахвалясь силою своей,
Что, кажется, они не прочь
И с дьяволом самим схватиться.

О-Кити усмехнулась. Цель ее —
Прочсть Ёхэю наставленье.
Уговорить его остепениться.

О-К и т и

Смотри-ка, ведь пословица верна:
Спроси напрямик —
Ни за что не сознается,
А распустит язык —
И сам проболтается!
Так, значит, вот какое
Твое паломничество в храм,
На поклонение к святому Кандзэону?
Скорее — праздное шатанье
В компании подвыпивших дружков?

Несчастные родители твои!
Они-то знают слишком хорошо,
Которую из непотребных девок
Ты выкупить собрался.
Мне жаль родителей твоих!

Они приходят в наш дом, к моему мужу, да и ко мне, и умоляют нас со слезами: «Наш шалопаи Ёхэй совсем сбился с панталыку, связался с дурной компанией, проматывает свои и чужие деньги. Да ведь мы сами виноваты — с детства его избаловали. Пожалуйста, повлияйте на него. Подайте ему добрый совет. Усовестите его. Может статься, он вас послушает?» Уж наверно, мой муженек говорил с тобой. Да, видно, тебе это ни о чем: в одно ухо вошло, из другого вышло! Тебе, понятно, в досаду, что вот поучает тебя молодая женщина. И где же? Нашла место: в чайном домике у большой дороги! Но мне сердечно жаль тебя, а пуще того — твоих родителей. Себя ты погубишь, опозоришь, а ихпустишь по миру. Вот я и зазвала тебя сюда, пустилась в длинные рассуждения, а мне впору только заниматься своим выводком ребятишек, мал мала меньше. Остепенись и образумься!

Веди себя скромней.
Но ты толкаешься, ты кулаками
Себе дорогу пробиваешь
Сквозь тысячные толпы пилигримов.
Твои повадки —
Бесстыдные —
Твою семью позорят,
Всем намозолили глаза,
В тебя все пальцем тычут
И охают: «Смотрите на него!
Вот младший сын
Торговца маслом Токубэя:
И сам, оболтус, разорен дотла,
И скоро
Своих родителей дотла он разорит.
Он в чайном домике —
И то не может
По счету расплатиться,
А туда же!
Пихает, нос задирает,
Бахвалится, дерется, фигурирует.

Богач какой нашелся...»
Сам скажи:
Что тут хорошего?
Несчастье, право!
Ты должен взять за образец
Тахэя, брата твоего.
Купец на славу — любо поглядеть.
Гроша не промотает понапрасну,
Богатство копит помаленьку,
Как лепит ласточка свое гнездо.

Еще не поздно,
Возьмись за ум.
Оставь своих дружков беспутных.
Трудись.
Вникай в торговые дела.
Родителям старайся помогать.
Да это ведь не для других —
Ты в этом счастье сам найдешь, поверь мне.

А-а, я вижу:
Мои слова тебе не по нутру!

Ты молчишь? Ну, дочка, пойдем скорей. А я опять возьму на руки маленькую твою сестричку... Скорее! А ты, Ёхэй, если ты встретишь по дороге моего муженька, пожалуйста, скажи ему, что мы ждем его в главном святилище.

Хозяин, вот возьми в уплату...

Р а с с к а з ч и к

О-Кити достает из рукава
И отдает хозяину харчевни
Пригоршню мелочи,
И мелким-мелким шагом
Она с детьми засемила
Вслед за паломниками
По дороге к храму.

Дружок Ёхэя, Красномордый
Дзэмбэй,
Итог подводит всем ее речам
И припечатывает:

Д з э м б э й. Ну-ну, Ёхэй! Так эта женщина — хозяйка той лавки, что напротив вашего дома? Личиком пригожа, и повадки такие приятные, кажется, воды не замутит. А на поверку выходит — кремень-баба! Славно же она тебя отчекрыжила!

Ё х э й

Да! Ей всего
Лет двадцать семь,
Собой еще красива,
А уж успела народить
Девчонок уйму!
Честная жена,
Примерная хозяйка,
Строгих нравов,—
По мне, нет хуже ничего!
На погляденье — хороша,
А не подступишься! Поди-ка сунься к ней.
Точь-в-точь игрушечная птичка:
Посмотришь — как живая!
А вкусу нет.

Р а с с к а з ч и к

Дзэмбэй хохочет и от смеха
Еще сильнее багровеет.
И в этот самый миг,
Смотрите, появляется Когику.
Она уже святому поклонилась
И весело идет обратно,
Не думая о том,
Какая встреча ждет ее.
А с нею вместе
Идет ее простак-любезник,
И следом о-Камэ, вдова,
Хозяйка «Домика цветов»,
За нею по пятам — служанка.
Гость — Восковая Свечка —
Горланит по пути,
Как может, песню «Тинцубуси»
На грубый деревенский лад:

«Тинцу-тинцу-тинтири!
Кто первый любовник в театре?
Волнует, тин-тин, сердца?
Дзиндзаэмон.

Кто первый актер на роли
Многодумного мудреца?

Кодзаэмон.

Тинцу-тинцу-тинтири!
Кто так умеет играть,
Что всех прошибает слеза?

Сиродза, Сиродза,

Тинцу-тинцу-тинтири».

Г о л о с а

Ят-тя! Ят-тя! Еще раз! Ну-ка,

Вот это глотка!

Ну что твой соловей!

Еще, еще!

Вот первый в Осака певец!

Р а с с к а з ч и к

Не думайте, что пенье

Им нравится.

Но знают,

Что это — денежный мешок поет.

Лишь были б деньги —

И каждый сразу же готов признать,

Что ты мастак в любом искусстве.

А между тем

Другие голоса слышны в толпе:

«Вы видите? Вот эти трое

Идут сюда!

Буяны, драчуны!»

Ехэй,

Нахмуря брови,

Остановился посреди дороги,

А за его спиной

Два здоровенных парня.

Видать по лицам,

Что на все готовы.

Взглянув на них,

Когикю испугалась.

К о г и к у

Послушайте, хозяйка!

Идти назад

По этой же дороге — скучно.

К тому же у меня устали ноги.
Я предпочла бы
Вернуться в лодке по реке...

Р а с с к а з ч и к

И, приподняв подол,
Она готова
Спуститься на́ берег,
Но прямо на пути
Торчит, как мачта, сам Ёхэй,
А по бокам
Стоят его дружки,
Расставив ноги.

Дзэмбэй и Ягоро. А ну-ка, Ёхэй! Поговори с этой девкой по-свойски, покажи ей, что ты мужчина! А если этот свечной огарок вспыхнет, мы подрежем ему фитиль и втопчем его в грязь!

Р а с с к а з ч и к

Они суют сандалии за пояс
И скрещивают руки на груди.
Вот-вот полезут в драку. Гость
От неожиданности словно онемел.
Хозяйка и служанка
Совсем растеряны.
Они дрожат от страха,
Хотят Кюгику увести.
Но раззадоренный Ёхэй
Ее хватает за руку.

Ёхэй. Я первый договаривался с Кюгику. А когда завсегда́тай веселого квартала, вроде меня, нанимает девицу, так небось она уж от него не уйдет к другому.

Р а с с к а з ч и к

Он тащит за руку ее
И силой заставляет сесть
На лавку
Перед чайным домиком.

Ёхэй. Ты, продажная шлюха, тварь, дешевка! Наболтала мне, что гадатель-де сказал, будто нельзя тебе идти в ту сторону, где стоит храм Нодзаки, а то случится большая беда,

И ни за что
Туда ты не пойдешь —
И солгала!
Со мной, Ёхэем,
Пойти не захотела?
А если гость тебе по вкусу,
Так наплевать тебе на все гаданья,
Пойдешь куда угодно?
Ну что? Ну что ты в оправданье скажешь?

Р а с с к а з ч и к

Вот так Ёхэй бранит Когику.
Он в ярости глаза таращит.
Как страшно кровью налились глаза,
Ну, сущий демон!
Пытаясь успокоить грубияна,
Когику кротко отвечает:

К о г и к у. Право, Ёхэй, не надо так бушевать из-за пустяков. Все знают, в какой мы тесной дружбе. Кто назовет меня хоть раз, три раза помянет тебя. Ты и я — да мы всегда у всех на языке. Я не пошла с тобой сегодня, это верно, но только ради тебя же самого. Чтобы оберечь твое доброе имя. Ты слишком мне дорог, слишком много ходит про нас разных досужих сплетен.

Зачем ты позволяешь
Твоим дружкам подначивать тебя?
Мое не изменилось сердце:
Богам я поклялась
Тебя любить!
Смотри: вот письменный обет!

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй невольно тронут.
Он чувствует, что гнев его угас,
Однако совестно признаться в этом
Своим запальчивым друзьям...

Когику шепчет на ухо Ёхэю
И нежно прижимается к нему.
Заметив это,
Теперь разгневался богатый гость:
«Вот уж спасибо, нечего сказать!»
И грузно он садится рядом.

Восковая Свечка

Так не годится, госпожа Когигу.
Любовь любовью, а обман обманом.
Зачем лгала ты мне, —
Мол, в целом городе, хоть всех перебери,
Мужчины не найти приятней,
Чем я, твой милый гость из Айдзу?
А я-то думал,
Что буду вспоминать
Твою любовь,
Когда к себе на родину вернусь,
И похвалиться,
Какое счастье привалило мне!
Я денег не считал,
Они текли рекою,
Чтоб вместе прогуляться по реке.
А на поверку оказалось,
Что из меня ты строишь дурака?
Так дальше не пойдет!
А ну-ка, повтори
При этом шалопае,
Что́ прошлой ночью
Ты обещала мне?
А! Ты молчишь?!
Тогда меж нами
Все кончено! Найду себе другую!
Как говорится:
«Застава в горах
Крепка, крепка,
Тропа через горы
Крута, крута.
В другой раз не приду!»
Ну, что на это скажешь?

Р а с с к а з ч и к

Он требует ответа.
А меж тем
Дружки Ёхэя,
Перемигнувшись,
Подходят с наглым видом.

Д з э м б э й и Я г о р о

Эй, ты!
Невежа, деревенщина, мужлан!

А ну-ка, прочь ступай!
Оставь в покое девку!

Убирайся! Не то получишь на память хороший подарок от нашего города! Ну, чего ты так разгорячился? Мы остудим тебя, остудим. Хлебнешь ты у нас мутной водицы из этой речонки!

Р а с с к а з ч и к

И оба наступают с двух сторон,
Хотят его взять в клещи
И спихнуть
С крутого берега...
Однако Восковая Свечка
Не так-то мягок,
Как говорит его прозвание,
Не мягкий воск, а крепкая смола —
И твердо держится.

В о с к о в а я С в е ч к а

Ах вы щенки!
Дрянь, сволочь, оборванцы!
Слышал я про таких!

Ишь ты, накололи себе разные узоры на руках — пугать людей. Ссору заведут нарочно, а сами норовят выхватить чужой кошель из-за пазухи! Голь перекатная! Нищета из вас всю душу вытрясла, коленки небось дрожат! Погуляете с девками — и вовсе с копыт долой. Но я, по нашему деревенскому обычаю, угощу вас кое-чем покрепче вашей мутной водицы! А не хотите ли узнать вкус моей грязной ноги?

Р а с с к а з ч и к

И гость вскочил.
Он бросился вперед —
С размаху бьет ногой!
Хрясь! Гулкий звук удара.
Да! Щетке Ягоро
Удар пришелся
Как раз под подбородок —
Парень охнул,
Незвидел света,
Катится в речушку.
Шлеп! Он барахтается в тине!

Теперь Дзэмбэй
Вконец побагровел от гнева
И хочет за товарища вступиться.
Бац! Гость его коленом бьет
Без всякой жалости —
И прямо в драгоценный пах.
Дзэмбэй от страшной боли
Взвыл и согнулся пополам.
Он извивается ужом,
Ложится на спину
И смотрит в небо
Остекленелыми глазами,
Как будто видит коршуна в полете,
Зажавшего в когтях добычу.
Потом
Он уползает прочь, в кусты, —
И след его простыл.

Теперь Ёхэй остервенел от злобы.

Ё х э й

Что ж это? Так и буду
Смотреть покорно,
Как избивают здесь товарищей моих?
Да я тебя, подонок,
Вниз головою в грязь всажу!

В о с к о в а я С в е ч к а

А! Ты еще тут, осакский паршивец?

Проваливай, не то
Тебе я набок челюсть сворочу!

Р а с с к а з ч и к

Он размахнулся,
Но Ёхэй отпрянул —
И, в свой черед,
Наотмашь кулаком
Бьет гостя по скуле.
Они отчаянно
Тузят друг друга.
Удары сыплются.
И каждый норовит
Противника схватить за горло.

Когик у в страхе
Бросилась меж ними,
Чтоб их разнять.

Когик у

Остановитесь! Стойте!
Молю вас,
Прекратите драку
Что за бесчинство!

Хозяйка о-Камэ

Ах-ах, побереги себя,
Сокровище мое!

Рассказчик

Хозяйка заслоняет
Собой Когик у
И — вместе со служанкой —
Ее уводит в сторону,
Подальше
От потасовки. Между тем
Со всех сторон
Сбегаются зеваки.
Шум. Гомон Выкрики:
«Глядите — драка! Драка!»
Закрывают двери в чайный домик:
Хозяину теперь не до гостей.
Соперники отчаянно дерутся
На насыпи
Над самую рекой.
Но насыпь рушится,
И оба
Уже стоят в воде по пояс...
Они со дна сгребают горсти грязи,
Камней, песка, зеленой тины
С хвостами водорослей —
И швыряют
Друг в друга,
Норовя попасть в глаза.
Теперь противники сошлись
Грудь с грудью,
Врукопашную схватились
Они готовы утопить друг друга.
Ёхэй моложе,
Но Восковая Свечка

Бьет точнее.
Да! Это — настоящий поединок,
Когда противники, стремясь к победе,
Теряют разум,
Когда никто вмешаться не посмеет,
Чтоб их разнять. И вдруг...

Кто показался в эту минуту?
Знатный вассал князя,
Что правит в городе Такацуки.
Самурай этот молод годами,
Вышел он из простых пажей,
Но занял высокую должность
Советника.
Именуют его
Огури Хатия.
Он одет
В пышный придворный костюм,
Восседает на прекрасном коне,
Покрытом драгоценной попоной.
Направляется он в храм Нодзаки
Как посол своего господина
Совершить поклонение Кандзэону.
Его охраняет почетная стража.
На всех молодых воинах
Накидки цвета спелой хурмы
Парадные — с крыльями и гербами.
Знаменитый княжеский герб:
Девять кругов —
Один в одном.
Впереди спешат скороходы,
Криком «Эй-эй!» разгоняют народ:
«Прочь с дороги! Посторонись!»

Все расступаются,
Но, в увлечение битвы,
Ехэй и Восковая Свечка
Не слышат окриков
И яростно дерутся.
Ехэй в грязи
Весь с ног до головы.
Залеплены глаза зеленой тиной.
Он плохо целится,
И, на его беду,

Летят, как птицы, комья грязи
И попадают
Без промаха...
На праздничное одеянье
Огури Хатия.
Запятнан конь, испачкана попона.
Гнедой отпрянул жеребец,
Встал на дыбы —
С трудом его наездник успокоил.
Ёхэя окружила стража —
Не убежишь!
Беду он понял — и остолбенел
От ужаса.
Его противник
Единым духом переплыл речонку
И скрылся в зарослях.
Кюгику и хозяйка
Поспешно прячутся в толпе.
Ёхэя
Выводят на берег.
Начальник стражи,
Почтенный, престарелый самурай
Моризэмон из рода Ямамото,
Одним ударом
Сбивает с ног Ёхэя,
Бросает наземь вниз лицом
И с силой упирается коленом
Ему в спинной хребет.

Ёхэя. А-а! Смилуйтесь, смилуйтесь, господин самурай! Простите мою провинность! Я не нарочно! Умоляю, отпустите меня!

Р а с с к а з ч и к

Так он вопит.

Униженно он молит о пощаде.

М о р и з э м о н. А, подлый негодяй! Забрызгал грязью знатного воина и его благородного коня, а теперь молишь о прощении! И ты надеешься, что так тебя и простят?

А ну-ка, подними
Твою собачью морду!

Р а с с к а з ч и к

Он поднимает голову Ёхэя.

Ё х э й

Ой, дядюшка Мориэмон!

М о р и э м о н

Да это —

Племянник мой Ёхэй!

Беда, беда!

Р а с с к а з ч и к

И оба — в изумленье —

Уставились глазами друг на друга.

М о р и э м о н. А, подлец! Ты ведь всего-навсего простой горожанин: любой позор тебе нипочем. Свою голову ты и в грош не ставишь. Но я самурай, я на службе у знатного господина! И я ношу славное, незапятнанное имя. Такое имя, которое пишется не одним, а двумя знаками! Я — другое дело!

Держите этого мерзавца!

Он — мой племянник. Все равно

Его не пощажу:

Я голову ему срублю!

А ну, вставай!

Р а с с к а з ч и к

И, за руку схватив Ёхэя,

Его с земли он силой поднимает.

Но господин советник,

Сдержав коня, забрызганного грязью,

Кричит Мориэмону:

О г у р и Х а т и я

Эй-эй! Постой, Мориэмон!

У тебя, кажется, меч плохо сидит в ножнах. Если он выскользнет из ножен и снесет кому-нибудь голову, прольется кровь. А если я увижу кровь, я буду осквернен, и мне уже нельзя будет явиться в храм и поклониться святому Кандзэону — от лица нашего князя. Мне

придется вернуться в замок! Будьте же осторожны, воины, с вашими мечами, пока мы не тронемся в обратный путь. Мориэмон — ко мне!

Р а с с к а з ч и к

Тот повинуетя
И говорит Ёхэю:
«Ты ненадолго получаешь жизнь.
Тебе снесу я голову, когда
Поедем мы обратно!» Он толкает
Ёхэя прочь;
Хотел бы приказать:
«Беги, племянник!
Беги скорей, не попадайся
Мне на глаза!» —
Но, самурай,
Хранить он должен непреклонность духа.
Он только молча
Исподтишка
Ёхэю знак дает:
«Скорей беги, спасайся!»
Но тот ошеломлен —
И ничего понять не может.
Так — летом — мы не слышим соловья
И нам его невнятен слабый хрип.

Мориэмон
И княжеский посол
Хранят невозмутимость самураев
И равнодушие
К случайным задачам.
Конь ускоряет шаг,
И весь кортеж
Уходит в сторону Нодзаки.

Ёхэй шатается,
Как будто пьяный.
Не может он понять:
Явь или сон?
Однако понимает,
Что чудом уцелела голова.

Ё х э й

О, Наму Амида!
О, три сокровища
Святого Будды!

О, Кандзэон святой,
Спаси и сохрани!
Мой дядя должен зарубить меня!
Отрубят голову —
А как мне жить
Без головы?

Р а с с к а з ч и к

Он обезумел:
Душа и разум упорхнули прочь.
Он хочет убежать.
Он слепо озирается кругом:
В какую сторону ему податься?

Ё х э й. Бежать туда? Но ведь там Нодзаки. А куда провалился город? Я спутал все дороги. Это, должно быть, путь на Киото. А это что за гора? Это — Курагари? Или, может быть, Хиэй? Не понимаю, куда бежать? Где мне спрятаться?

Р а с с к а з ч и к

Глаза его блуждают.
Он в смятенье,
В глазах — туман,
И подкосились ноги.
Как быть? И вдруг —
В толпе он замечает шляпу кага.
Да это ведь о-Кити!
О-Кити!
Он рад ей, словно грешник,
Который в пламени пылающего ада
Увидел милосердного Дзидзо!

Ё х э й

Спаси меня! Спаси меня, о-Кити!
Меня сейчас зарубят.
Идешь домой?
Возьми меня с собой!

Р а с с к а з ч и к

В слезах, он кланяется в землю.

О-Кити. Но я еще не иду домой. Я уже прошла семь-восемь тё по дороге к храму. Но вижу — впереди

уйма народу, такая давка — не пробьешься. Вот я и вернулась сюда, чтобы здесь подождать моего муженька.

Но что с тобой?
В каком ты страшном виде!
Измазан грязью
С головы до ног.
Лицо заляпано
Болотной тиной...
Обрывки водорослей в волосах.
Ты что, Ёхэй?
С ума ты, что ли, спятил?

Ё х э й

Я вправду разум потерял.
Я подрался из-за Когику —
Ком грязи я швырнул
И угодил —
Подумать только — в самурая
Знатнейшего.
Он был забрызган грязью,
И конь его запачкан.
Стража
Меня схватила.
Пригрозили мне,
Что голову отрубят,
Когда они назад пойдут из храма.
Не знаю, как от них спастись!

Р а с с к а з ч и к

Он не отходит от нее.

О-Кити. Ах, до чего же мерзко ты себя ведешь!
Бедные твои родители! Они заболеют с горя, когда на них свалится такое несчастье. Но я не могу отказать тебе в помощи, ведь мы близкие соседи. Вот что я решила: найму-ка я комнату в чайном домике и смою с тебя всю грязь! Ты ведь не можешь в таком виде показаться людям на глаза.

Почистишь платье,
Лицо ополоснешь —
И в Осака беги! Спасайся!
А впредь веди себя умнее.

Хозяин! Я снова погощу у тебя. О-Киё, ты уже большая, тебе шесть лет. Ты побудь здесь и дай мне знать, как только придет твой отец!

Р а с с к а з ч и к

И оба скрылись
За тростниковой занавеской
В внутреннем покое.
А между тем весенний длинный день
Уже наполовину пробежал.

И Ситидзаэмон,
Торговец маслом, муж о-Кити,
Бежит, торопится,
Тревожится, что и жена и дочки,
Наверно, заждались, проголодались,
Бежит, а ящичек с закуской
Болтается на поясе его.
А старшенькую дочь, о-Кику
(Ей девять лет), он тащит за собой.
Ох, в горле пересохло!
Хорошо бы
Попить чайку!

А, вот и чайный домик!
К отцу бежит навстречу о-Киё
И с криком

«Папа!»

На нем повисла, радостно смеется.
Как радуются сестры друг на друга!

С и т и д з а э м о н

А! Верно, заждались?
Но где же мама?

О-Киё. Мамаля вот здесь, в чайном домике, вместе с нашим соседом Ёхэем. Они развязали пояса и одежду с себя сняли.

Ситидзаэмон. Что?.. Что ты говоришь? Они развязали пояса и разделись догола? Я подло обманут! Ну, а потом? Что было потом?

О-Киё. А потом... маманя обтерла его бумажным платком и помыла.

Р а с с к а з ч и к

Услышав это, Ситидзаэмон
Приходит в гнев.
Меняется в лице,
Глаза остекленели,
А брови гневно сдвинулись. .
Сжав кулаки,
Он перед дверью стал,
Кричит:

С и т и д з а э м о н

Вы слышите?
О-Кити и Ёхэй —
Немедля выходите!
Не выйдете —
Я силой к вам вломлюсь!

О-К и т и

Да это ты, мой муженек?
Ты где запропастился?
Забыл, что деткам
Давно пора позавтракать?

Р а с с к а з ч и к

Она выпархивает из дверей,
А следом,
Повесив голову,
Бредет Ёхэй.

Ёхэй. О, это вы, Ситидзаэмон-доно! А я в таком виде — просто сгореть со стыда. Я подрался. Свалился в речную тину... Ваша хозяйка по доброте душевной позаботилась обо мне... Отмыла меня... Не знаю, как и благодарить вас обоих.

Мне очень стыдно!

Р а с с к а з ч и к

Он вымыт наспех,
Кое-как,
Пучки его волос
И на висках и на макушке
Еще залеплены болотной жижей,
И он на крысу мокрую похож.
И Ситидзаэмон не знает,

Сердиться ли ему
Или смеяться.
Он отвернулся от Ёхэя
И говорит жене:

С и т и д з а э м о н. Послушай, о-Кити! Добрая услуга соседу, разумеется, дело хорошее. Но не следует терять здравого рассудка. Молодая женщина не должна развязывать пояс на молодом мужчине и обтирать его бумажным платком. Люди легко могут заподозрить самое дурное. Ну, пойдём в храм, время уже позднее!

О-К и т и

А я ждала тебя так долго!
Пойдем, пойдем!
И по дороге
Я все тебе подробно расскажу.

Р а с с к а з ч и к

О-Кити
Детей к себе сзывает хлопотливо.
Малютку бережно несет она
И за руку ведет
О-Кику, старшенькую...
Долго ль до беды?
Ребенок может затеряться
В густой толпе.
А средняя уселась на плечо
Отца.
Так — вчетвером — они спешат,
Протискиваясь сквозь толпу
Паломников,
В нагорный храм —
Послушать поученье
И поклониться статуе святого.
Для них весенний день —
Веселый праздник...

Ёхэй один остался
У входа в чайный домик.

Всего разумней было б поспешить
Обратно, в город,
Не ожидать развязки роковой.

Но он еще ошеломлен,
Никак прийти в себя не может.
К нему подходит
Хозяин домика
С нахмуренным лицом
И бывшие там люди —
Пять-шесть зевак.

Х о з я и н ч а й н о г о д о м и к а
Ты, шалый парень,
Уже давно торчишь
У моего порога.
Не понимаю,
Чего ты ждешь? Зачем
Болтаешься без дела?
А ну-ка,
Скорей давай отсюда!
Иди молиться в храм,
Не то — ступай себе обратно в город.

Р а с с к а з ч и к

Он гонит
Ёхэя прочь.
Но поздно!
Снова — крики:
«Эй, эй, посторонись!»
Толпа шарахается, расступаясь.
Огури Хатия
Пешком, со всем эскортом,
Обратно возвращается из храма,
Испуганный Ёхэй
Хотел бы убежать,
Но крúгом голова пошла...
Он, как в дурмане,
Понять не может — где же город?
В какую сторону ему бежать?
И на бегу
Врезается в кортеж,
И — прямо в головной отряд,
Где шествует Мориэмон.
Увы, суровый воин
Его немедленно заметил,
Схватил его, скрутил —
И бросил наземь.

М о р и э м о н. Тогда я пощадил тебя, племянник, потому что мы шли в храм на поклоненье. Но теперь пощады не жди!

Я зарублю тебя!

Р а с с к а з ч и к

И он хватается
За рукоять меча.
Но княжеский посол
Его спокойно окликает:

О г у р и Х а т и я

Постой, постой, Моризмон!

По какой причине ты хочешь убить его?

М о р и э м о н. Да ведь это — тот самый бесстыдный негодяй! Будь он мне чужим, может, я сам попросил бы отпустить ему его вину, даровать ему жизнь. Но его мать — моя родная сестра.

Он — мой племянник,
И я не вправе пощадить его.
Здесь милосердие не к месту.

О г у р и Х а т и я

Но в чем он провинился?

М о р и э м о н. Как? Разве не ясно? Он швырнул комок грязи — и замарал вашу одежду, осквернил вашу драгоценную персону.

О г у р и Х а т и я. Осквернил? Кого? Меня? Огури Хатия? Что-то я не возьму в толк твоих слов. Взгляни на меня: где на моих одеждах ты видишь хоть каплю грязи?

М о р и э м о н. Но, господин! Запятнана была ваша прежняя одежда: вы переоделись в другую...

О г у р и Х а т и я. Вот именно, вот именно! Я переоделся, — значит, нет на мне грязи. Она ведь не прилипла ко мне. Разве не так?

М о р и э м о н. Господин, вы, конечно, правы. Но ведь и благородный конь ваш был так запятнан грязью, и сам он, и его сбруя, что сейчас его чистят, а вам приходится возвращаться пешком.

Вот этот негодяй
Посмел забрызгать грязью
И господина, и его коня...

О г у р и Х а т и я. Молчи, молчи! Почему, по-твоему, на коня надевают чепрак? А как пишется слово «чепрак»? Двумя знаками: «защита от грязи». Значит, нужна в дороге такая защита? Теперь отвечай, я тебя спрашиваю!

Не было скверны,
Не было оскорбленья —
И преступления не было, значит.
Единственный позор для самурая —
Когда хоть капля грязи упадет
На имя чистое его!
Да, эту каплю —
Не смыть
И не стереть,
Ничем не счистить!
А этот человек
Из низкой черни
И все подобные ему
В моих глазах
Не чище,
Чем ил и тина
На дне пруда или реки.
И, словно лотос,
Что подымается
Со дна, из тины,
Но капли грязи нет
На лепестках его, —
Так и на имени моем —
«Огури Хатия» —
Нельзя заметить
Ни одного позорного пятна.

Мне безразличен
Этот человек.
Приказываю, слышишь:
Немедля отпусти его!

М о р и э м о н

Я повинуюсь!

Р а с с к а з ч и к

Он втайне рад приказу господина
И знак дает отряду:
«Шаг вперед!»
И дружно, в ногу,
Кортеж пускается в обратный путь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Улица перед лавкой Каватия

Второй день пятой луны

Х о р п а л о м н и к о в

Гятэй-гятэй-гятэй-гятэй!
Харагятэй-харагятэй!
Храни нас — храни нас — храни нас
Святой Эн! Сохрани нас от бед,
Мы дали обет, мы сдержали обет.
Скоро идем!
Скоро и дом!
Гятэй-гятэй-гятэй-гятэй!
Онкорó-онкоро-онкоро!
Скоро мы дома будем.
Помолимся Будде, Будде, Будде...

Молитвы священный восторг...
Торг... торг... торг...
Благополучия вашей торговле!

Р а с с к а з ч и к

Благополучно
Пройдя далекий путь,
Паломники вернулись в город
Из странствия к святым местам.

Все это люди молодые —
Приказчики,
Владельцы лавок.
Они торгуют разными маслами,
И, чтобы шли делишки как по маслу,
Они пошли
Святыням поклониться.

Да, юные торговцы,
Конечно, не монахи!
Но кое-кто из них
Уже не раз
Молился в храмах на Святой горе
И получил монашеское имя,
Что для мирянина
Большая честь!
Усталые,
Они бодрятся напоследок
И напевают
Для бодрости
Обрывки из молитв и заклинаний.
Есть среди них и новички.
В благочестивом
Усердии они копили
Медяк за медяком.
Случалось, прятали в кошель
Двенадцать монов,
Которые велит обычай
Пожертвовать
На освещение храма.
Так и скопили на далекий путь —
И деньги сберегли,
Не прокутили, не продули.
И вот теперь они идут обратно,
И по дороге в раковины дуют,
И машут посохами на ходу,
Счастливые,
Что скоро будут дома!
Одежда их —
Одежда пилигримов:
На шее —
четки,
На поясе
Висит косиатé —
Закатанная в трубку
Подстилка меховая
Для отдыха.
А вместо кошелька
Болтается бутылка для воды.
И вся толпа
На время задержалась
Пред лавкою Каватия,
Теперь принадлежащей Токубэю.

Предводитель паломников. Эй, эй! Где ты, Ехэй? Ты дома? Что ж ты нас не встречаешь? Выходи, дружище, выходи! Мы посетили Святую гору и теперь возвращаемся, набитые святостью по горло! Все наши друзья, видно, узнали, что мы должны вернуться сегодня, и вышли встретить нас на дороге в Кувадзу! А вот тебя-то среди них и не было. Да ты что? Уж не заболел ли? А мы — счастливыцы — видели удивительные вещи!

Придешь? Мы угостим тебя
Рассказами о разных чудесах.
Вот чудо первое:
Там был один мальчонок,
Так лет двенадцати, не старше,
Слепой на оба глаза!
Но на Святую гору он взошел,
Творя великие молитвы,
И вот... пока он поклонялся
Подвижнику — святому Эну,
Внезапно
Прозрели оба глаза у него!
И он с горы — счастливый! — побежал,
Отбросив в сторону ненужный посох.
А мы подумали тогда:
«Хороший знак!
К добру!
Знать, этой осенью
Пойдут делишки в гору!»
Гляди-ка в оба,
Не зевай!
У мальчугана
Глаза не зря открылись:
Откроются ворота
У рисовых амбаров, кладовых,
И цены
На рис покатятся, наверно, вниз,
Как мальчуган
С горы вприпрыжку побежал!

Ну что ж, Ехэй, ты слышишь? Если вечером ты свободен, шагай прямо к нам! А мы разгоним дорожную усталость рассказами и о других чудесах! Чего-чего мы только не видали!

Побудем вместе! Приходи,
И дружно
Помолимся мы Будде, Будде, Будде!

Гятэй-гятэй!
Харагятэй-харагятэй!

Р а с с к а з ч и к

И все паломники
Опять заголосили.
Звучат
Обрывки сутр,
Молитв и заклинаний...
Да кто их разберет?

На этот крик
Из лавки выбегает отчим
Ёхэя — Токубэй.

Т о к у б э й

Вы, молодые люди,
Молились в храмах
На Святой горе:
Вот что достойно высшей похвалы!

А вот мой пасынок, Ёхэй, бездельник, кутила! Вы только подумайте: я дал ему четыре кана серебром и шестьсот монов, чтобы он тоже совершил паломничество на Святую гору и поклонился подвижнику Эну. Да старший брат его — Тахэй с улицы Дзюнкэй — тоже подарил ему четыре кана с лишком. Чуть ли не десять канов серебром он выманил у нас. И что же? Пошел он на Святую гору? Куда там! С места не сдвинулся. Даже встретить вас не пожелал! Гуляка, вертопрах, расточитель, он и не помышляет о будущем возмездии, что уготовили для него боги и будды. Пожалуйста, в знак дружбы проберите его хорошенько. От всей души прошу вас!

Р а с с к а з ч и к

Из дальних комнат дома
Выходит пожилая мать Ёхэя.
Она несет горячий чай.
Две чашки
Дымятся у нее в руках.

О-С а в а

Я рада, я так рада! Поздравляю
С благополучным возвращеньем!
Прошу!
Пожалуйста, отведайте чайку!

Вы знаете,
Мою семью
Небесная постигла кара!
А почему?

Уж не оттого ли, что наш непутевый сын Ёхэй обманул нас? Он и меня, и моего мужа уверил, что пойдет на Святую гору помолиться подвижнику Эну. И не сдержал своего слова, негодный. Вот в наказание и захворала его сестра, доченька наша о-Кати, да так тяжело! Вот уже дней десять болеет она простудой, с постели совсем не встает.

Мы трех врачей уже переменяли,
А толку нет!
Горячка не спадает.
А мы к тому ж уговорились,
Что перед праздником
Сыграем свадьбу —
И примем молодого зятя в дом.
Жених и все его родные
Торопят нас.
Болезнь невесты
Совсем не вовремя.
Мы с мужем
Всегда живем в сомненье и тревоге.
Одна беда другую погоняет.
Вот и теперь из-за того,
Что наш Ёхэй солгал святому Эну,
Болеет доченька моя...

Ах, молодые люди!
Я умоляю вас, молитесь,
Чтоб Небеса простили
Обманщика Ёхэя!
Пусть боги возвратят
Здоровье нашей бедненькой о-Кати!

Р а с с к а з ч и к

Так горячо о-Сава умоляет
Паломников,
Но предводитель
Ей возражает:

Предводитель паломников. Нет-нет, я не думаю, что ваша дочь заболела из-за провинности Ёхэя. Ведь если б наказание было послано Святой горой, беда, конечно, поразила бы только того, кто провинился. Как может премудрый Будда ошибиться, словно какой-нибудь неразумный простак? А ведь сам Будда воплотился в подвижника Эна. Не может Будда поразить небесной карой невинную девушку! Подумайте сами! Болезнь вашей дочери, наверно, имеет другую причину. Для такой тяжелой болезни не годятся ни обычные врачи, ни обычные лекарства. Разве вы не слышали, что сейчас в Осака прославился заклинатель монах-ямабуси, по прозвищу «Святой отец Белый Лис»? Он — необычайно искусный целитель!

Ваш Ёхэй
О нем, конечно, слышал. Призовите —
Он чудо совершит:
Помолится — и демона изгонит!
Так торопитесь же!
К нему бегите!
Попросите — он не ответит «нет».

О-С а в а

Я благодарна вам от всей души!
О, сам святой подвижник Эн
Направил вас ко мне
С благою вестью.
Бегу искать целителя-врача!
А вы, прошу вас,
Войдите в дом,
Спокойно отдохните!

Предводитель
Нет-нет, почтенная о-Сава!
Ведь каждого из нас
Нетерпеливо ожидают:
Кого — родители,

Кого — жена и дети.
И каждый
Торопится домой
Порадоваться вместе
С родными, близкими,
Что так счастливо
Прошло паломничество наше!
Спасибо! До свиданья.
Прошу, советов наших не забудьте!

Р а с с к а з ч и к

Паломники
Опять пустились в путь
И на ходу
В большие раковины дуют,
Выкрикивая заклинанья:
«Прочь, злые демоны!..»

Х о р п а л о м н и к о в

Барáбарá-барабара!
Гятэй-гятэй-гятэй!

Будда — великий, — помилуй нас!
Будде помолимся, Будде,
Помилуй нас — помилос — помилос,
Буде — буде — бу... бу... бу...

Р а с с к а з ч и к

И голоса их замирают.
Паломники уходят прочь,
На перекрестке расстаются
И разбредаются по всей округе,
Спеша к своим домам...
О-Сава бросилась чуть не бегом
Искать целителя-монаха. Ей навстречу
Шагает старший сын — Тахэй.
На младшего ни в чем он не похож.
Да! Сердце у него другое.
Тахэй идет с нахмуренным лицом.
Поджаты мрачно губы,
И брови сдвинулись в одну черту.
Мать ахнула в тревоге. Сын
Недобрые ей вести рассказал
И быстрыми шагами
Подходит к лавке отчима...

То кубэ й. Э-э! Да это, никак, Тахэй? Пришел, значит, навестить больную сестрицу? Рад видеть тебя. Но ведь сегодня время дорого: надо выписывать счета за все, что покупатели у тебя в долг забрали. Если бы ты и не пришел в такой день, мы бы не посетовали на тебя...

Та х э й

Я по дороге
Столкнулся с матушкой.
Мы постояли.
Я наскоро поведал ей
Тревожное известье!
От дядюшки Мориэмона
С нарочным
Доставлено мне спешное посланье.
Он пишет... Неприятнейшее дело!
Да вы послушайте!
Я вам прочту.

«В прошлом месяце я сопровождал моего господина, Огури Хатия, когда он соизволил отправиться на поклонение в нагорный храм Нодзаки. К несчастью, по пути повстречался нам твой брат — этот распущенный негодяй Ёхэй. И он, завязав непристойную ссору с приятелями своими, в разгар драки нанес неслыханное оскорбление моему господину. Я решился было зарубить племянника и себе самому вспороть живот. Но все дело кончилось мирно благодаря милосердному заступничеству моего высокого господина. Однако после нашего благополучного возвращения среди нас, самураев, в княжеском замке и даже среди простых горожан пошли дурные толки и пересуды. А я не могу (вы сами понимаете) спокойно глотать, склонив покорно голову, издевательства и оскорбления, словно ничего особого не произошло. И посему я должен оставить службу у князя. Итак, я испросил увольнения и, вероятно, стану ронином. Дней через пять прибуду в Осака. И ежели я не сумею восстановить свою самурайскую честь, то уже никогда не смогу носить два меча...»

Да! Вот что сказано в письме!

Р а с с к а з ч и к

Тахэй умолк.
Он ждет, что скажет отчим.
Но Токубэй

Не в силах вымолвить ни слова.
Он по колену
Хлопает себя.

Т о к у б э й

Я так и знал,
Что негодяй Ёхэй,
Того и жди,
Не в шутку провинится!
Он обманул отца и мать.
Он обманул святого Эна...
Беда — и за бедой опять беда.
Тяжелая болезнь о-Кати.
Теперь вот — новая напасть.
Несчастный дядюшка Мориэмон!
И что еще, какие беды,
На нас повеса этот навлечет?
Вообразить,
Придумать я не в силах!

Т а х э й

К чему напрасно голову ломать?
Лишить наследства негодяя —
Пусть образумится!..

Вы, дорогой отец, слишком мягко нас воспитывали!
Видно, вас смущало, что я и этот безобразник Ёхэй —
не ваши кровные дети. Ёхэй никогда не боялся вас,
не слушался вас... А я, как умер мой отец и вы женились
на моей матушке, всегда вас почитал, как родного
отца.

Сестра вот выросла,
Уже невестой стала,
Но до сих пор вы школите ее:
Чуть что — ей достается на орехи!
Ведь вам она — родная дочь.
А этого оболтуса Ёхэя —
Хоть раз когда-нибудь
Его б вы проучили,
Да хорошенько — кулаком,
И было бы ему на пользу!
Но пальцем вы не тронули небось —
Разбаловали наглеца!
Вы сами видите, что ваша слабость —

Погибель для Ёхэя,
Худший враг.
Да вышвырните баламута вон!
Пока не поздно, пусть за ум возьмется.
Ко мне его пришлите. Я сумею
Нахала проучить:
Да я его
Отдам хозяину такому под надзор,
Что он завертится!

Р а с с к а з ч и к

Но Токубэй
От этих слов
Совсем расстроился.

Т о к у б э й

Печально на душе!

Да, горько сознавать свои промахи, свои ошибки! Пусть я не родной по крови, а все равно вам отец. А отец не должен колебаться, если ребенка надо наказать, научить уму-разуму! Когда хозяин мой, ваш почтенный родитель, скончался, тебе было семь, а Ёхэю четыре. Он, надо полагать, хорошо запомнил, как я называл тебя «молодой господин» и вы оба помыкали мной: «Токубэй, сделай то! Токубэй, сделай это!» В первое время называл я твою матушку «госпожой» и «хозяйкой». Ведь сосватал нас дядюшка Мориэмон: уж очень он боялся, что дом этот придет в полное разорение, что придется вдове с детьми побираться по миру с протянутой рукой. Так он говорил. И понемногу я сдался на его уговоры.

Я в жены взял
Вдову-хозяйку — матушку твою,
Я вас, обоих малышей,
Воспитывал, лелеял,
Как будто вы — мои родные дети.
Ты стал разумным юношей —
И скоро
Свою особую
Завел торговлю.
А вот Ёхэй...
Шальной, балованный Ёхэй!
Как я старался,

Чтоб он благополучно
Вышел в люди!
Я приучал его к торговле.
К нему приставил
Помощников-приказчиков. Построил
Большую кладовую для него,
Я обучал его,
Вводил в секреты дела,
Все силы я на это положил —
И все впустую!
Да это все равно,
Что ценные монеты
Нанизывать на нить без узелка,
Пожалуй, хуже,
Чем черпать воду решетом!
Хоть до краев его наполни,
Все в дыры убежит.
Такой он бестолковый, наш Ёхэй!
Монету заработает,
А десять
На баловство просадит. Скажешь слово
Ему в укор —
А он в ответ мне сто!
Да, все из-за того,
Что, мальчики, вы — дети господина!
А я? Я — отчим. Как я был слугой,
Слугою и остался. Что мне делать!
Я словно гвоздь тяжелый забиваю
В гнилое дерево...

Р а с с к а з ч и к

И он в тоске

Кусает губы...

Т а х э й

Он — вашей добротой
И честью
Воспользовался, наглый,
Он вас топтал ногами, как хотел.

А я скажу: только благодаря вам, отец, мы трое, ма-тушка и я вместе с Ёхэем, не ночевали где-нибудь под мостом и не стояли с протянутой рукой у чужих ворот! Вы, только вы спасли доброе имя нашего дома и торгового дела. Каватия — каждый произносит это имя с

уважением. Матушка всегда внушала мне: «На тебе лежит долг сыновней признательности». И это она повторяла много раз, как если бы и впрямь вы были моим родным отцом. «Он так смущается перед моими сыновьями, — говаривала она, — что и со мною он словно чувствует себя не свободно, неловко: ведь я — мать хозяйских сыновей. Все это так тяжело тревожит мое сердце. А от Ехэя — сколько я натерпелась от него! Этот беспутный расточитель, прожигатель жизни — ох! — пропадет ни за грош! Не жду я от него добра!» Сколько раз говорила мне матушка: «Тахэй, прошу тебя! Отправь этого сорванца подальше куда-нибудь, в Эдо, что ли? Или в Нагасаки? И если судьба ему отправиться там на тот свет, по мне — туда ему и дорога! Я и лица его противного не хочу больше видеть! Ни капли любви к нему не осталось в моем сердце!»

И в этом

Мне со слезами матушка клялась
Великим Буддою! Зачем же
Так церемониться с Ехэем?
Лишите
Его наследства, прогоните прочь.
Ручаюсь, что ему на пользу будет!

Р а с с к а з ч и к

Тахэй, разгневанный, повысил голос.
О-Кати,
Лежащая за ширмой,
Вдруг проснулась.

О-К а т и

А-а! Как больно! Силы нет терпеть!
Где мама? Мама!
Как? Мамочка еще не возвратилась?

Р а с с к а з ч и к

О-Кати стонет.
А у ворот
Раздался чей-то громкий голос.

М о н а х - з а к л и н а т е л ь. Здесь ли лавка Каватия? Здесь ли проживает почтенный Токубэй? Я — слуга бога Инари. И прибыл сюда по приглашению паломников из братства Святой горы.

Та хэй. Отлично, отлично! Так вы явились, чтобы прочесть молитвы во здравие моей сестры? Прошу пожаловать сюда!

Р а с с к а з ч и к

Монах проходит в глубину покоя.
Тахэю время удалиться:
Дела его торопят. Он уходит.
Но вот идет Ёхэй —
Торговец маслом,
Хотя в его бочонке
Ни капли масла не осталось!
Да, он скользит по жизненной тропе,
Как будто вылил масло на дорогу.
Он промотал в беспутных кутежах
Весь свой достаток,
Да не только свой!
Как легок стал бочонок на плече!
Но отчего ж Ёхэй в поту
И вытирает лоб?
Да! В летний зной
Его знобит забота,
Как будто
В его бочонке
Осенний ветер поселился!

Ё х э й. Э-э! Редкий гость, монах-ямабуси! Я знаю тебя: ты — Белый Лис. Что ж, ты явился заклинать да чудесить, чтоб моя сестренка выздоровела? А вот я, Ёхэй, свою голову прозакладываю, что не выгнать тебе демона, который в нее вселился! А где же мать? За лекарством побежала? Зря из кожи вон лезете, зря стараетесь... Недуг сестры смертелен. Самый знаменитый врач ее не вылечит! Э, напаша Токубэй! Вот что, есть дело поважнее, чем хворь о-Кати. Я матери уже говорил, да с тех пор что-то у меня из головы вылетело!

Но вдруг сегодня вспомнил,
Торговлю бросил и — бегом сюда!
В прошедшем месяце
В Нодзаки
Я встретил дядюшку Мориэмона,
А он и говорит:

«Вот и хорошо, что я встретил тебя. А то я уже собирался послать нарочного к Токубэю с письмом. Так уж случилось, что растратил я деньги моего господина! Больше трех каммэ серебром! А если я не верну денег к празднику — тут и конец моей жизни: либо снесут мне голову, либо сам вспорю себе живот. Заклинаю тебя, Ёхэй, всеми богами и буддами: на этот раз уж как-нибудь выручи меня. Уж как-нибудь вместе с почтенным Токубэем собери три каммэ и отвези их мне. А твой старший брат Тахэй, сам знаешь, он такой скаред. Нет у него ни чувства долга, ни понятия о чести. Ты ему ничего не говори».

Вот что сказал
Мне дядюшка Мориэмон,
И, если
Вы не дадите этих денег
И вспорет дядюшка себе живот,
Все люди, все до одного,
Осудят вас. Наш дом
Навеки будет обесславлен.
А ведь до срока
Расплаты по долгам
Всего два дня осталось: завтра
И послезавтра.
Опоздать нельзя.

А ну-ка, отложите
Делишки в сторону. Скорее,
Сегодня же
Три каммэ раздобудьте
И дайте мне.
Отправлюсь я в дорогу,
Чуть рассветет,
И завтра ж
К полудню я вернусь...

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй отважно лжет.
Он говорит
Совсем не то, что сказано в письме,
Собственноручно
Написанном Мориэмоном.
Но он ведь и не знает про письмо!

Конечно, Токубэй насквозь
Все хитрости Ёхэя видит.
Он сдерживает гнев
И отвечает:

Токубэй. Мориэмон — твой родной дядя! Но все же... надо сказать, если самурай украл деньги у своего господина, что же ему остается, кроме хакакири? Туда ему и дорога! Ты что? Ты понимаешь, что ты говоришь? Три каммэ серебра — большие деньги! А у меня сейчас и трех моммэ не наскребется. Послушай, Ёхэй. Ты с прошлого года не принес домой из твоей лавки и ломаного гроша. Подсчитай-ка хорошенько твою кассу. Да у тебя должно было остаться три каммэ увесистым серебром, а то и четыре либо пять. Хочешь помочь дядюшке Мориэмону, вот и отошли ему свои деньги!

Все это — чушь,
Пустая болтовня!
Мне время дорого.
Ни времени, ни денег
Я тратить по-пустому не могу.
Ты видишь, дочь моя, о-Кати,
Так тяжело захворала,
И когда же?
Как раз — в канун счастливой свадьбы.

Святой отец целитель! Извините,
Я вас заставил ждать...
Прошу вас осмотреть больную.

Р а с с к а з ч и к

Он отвернулся от Ёхэя
И, поклонясь целителю-монаху,
Почтительно его подводит
К больной о-Кати.

Ёхэй. О-о! Вы собираетесь принять молодого зятя в дом? Попробуйте, попробуйте, а я полюбуюсь, как это вам удастся!

Р а с с к а з ч и к

Он нагло развалился
Пред отчимом
И длинные ножищи протянул,

А под голову счеты положил.
Однако
В расчетах крепко он ошибся.
Отец тихонько дочь приподнимает.
Лицо о-Кати сильно исхудало.
Монах-целитель, Белый Лис,
Внимательно глядит
В глаза больной...

М о н а х

Хм... сколько же ей лет?

Т о к у б э й

Пятнадцать.

М о н а х

Пятнадцать?

А когда ж к ней хворь пристала?

Т о к у б э й

Двенадцатого. Вот уж три недели
Без малого она хворает.

М о н а х

Хм...

Двенадцатого... в праздник
Целителя... А!.. Якуси Нёрай
С лазоревым челом... Так! Хорошо!
Пятнадцать лет... Пятнадцать —
Священное число... Успенье Будды.
Так-так!.. Сочтем!..

Р а с с к а з ч и к

Он из-за пазухи
Вытягивает книгу.
Листает. Ищет. Про себя бормочет.
Считает, пальцы загибая.
И наконец провозглашает:

М о н а х

Итак, приступим!

Ведь сказано же в дзёрури «Священник сокровищницы
Закона», что Амида и Якуси были когда-то мужем и
женой... И прочее, и прочее, и тому подобное. А это

означает, что хворь этой девицы происходит от любовного томления. Она как можно скорее должна получить супруга!

К тому же наваждение духа...
Но демон-то, по счастью, слабосильный.
Его в два счета изгоню!

Р а с с к а з ч и к

Обрадованный Токубэй
Благоговейно слушает монаха.
Монах-хитрюга это замечает —
И хочет пыль в глаза пустить купцу.
Он возвышает голос
И начинает зычно возглашать:

М о н а х - ц е л и т е л ь

На земле своры демонов
Развелись,
Демоны хвори,
Демоны горя — зловредные твари.
Но любого демона
Легко одолею я — Белый Лис,
Служитель
Великого бога Инари.

Моими устами
Высшие истины вещают.
Ни на волос лжи —
Узнаете сами.
Соберись вся бесовская рать,
Мои заклинания —
Всех укрощают,
Затрепещет бес — и бежать!
Каждый бог, каждый будда
Творит свое
Особое чудо.
Чтоб охладить огневицу,
Да будет ведомо вам,
Посетить надо
На горе Хиэй «Горней прохлады»
Двадцать один храм.
Привяжется морозный озноб —
Гляди в оба!
Не загнал бы в гроб!

Но от самого злого озноба.
От ледящей боли
Спасет бог Ацута́ —
«Горячее поле».

У иного разломило голову.
А у того —
 На носу чирей,
 На щеке веред,
Зубная скорбь изувечит...
Молитесь бодхисаттве Атаго́ —
Он голову лечит.

А какой бог
От ломоты ног
Поможет?
Будда Асику́,
Восседающий на лotosовом подножии.
Есть бог и построже:
На убийц, на воров —
Царь Фудó с железным арканом!
Не разорвать небесных оков!
Горе тем, кто живет
Воровством и обманом!

В «Храме ветра» новое чудо —
Божественный ветер
Лечит простуду.

А от старческой немощи
Других заступников не ищи,
Но если жизнь тебе дорога,
Молись снова и снова
Беловласому, белоусому богу Сирага́ —
И станешь бодрей молодого.
А всемилосердный Дзидзо-целитель?
Он помогает,
Молельщиков врачует:
Юношей лечит от почечуя,
Путников охраняет от воров и грабителей.
В карты играя,
Не плутуй,
Не искушай судьбу.
Чтоб залучить «адза»,
Сиречь козырного туза,

Умоляй бога Адзабу!
Если мечешь кости
В притоне игорном,
Молись, чтоб сыграть наверняка,
Трем и четырем храмам нагорным —
И выпадут три
И четыре очка.
А хочешь, чтоб выпало
Пять и шесть,
Вознеси моления
Пяти и шести божествам.
Множество заклинаний есть,
Капищ — семь,
Восемь — поучений...
Это следует заучить всем, всем!

А вот я, монах-целитель Белый Лис, владею великими познаниями, особым умением. Мне подвластна цена и золотых и медных монет. Мои молитвы помогают удачной торговле маслом или мешками риса. Захочу — и цены ползут вверх. Поворожу — и цены вниз ползут. Я молюсь также от лица продавцов разных товаров восьми мириадам богов на «Высокой равнине Неба», чтобы торговля шла удачно — чтобы цены росли и спрос повысился. А если просителям нужно много риса и желают они, чтобы цены упали, на это есть Будда Сага «Пологого холма».

Помолюсь —
И цены упадут вниз,
С вершины к подножию
Скатятся.
И еще есть помощник один —
Ясуи-но тэндзин,
«Бог дешевого кладезя».
На все нужен расчет и разум.
А когда молишься сразу
И о тех, кто товары покупает,
И о тех, кто товары продает,
Помощь подает
Великий бог Такаясу
(Что значит «дешево-дорого»)
Из страны Кавати.
Да, заклятий есть много,
Только возноси их кстати,

От всего сердца
Горячо молясь.
Что горячей молитвы сильней?
Прогнать злобных демонов полки
Не труднее,
Чем чашку снять с полки!

За молитву об исцелении — обычная плата: тридцать золотых. Монеты принимаю в любое время.

Ну, а теперь приступим к молению,
К исцеленью!

Р а с с к а з ч и к

И он трясет
Молитвенным жезлом,
Серебряными кольцами гремит
И четок
Перебирает зерна.
Но раньше,
Чем успеваает он начать моления,
Больная девушка с трудом
Приподнимается на ложе,
Ее глаза
Блуждают дико
По сторонам,
Она как будто
Во власти наважденья
Бесовского,
Как будто дух в нее вселился
Покойного отца Ехэя.

О-К а т и

Вы слышите? Прочь!.. Прочь!..
Я запрещаю
Моления возглашать!
Я страшных не хочу заклятий!
А если вы хотите,
Чтобы о-Кати исцелилась,
Расторгните помолвку
И молодого зятя
Не принимайте в дом!
Я запрещаю!
О, как я мучаюсь в аду,
Как демоны меня терзают,
Когда несчастную я созерцаю участь

Любимейшего сына моего!
Ёхэя мучат
Его долги —
Ошибка юных лет!
Их надо погасить,
Иначе ад крошечный не погаснет!
Какие муки — страшные — терплю!
Ёхэй — он клятвой связан
С продажной женщиной. Но он
Ее всем сердцем любит!
Вам надо выкупить ее —
И в жены дать Ёхэю, а не то,
Не то — беда
Обрушится на вас!
А этот дом
Ему отдайте в полное владенье!
А если вы
Наперекор всему
Введете молодого зятя в дом —
Тогда умрет о-Кати!
Смерть вашей дочери!
Смерть! Гибель!
Вы поняли меня?
Так берегитесь грозной кары!

Р а с с к а з ч и к

Безумными глазами
Она обводит всех, кругом стоящих.

О-К а т и

Какая боль!
Какие муки!

Р а с с к а з ч и к

И, лепеча бессвязные слова,
О-Кати извивается на ложе.

Ее отец
Испуган. Он бледнеет
От ужаса.
Но Белый Лис не дрогнул.

М о н а х

Э, демон-искуситель!
Откуда ты пришел? Уйди

Обратно в бездну!
Ты думаешь,
Что можешь побороть
Могущество святого Эна?
Прочь! Прочь! Изыди, бес!

Р а с с к а з ч и к

Монах своим жезлом
Неистово трясет
И в колокольчик — рин-рин-рин! — звонит.
Он духа заклинает: «Повинуйся
Без промедления!»
Но тут Ёхэй
Вскочил одним прыжком,
Схватил монаха,
Трясет его...

Ё х э й

Ты что за вздор городишь?
Черт побери монаха-ямабуси,
Все заклинания
И выкрутасы!
Пошел, пошел на улицу!

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй
Ударом в спину сбрасывает Лиса
Вниз с лестницы
К порогу. И потом
Выталкивает вон из дома,
Но Белый Лис
Врывается обратно и кричит:

М о н а х

Я-á! Я-á!
Ты что ж, не знаешь силы
Монаха-заклинателя?..
Я не уйду,
Пока не совершится исцеленье!

Р а с с к а з ч и к

И он опять
Трясет жезлом, и кольцами гремит,
И в колокольчик
Отчаянно звонит — рин-рин!

Ёхэй его выбрасывает вон,
Но Белый Лис
Опять взбегает вверх по ступеням,
Невнятно бормоча заклятье
Царя Фудо:
«Намакусамандобарасарада».
Ёхэй обрушивает на монаха
Град колотушек, выгоняет снова,
А тот опять вбегает... Но Ёхэй
Безжалостно мопаха колошматит
И тащит к двери.
Белый Лис
Трясет жезлом — бряк-бряк!
Но под конец
Сам брякается со ступенек.
Ёхэй его молотит кулаком.

Монах почуял: жизнь его теперь
В руках Ёхэя —
Хрупкая скорлупка!
Как быть ему?
И он, хромая,
Уходит прочь,
Едва живой, проклятья бормоча.
И звон жезла его
Доносится все тише
И наконец теряется вдали...
Ёхэй
Подходит к отчиму вразвалку,
Засучивая рукава,
И, свой подол заткнув за пояс,
Садится на пол
Лицом к лицу
С испуганным, смущенным Токубэем.

Ё х э й

Э-э, папаша!

Вы слышали, что ваша дочь говорила в бреду? Ну как? Дошло наконец до вас? Или по-прежнему вы не хотите, чтобы я, Ёхэй, женился на любимой женщине? Отказываетесь отдать мне мое наследство? Значит, по-вашему, лучше, чтобы дух моего родного отца мучился на том свете, терзался в преисподней? Ну как же? Вы все еще будете отвливать и отнекиваться?

То кубэ й. Успокойся. Перестань кричать во весь голос. Кругом нас соседи. Ты сам не понимаешь, что говоришь. Поверь мне, я, Токубэй, легко прокормил бы семейство из пяти человек, даже если б и не получил наследства от твоего покойного отца! Но я принял его имя. Я усердно молился в годовщины его смерти, чтобы спасти его душу от адских мучений. Немало мне пришлось перенести и трудного, и горького. Ну, положим, я выкуплю продажную женщину и дам ее тебе в жены. Что из этого выйдет? И полгода не пройдет, как наш дом разорится. И я даже не смогу служить молебствия за упокой души твоего отца, ведь это стоит много денег!

Ёхэ й. Так, значит, вы решили взять в дом молодого зятя? Все имущество передать вашей дочери?

То кубэ й. Да, это твердо решено!

Ёхэ й. А! Так! Это решено! Решено без меня, за моей спиной! И ты смеешь это говорить мне, Ёхэю, ты — тупоголовый старик!

Р а с с к а з ч и к

Он вскакивает.
Вне себя от гнева,
Одним ударом
Бросает Токубэя вниз лицом
И бьет его ногами
Без всякой жалости
И по плечам
И по спине!

О-К а т и

Брат! Что ты делаешь
Остановись!
Как ты жесток!

Р а с с к а з ч и к

Она с трудом встает,
Шатаясь,
Вцепляется в Ёхэя,
Чтоб помешать ему.

Т о к у б э й

О-Кати, отойди
И не мешай Ёхэю!
Пусть топчет он меня ногами —

Когда-нибудь его остынет гнев.
Скорей в постель! Ведь ты больна.

Р а с с к а з ч и к

И Токубэй

Лежит не шевелясь под градом
Неистовых ударов!..
Но дочь в отчаянье:
Она не может видеть,
Как мучает Ёхэй ее отца!

О-К а т и

Не смей! Не смей!
О, это слишком!
Так нельзя!
О, я, несчастная, не понимала,
Что делаю! Ты виноват во всем!
Ты, ты, Ёхэй, уговорил меня,
Чтоб притворилась я, как будто
В меня вселился
Дух твоего отца!
Я повторила слово в слово,
Что ты велел мне говорить! Взамен
Ты обещал исправиться! Ты лгал,
Ты клялся мне богами, Буддой,
Что, если я твою исполню волю,
Исправишься —
И станешь наконец
Отцу почтительным, послушным сыном!
И я поверила!
О, я была так рада,
Охотно согласилась!
Прикинулась, что я — в бреду,
И притворилась,
Как будто не сама я говорю,
А что моими
Послушными устами
Вещает твой родитель — мертвый дух.
Мне было страшно! Страшно!
И все же я преодолела страх
И повторила все слова, какие
Ты мне сказать велел. Ради тебя!
И что же? Что ты делаешь?
Жестокый!
Ногами топчешь моего отца?

А он... он стар... он может потерять
Сознание...
Его убить ты можешь!
Обманщик, где ж твоя
Сыновняя почтительность? А! Так-то
Ты стал послушным сыном?
Нет! Нет! Нет!
Я не позволю!
Я не допущу!..

Р а с с к а з ч и к

Она рыдает в голос
И повисает на руках Ёхэя,
Его стараясь оттащить...

Ёхэй. Ах ты мерзкая шлюха, дрянь, падаль! Ты
обещала мне, что не проговоришься и будешь держать
пасть свою на замке!

А ты —
Все выболтала, гнусная поганка!
Пусть черти поберут
Тебя и лживое твое лицо!
Ну, погоди, узнаешь,
Что мертвый дух не может мучить так,
Как я, живой Ёхэй!
Меня попомнишь!

Р а с с к а з ч и к

Он в ярости,
Он бросил на пол
Несчастную о-Кати
И тоже топчет
Без жалости
И бьет ее ногами.

Т о к у б э й

Стой! Стой!
Чудовище!
Ты хочешь
Убить свою сестру — больную? Изверг!

Р а с с к а з ч и к

Он пробует Ёхэя оттащить
Прочь от бедняжки...

Но куда там!
Ёхэй сго швыряет на пол
Пинком ноги.

Ё х э й

Ты сам сказал,
Чтоб я тебя топтал ногами,
Пока не утолю свой гнев!
Так получай!
Вот, вот тебе! Еще!.. Еще!.. Еще!..

Р а с с к а з ч и к

Он бешено лягает их обоих
Куда придется — в грудь, в лицо.

Он в полном бешенстве...
Он в исступленьи...

А тут как раз
Вернулась мать Ёхэя...
Она оцепенела
От ужаса...
Она кричит...
В отчаянье она из рук роняет
Лекарство на землю,
Бросается к Ёхэю,
Хватает за волосы сына,
Кидает на пол,
Садится на него верхом
И бешено молотит кулаками,
Не разбирая,
Где лоб, где нос, где щеки...

О-С а в а

А! Ты — предатель, негодяй! Самый последний подонок, самый грязный бродяга, пария и тот не станет так топтать и бить ногами других людей. А ты, кого ты избиваешь без всякой пощады? Больную сестру? Почтенного Токубэя? Ты что же, забыл, что Токубэйдано тебе отец?

Ты знаешь сам: нога,
Которой ты посмел пинать отца,
Сгниет, отвалится!

Ты, изверг, знаешь,
Что молния с небес
Тебя испепелит!
Ком грязи, камень
Бездушный вместо сердца у тебя!
Иные
Рождаются на свет слепыми,
Уродами,
Без глаз, без рук, без ног,
И все ж душа
У них — живая, человечья.
Чем согрешила я,
Когда тебя в своем носила чреве?
Что совершила я дурного,
Что ты родился извергом? Какой
В тебя вложила — я сама! — порок?
Ах, почему в твоей груди
Не бьется человечье сердце?
Я — виновата! Я боялась,
Что люди скажут:
«Вот видите:
О-Сава,
Она вторично вышла замуж —
И охладела к мальчикам своим!»
И чересчур тебя я баловала!
С тебя я не спускала глаз, тряслась,
Как скряга над сокровищем своим,
И это было к худу для тебя.
Ты лезвием дурного поведенья
Куски от сердца матери срезал!
Да-да! Вот только что, на днях,
Еще недели не прошло, —
Ты лгал мне,
Что дядя твой — Моризмон — присвоил
Чужие деньги, деньги господина,

три каммэ серебра с лишком, и что его надо спешно вырывать... Какой гнусный обман! Я встретила твоего старшего брата Тахэя, и он показал мне собственноручное письмо Моризмона... И вот что стоит в письме: твое буйное поведение по дороге в Нодзаки опозорило его в глазах других самураев. Что же теперь ему остается делать? Или прибегнуть к харакири, покончить с собой, или — жалчайшая судьба! — оставить службу у

своего господина, стать ронином — и приехать сюда, в Осаку! Вот как обернулось дело: твоя наглая ложь вышла наружу. А вот если бы я полностью поверила тебе и еще несколько дней назад все твои рассказы передала Токубэю, он был бы вправе заподозрить меня в сговоре с тобой! И как тяжко я согрешила бы против своего мужа!

Куда б я ни пошла —
В соседний дом,
В далекое предместье, —
Повсюду в городе я слышу
Дурные слухи о тебе!
И хоть бы раз один
Хоть кто-нибудь
Обмолвился бы добрым словом!
И каждый раз
Ты словно отрубашь
Часть сердца моего!
Беспутный сын,
Ты пьешь по капле кровь мою!

Исчадь ада!
Ты мне не сын!
Ты — изверг! Ни минуты
Ты не останешься здесь, в нашем доме.
Прочь с глаз моих! Прочь! Прочь!
Тебя наследства мы лишаем! Прочь!

Р а с с к а з ч и к

Она его колотит,
Но силы нет в ее руках...
Бьет кулаком
И кулаком же оттирает слезы...

Ё х э й

Как! Мне уйти
Отсюда? Из родного дома?
Мне некуда идти!

О - С а в а

О-о, ступай,
Ступай к той потаскухе,
С которой спутался! Ну, поскорей!
Да пропади ты пропадом!

Р а с с к а з ч и к

О-Сава

Хватает коромысло от весов
И, угрожая, тащит
Ёхэя за руку —
И хочет вытолкнуть из дома.

О - К а т и

Нет, мама! Так нельзя!
Нет! Если брата выгоните вон,
Наследства не приму —
Я не хочу наследства!
О, лучше я умру!
Простите брата! Умоляю!
Простите!..

Р а с с к а з ч и к

И она

Хватает руки матери,
Пытаясь помешать расправе.

О - С а в а

Оставь меня!
Ложись в постель!
Ну что ты в этом деле понимаешь?
Э, Токубэй-доно!
Что вы без толку
Таращите глаза?
Кого боитесь вы?
Ну, помогите выгнать наглеца!
О, злость меня берет! Сама,
Сама наколочу его —
И выставлю из дома!

Р а с с к а з ч и к

Она размахивает коромыслом
И хочет
Удар обрушить на Ёхэя.
Однако сын
Отскакивает ловко
И с силой вырывает коромысло
У матери
Из слабых рук ее.

Ё х э й

Ну, если так, мамаша,
Я этим коромыслом
И сам сумею крепко угостить.

Р а с с к а з ч и к

И он безжалостно
Колотит мать!

Но Токубэй
Проворно налетает на Ёхэя.
Один рывок —
И коромысло
Уже в руках отца.
Он бьет им пасынка.
Шесть-семь ударов.
Он не дает Ёхэю
Дыхание перевести.
Как страшен Токубэй!
Его лицо
Пылает гневом. Но потоки слез
Текут из глаз его...

Токубэй. О-о! Кукла из дерева, из глины, если только вдохнуть в нее живую душу, и та была бы человечней тебя! Но ты... ты!.. О, если есть у тебя уши, слушай! Я, Токубэй, я числюсь твоим отцом. Но все еще ты — для меня — сын моего хозяина! Вот почему я пальцем не тронул тебя, не сопротивлялся, когда ты топтал меня ногами. Но когда ты стал бить свою мать... когда ты осмелился поднять руку на нее, носившую тебя в своем чреве... Нет!.. на это я не мог смотреть равнодушно, со стороны...

Я плачу.
Я весь дрожу...
Знай, что не я,
Вот этот Токубэй,
Нанес тебе побои:
Нет, бил тебя покойный твой отец.
Он руки протянул
Оттуда,
Из царства мертвых,

Чтоб нанести моей рукой удары.
Ты понял это?

Теперь тебе могу я рассказать:
Весь разговор,
Что в дом берем мы молодого зятя
И все наследство отдаем ему,
О, это — только хитрость, лишь уловка.
Замыслили мы припугнуть тебя,
Надеялись, что ты угомонишься,
Одумаешься...
Станет стыдно,
Что так беспутен ты,
Так развращен,
Так бестолков и опрометчив!
И будто в гневе на тебя наследство
Отдать решили мы твоей сестре
И молодому зятю. А по правде
О-Кати отдаем в дом жениха!
Тебя обидеть? Да никто
Не собирався обделить тебя.
Но ты не исправим!
Да! Между нами
В одном из прежних существований
Была, должно быть, родственная связь:
И вот я стал тебе отцом.
И я любил тебя сильнее,
Чем любят собственных детей...
Когда ты в детстве оспой захворал,
Я отказался
От веры предков.
В моей семье усердно почитали
Святое имя Амида...
Но я
Стал возносить
Горячие молитвы
Целителю —
Святителю Нисину,
Чтоб ты был исцелен!

Я оставил привычные для меня молитвы и — на время твоей болезни — примкнул к секте Священного Лотоса. Я выхаживал тебя, как самый любящий отец. Я взвалил на свои плечи тяжелейший груз, тысячу хлопот, не прибегая к помощи наемных слуг...

А для чего?
Чтобы когда-нибудь
Тебя увидеть
Хозяином большого
Торгового прославленного дела...
Но чем усердней я трудился,
Тем все усердней ты сорил деньгами!

Подумай сам: ты сейчас в самом расцвете молодых сил. Ты ведь должен трудиться, наживать, чтобы стать хозяином большой лавки с фасадом шириной в пять — семь кэнов. Вот к чему должен всей душой стремиться настоящий купец! Но нет, ты был бы рад заполучить жалкую лавчонку... Да уж чего там! И такую ты промотаешь за один месяц!

Но горе мне!
Тебя нельзя исправить!
Ты поднял руку на родную мать.
Меня, отца,
Без жалости топтал ногами.
Куда ты ни пойдешь,
Повсюду лжешь бесстыдно,
Бахвалишься, дерешься,
Развратничаешь и мотаешь деньги!
Нет, не ворота на больших столбах
Перед своим богатым домом
Увидишь ты.
Нет-нет, ворота в ад.
Позорный столб тебя подстерегает.
На нем,
Оскаля зубы,
Торчит отрубленная голова
Преступника... Твоя! Твоя! Твоя!
Вот страшное несчастье для отца!

Р а с с к а з ч и к

Так Токубэй в отчаянье кричит!

О - С а в а

Нет больше у меня терпенья
Вас слушать,
Токубэй-доно!
С Ёхэем рассуждать?
Не лучше ль

Загадывать загадки камню —
И ждать ответа от него?
Прочь! Прочь!
Ты мне не сын, Ёхэй!
Вон, вон отсюда!
И если хоть минуту будешь медлить,
Немедленно старейшин позову,
Тогда
Не миновать тебе тюрьмы!

Р а с с к а з ч и к

Она опять
Размахивает коромыслом
И упирает
Его тупой конец
В хребет разнузданному наглецу.
Ёхэй вдруг присмирел,
Старейшин он боится —
Ведь с ними шутки плохи!
Отчаянный буян
Застыл с открытым ртом,
В его глазах — испуг...
Старейшины придут?
Он растерялся.

О - К а т и

Нет, мама, нет!
Прогоните вы брата —
Я тоже не останусь здесь!

Р а с с к а з ч и к

Она цепляется с мольбою
За руки матери своей,
Но та ее отталкивает в гнев!

О - С а в а

Ёхэй!
Чего ты ждешь!
Ну, что стоишь как столб?
Тебе все мало?
Еще ты просишь тумачков?

Р а с с к а з ч и к

Собрав все силы,
Она толкает сына коромыслом

За дверь.
И этот узенький порог —
Скрипучий желоб для скользящей двери —
Становится теперь
Широкою рекою слез,
Что навсегда разделит
Родителей и сына.

Ехэй уходит прочь...
И Токубэй,
Не в силах удержать рыданий,
Не сводит глаз
С Ехэя, уходящего все дальше...

Т о к у б э й

Чем старше он становится,
Тем больше
Его лицо, его осанка
Покойного отца напоминают,
Живой его портрет!
И вот теперь,
Когда я вижу,
Как одиноко он стоит
На перекрестке,
Мне чудится,
Что из дому я выгнал
Покойного хозяина...
Ужасно!
Нет, я не в силах вынести! Боюсь,
Что сердце разорвется!

Р а с с к а з ч и к

Он на пол падает ничком,
Рыдая
Навзрыд...
И не стыдится,
Что могут услышать соседи.

И мать Ехэя,
Которая так гневалась на сына,
Теперь не в силах слезы удержать.
Она старается
Подняться на носки —
Пытается
Хоть мельком увидеть

Ехэя вдалеке...
Напрасно!
Уж он исчез.
Его закрыли флаги —
Веселые цветные флаги,
Они развешаны
Почти на каждом доме,
Чтоб встретить праздник —
Праздник сыновей.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дом торговца маслом Ситидзаэмона.

Вечер четвертого числа пятой луны.

Р а с с к а з ч и к

Так уж исстари повелось:
В пятый день пятой луны —
Праздник мальчиков Тánго.
В этот день
Повсюду радуют взор
Ирис и чернобыльник,
Развешанные по краю кровли,
И перед каждым домом,
Где хоть один подрастает мальчик,
Нарядные
Развешаются флаги,
Громко хлопающие по ветру,
По весеннему, свежему ветру...

Но перед домом Ситидзаэмона
Не вывесили флагов:
Там только девочки растут,
Три девочки — три дочери его.
Хозяин лавки, Ситидзаэмон,
Хоть время к вечеру,
По городу прилежно ходит,
Чтоб деньги все собрать у должников.
А между тем
Его жена о-Кити
Хлопочет по хозяйству,
Туда-сюда,

Забот у ней немало:
Она и масло продает,
И мелкие долги
Уплачивает, если задолжала,
Да и за девочками надо приглядеть —
И покормить, и причесать.

О - К и т и

А ну, начну со старшенькой: о-Кику,
Поди ко мне!

Р а с с к а з ч и к

Она шкатулку открывает
И достает
Самшитовый красивый гребень.
Втирает между зубьев масло,
Благоухающее сливой...

Для женщины
Всего важнее гребень —
Важнее красоты ее волос,
Важнее красоты ее лица.
Да, гребень! Гребень —
Ее заветный друг:
Он очищает пыль с запутавшихся прядей
И выметает сор
Из горестного сердца...

Ведь женщина живет в чужом доме,
А собственного дома не имеет.

С замужества
До смертного часа
Дом, где она
Мать и жена, —
Дом ее мужа.

Прежний дом,
Где она росла, —
Родителей дом.

Только один
Маленький дом
Женщина вправе
Своим называть —

Дом ее зеркала...
Впрочем, — старинный обычай! —
Одну только ночь,
Накануне праздника Танго,
Женщины в доме царят
И его называют своим.

Теперь о-Кити
Причесывает дочь
С молитвой,
Чтоб эти праздничные дни
Прошли удачно и счастливо,
Чтоб ничего дурного не случилось.
И вдруг...
Когда она проводит гребнем
По длинным волосам о-Кику, —
Хруст! — и ломается один из зубьев.
«Ой, он сломался! Вот беда!» —
Воскликнула о-Кити,
И, огорченная, она невольно
Роняет гребень на пол.
Еще одна зловещая примета!
О-Кити промолчала,
Но в глубине души смутилась.
Зубец от гребня отскочил,
И гребень — на земле...
Как! неужели
Случится что-либо худое?

А между тем переступил порог
Муж, Ситидзаэмон.
Не удалось ему
Собрать все деньги с должников,
Он получил, пожалуй, семь десятых —
И заглянул домой.
Он думает: «Немного отдохну,
А там — опять в поход!»

О - К и т и. Ой-ой! Вы, муженек, покончили с делами раньше, чем я предполагала. А я тем временем тоже покончила с разными домашними заботами. Кстати, меняла из переулка маклеров затребовал два сё масла для лампы и один го ароматного — «сливовый цвет». А из бумажной лавки, что на улице Имабаси, забрали в долг один сё светильного масла. Я все записала в счет-

ную книгу... Да право же, вымойте ноги и ложитесь спать. Завтра вам ведь придется рано отправляться с праздничными поздравлениями!

С и т и д з а э м о н. Нет-нет, я не могу улечься в постель так рано! Мне еще надо навеститься на улицу Икэда в квартале Тэмма.

О - К и т и. Ой, до чего мне это неприятно! Уж хватит хлопотать. Ведь эта улица Икэда далеко-далеко, на самой северной окраине города! Собрали долги по соседству — ну и ладно. Остальное можно и после праздника!

С и т и д з а э м о н. Ну, женка! Какие неразумные слова. Сама знаешь: если не затребовать долги к празднику, тогда прости-прощай! После никогда не заплатят, это уж точно. Там обещали мне заплатить, как только настанет вечер. Да я живо обернусь! Вот в этом поясе пятьсот восемьдесят мэ нового серебра. Запри-ка в шкаф вместе вот с этим кошельком. А я скорехонько вернусь!

Р а с с к а з ч и к. Он поднимается с циновки.

О - К и т и. Постойте! Обождите! Сперва выпейте чарочку на дорогу. Ну, старшенькая, быстро подогрей сакэ для твоего отца!

Р а с с к а з ч и к

О-Кикю подбегает к полке
И начинает осторожно
Переливать вино
В кувшинчик металлический — тирори.

С и т и д з а э м о н

Не надо, дочка. Обойдусь
Без чарки и закуски.

Ну-ка! Плесни немножко сюда, в эту крышку от чашки для риса. Ночь коротка, а я тороплюсь. Лей сюда — прямо из бутылки!

Р а с с к а з ч и к

«Сейчас», — о-Кикю отвечает,
Подходит, но отец высок —
И трудно девочке налить сакэ.
Она встает на цыпочки,
Стараясь
Ни капли не пролить.

Отец к губам подносит крышку
И первый делает глоток.
О-Кити это замечает.

О - Кити. Ой! Что это? Скорее сядьте! Это не к добру, не к добру! Дурной знак. Ребенок-то, конечно, не знает, но вам пора знать. Кто же пьет вино стоя? Если пить сакэ стоя на ногах, это уж верно: кого-нибудь да проводишь в могилу. Ох, по спине холод пробежал!

Р а с с к а з ч и к

Услышав это,
Купец опять садится на циновку,
И, выхлебнув вино из крышки,
Он усмехается и хочет пошутить.

С и т и д з а э м о н

Я стоя на ногах
Хотел прикончить эту чарку
За упокой души...
Моих долгов,
Чтоб их скорей похоронить.
Все не оплаченные мной долги
Прощайте — вам уже не жить на свете,
Теперь вам крышка!

Р а с с к а з ч и к

И все же
Чем больше шутит он,
Тем больше проступает
Зловещий смысл его веселых слов.

И он уходит,
Чтоб разлучиться навсегда с женой.

А между тем о-Кикю,
Взяв с матери пример,
Как надобно по дому хлопотать,
Усердно стелет на полу постели,
При этом напевая песню,
Которую придумала сама.

О - К и к ю

Вот подушка! Вот матрац!
Спать пора, пора, пора.

Р а с с к а з ч и к

И только полог от москитов
Подвесить ей не удается.
Уж слишком ножки коротки
У девочки:
Короче летней ночи.

О - К и к у. Я уже уложила спать о-Дэн, удобно уложила. Она заснула.

И вам, маманя, время отдохнуть!

О - К и т и. О, ты умница у меня! Отец, верно, скоро вернется. Я буду следить за дверьми, полеживая внутри москитного полога. А ты, доченька, ложись-ка спать!

О - К и к у

Нет, нет, маманя,
Мне спать не хочется.

Р а с с к а з ч и к

А у самой

Глаза слипаются...
Вот милое дитя!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Р а с с к а з ч и к

Как ни крутил,
Как ни хитрил Ёхэй,
Ему не выкрутиться из беды!
Настал последний срок,
Он должен расплатиться —
И не может.
Сегодня, по обычаю, пора
Подбитый ватюю халат
Сменить на легкую одежду,
А совесть облегчить от всех долгов.
Однако на Ёхэе
Обшарпанная зимняя одежда,
И, хоть обтрепанные рукава
Лишь только-только прикрывают локти,
Он продолжает жить

Спустя, как говорится, рукава.
И сквозь рукав пропущена тесьма,
На ней болтается пустой кувшинчик
Для масла:
Уж не собрался ли Ёхэй
Кого-нибудь подмаслить? Впрочем,
За пояс у него засунут нож в чехле.
Обычно он ножа не носит.
А вот сегодня...
Уж не надеется ль
Обрезать им долги?
Быть может, этот острый нож —
Последнее, решительное средство
Разрезать петлю?

Вот и лавка
Знакомая — Тэсимая.
Ёхэй к воротам
Подкрался, словно вор.
Он знает,
Здесь люди добрые живут,
Он хочет попытаться...
Колеблется...
Войти иль не войти?

Вдруг, за спиною, голос в темноте:
«О, это, кажется, Ёхэй? Да-да!
А он как раз мне нужен!»

Ё х э й

Да, я — Ёхэй. А вы кто? Я не вижу.

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй всмотрелся —
И вдруг узнал: а! ростовщик Кохэй
Из лавки хлопка в Уэмáти!

К о х э й

Ну-ну! Удача! Я тебя искал!

Сперва пошел на улицу Дзюнкэй к твоему братцу.
А мне там говорят: ищите Ёхэя у его родителей в кварта-
ле Тэмма. Вот я и наведался в дом к твоим родителям.
А здесь мне объявляют, что тебя прогнали из родного
дома. Да мне-то все равно, прогнали тебя или не про-

гнали: печать-то на долговой расписке твоего почтенного отчима. Я и решил: если мне не уплатят сегодня же один каммэ нового серебра, завтра принесу жалобу городским властям!

Ё х э й. Ого! Это — злобный подвох! Верно, в долговой расписке значится один каммэ? Да ведь вы-то мне дали всего одну пятую часть этих денег, всего-навсего двести мэ. Мы же договорились: если сегодня ночью я уплачу вам эти двести мэ, дело уладится миром — и вы мне вернете расписку.

К о х э й. Да, само собой, если ты заплатишь мне денежки до шести часов утра, я возьму всего лишь двести мэ. Но завтра, едва займется утро, не обессудь — я уж буду требовать каммэ, целый каммэ, и ни полущки меньше! Сам понимаешь, мне выгодно получить в пять раз больше... Оно и так, да мне жаль твоего отца, пришлось бы ему выплатить большущий долг за своего неразумного пасынка. Итак, пойми, я наседаю на тебя — тебе ж на пользу! Смотри уплати мне сегодня же ночью непременно!

Ё х э й. Ну-ну, Кохэй! Незачем так подгонять меня! Разве вы не знаете, что Ёхэй из Каватия — человек слова, человек верного слова! Петухи еще не пропоют, а я вам уже принесу денежки. Ждите меня! Даже если сон сморит, я все равно вас разбужу.

К о х э й. Ну хорошо, хорошо. Если сегодня ночью заплатишь, так завтра же снова дам тебе в долг, если у тебя надобность будет. Я уже вижу, что ты человек слова, не подведешь.

Р а с с к а з ч и к

И с этими словами,
Податливыми, мягкими, как вата,
Кохэй уходит, затаив
Железную удавку
На шее у несчастного Ёхэя.
Ёхэй молчит.
Он хорохорился перед Кохэем,
И из себя он строил богача,
На обещанья не скупился,
Но у него гроша нет за душой.
Он кое-как отбился
От всех долгов в домах любви,
Но как отбиться
От этого Кохэя —

Ростовщика?
Долг в целых двести моммэ!

Ё х э й

Но есть же где-то деньги, в самом деле!
На главной улице прохожих много —
Так и шныряют!
Быть может, двести моммэ обронил
Какой-нибудь подвыпивший гуляка?

Р а с с к а з ч и к

Но вдруг звучат шаги.
Он оглянулся.
Какой-то человек
Дорогу переходит с фонарем.

Ё х э й

На фонаре, сдается,
Знак дома нашего?
Так точно! «Кава»...
Да это мой папаша — Токубэй!
О, наму самбо!
О, три сокровища святого Будды!

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй проворно отступает в тень.
Он распластался, как паук,
Прижался
Всем телом к запертым дверям,
Ведущим в лавку Ситидзаэмона.
А Токубэй
Отодвигает боковую дверцу —
И входит в дом к соседям.

Т о к у б э й

Вы дома, Ситидзаэмон-доно?
Ну как? Покончили с делами?

О - К и т и

О, это Токубэй-сама?
Пожалуйста, входите!

Вы знаете, мой муженек все еще не разделался со своими делами. Пришлось ему пойти в самый дальний конец квартала Тэмма. А я была занята по хозяйству перед

праздником, даже и не заглядывала к вам все это время.

Вот и спасибо, что зашли.
У вас теперь хлопот,
Должно быть, полон рот!
Да и с Ёхэем
Забот не оберешься!

Р а с с к а з ч и к

Она отодвигает полог
И, улыбаясь,
Выходит встретить Токубэя.

Т о к у б э й

Да, правда! Правда!

Вот вам покоя не дают заботы о ваших трех маленьких дочках, а мы просто голову теряем из-за нашего верзилы Ёхэя! Но что поделаешь, первый долг родителей — заботиться о своих детях. Да я, правда, этим не тягочусь и никогда не тяготился. Однако на душе спокойней, когда дети живут под родительской кровлей. Но если лишить наследства и выгнать из дома такого буйна и шалопая, так душа не на месте. Ведь Ёхэй легко может себя погубить, завтра же прямо в огонь кинется! Вот, например, поставит поддельную печать на долговой расписке, обязуясь уплатить десять каммэ, только для того, чтобы получить на руки хоть один! А там и захлестнет себе горло петлей — и всей его жизни конец!

Но я ведь только отчим,
И, знаете, когда родная мать
Из дома сына выгоняла,
Я как-то оробел
И не посмел вмешаться...
Я не сумел остановить ее!

Краем уха я слышал, что он поселился у своего старшего брата — Тахэя на улице Дзюнкэй. Но если беспутный Ёхэй когда-нибудь появится в здешних местах, пожалуйста, вы и Ситидзаэмон-доно шепните ему, что я уж согласен помириться с ним. Пожалуйста, посоветуйте ему, пусть от всего сердца попросит прощения у своей матушки, пусть вернется домой да всерьез одумается и

переменит свой нрав. Еще не поздно ему исправиться. Может, он вас и послушает! У моей жены о-Сава все родичи — самураи. Потому, верно, у нее в обычае никогда не менять своего решения. Что скажет — как ножом отрежет. Жаль, что наш шалопай не унаследовал от нее твердого чувства долга!

Его отец,
Покойный мой хозяин,
Во всем был безупречный человек.
Уж он-то понимал,
Что значит долг,
Что значит истинная доброта.
Я сердце надрывал
В заботах о его двух сыновьях.
Не покладая рук трудился
В честь памяти его. И вот...
И вот теперь — мы выгнали Ёхэя.
Я не припомню,
Чтоб хоть единый раз
Его отец
Повысил голос,
Когда случалось провиниться мне.
А вот теперь... Уж верно,
В своей могиле,
Покоясь под густой травой,
Меня он будет ненавидеть!
Какое бедствие! Какое горе
На старые мои свалилось плечи!
Подумайте, о-Кити-сама,
Как тяжело мне...

Р а с с к а з ч и к

Он задохнулся,
Не в силах удержать рыданий.
Его глаза наполнились слезами.
Он их стыдится.
Не знает, как их скрыть,
И притворился,
Что дым из трубки ест ему глаза.

О-К и т и

Да, понимаю, понимаю!
Еще бы! Как вам тяжело.

Знаете, мой муженек должен скоро вернуться. Обождите немного — и потолкуйте с ним по душам.

Т о к у б э й. Нет-нет! Нынче канун праздника, он будет занят. Я ему помешаю. Послушайте, о-Кити-доно! Вот здесь — триста монов. Я сунул их за пазуху незаметно от моей жены и потихоньку вышел из дома. Так вот! Если этот негодяй Ехэй заявится к вам, отдайте деньги ему и скажите, пусть он купит себе хоть какую-нибудь летнюю одежонку, прикроет тело, когда нагрянет жара. Но только не вздумайте помянуть мое имя. Скажите — это подарок от Ситидзаэмона, ну, словом, что в голову придет. Я вам буду от души благодарен!

Р а с с к а з ч и к

Он хочет передать ей деньги...
Как вдруг
У боковой калитки
Знакомый голос.

О-С а в а

О-Кити! Можно к вам зайти?
Вы заперли уже ворота на ночь?

Р а с с к а з ч и к

Гость — Токубэй — испуган и смущен:
Его жена, о-Сава?
Так поздно ночью?.. И зачем?

Т о к у б э й. О-о, я не хочу, чтобы она меня увидела. Я лучше спрячусь. Вы уж меня извините...

Р а с с к а з ч и к

Он ускользает за москитный полог
И хочет спрятаться...
Не удалось!
О-Сава
Успела мужнюю приметить спину.

О - С а в а

Что это, Токубэй?
И почему
Муж хочет скрыться от своей жены?

Р а с с к а з ч и к

Смущенный Токубэй выходит,
Не знает, что сказать... Молчит.
О-Кити тоже растерялась —
И даже позабыла
Почтенную приветствовать соседку.
А между тем Ёхэй,
Прижавшись к двери,
Под нос себе бормочет:

Ё х э й. Ого! Моя мамаша, кажется, не прочь затеять
небольшую свару? А ну-ка, послушаем, что она еще ска-
жет!

Р а с с к а з ч и к

Он к двери ухо приложил —
И слушает... О-Сава
Не торопясь присела на ступеньку
И распекает мужа.

О - С а в а. Ну, Токубэй-доно! Ситидзаэмона дома
ведь нет, а вы наспех покончили со всеми делами — и бе-
гом к соседке через улицу. А с ней вы можете встречать-
ся в любое время, а не в такую ночь, когда все по горло
заняты своими неотложными делами. Что вам здесь
понадобилось? Вы, кажется, уже не в тех летах, когда
бегают за женщинами. Вас не назовешь вертопрахом.
Хм-хм! Вы, верно, опять пошли сетовать по поводу бес-
путного Ёхэя? Так и есть, угадала! Уж чересчур вы
озабочены вашим отцовским долгом, и все потому, что
он вам не родной сын. Да ведь его выгнала родная мать,
значит, вы тут ни при чем, ваше доброе имя не постра-
дает. Я все заметила. Неужели вы собираетесь подарить
эти триста медных монет такому негодяю, моту? А на
себя вы всегда жалели и ломаный грош потратить!
Давать Ёхэю деньги? Да это все равно, что швырять их
в бездонный колодец!

Да, ваша доброта
И баловство —
Вот это было ядом для Ёхэя!
Но я не такова.
Сказала:
«Ёхэй лишен наследства»,—

И конец!
От слова своего не отступлюсь,
По мне, пускай хоть маслом
Намажется
И кинется в костер!
Пускай в бумажном платье
В пучину ринется,
Пускай творит что хочет.
А вы?
Всю душу вы отдать готовы
Негодному разбойнику Ехэю,
Как будто вам и нужды нет,
Что станется
С женой и дочкой.
А ну-ка,
Домой, немедленно домой!
Идите впереди меня!

Р а с с к а з ч и к

Она его подталкивает к двери.
Он вырывается из рук жены.

Т о к у б э й. О, ты не права! Это чересчур жестоко!
Никто не рождается на свет с готовым родительским
сердцем. Время идет, ребенок становится взрослым —
и вот он уже отец!

А все родители
Детьми когда-то были!
Ребенок вырастает,
Взлелеянный родительской любовью.
Но и отец растет
И возвышается душою
Через сыновнюю любовь.
Ты знаешь,
Я, Токубэй, не много видел счастья.
Я слуг не нанимал
Ухаживать за мною,
Я сам для близких был слугой!

Но я думал, что после моей смерти мой гроб понесут
двое сыновей, один впереди, один позади, — и какие
это были бы великолепные похороны! Больше чести,
чем если бы сто чужих людей провожали меня на
кладбище!

Конечно, у меня есть двое
Приемных сыновей,
Да что мне ждать от них!
Мой гроб...
Он будет отнесен в могилу
Чужими равнодушными руками.
Уж лучше
Я, мертвый, упаду
Среди дороги в грязь
И парии
Меня швырнут
С доски — в могилу для бродяг!

Р а с с к а з ч и к

Он захлебнулся
Горючими слезами.
Как жаль его!

О - С а в а. Но разве этот беспутный Ёхэй — ваше единственное детище? Разве нет у вас старшего сына — Тахэя? И притом еще о-Кати — только девочка, а все же ваше родное дитя!

Ну, хватит!
Пошли домой!
Идите-ка вперед.

Р а с с к а з ч и к

О-Сава подгоняет Токубэя.

Т о к у б э й

Что ж, если уходить —
Так вместе!

Р а с с к а з ч и к

Жену он тянет за рукав.
И вдруг...
Вдруг из-за пазухи жены
Какой-то сверток —
Тяжелый — шлепается вниз.
Обертка развернулась,
И все рассыпалось по доскам пола.
Что это?..
Тимаки и монеты — мон пятьсот!

О-С а в а

Ах-ах! несчастье!
Куда мне деться от стыда?

Р а с с к а з ч и к

Она всей грудью падает на сверток,
Пытается закрыть его
И спрятать.
В отчаянье
И плачет и кричит.

О-С а в а

О Токубэй-доно! Я умоляю:
Простите! О!..
Я эти деньги
Взяла из тех, что вы собрали
У наших должников!
Да, я украла эти медяки —
Пятьсот монет! —
Чтоб потихоньку их отдать
Негодному бездельнику Ёхэю!
Да! Двадцать лет супружества прошло —
И никогда со мной
Такого не случалось!
И если эти медные монеты
Супружеские разлучат сердца,
Я лягу, как преграда, между нами,
О, если вы меня не сможете простить,
Какое горе!

Если б даже этот негодный сын был похож на глупца
Сюрихандоку, о котором рассказывали нам в храмо-
вых поучениях, или на принца Адзясэ, убившего
своего отца, — ах, разве я смогла бы его вознена-
видеть?

Ведь он мой сын! Я — мать его! Какие
В моих былых существованьях
Я совершила страшные грехи,
Что сын — такой беспутный! —
Из чрева моего родился?
Я не могу его забыть.
Как вспомню,

Почувствую к нему такую жалость!
Люблю его всем сердцем, всей душой!
Какое чувство
Сравнится с материнскою любовью?
Родной отец не в силах так любить!

О, я так боялась: если буду слишком открыто показывать мою любовь к Ёхэю, то вы, чужой ему по крови, скажете: «Вот мать-потатчица! Это она виновата, что Ёхэй не исправляется, что он упорствует в дурном поведении!..» И вы мало-помалу возненавидите меня! А я так старалась выглядеть суровой. Я била, колошматила его и наконец потребовала:

Лишите
Его наследства!
Выгоните вон
Его из дому!
Я была
Жестоккой, беспощадной, для того
Чтоб вы к нему почувствовали жалость!

О! Какая глупая женская уловка... Простите меня, Токубэй-доно! Я так яростно бранила вас за то, что втайне от меня вы хотели подарить эти триста монов бедняге Ёхэю.

А в глубине души
Три раза вас благодарила!
Признаюсь, почему
И я украла деньги для него.

Вы ведь знаете, он всегда любил покрасоваться! Конечно, в праздничный день уж так бы ему хотелось щегольнуть на людях нарядной одеждой, франтовской прической!

Со дня его рождения
До сей поры
Ни разу не случилось,
Чтоб в Праздник мальчигов Ёхэй
Не получал от нас подарков.
И мне сейчас хотелось —
Хотя б в последний раз —

На праздник
Ему подарок сделать небольшой.
Вот почему
Себя таким позором я покрыла!
И я задумала
Просить о-Кити,
Пусть передаст подарок мой
Негоднику Ёхэю.
Во сто раз
Я для него готова сделать больше!
О, если б врач-целитель
Из материнской печени сготовил
Для сына снадобье такое,
Чтоб нрав его исправить, о, поверьте,
Я б вырвала свою живую печень!
Ради него дала бы изрубить
Себя на мелкие куски!
И вот теперь
Я опозорена!
Стою пред вами —
Обманщица, воровка!
Никогда
Я мужа и на грош не обсчитала.
Любовь, любовь к беспутному ребенку
Заставила меня блуждать во тьме!
И я украла! Как мне стыдно... стыдно...

Р а с с к а з ч и к

Она рыдает в голос. Токубэй
Не в силах слов найти
Ей в утешенье
И только повторяет: «Правда! Правда!»
О-Кити тоже прослезилась,
Сочувствуя несчастным старикам,
И думает о девочках своих:
«Что в жизни им придется испытать?»

Все трое плачут. Вторит им
Унылое гудение москитов...

Т о к у б э й. Жена! Довольно плакать! Эти бессмысленные жалобы, эти бесцельные рыдания совсем не ко времени в такой праздник. Оставь все деньги доброй о-Кити. Пусть она отдаст их нашему шалопаю. Теперь поблагодарим ее и простимся.

Р а с с к а з ч и к

Его жена не в силах
Остановить поток
Горячих слез.

О-С а в а

Ну, как вы можете
Отдать Ёхэю
Еще и эти — краденые — деньги?
И так сверх меры
По доброте своей
Его вы одарили!

Т о к у б э й

Пустое!
Пускай получит он
И твой подарок.

О-С а в а

Нет-нет, подарок этот
Мне руки жжет теперь...
Простите мне мою вину.

Р а с с к а з ч и к

О, эти двое,
Отец и мать,
Так крепко скованы цепями долга!
Они не могут
Себе простить избытка доброты!
О-Кити тоже
Не в силах слезы удержать...

О-Кити. Ах, я так хорошо понимаю, что вы должны чувствовать в эту минуту! Разумеется, вам совестно подарить эти деньги вашему сыну. Знаете что? Оставьте их на полу, там, где они упали. Придет какой-нибудь человек в большой нужде, я попрошу его их подобрать!

О-С а в а

Ах, вот спасибо!
С моей души упала тяжесть!
Еще одно —
Куда девать тимаки?

Скормите эту снедь
Какой-нибудь голодной псине!

Р а с с к а з ч и к

И снова
Родители льют горестные слезы.
Никогда
Сердца их не были разделены
Глухой стеной
И дверью на замке.
На время, правда,
Сыновняя неблагодарность
Замкнула дверь, задвинула засов.
Теперь он снова отодвинут...

От всей души простив друг другу,
Муж и жена
Хозяйке поклонились —
И возвращаются домой.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Заметив, что родители ушли,
Ёхэй кивает молча головой.
На всякий случай
Он из чехла вытягивает нож
И прячет на груди.
Потом отодвигает ловко
Засов на двери боковой
И проникает в дом.
С минуту неподвижно он стоит,
Чтоб сердце успокоилось немного.
Потом бормочет про себя:

Ё х э й

Куда ж запропастился
Хозяин — Ситидзаэмон?
Ведь в этот поздний час,
Наверно,
Он с должниками все покончил счета

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй с порога
О-Кити окликает. Где ж она?

Во тьме кромешной
Не так легко хозяйку отыскать.

О-К и т и

А я-то думала,
Кто это там
Шуршит и возится?
А это ты, Ёхэй-доно?
Ну, право, ты — счастливчик!

Заявился как раз вовремя, тютелька в тютельку! Ты только взгляни: восемьсот монов, да еще тимаки в придачу! Прямо с неба свалились. Велено тебе передать!

Пожалуйста, возьми!
Ведь говорится: даже если нищий,
Родителями прогнанный бродяга
В День мальчиков получит
Нежданный и негаданный подарок,
К нему опять вернется счастье!

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй ничуть не удивлен.

Ё х э й

А! Это милостынька от моих
Чувствительных родителей? Не так ли?

О-К и т и

Ну, поспешил с догадкой!

С какой радости они стали бы тебе дарить деньги?

Ёхэй. Незачем от меня скрывать. Меня москиты просто живьем сожрали, пока я столько времени торчал у ворот и слушал, как мои родители здесь разливаются в бесконечных жалобах. Да и меня самого под конец слеза прошибла...

О-К и т и. Хм-хм! Значит, ты все слышал? И уразумел! Мое дело, конечно, сторона, и то вчуже глаза у меня были на мокром месте — так жаль мне было твоих родителей.

Смотри же,
Не изведи напрасно ни полушки
На мотовство и баловство.

На! Береги их как зеницу ока.
Употреби их с пользой!..
Когда же добряки-родители умрут,
Справь похороны, денег не жалея,
Пускай торжественно их понесут
На разукрашенных носилках.
А если им последний долг
Ты не отдашь
И позабудешь их,
Так, значит, ты не человек —
Ты хуже деревянной чурки!
И если снова
Родительской ослушаешься воли,
Тогда тебе не миновать
Небесной кары.
Вперед тогда уже не жди добра!
Ну, вот тебе твой сверток!

Р а с с к а з ч и к

Она ему протягивает деньги.

Ё х э й. О, я все хорошо понял. Теперь уж я стану честным человеком. Стану, как почтительный сын, служить моим родителям. Это ведь драгоценные деньги, дар их любви. Но... этих денег уж слишком мало! Есть такое дело, о котором я не смею рассказать. Ни моему брату, ни родителям. Сегодня вы собрали порядочно денег по счетам со своих должников. У тебя должна быть кругленькая сумма. А я прошу всего-то двести мэ новым серебром. Одолжи мне на время, пока родители не простят меня! А они вроде как уже меня простили.

О-К и т и. Ну и ну! Вот правду говорят: в глубину сердца не заглянешь, а язык сам скажет. Нечего сказать, исправился! Хочешь обманом выманить денежки! Как у тебя совести хватает! Как только язык повернулся! Хочешь подзаянть денег, чтобы расплатиться в дурных местах, а потом можно опять туда же ходить? Сказать по правде, деньги-то у меня есть. Лежат в шкафу. Пятьсот мэ с лишним. Деньги есть, но за спиной мужа как я могу дать в долг хотя бы один медный грош? Нестаточное дело. И особенно тебе. Сам подумай!

В тот день, ты помнишь,
Когда мы шли в нагорный храм, в Нодзаки,
И ты подрался,

И вывалился весь в грязи,
Тогда тебя я пожалела.
Тебе я помогла, тебя помыла —
А муж мой заподозрил,
Что, часом, согрешила я с тобой.
И сколько дней подряд
Пришлось мне объяснять ему —
И уговаривать!
Как вспомню, жуть берет,
Становится так скверно на душе!
Уж лучше,
Пока не возвратился муженек,
Бери родительский подарок
И убирайся восвояси.
А муж вернется — с ним поговори.

Р а с с к а з ч и к

Она не хочет,
Чтоб муж застал Ёхэя у нее,
И гонит прочь его из дому.
А он к ней придвигается вплотную.

Ё х э й

Давай-ка лучше согрешим с тобой,
А после дай мне денег.

О-К и т и

Ну вот еще! Сказала ясно: нет.
Ты что прилип ко мне?
Ты думаешь, что в непотребном доме
И с женщиной все можно? Ну, ступай!
Не то сейчас я в голос закричу —
И прибегут соседи!

Ё х э й. А я что же, по-твоему, совсем лишен человеческих чувств?

Слова моих родителей, поверь мне,
Проникли в глубину моей души.

Но, пойми, я в полном отчаянии! Разве мне сейчас пойдет на ум болтать всякую чушь да забавляться? До того ли мне! В прошлом месяце, двадцатого числа, я взял у ростовщика двести мэ — и отцовскую печать ухитрился приложить! Обещал я деньги вернуть сегодня в ночь до рассвета. Вот в какой я крайности! Да нет, ты дослушай

меня до конца. На долговой расписке стоит «один кан нового серебра», а я на руки получил всего двести мэ. И все же завтра, по условию, надо будет уплатить целый кан, как обозначено: в пять раз больше! И сильнее всего меня пугает, что ростовщик не только донесет на меня родителям и брату, но и старейшинам пятидворок по месту жительства. Тут уж мне несдобровать! Поняла? Мне до зарезу нужны деньги. Хоть плачь, хоть смейся!..

Вот я решился:
Не достану денег —
Убью себя.
Гляди, здесь, на груди,
Отточенный я спрятал нож...
Но слушал я и понял,
Как будут горевать родители мои,
Как будут плакать обо мне.
И я подумал:
Умру, а этот долг
Все будет мучить их!
Вот верх моих безумств и преступлений!
Я разорю их,
Ввергну в нищету.
И мысли в голове моей смешались.
Мне умереть нельзя — и жить нельзя.
Я погибаю, я попал в капкан.
Ты добрая, я знаю. Ты должна мне
Помочь в беде.
И ты сама сказала —
У вас, в шкафу, есть деньги.
Мне до зарезу двести мэ нужны.
Дай в долг мне двести мэ —
И милосердие твое
Спасет мне жизнь. А я, Ёхэй,
Твоей не позабуду доброты,
Хотя бы мне пришлось упасть
На дно пылающего ада.
Я умоляю,
Дай мне эти деньги,
Спаси меня!

Р а с с к а з ч и к

Глаза его как будто говорят:
«Все это правда. Я не лгу».
И на мгновение

О-Кити
Поверила ему. Но нет!
Он изолгался. Он известный плут.
Все это — только новая уловка.
А на уловки — он мастак!

О-Кити. Хм, ты плетешь свои выдумки так убедительно, так правдоподобно, как будто сам веришь в них. Ну-ну, продолжай лгать! Так я тебе и поверила! Сказала: не дам тебе денег! — и все тут

Ёхэй. А, ты не дашь? После того, как я поручился моей честью? После всех моих клятв? Ну, хорошо же! Больше я просить у тебя не буду.

Р а с с к а з ч и к

Он говорит как будто бы небрежно.
Но страшный замысел
Созрел в его душе.

Ёхэй. Что ж, если так, небольшая просьба: отпусти мне вон из той бочки два сё масла — в кредит.

О-Кити. О, это для нас обоих пахнет прибылью. Без кредита наша торговля живо зашла бы в тупик. Ладно, отпущу тебе масла.

Р а с с к а з ч и к

Она проходит в лавку.
Ей невдомек,
Что вот сейчас
Светильник бытия ее погаснет!
Берет проворно мерку
И начинает масло наливать,
А за ее спиной
Стоит Ёхэй
С ножом в руке...

О-Кити. Доброго тебе праздника, Ёхэй-доно. Проведи его весело! Знаешь, что я думаю: посоветуйся-ка ты с моим муженьком. Он тебе поможет, если у него найдутся лишние деньги. Но ты сам понимаешь. Муж и жена хоть полвека, хоть шесть десятков лет проживут вместе, а жена все равно не смеет поступать, как ей вздумается. Пожалуйста, не сердись на меня.

Р а с с к а з ч и к

И в этот миг
О-Кити
Заметила, как — отраженье в масле —
Сверкнуло лезвие ножа.
О-Кити испугалась.

О-К и т и

Ёхэй, что там блеснуло?

Ё х э й

Блеснуло? Где? Вот пустяки!
Тебе почудилось!

Р а с с к а з ч и к

Он за спиной
Проворно спрятал нож.

О-К и т и

Вот-вот,
Что ты глаза уставил на меня?
Какое страшное лицо...
Что в правой держишь ты руке?

Ё х э й

Я?.. Ничего!

Р а с с к а з ч и к

Он нож переложил
Из правой в левую...
И правую показывает руку.

Ё х э й

Ну вот — гляди.
Нет ничего в руке!
Смотри — рука пустая!
Да смотри же!

Р а с с к а з ч и к

Ее он хочет как-то успокоить,
Но, перепуганная насмерть,
О-Кити, бедная,
Дрожит всем телом.

О-К и т и

Ты страшен мне!
Не смей! Не подходи!

Р а с с к а з ч и к

Она попятилась к входным дверям,
Засов и створку хочет отодвинуть,
Чтоб убежать.

Ё х э й. Ну вот еще... вся трясешься. Чего ты так переполошилась?

Р а с с к а з ч и к

Он неотступно следует за ней,
Куда б она в испуге ни метнулась.

О-К и т и

На помощь! Люди!..

Р а с с к а з ч и к

Короткий крик!
Ёхэй не ждет второго,
Поймал ее и стиснул крепко.

Ё х э й

Меня ты хочешь погубить?
Молчи, мерзавка!

Р а с с к а з ч и к

Он в горло ей вонзает нож.
Удар неточен.
Она руками ловит воздух,
Бьет по земле ногами —
Мучительная судорога боли.

О-К и т и

Не буду! Больше я кричать не буду!
О, если я умру,
Что будет с детками? Все трое
По улице скитаться будут.
Нельзя мне умереть.
Мне жаль детей.
Оставь мне жизнь.
Вот — ключ. Возьми все деньги,
Но только пощади меня.

Ё х э й

Понятно! Ты не хочешь умирать,
Жалеешь девочек своих.
А мне, ты думаешь,
Родителей не жаль?
Они ведь своего Ёхэя любят!
Я должен заплатить свой долг
И честь свою восстановить.
Смирись, ты умереть должна!
Не смею громко
Молиться за тебя —
Услышат люди.
Но шепотом скажу:
«Помилуй, Будда!»
Наму Амида Буцу! Наму Амида Буцу!

Р а с с к а з ч и к

Он притянул несчастную о-Кити
К себе вплотную. И — внезапно —
Косым ударом всаживает нож
В живот ей... глубоко.
Ужасную наносит рану.
Нож вырывает,
Снова колет,
Еще... еще...
Вдруг налетел — из царства мертвых —
Порывом ветер ледяной,
И хлопает полотнищами флагов,
И задувает в лампе огонек.
Все погружается во мрак —
И лавка, и душа Ёхэя.
Его ступни скользят
В крови и лужах масла.
Он весь забрызган кровью...
Он словно красный демон в преисподней.
На лбу его побагровевшем
Два острых рога — ярости и зла.
Рогами дьявольскими потрясая,
Он жертву добивает.
А вдруг она еще жива? Очнется? Выдаст?
И он опять
Удар наносит за ударом...
Люди в праздник
Гирляндой ирис вешают на кровле,

Чтоб уберечь себя
От тысячи недугов.
Но разве можно уберечься
От воздаянья за грехи,
Свершенные в былых рожденьях?
Вот карма — острие ножа Ёхэя
Увы, душа о-Кити,
Недолговечная росинка
На острие зеленого листа,
С порывом ветра отлетает.
Уже о-Кити далеко.
Она восходит на Гору мечей,
И перед ней теперь
Проходит зрелище мучений
Преступных душ
В пучине Масляного ада.

Дыхание о-Кити прервалось.

Ёхэй глядит
На окровавленное мертвое лицо,
Еще недавно
Исполненное доброты, веселья...
И он теряет мужество. Колени
Его дрожат,
И сердце бешено колотится в груди.
Он с пояса о-Кити
Срывает ключ
И, крадучись бесшумно,
Заглядывает за москитный полог...
Три девочки так мирно спят.
Ёхэю чудится:
На личиках детей
Запечатлелась жажда мести
И ненависть... к нему... к убийце.
Он вздрогнул от озноба ледяного.
Он поворачивает ключ в замке...
И ключ скрежещет.
Ёхэю чудится, что гром
Прогрохотал над головой его.
От ужаса захолонуло сердце...
Он прижимается всем телом к шкафу
И потихоньку
Набитый серебром вытаскивает пояс.
А! Там еще кошель,
Такой тяжелый! Сколько денег!

Он так и жаждал...
Наконец!
Он запихал и кошелек и пояс
За пазуху.
О-о, какая тяжесть!
Ехэй с трудом передвигает ноги,
Как будто он ступает
По тонкому, подтаявшему льду,
По языкам огня.

Е х э й

Я брошу этот нож
В лучину
С Садалового моста.
Он канет навсегда на дно реки.
Вот так и я
Когда-нибудь низвергнут буду
На дно
Пылающего ада!
Но ведь до этого так далеко!
Все это будет
В другом, далеком мире,
Которого теперь глазами не увидишь...
А здесь, на этом свете,
Я богат!
О чем еще мне думать?

Р а с с к а з ч и к

Он выбегает
На улицу — бежит,
Бежит так быстро-быстро-быстро,
Как только ноги могут унести ..

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Веселый квартал Симмати

Тридцать пять дней после убийства о-Кити

Р а с с к а з ч и к

Весною селение Нанива
По красоте уступает столице,
Где повсюду вишневый цвет,
Но в дни «Безводного месяца»
Нанива столицу затмит,

Когда исполняют «летние кáгура»
Прекраснейшие песни и пляски.
Все четыре улицы
Веселого квартала Симмати
Пестреют, благоухают
Цветами.
А эти цветы
Не осыпаются никогда.

Узорные наряды
Красавиц-девушек.
Нарядное убранство
Домов веселья...
Вот где «Гора любви»!
Таких красот
Во всей стране не сыщешь!

О, даже
Прекрасные снега вершины Фудзи
Пред этим зрелищем
Померкнут.

Но все продажные девицы
Из чайных домиков любви
Печалются, что укорочен год
И, значит, попусту пропали
Три дня большой наживы — «момби»,
Когда красавицы
По прихоти своей
Вытряхивают кошель гостей
И требуют подарков...

Случается, что неизменный гость
Платить сверх меры не желает
И — в нарушение всех обетов —
Не кажет глаз к возлюбленной своей
Понятно, богатеям
Нисколько денежек не жаль.
Они и в праздник «момби» приезжают,
Разряженные в пух и прах,
В великолепных паланкинах!

Гость победнее крадется бочком,
Лицо прикроет
Он веером или плетеной шляпой,

Чтоб не узнала
Знакомая девица
И ненароком не зазвала в дом.

А в наше время люди норовят
Большой компанией
Устроить шумный пир.
У каждого своя девица,
Пьют, и поют, и балагурят.

А вот —
Взгляните-ка на этих ротозеев:
Шатаются по улицам квартала,
Горланят,
Бахвалятся,
Но лишь «плечами раздвигают ветер» —
Всё попусту!
Форсят, а толку нет.

Бывает, гость
Выспрашивает у прохожих:
«Красавица, вон та,
Она какого ранга куртизанка?»
И сразу ясно: этот гость — простак,
Невежда, неотесанный мужлан.

Но постоянный посетитель
С возлюбленной беседует в постели,
Ей на ушко
Умильные нашептывает речи.

А между тем в другое ухо
Любовник-кот
Ее оповещает,
Что пробил барабан,
Пора спешить!
Вот-вот запрут ворота на ночь...

Иные гости
Растрачивают сбереженья
Родителей или хозяев.
Другие
Свои заветные проматывают деньги,
А кое-кто из них
Запутался в долгах —
И разорен вконец.

На улицах прохожие, должно быть,
Стыдятся хоть минутку помолчать:
То передразнивают голоса
Прославленных актеров из театра
Кабуки, их повадкам подражая,
То распевают песни
Из модной пьесы для театра кукол.

Под вечер
Шатаются подвыпившие гости
От Западных ворот
И до Восточных...
Гулякам счета нет.
Вот верный знак,
Что наступило время процветанья!

И посреди горлающей толпы
Проходит Ямамото
Мориэмон.
Смущенный слухом
О мерзком поведении Ёхэя,
Он отпуск взял у князя
И спешно прибыл в Осака...
Где ложь? Где правда?
Рассказывают, что Ёхэй
Зарезал женщину
И выкрал уйму денег.
Наверняка никто не знает,
Но мотовство Ёхэя... Но беспутство
Указывает пальцем на него:
Вот он — убийца, вор!
И все глаза
Следят за ним с невольным подозреньем.

Мориэмон решил дознаться,
Что именно произошло.
Племянника он должен повидать —
И расспросить.
Однако
Ни в материнском доме
Нельзя его застать,
Ни у Тахэя.
Он вечно шляется —
В кварталах Сонэдзаки
Или в домах любви Симмати.

И вот почтенный самурай
Идет в квартал Симмати, у Восточных
Ворот спрашивает сторожей,
Где мог бы он Ёхэя повстречать.
Скажите, кто его подруга?
Ему советуют:
Всего скорей
Ёхэя он застанет
У Мацукадзэ.
Зайдите в дом Бидзэн
На главной улице.

Мориэмон блуждает
Среди толпы прохожих,
Не понимая, где же дом Бидзэн.
Веселые дома
Все на одно лицо...
Повсюду двери, двери, двери...

А в это время пробегает
Служанка-кабуро,
Подросток-ученица,
Держа под мышкой
Увесистый нарядный сверток.

М о р и э м о н

Э, девочка, стой! Не торопись!
Хочу спросить:
Где здесь приют любви,
Что именуется Бидзэн?
Где обитает
«Владычица сердец»,
Девица по прозванию
Мацукадзэ?
И ежели ты осведомлена,
Дорогу укажи. Все эти
Места мне незнакомы.
Если знаешь,
Прошу я, споспешествуй мне
Ее найти!

Р а с с к а з ч и к

Так выпренне он говорит,
Так странно,
Что девочке досадно и смешно.

Д е в о ч к а - к а б у р о

У! Как вы непонятно говорите!
Вот — прямо перед вами — дом Бидзэн.
А вон в той комнате
На западном конце —
Там проживает Мацукадзэ. Дверь
Ее закрыта. Значит,
К ней гость другой явился раньше вас.
А ну-ка, я прошу,
Почтенный воин, поднимите ногу.
Сначала левую — вот так. Повыше!
Ну, правую теперь.
Неплохо!
Вы, право, мастер ноги задирать.
Большое вам спасибо!

Р а с с к а з ч и к

И она

Проворно убегает,
Смеясь над простодушным самураем:
«Вот ловко одурачила его!»

М о р и э м о н

Э, дерзкая девчонка!
Чего ж еще здесь можно ожидать?
Какое место, таковы и люди!

Р а с с к а з ч и к

И он невольно над собой смеется.
Потом подходит к двери,
Куда служанка указала.
Внутри горит огонь,
Но дверь закрыта плотно — на замок.

М о р и э м о н

Ну, этот гость наверняка Ёхэй,
Перехвачу его, как только выйдет.

Р а с с к а з ч и к

Но ждать пришлось недолго.
Дверь открывается...
И потихоньку
Выскальзывает гость

В большой плетеной шляпе.
Мориэмон проворно
Его хватает. Держит. Не пускает.

На шум борьбы
К ним выбегает Мацукадзэ.

М а ц у к а д з э

Кто вы такой?
И по какому праву
Бесчинствуете здесь?
Как смеее буйнить?
Ну что за сумасбродство!

Р а с с к а з ч и к

Она пытается их растащить
И гостя выволить из рук Мориэмона.

М о р и э м о н

Прошу, девица, не тревожьтесь:
Не собираюсь буйство учинять!
Ты, негодяй Ёхэй,
Ты мнишь, что спрячешься
Под этой шляпой?

Р а с с к а з ч и к

И он срывает с человека шляпу.
Глядит ему в лицо.

М о р и э м о н

Да это ж не Ёхэй!
Покорнейше прошу меня простить.
Я виноват,
Произошла ошибка.

Р а с с к а з ч и к

Он низко кланяется — до земли
И потирает руки, извиняясь.
А гость, как видно принужденный
Скрывать свои любовные дела,
Кивнул небрежно
И, снова нахлобучив шляпу,
К воротам убегает, на восток, —
И след его простыл...

М о р и э м о н. Пожалуйста, извините меня, Мацукадзэ-доно. Я слышал, что у вас с Ёхэем сердечная дружба. Скажите, был ли у вас Ёхэй вчера или сегодня? У меня к нему дело. Не смущайтесь, совсем пустячное, — вот почему я его ищу. Поверьте мне, я доброжелатель вашему Ёхэю. Не скрывайте от меня ничего. Если будете скрывать, это не пойдет ему на пользу. Ну, говорите! говорите всю правду.

М а ц у к а д з э. Он только что побывал у меня. Но сказал, что у него срочное дело в Сонэдзаки. И что он отсюда прямехонько идет туда.

М о р и э м о н

Как! В Сонэдзаки? О, помилуй, Будда!
Я снова опоздал!

Мне сейчас же придется идти за ним. Но, между прочим, хочу задать вам один вопрос. Скажите, перед Праздником мальчиков или немного после — а ведь нынче уже шестой день шестой луны — заплатил ли он здесь все свои долги? Вообще, тратил ли он в те дни много-много денег? Прошу вас, не скрывайте от меня ничего.

М а ц у к а д з э

Не знаю, что сказать.
Я ничего не смыслю
В долгах, расплатах, денежных делах.
Спросите лучше
Домоправительницу, ей виднее.

Р а с с к а з ч и к

И, разговор поспешно оборвав,
Она проворно ускользает
Обратно в дом.

М о р и э м о н. Я сильно ошибся. Разминулся с Ёхэем. Ну что ж! Встречусь же с ним когда-нибудь лицом к лицу — и все наконец узнаю. До Сонэдзаки отсюда — один прыжок, мигом домчусь. Дорога мне известна.

Р а с с к а з ч и к

И он,
Заткнув за пояс полы кимоно,
Горя от нетерпенья

Поймать Ехэя,
Пускается за ним во весь опор,
Скачками, словно конь... Опять бы
Не опоздать!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Квартал любви в Сонэдзакки

Вечер того же дня

Р а с с к а з ч и к

«Ёя-ёя-ё!

Ах, в этот печальный вечер

Я томлюсь,

Я мечтаю о встрече.

Час разлуки так долог!

С востока я жду беду,

И запад

Для меня

Западня,

И мне ненавистен юг!

Только север,

Только север мне дорог!

.....

Мы на севере будем вместе.

В наше северное предместье

Приходи скорее,

Мой друг!

Успокой сердце мое...

Ёя-ёя-ё!»

Ждет она его не дождется.

И Ёхэй всем сердцем

Стремится к ней,

К милой своей Когикю,

И часто-часто ее посещает...

Здесь каждый знает его,

Даже пес — на улице у дверей!

Так Ёхэй к любимой спешит,

Покидая цветы квартала Симмати,

Словно дикий гусь,

Что весною — не удержиимо —

На север летит, на север.

Кто удержит Ёхэя?
Так душе его дорог
Дом любви за рекой Сидзими...

.....
И в этот дом
Он устремляет шаг.
Его встречает у порога
Хозяйка дома.

Вдова о-Камэ

Гостям, которые заходят редко,
Мы говорим:
«Добро пожаловать,
Мы рады гостю!» —
Но вам, Ёхэй,
Скажу:
«С благополучным возвращением
В родной ваш дом!»
Так мы привыкли к вам!

Эй, девочка! Позови-ка сюда Когику! Нынче вечером у нас заняты все-все комнаты: и в верхнем этаже, и в нижнем. Почему бы вам не посидеть вдвоем на скамье, что у самой реки, — и с чарочкой в руке? Ведь на это вы мастак. Да и скамья ведь не верстак! Отчего бы не тянуть... винца: разок-другой да и третий? Как плотник орудует: раз-раз, когда в руке пила или ножовка. Резнет, резнет — и нарежется. И красотка с вами пила б и пила? А?.. И закуска к тому же остра — что твое лезвие топора!

Р а с с к а з ч и к

Так тараторит бойкая хозяйка.
Она приказывает девочке-служанке:

О-К а м э

Подбавь-ка масла в уличный фонарь!
А кстати, раз уж помянула масло:

в театре Кабуки играют новую драму. Про то, как убили жену торговца маслом. Сочинил пьесу Кодзаэмон. Только он называет мужа убитой виноторговцем. Роль убийцы исполняет Бундзо. У! До чего же он страшен, до чего омерзителен! Вы, Ёхэй-сама, уже видели эту пьесу? Нет?..

Пойдите поглядите. И Когику
С собой прихватите. Пусть она,
Бедняжка, позабавится. Конечно,
Занять места
Вам надо спозаранок.
А пьеса
Правдива или нет? Как знать!
Чего на свете не бывает!

Р а с с к а з ч и к

Хозяйка тараторит
Без умолку. И тут же
Приказывает маленькой служанке:
«Ну, где же чарки?
Неси быстрее чарки!»

Е х э й

Хозяйка,
Угломнитесь! Дайте
Другим хоть слово вставить!

Я в жизни не пил вина на такой грязной скамейке. Так и быть, на сей раз прощаю! Вам, хозяйка о-Камэ, следовало бы снять участок на восточной стороне и построить для меня одного особые покои. Я все щедро оплачу: дерево для постройки, плотников и прочие расходы. Это для меня раз плюнуть!

А это что за дрянь?
Какая это рыба?
Какие тонкие куски вы подаете!

Р а с с к а з ч и к

Он привередничает,
Морщится брезгливо,
Разыгрывает богатея,
Пускает пыль в глаза...
А много ль денег у него осталось?
.....
А тут подходит Щетка Ягоро,
Садится
С Ёхэем рядом, на скамью.

Я г о р о

Послушай-ка, приятель!
Тебя какой-то ищет самурай!

Ё х э й

Как! Самурай?
Какой там самурай?

Р а с с к а з ч и к

Он испугался,
Но хорохорится: он хочет скрыть испуг.
Унять не может дрожи.
Тайник преступных дел,
Глубоко спрятанный на дне души,
Вдруг ожил и раскрылся,
Словно рана.
Глаза его блуждают. Капли пота
На лбу...

Я г о р о. Да чего ты так всполошился? Вовсе незачем.
Этот самурай со вчерашнего дня гостит у твоего братца,
у Тахэя. Ты должен знать, кто это!

Ё х э й

А!.. Да это мой дядюшка,
Мориэмон из Такацуки!

Р а с с к а з ч и к

«От сердца отлегло!» —
Его испуг прошел,
Он думает: «И все же
Мне было б неприятно
С Мориэмоном встретиться.
Того гляди,
Мой дядюшка заявится сюда!
Расспросы... жалобы... советы...
Не лучше ль
Заранее уйти?
Но как уйти внезапно?
Какой найти предлог?»
Он голову ломает.

Ё х э й. Ох, какая досада! Я вдруг вспомнил: я забыл
в Симмати мой складной кошель!

А я набил его
Деньгами до отказа.
Бедняга прямо стонет,

Вот-вот разлезется по швам!
Я быстро сбегаю
И ворочусь обратно.
А чтобы не скучать в дороге,
Ты, Щетка,
Пойди со мной:
Вдвоем ведь веселее!

Р а с с к а з ч и к

Он вскакивает со скамьи.
Когикку
Пытается Ёхэя удержать
И тянет за рукав...

К о г и к у. Да чего ж вы так разволновались? Вы же знаете, у кого оставили ваш кошель. Ну и возьмете его завтра утром. Никуда он не денется!

Ё х э й. Ну уж нет! Ни за что! Если пазуха не набита деньгами, то никакой нет охоты погулять!

Р а с с к а з ч и к

Он нетерпеливо
Выдергивает свой рукав
Из цепких рук Когикку
И вместе со своим дружкой
Уходит торопливо прочь,
Похваставшись богатством небывалым.
Найти он хочет
То, что не терял.
Хоть наспех, а придумана уловка!..

.....
Не больше времени прошло,
Чем нужно,
Чтоб чашечку-другую осушить
Горячего чайку,
Как появляется Моризэмон.
Он запыхался. Он устал.
Читает надпись: «Дом цветов» —
На фонаре, горящем у дверей,
И думает:
«Да! Этот самый дом.
Я не ошибся».

Его встречает девочка-служанка.

М о р и э м о н

Мне, девочка, необходимо
Поговорить с твоей хозяйкой. Где она?
Зови ее сюда!

Р а с с к а з ч и к

Хозяйка

Выходит из дверей
Ему навстречу.

М о р и э м о н

Хозяйка! Я ищу повсюду
Ёхэя из Каватия.
Меня оповестили: он у вас.
В покоях нижних? Или верхних?
Он нужен мне немедленно! Я войду.

Р а с с к а з ч и к

И он без приглашенья входит в дом.

О-К а м э. Погодите! Пойдите, послушайте! Ёхэй
был у меня — и вот только что ушел. Он сказал, что
забыл свой кошель в Симмати.

М о р и э м о н

Как? Он ушел! В Симмати?

О-К а м э

Он, может быть, еще не перешел
Моста Умэда.

М о р и э м о н

Какая неудача!
Беда! Я снова опоздал!
Но ежели Ёхэй придет,
Хотя бы завтра,
Не пожалейте для него сакэ!
Пусть допьяна напьется.
Пусть он у вас побудет...
А вы кого-нибудь пошлите
На улицу Хонтэмма
И дайте знать
Торговцу маслом Токубэю,
Ёхэя отчиму.
Я оплачу расходы.

По дороге сюда я зашел в Сакураия, в чайный домик Гэмбэя, и стал там расспрашивать. Они и говорят мне, что Ёхэй уплатил им в ночь перед Праздником мальчиков свой долг сполна: три рё золотом и восемьдесят монов. А сколько он уплатил вам здесь? Не скрывайте ничего. Если утаите правду, вы только повредите Ёхэю. Говорите правду, только правду.

О-К а м э. Он заходил и сюда — в ту же ночь — и заплатил нам тоже три рё золотом и тысячу медяков.

М о р и э м о н. Какая одежда была на нем в ту ночь?

О-К а м э. Подбитый ватой халат — с короткими рукавами до локтей. Кажется, светло-синего цвета. Однако не поручусь, может статься, я запомнил вала.

М о р и э м о н

Хм! Ну ладно!
Ступай-ка к себе обратно в дом.

Р а с с к а з ч и к

И с этими словами
Он возвращается по той же
Дороге, по какой пришел,
Назад — в квартал веселья,
В Симмати.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дом торговца маслом Ситидзаэмона

Поздно вечером в тот же день

Р а с с к а з ч и к

«Святой мудрец
Вознес моление Будде:
Пусть каждой женщине
Дозволит он
Мужчиной возродиться,
Дабы обещанное им
Свершилось:
Все будут спасены —
И каждый станет буддой.
И пусть он в милосердии своем

Всем существам равно
Дарует просветленье,
Да обретут они духовный путь
И, верою сердца свои очистив,
Достигнут райского блаженства...»
Так накануне
Поминального дня
Молятся Будде
О душе
Убиенной Мёи,
Той, кто при жизни
Носила имя
О-Кити — «Счастливая»...

Заупокойные молитвы
Окончились.
Среди людей,
Собравшихся свершить поминовенье,
Старейший гость —
Почтенный
Горокуро, торговец
Бумагою для счетных книг,
Сказать он хочет слово утешения.

Горокуро. Кажется, эта беда случилась лишь
вчера или сегодня: так она свежа в нашей памяти! Но
на самом деле уже настала тридцать пятая ночь.

Не много лет усопшей было,
Всего лишь двадцать семь,
Когда ее постигла
Ужасная, насильственная гибель!
Невольно скажешь: горькая судьба.
Мы о бедняжке
Печалимся.
Но добротой с ней
Не многие могли сравниться.
И было сердце чистое о-Кити
Исполнено глубокой веры
И благодарности за все,
Чем одарил ее наш покровитель
Святой Синран...
В земной юдоли
Она прияла муки от меча,
Зато в грядущей жизни

Ее душа не будет знать мучений —
Тяжелой кары за грехи,
Свершенные в былых существованьях,
И, воспарив высоко,
Блаженно внидет в райскую обитель,
Как нам возвещено
В святом законе Будды.

Да вострепещут ваши сердца при мысли об этом несчастье, посланном свыше! Молитесь,— и с еще большим усердием призывайте имя Будды!

Ты, Ситидзаэмон,
Отчаянью не поддавайся,
Чрезмерной скорбью не круши себя.
Поверь, убийца будет скоро найден.
Теперь твоя забота —
Лелеять дочерей твоих.
И это утешением послужит
Той, что навек покинула тебя.

Р а с с к а з ч и к

Услышав эти добрые слова,
Печальный Ситидзаэмон
Неволью пролил слезы.

С и т и д з а э м о н. Да-да! Верно, верно! Я не буду предаваться отчаянию. Я постараюсь укрепить свою веру, радуясь милосердию Будды.

Во сне и наяву
Я буду призывать
Его святое имя!

Младшенькой моей, о-Дэн, всего два года. Сердце мое надрывалось от жалости к ребенку, лишенному материнского молока. На другой же день после смерти о-Кити я отослал крошку в другую семью и деньги дал, чтобы о ней хорошенько позаботились. Старшей я все подробно объяснил. Она все поняла — и теперь старается, чтобы в нашем домашнем алтаре всегда были свежие цветы и не угасали курения. Но средняя моя, о-Киё, с утра до ночи плачет и кричит: «Мама! Мама!»

Извелся я вконец
И прямо голову теряю.

Р а с с к а з ч и к

Захлебываясь горькими слезами,
Лицом прижался он к стене,
Чтоб как-нибудь рыданья заглушить.
«Еще бы!» — говорят
Все, кто собрался на поминки.
У всех глаза полны слезами,
И не найти сухого рукава...

И в этот миг
По балке потолка
Большая пробегает крыса
И рассыпает комья сажки, сора...
Она роняет лоскуток бумаги —
И прячется...

Один из гостей

Что там упало, Ситидзаэмон?

Ситидзаэмон

И впрямь, что это за бумага?

Р а с с к а з ч и к

Он поднимает небольшой обрывок.
Глядит сквозь слезы...
На половинке грязного листа
Едва заметны знаки...
Какой-то счет...
И все ж он может различить:

«десять моммэ, один бу, пять ринов... доля расхода
в Нодзаки... третий день пятого месяца...»

Ни адреса. Ни подписи,
И неизвестно,
Кто этот счет писал и для кого.
От пыли знаки потускнели
И цвет бумаги изменился.
Но бурые заметны пятна крови...
Обрывок счета? Все передают
Его друг другу. Разглядеть спешат,
Как чудо.
А вдруг... улика?

Один из гостей

А я ведь где-то видел этот почерк.

Другой из гостей. И мне тоже знакома эта рука. А-а, вот кто это писал: Ёхэй! Ёхэй из Каватия.

Несколько голосов. Да-да, верно, верно!

Рассказчик

Уже пять-шесть гостей
Готовы подтвердить,
Что этот счет
На окровавленной бумаге
Начертан почерком Ёхэя.

Ситидзаэмон. В самом деле! Покойная о-Кити говорила мне, что в одиннадцатый день четвертой луны, когда мы все пятеро, жена, я и три наших дочки, посетили нагорный храм в Подзаки, туда же отправились дружной компанией Краснорожий Дзэмбэй, Ягоро Щетка и Ёхэй из Каватия. На этом клочке бумаги — счет: доля расхода кого-то...

Быть может, этот лоскуток —
Обрывок счета —
Дает нам в руки ключ,
Чтобы найти убийцу!
В такую ночь
Вдруг крыса сбросила бумажку.
Что может знать простой зверек?
Нет! Этот знак покойная жена
Послала нам!
О, милосердный Будда!
Нам послан знак по твоему велению!
О, Наму Амида!..

Рассказчик

И он склонился низко, до земли,
Перед домашним алтарем.

*

Не раз — за эти дни —
Сюда заглядывал Ёхэй-убийца,
Чтоб выразить сочувствие свое
Семье осиротевшей... Он бы мог

Заметить, что его встречают
С невольным чувством неприязни
И что вдовец несчастный
Едва-едва с ним говорит.

И все же
Ёхэй надеялся:
Глухие подозренья,
Дурные толки он рассеет —
И не подумает никто,
Что именно Ёхэй,
Как будто полный состраданья,
Зарезал зверски женщину...
Сердца людей он плохо понимал!
Вот и теперь
Он появляется
Еще развязней,
Еще наглее, чем всегда.
Себя он громко называет.

Ё х э й. Я — Ёхэй из Каватия! Как? Сегодня уже тридцать пятая ночь? А преступник все еще не пойман? Вот поистине возмутительное дело! Чем только занята наша сыскная стража!

Но я надеюсь,
Убийца будет скоро обнаружен!

Р а с с к а з ч и к

Он сам произнес
Роковые слова.
Он подал сам
Последний знак,
Которого ждали.

И Ситидзаэмон, заткнув за пояс
Подол от кимоно,
Тяжелую хватает палку...

С и т и д з а э м о н. А! Ёхэй! Негодяй, мерзкий убийца! Это ты убил мою жену. А! Ты нарочно сюда пожаловал, чтобы мы могли тебя связать? Стой, не убежишь!

Р а с с к а з ч и к

И он с угрозой
Тяжелой палкой замахнулся.

Ё х э й. Что-что, Ситидзаэмон? Какой вздор ты говоришь! Или ты обезумел? Ну где у тебя хоть малейшая улика, что это я убил твою жену?

С и т и д з а э м о н. Молчи! Молчи! Вот видишь? Здесь счет, где записана твоя доля расходов. И место обозначено: Нодзаки, и месяц, и число! Смотри: десять моммэ, один бу, пять ринов. На бумаге — кровавые пятна. А почерк, несомненно, твой! Какие еще нужны улики? Друзья, хватайте его!

Р а с с к а з ч и к

Ёхэй невольно содрогнулся.
Он видит,
Что — наму самбо! — обнаружен он,
Что будет он сейчас же схвачен!..
Безмерное отчаянье и ужас
Вдруг разгораются в его груди,
Но он их должен погасить,
Выдавливая на губах
Подобие презрительной улыбки.

Ё х э й. Вздор! Вздор! Свет велик, много людей пишут сходным почерком. Я сам оплатил все расходы, когда мы ходили в Нодзаки. Ничего знать не знаю, ведать не ведаю о каком-то дележе расходов. В ваши солидные годы не пристало валять дурака! А вы, прочие! Что вы тут толпитесь, чего околачиваетесь? Шумите здесь без всякого толку...

С и т и д з а э м о н

Э, ты сейчас узнаешь,
Убийца, что мы сделаем с тобой!

Р а с с к а з ч и к

И он вцепляется в Ёхэя,
А тот его отшвыривает прочь!
Он снова
Бросается на дерзкого убийцу,
А тот его сшибает с ног — и топчет.
О, никогда Ёхэй
Не обладал такую мощью,
Как в этот миг, и никогда
С такую яростью он не сражался!
Он вырывает,
Выкручивает палку

Из рук рыдающего Ситидзаэмона —
И палка
Сгибается... Ёхэй
Размахивает бешено кривою
Тяжелой палкою
И с диким воплем
Бросается бежать...

Он мечется по темному двору,
Но неотступно
Толпа людей, крича:
«А! погоди, убийца! Не уйдешь!» —
Преследует его.
Опять — и вновь — и вновь
Ёхэй пытается пробиться сквозь толпу,
Найти лазейку к выходу... спастись...
И наконец он ускользает
На улицу...

Но у ворот
Стеснилась стража,
Караулят...
Начальник
Сыскной управы — сам своей персоной,
Его подручные
С веревками в руках
Хватают за ворот Ёхэя:

«Ага! теперь от нас не удерешь!»
Ему за спину скручивают руки
И пригибают голову к земле.

А вслед за стражей
Идет Тахэй, нахмутив брови,
И рядом с ним — Мориэмон.
Сурово
Он обращается
К племяннику-убийце:

Мориэмон. Сыскные чиновники стояли у ворот с той самой минуты, как ты сюда пришел, и слышали все до последнего слова, что говорилось в доме. Не отпирайся долее, как презренный трус. Да! Тебя поймали, это было неизбежно. Почти все люди, девять человек из десяти, называли твое имя, лишь только заходила

речь об этом страшном убийстве. Подумай только, что чувствовал я, твой родной дядя, когда слушал такие толки!

Но я еще надеялся в душе,
Что дам тебе возможность убежать
В далекий край,
Пока не поздно.
Или ты сам
С собой покончишь,
И собственной кровью
Ты смоешь свой позор.
И я искал тебя
В Симмати, в Сонэдзаки,
Но всюду говорили: «Он ушел!»,
«Он только что ушел!».
И — на беду твою —
Тебя нигде не удалось мне встретить:
Ты избегал меня,
Но кармы
Никто не избежит!

Тахэй, подай сюда одежду твоего брата. Смотри, вот — тот самый синий халат на вате, который был на тебе в канун Праздника мальчиков. Местами он покрыт заскорузлыми пятнами. В сыскной управе возникли сильные подозрения!

Сейчас решится все:
Ты будешь уличен
Или еще ты сможешь оправдаться.
На тонком волоске
Твоя повисла жизнь.
Эй, кто-нибудь, подайте
Сакэ, горячего сакэ!

Р а с с к а з ч и к

Он не успел договорить,
Как десять рук
Уже несут сакэ
И в миску наливают,
Чтоб разогреть его скорей, скорей!

Вот миску вешают над очагом.
Все молча, неподвижно ждут.
Вино согрелось... закипает...

Поспешно льют кипящее сакэ
На синюю одежду,
На пятна заскорузлые.
Глядят...
Струя окрасилась
В пурпурный цвет,
Она течет волною крови.

Ни брат, ни дядя
Не в силах вымолвить ни слова...
Лишь охнули от ужаса,
Лишь молча
Взглянули друг на друга...
Все кончено!

Тогда Ёхэй
Возвысил голос. Он смирился
Пред неизбежною
Расплатой —
И сознается наконец:

Ё х э й. Слушайте, люди! Всю свою жизнь был я дурным сыном, беспутным повесой. Но вором я не был. Я не украл ни листка бумаги, ни медного гроша. Иногда на полгода, иногда на целый год запаздывал я с расплатой в чайных домах, в домах продажной любви. Это не заботило меня. Но я задолжал ростовщику двести мэ новым серебром.

Когда б на ночь одну
Я опоздал
С уплатой долга, — о, тогда
Мне впятеро пришлось бы уплатить.
Я разорил бы своего отца:
Ведь я его печать
Поставил на расписке!
Да! Ужасающая карма
Подстерегла меня за то,
Что был я
Жестоким, недостойным сыном.
Я много беззаконий совершил.
Мои грехи
Застлали свет
В очах моей души...

Да! Я, Ёхэй из дома Каватия, убил о-Кити, жену Ситид-заэмона, и украл его деньги!

Амида Будда!
Смилуйся над безвинно убитой!
Смилуйся над ее убийцей!
Наму Амида Буцу!..

Р а с с к а з ч и к

И он еще моления не кончил,
А был уже надежно скручен
Крепчайшими веревками.
И руки
Заведены за спину,
И голова наклонена.
На шум
Сбежался весь окрестный люд,
И через целый город
Ёхэя
С позором волокут
На место лобное — Сэннити.
.....
На месте казни — Сэннити,
Сэннити — «тысяча дней»,
И в течение тысячи дней
Тысяча человек,
И десять тысяч человек,
И десять десятков тысяч,
И, наконец,
Все на свете узнают
О преступленье
Ёхэя.
И злая его судьба
Послужит зеркалом для поучения.
И надолго, надолго — навек
Останется в памяти всех людей:
«Ёхэй,
Убийца Ёхэй» —
Кровью запятнанное имя...

Ходзуми Икан

ПОДАРОК ИЗ НАНИВА

Записи бесед с Тикамацу о театральном искусстве

1

Вот что говорил мне Тикамацу, когда случалось посещать его много лет тому назад:

«Прежде всего надлежит помнить о том, что дзёрури предназначено для театра кукол и потому, в отличие от книжной повести (соси), все слова в дзёрури должно наделить жизнью, главной задачей полагая сценическое действие. Поскольку дзёрури исполняются в театрах, которые соперничают с Кабуки, иначе говоря, с театром живого актера, то автор пьес дзёрури должен наделить свои куклы множеством разнообразных чувств и тем самым завоевать внимание зрителя. По этой причине обычно бывает весьма трудно создать выдающееся по достоинству дзёрури.

В мои молодые лета читал я некую повесть из дворцовой жизни. И вот что там между прочим рассказывалось. Однажды во время праздника пошел густой снег. Дворцовому стражу было повелено стряхнуть его с ветвей померанца. И вдруг ветви росшей поблизости сосны отпрянули назад, словно негодуя на то, что им все еще приходится сгибаться под бременем снега. Вот мастерский мазок кисти, одушевивший бесчувственное дерево!

Разве не кажется, что сосна, обиженная предпочтением, отданным померанцу, сама по своей воле торопится стряхнуть со своих ветвей груды снега? Следуя этому образцу, и я старался вдохнуть жизнь в мои дзёрури.

Насытить чувством нужно не только повествование о

событиях или речи героев, но даже описание пейзажа в митиюки, иначе не заслужишь одобрения публики. В поэзии это зовут силой эмоционального воздействия. Например, если поэт не передает живого чувства, даже восхваляя дивные пейзажи островов Мацусима или Миядзима в своем стихотворении, то будет казаться, что глядишь на небрежно нарисованный портрет красавицы. Посему в основу моих пьес я положил чувство».

2

«Если в дзёрури встречается много «тэниха», то слог его производит впечатление низкого.

К тому же сочинители невысокого достоинства непременно стараются писать в форме «вака» или «хайкай», чередуя пять и семь слогов, отчего и приходится вводить для счета лишние тэниха. Например, когда надо сказать: «Тоси мо юкану мусмэ-о», говорят: «Тоси ва мо юкану мусмэ-о ба».

Происходит сие от желания выдержать во что бы то ни стало строгий размер. Немудрено, что дзёрури, написанное таким слогом, неприятно действует на слух. Дзёрури в самой своей основе — музыкальное сочинение, и потому, хотя в нем чередуются более короткие и более длинные стихи, длина стиха должна определяться мелодией. Если же сочинитель слишком строго следует определенному размеру, то стихи получатся не гладкими, а, как раз напротив, будут трудно произносимы. По сей причине я не слишком забочусь о размере, оттого и тэниха у меня встречается не часто».

3

«Старые дзёрури похожи на нынешние уличные баллады: нет у них ни цветов, ни плодов. Но с самого того времени, как начал я сочинять сначала для Каганодзё, потом для Тикуюнодзё, я вложил все свое сердце в мои труды, потому и удалось мне поднять дзёрури на небывалую доселе высоту.

Приведу пример. Все люди, начиная с придворной знати и воинов, различествуют между собой согласно своему положению в обществе, отчего я и стараюсь, чтобы каждый персонаж в моей пьесе вел себя и говорил,

как ему приличествует. Ведь и воины не сходны между собой: есть среди них князья и старшие вассалы, есть высшие и низшие самураи; соответственно сему я и соблюдаю разницу между ними. Сие весьма важно, ибо помогает сказителю правдиво выразить чувства каждого персонажа».

4

«Дзёрури стремится изобразить житейское явление (дзицугото) как подлинное, но вместе с тем в пьесе оно становится явлением искусства и перестает быть просто фактом действительности. В нынешних пьесах нередко в уста «оннагата» вкладываются слова, каких женщина никогда не произносит в подлинной жизни. Этого требует искусство. Именно благодаря тому, что женщина никогда на самом деле не может произнести подобные слова, и удается драматургу раскрыть чувства героини во всей их полноте. Если бы автор старался изобразить женщину в точности такой, как в жизни, то он не мог бы показать ее подлинные, на дне ее души скрытые чувства. Такая пьеса не доставит радости (нагусами) зрителю.

Кроме того, нередко изображают злодея уж слишком трусливым или шута чрезмерно смешным. Надо смотреть на это не как на житейское явление, а как на явление искусства».

5

«Иные сочинители думают, что для дзёрури самое главное — чувство горести (урэи), посему часто пишут: «Увы! О, печаль!», а сказители, чтобы растрогать зрителей, исполняют сие рыдающим голосом, словно «бунъябуси».

Это чуждо моему слогу. Чувство горести в моих пьесах возникает само собой, в ходе драматического действия. Все элементы искусства дзёрури подчинены драматическому действию, и если надо выразить печаль, то чем суровой будут напев и слова, тем сильнее будет выражено чувство печали. Если же печальное прямо именовать печальным, то слово теряет свой глубинный смысл, а под конец исчезает и чувство печали. Нужно не говорить: «Грустно, печально!», а дать почувствовать печаль без слов.

Вот, например, если мы начнем громко восторгаться при виде Мацусимы: «Ах, какая красота!», то в этом одном восклицании исчерпаем все, что можно сказать о прелести Мацусимы, но цели так и не достигнем. Нет, желая достойно похвалить прекрасный вид, надо косвенным образом говорить о разных его особенностях, а отнюдь не называть его прекрасным. Тогда красота Мацусимы почувствуется сама собою. Сие верно для многих вещей подобного рода».

6

«Некто сказал: «Люди нашего времени не хотят смотреть пьес, если они недостаточно разумно обоснованы и не похожи на правду. В старых рассказах попадает много таких вещей, которых не примет нынешний зритель. Вот почему игра актеров Кабуки признается искусной, если она напоминает подлинную жизнь. Актеры стараются играть так, чтобы вассал на сцене походил на настоящего вассала, а князь — на князя. Зритель не потерпит ребяческой бессмыслицы, какой нередко грешили в старые времена».

Тикамацу ответил на это: «Подобный взгляд на искусство кажется верным, но он обличает незнание его подлинных средств. Искусство находится на тонкой грани между правдой («тем, что есть») и вымыслом («тем, чего нет»). В самом деле, поскольку наш век требует, чтобы игра напоминала жизнь, артист и старается верно скопировать на сцене жесты и речь настоящего вассала, но, спрашивается в таком случае, разве настоящий вассал князя мажет свое лицо румянами и белилами, как актер? И неужели публике понравилось бы, если бы актер отрастил себе бороду, обрил голову и в таком виде вышел на сцену, ссылаясь на то, что подлинный вассал не находится на грани правды и вымысла. Оно — вымысел и в то же время не совсем вымысел; оно — правда и в то же время не совсем правда. Лишь на этой грани и рождается наслаждение искусством.

По этому поводу можно рассказать следующую историю.

У одной придворной дамы был возлюбленный. Они любили друг друга со всем пылом страсти, но дама обитала в глубине дворцовых покоев, и возлюбленный

не мог посещать ее. Лишь изредка в торжественных случаях могла она видеть его сквозь щели занавеси, и так тосковала по нем, что велела изготовить его деревянное подобие. В отличие от обыкновенных кукол оно ничем не нарушало сходства. О цвете лица и говорить нечего, так верно он был соблюден. Даже поры на коже, даже отверстия в ушах были в точности изображены, и количество зубов во рту было то же.

И поскольку мастер создавал сие подобие в присутствии того, кого он должен был изобразить, то человек и кукла лишь одним отличались друг от друга: в человеке была душа, а кукла была лишена оной.

Когда же дама увидела сие подобие, столь верно изображавшее живого человека, то интерес ее остыл, а на душе стало жутко и тяжело. Скоро остыла в ней и любовь, а кукла стала так противна, что дама выбросила ее.

Отсюда видно, что, если сделать совершенное подобие живого существа, будь то сама красавица Ян Гуйфей, подобие сие скоро наскучит.

Когда же, рисуя картину или вырезая из дерева статую, художник передает действительный образ правдиво, но в обобщенных чертах, как велит ему изображение, то это обычно нравится всем людям.

Надо, таким образом, чтобы изображение походило на действительность, но было сделано в обобщенных чертах. Лишь тогда станет оно явлением искусства и принесет радость сердцам людей.

Театральные пьесы, написанные с пониманием этого, чаще всего стоит посмотреть».

Комментарии

Пьесы (ёкёку) театра Но в списках, предназначенных для актеров, обильно снабжены режиссерскими указаниями. В нашем переводе сохранено лишь необходимое.

Для удобства читателей мы указываем имена действующих лиц. В оригинале указаны лишь амплуа (ситэ, ваки и т. д.).

Опущены специальные указания для оркестра, а также для актера (темп, ритм, тембр голоса — высокий или низкий), однако смены темпоритма по возможности учтены в переводе.

Каннами Киёцугу

ГРОБНИЦА КОМАТИ

Текст и музыку к этой одной из ранних пьес театра Но написал, видимо, Каннами Киёцугу.

Название пьесы в оригинале: «Сотоба Комати», что означает «Оно-но Комати у ступы». Ступа — из дерева, глины или камня разной величины — устанавливалась над священным захоронением или в честь какого-нибудь святого, или же как знак благочестия. Облик ступы описан в речах персонажей пьесы. Вокруг ступы и разыгрываются коллизии сюжета. Японские исследователи указывают на несколько народных легенд, легших в основу пьесы: легенда о бессмертии Оно-но Комати; рассказ о том, как нищенка посрамила в споре ученых монахов; так называемая «легенда о ста ночах». Сюжет пьесы связан с именем Оно-но Комати.

Оно-но Комати (середина IX в.) — выдающаяся поэтесса, одна из основательниц классической танка-пятистишия. Академик Н. И. Конрад писал: «Комати славится не только как поэтесса, она знаменита на все века как образец женской красоты, и о чем вспоминают больше, когда говорят о ней теперь, установить трудно: так слились в ее образе эти два качества —

поэтическое искусство и красота». Добавим, что имя ее в японском языке стало нарицанием красавицы. Биография Комати до нас не дошла. Но судьба ее, в неразрывной связи с замечательными стихами о любви, безоглядной и печальной, ее дивная красота произвела столь глубокое впечатление на современников, что вокруг ее имени стали складываться легенды. Уже в книге Сэй-Сенагон «Записки у изголовья» (конец X в.) о Комати говорится в связи с историей смерти молодого Фукакуса. Между тем литератор Фудзивара Киёцунэ (XII в.), рассказывая эту историю, не называет героев по имени, и конец у нее другой: кавалер не приходит на сотую ночь, так как у него внезапно скончался родитель.

Казалось бы, реальная Комати почти ничем не связана с героиней пьесы. И тем не менее всем своим обликом — воплощением хэйанского эстетизма, всей своей поэзией, проникнутой тонким ощущением красоты мира, она именно как поэт, как тип поведения органично существует в пьесе, написанной много веков спустя. Философию пьесы нельзя свести к какому-то определенному направлению в буддизме, но несомненно большое влияние дзэн-буддизма с его склонностью к парадоксальным путям открытия истины, с его приятием жизни как сферы поиска высшего бытия, — истины, открывающейся как внезапная красота среди страдания, искажающего жизнь до гротеска. Оно-но Комати выражает эти идеи в споре (мондо) с монахами об истинной святости и святости ступы. Она размышляет свободно, для нее наличное существование ступы и святость ступы связаны, но это не одно и то же. Истина не нуждается в материальной подпоре, недаром в конце «спора», который в конечном счете не спор, а совместное выяснение истины, цитируются знаменитые слова Хуэй-нэна, основателя китайского дзэн-буддизма: «Просветление-бодхи не растет на дереве бодхи...» Их произносят Комати, первый монах и хор. Завершением этой темы в пьесе (и это знаменательно для классической японской культуры) является озорное пятистишие, сказанное Комати с мгновенной легкостью, с истинной свободой. Но вновь в пьесе звучит мотив кармы — мотив возмездия за наслаждение красотой, земной жизни как цепи страданий. Карма настигает Оно-но Комати как бессмертная страсть молодого Фукакуса, мучимого обидой. Две части пьесы словно связаны словами «девяносто» и «сто»: возрастом Комати и числом ночей ожидания Фукакуса. Словно колесо возмездия, вращается время героев пьесы от сумерек к ночи...

Перевод пьесы осуществлен по книгам серии: «Нихон котэн бунгаку тайкэй», изд-во «Иванами», 1956—1960.

Стр. 33. *Обитель Алмазная Твердость на святой горе Коясан* принадлежит буддийской секте Сингон. *Прежний Будда* — Будда Гаутама, провозгласивший четыре благородные истины: жизнь есть страдание; источник страдания — привязанности и желания; чтобы уничтожить страдания, надо отрешиться от желаний; достичь истины, истинного бытия в нирване есть путь к достижению истины. *Грядущий Будда* (Мироку — с а н с к р. Майтрея) явится в мир, чтобы спасти все живое через многие-многие миллионы лет. Существование людей до этого срока — сон меж времен.

Стр. 35. *Плавучей, плакучей травы...* — В несколько измененном виде приводится часть стихотворения Комати: «Оборваны корни // Плавучей, плакучей травы... // Так и я бесприютна. // С легкой душой поплыву по теченью, // Лишь только услышу — плыви».

Стр. 36. *Стоярусный терем, Облачная Обитель, Гора Просторных Чертогов* — метафоры императорского дворца. *Любви Могила, селение Птичьи Крылья, Гора-осень* находятся близ столицы.

Стр. 39. *Дайба* всячески мешал распространению Закона Будды, но Будда предсказал, что когда-нибудь тот достигнет Благою Истину (нёрай). *Каннон* — см. примеч. к с. 322.

Хандоку, или Сюрихандоку. — См. примеч. к с. 403. *Мондзю* — бодхисаттва Манджушри, олицетворение созерцания, мысли, знания.

Стр. 41. *Дочь Оно-но Ёсидзанэ...* — Подлинное происхождение Оно-но Комати неизвестно. *Дэва* — провинция на северо-востоке острова Хонсю. *Созидала искусно китайские строфы...* — По воззрениям тех времен, японские стихи (танка) были высказыванием сердца, тогда как китайские — построением духовного разума.

Стр. 42. *Черты единой...* — Здесь приводятся первые три строки из стихотворения в шестьдесят третьей новелле «Исамоногатари»: морская трава «девять-на-девять» (цукумо) белого цвета — если к иероглифу «белый» добавить одну горизонтальную черту, получится иероглиф «сто».

Стр. 44. *Пускай надзирает над Заставою Встреч // Бессонный сторож...* — В пятой новелле «Исэ-моногатари» приведено стихотворение: «О ты, страж заставы // на моей тропе, // неведомой людям, — // если бы каждый вечер // ты засыпал...» (перевод Н. И. Конрада). *Хакама* — длинные пышные шаровары, часть костюма хэйанского аристократа. *Ветром набок заломлена // Черная шапка...* — Имеется в виду кадзаоризбоси (дословно: «ветром сломленная шапка»).

Стр. 45. Праздник *Нового Урожая* отмечался в день Дракона в середине одиннадцатой луны. В этом месте игра слов: «тоё» означает «богатство, довольство, обилие» и — «десятая ночь».

В. Санович

Дзэами Мотокиё

ТАКАСАГО

Текст и музыку к этой драме, одной из самых знаменитых в истории театра Но, сочинил, как предполагают, Дзэами Мотокиё. Исполняли ее обычно в начале программы. Поскольку сосна в Японии — символ долголетия и процветания, пьеса имела благожелательный смысл. В основу ее положена легенда о двух соснах-супругах. В предисловии к поэтической антологии «Кокинсю» (начало X в.) сказано: «...сосны в Такасаго, в Суминоэ подобны мужу и жене, стареющим вместе». См. примеч. к с. 50.

Легенда эта несколько напоминает древнегреческое сказание о любящих престарелых супругах Филемоне и Бавкиде. До сих пор на свадебных церемониях поют слова хора из «Такасаго»: «На четырех морях тишина...»

Такасаго — название местности («Песчаные Холмы»), находится в провинции Харима (ныне префектура Хёго) на побережье Внутреннего моря, в центральной части острова Хонсю. Сумиёси (более древнее название — Суминоэ) — берег в провинции Сэтцу (ныне префектура Хёго) возле Осацкого залива на Тихом океане. Здесь стоит синтоистский храм Сумиёси, посвященный трем божествам: морской глубины, средней части и поверхности моря. Часто их представляют как единого бога Сумиёси — покровителя моряков и японской поэзии. В пьесе сосна Сумиёси — одно из его воплощений.

Согласно старинным брачным обычаям, восходящим еще к родовому строю (брак «цумадои»), муж посещал свою жену и уходил на рассвете. Сосне Суминоэ предстоял далекий путь по волнам — до берега Такасаго.

Стр. 47. *Главный жрец храма Асо.*— Асо — большой синтоистский храм в нынешней префектуре Кумамото. Оттуда до побережья Харима надо было совершить нелегкое в те времена путешествие по морю, чтобы далее направиться сухим путем до столицы (ныне город Киото).

Стр. 48. *Весенний ветер...*— Танка написана на тему стихотворения поэта Оэ-но Масафуса (1041—1111): «На вершине холма // Возле берега Такасаго // Колокол загудел. // Верно, на зимнем рассвете // Иней холодный выпал?» *Колокол Оноэ.*— Знаменитый колокол Оноэ находился неподалеку от Такасаго в сосновой роще возле нагорного синтоистского храма Оноэдзиндзя. В колокол били, призывая к вечерней и утренней молитве. Согласно легенде, он звучал сам собой от предрасветного холода.

Стр. 49. *Кого в целом мире теперь...*— пятистишие-танка поэта Фудзивара-но Окикадзэ, помещенное в антологии «Кокинсю». Конец слегка видоизменен. *Лишь голос сердца мы назовем...*— «Голос сердца» здесь — синоним поэзии, берущей свое начало в человеческом чувстве.

Стр. 50. *Растет на вершине сосна Оноэ...*— Сосна Оноэ прославлена в японской поэзии. Здесь в повествование влетает рассказ о других знаменитых соснах. *Так ли долго, как соснам Ики // Неувядаемой славы?* — В местности Ики-но мацубара («Сосновая роща Ики») растут древние сосны. По преданию, они выросли из веток, посаженных в землю императрицей Дзингу (III в.) перед ее походом в Корею. «Ики» означает «жить», отсюда стихи получают двойное значение: топонимическое и смысловое. *...зовут «дружной супружеской четой»* — так называются две сосны, красная и черная, стволы которых срослись вместе, а также сосны-супруги Такасаго и Суминоэ. В поэзии — символ супружеской любви.

Стр. 52. *Мириады листьев «Манъёсю»*... — Знаменитая антология «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), то есть древняя поэзия, как бы воплотилась в образе сосны Такасаго. Антология «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен») появилась в 905 г., то есть в годы правления Энги (901—923), когда царствовал император Дайго. Следовательно, действие пьесы совершается в начале X в., в седую старину, однако все пожелания долголетия и мира адресованы императору «наших дней». Реального властителя, сёгуна, в пьесах Но явно никогда не восхваляли, он лишь «скрытый адресат» славословий, ибо официально считался «первым из подданных». Союз сосен знаменовал собой союз древней и новой поэзии, обеспечивающий гармонию и мир в государстве, а также, согласно учению китайской философии, двух миротворческих элементов Инь и Ян (женского и мужского начала, света и тени и т. д.). *Не увянут родные песни* — иначе говоря, японские танка. *Все озаряя, льется свыше...* — Согласно одной из буддийских священных книг, Будда смягчает свой свет, чтобы смешаться с земным миром и помочь людям.

Стр. 53. *Всегда на ветках, обращенных к югу...* — В китайском стихотворении Сугивара Фумитоки, помещенном в антологии «Синсэн вакан роэйсю» (ок. 1100), говорится: «Роса тепла. Цветы на южных ветках // Уж начинают распускаться». Речь идет, видимо, о сливовых деревьях.

«Цветет она десять раз...» — Так как, согласно древнему поверью, сосна цветет раз в тысячу лет, то, следовательно, государю сулят долгий век в десять тысяч лет. *На ветках ее блестят...* — В предисловии к «Кокинсю» сказано: «Песни Ямато! Вы вырастаете из одного семени-сердца и разрастаетесь в мириады лепестков речи — в мириады слов» (перевод А. Е. Глускиной). *Ямато* — древнее название Японии. *И все, что на свете живет...* — В предисловии к «Кокинсю» говорится: «Что же из всего живого, из всего живущего не поет своей собственной песни?» *Но ведь некогда Тёно сказал...* — Тёно — китайское чтение японского имени Нагато. Фудзивара Нагато — поэт XI в. В его трактате о поэзии есть такие слова: «Весной лес колеблем восточным ветром. Осенние цикады звенят в северной росе. Обо всем могут рассказать песни Ямато. Все наделенное чувством и все не наделенное чувством одинаково побуждает любовь к поэзии».

Стр. 55. *Некогда циньский император...* — В «Исторических записках» китайского историка Сыма Цяня (145 — 86 гг. до н. э.) повествуется, что циньский император Ши Хуанди

(III в. до н. э.) взошел на гору Тай и спасся там под сосной от налетевшей бури. Ветви сосны чудесным образом выросли и защитили его. За это он пожаловал сосне придворный титул. *Как вьющийся длинный плющ...* — Имеется в виду эвонимус японский В предисловии к «Кокинсю» говорится: «...иглы вечных сосен — они не знают смерти; дикий плющ далеко вьется...»

Стр. 56. *Интермедия.* — Текст ее несколько сокращен. Опушены цитаты из классических книг, которые щедро приводит кёгэн, повторяя и развивая поэтические темы первого действия. Обычно в сборниках пьес театра Но тексты интермедии вообще не приводятся. *Авадзи* — остров, который лежит у входа в Осацкий залив. *Наруо* — город возле дельты Муко (провинция Сэтцу), теперь входит в состав города Нисино-мия.

Стр. 57. *...появляется бог храма Сумиеси...* — На нем маска благородного молодого человека, черноволосый парик, венец и роскошный наряд. «*Даже я и то не пойму...*» — Здесь в слегка измененном виде помещены две танка из лирической повести «Исэ-моногатари» (начало X в.), приписываемой известному поэту Аривара-но Нарихира. В сто семнадцатой новелле говорится: «В давние времена микадо свой выезд совершить изволил в Сумиёси (следует первая танка.— *В. М.*). И божество само появиться изволило (следует вторая танка.— *В. М.*)». (См.: Исэ-моногатари. Лирическая повесть древней Японии. Перевод и предисловие Н. Конрада.— Всемирная литература. Пг., 1921, с. 141). *Из Западного моря восстал...* — В стихотворении Урабэ-но Канэнао, помещенном в антологии «Дзоку-Кокинсю» (1265), говорится: «О, Западное море! // Здесь из морских глубин // У берега Аоки-га-хара // Впервые появился // Сам бог великий Сумиёси». *Аоки* («зеленое дерево») — аукуба, вечнозеленый кустарник; *Аоки-га-хара* («Равнина зеленых деревьев») — как бы вызывает в памяти зеленую сосну. Возле этой равнины, согласно древнему мифу, родились из моря божества Сумиёси, когда прародитель богов Идзанаги омылся в море, чтобы очиститься от скверны. Таким образом, морской бог и зеленое дерево — сосна изначально связаны между собой. *...возле мелкой гавани Асака...* — Эта гавань находится вблизи храма Сумиёси. «*Я склонился на сосны корни вековой...*» — китайское стихотворение, сочиненное японским поэтом Татибана-но Арицура, помещено в антологии «Вакан рэйсю» (1013).

Стр. 59. «Волны синего моря» — классический танец бугаку континентального происхождения (из Китая или Кореи). Музыка его дошла до наших дней. «Возвращение в столицу» — классический танец бугаку, исполнялся на придворных торжествах. *Одежды танцоров Оми* — одежда, которую надевали придворные танцоры и танцовщицы на больших торжествах. Это белая одежда, богато украшенная растительным орнаментом, — отсюда связь с зеленой сосной.

«Тысячекратная осень». — Музыка танца создана Минамото-но Ериёси по случаю коронавания императора в 1069 г. Название это сулило государю долгую жизнь. «Танец долгих веков». — Музыка этого классического танца приписывается китайской императрице Ву (623 — 705), принадлежавшей к Танской династии.

В. Маркова

ГОРНАЯ ВЕДЬМА

Пьесе «Горная ведьма» («Ямамба») приписывают Дзэами Мотокиё, но точных данных, подтверждающих его авторство, не существует. Возможно, она плод коллективного творчества.

«Горная ведьма» принадлежит к «пьесам финала», в которых обычно выводится сверхъестественное существо. В пьесе показаны два танца на одну тему (пляска горной ведьмы), но контрастирующие между собой.

Сначала танцовщица-сирабёси исполняет изящный столичный танец — куэмаи, потом пляшет «настоящая» ведьма. Танцы-пантомимы сопровождалась пением и музыкой.

В основу сюжета положены народные легенды о «горных ведьмах» — ямамба. Вначале ямамба была, видимо, божеством гор и приносила людям счастье. Поклонение ей было связано также с культом предков, недаром часто о ней говорилось, что груди ее полны молока. Впоследствии, как это бывает со старыми богами, образ ее был переосмыслен, она стала людоедкой, зловещим чудовищем волшебных сказок. Ямамба в сказках подстерегает путников в глубинах гор. В интермедии «сельский житель» рассказывает гротескные легенды о том, как возникают ведьмы-оборотни. Разумеется, рассказы эти шуточные, с забавной игрой слов, но в японском фольклоре бытует много легенд, как звери, растения или вещи (обычно очень старые) превращаются в страшных оборотней.

В пьесе народные легенды переработаны в буддийском духе. Горная ведьма — это символическое воплощение земных

страстей, она обречена блуждать в «нечистом мире праха», привязанная к земному существованию. Но, согласно буддийской философии, после освобождения от иллюзорного мира феноменов, при переходе в высший мир абсолютной истины, каждое существо вернется к своему подлинному истоку, ибо «в каждом изначально живет будда». Горная ведьма тоже стремится вырваться из круга перерождений и достигнуть нирваны, а пока ее мятет вихрь земных желаний, и она вечно блуждает по горам.

Стр. 60. *Хякума Ямамба*. — Слово «хякума» толкуется по-разному: «сто демонов» или «миллион». В XIV в. действительно существовала знаменитая танцовщица-сирабеси по прозвищу «Хякуман». *Храм Светоносного Будды* — Дзэнкодзи, храм в провинции Синано. Чтобы попасть туда, путники должны были миновать трудный перевал в северных горах Агэро.

Стр. 61. *Озеро Сига* — иначе: озеро Бива. *Горы Арати*. — Путь паломников к северу лежал через горы Арати, расположенные на границе между старыми провинциями Оми и Этидзэн. *Мост «Жемчужный поток»* («Тамаэно хаши») находился в провинции Этидзэн. Знаменитая *сосна Сиокоси*, воспетая поэтом Сайгё (XII в.), росла на морском мысе возле синтоистского храма в провинции Этидзэн. Прославленные сосны в местности *Атака* в провинции Кага упомянуты в популярной средневековой эпосе «Гикэйки» («Повесть о Минамото Ёсицунэ»). *Горы Тонами сверкнул острый край* — // *Словно Амида меч свой поднял...* — Гора Тонами в провинции Эттю — скалистая, с острыми вершинами. Считалось, что владыка Западного рая Будда Амида (с а н с к р. Ами табха) отпускает грехи. *Коси* — старинное название Северного края, в состав которого входили три провинции: Этидзэн, Эттю и Этиго. Через этот край вела дорога Коси (Хокайдоская дорога). *«Река порубежная»* (Сакаигава) протекала на рубеже между провинциями Эттю и Этидзэн, там же находилась одноименная деревня.

Стр. 62. *«Чистая земля»* (Дзёдо), или Западный рай Будды Ами табхи, находится, по средневековым буддийским воззрениям, в той стороне, где садится солнце. Там блаженные души

ожидают нирваны в прекраснейшем саду, посреди которого высится гора Сумэру. В «Сутре Амитабхи» сказано: «Чистая земля» лежит за пределом десяти мириад «буддийских миров», и зовется она Страной высшего блаженства» Буддийская космография учит, что земной шар (владение Будды Сакья-Муни) отделен от «Чистой земли» десятью мириадами миров, в каждом из которых правит свой особый будда.

Стр. 63. *«Зло и добро бытия...»* — Этические категории добра и зла исчезают в нирване, которая в философском смысле является единым абсолютom. *Чтобы мне ускользнуть из круга...* — Согласно буддийским воззрениям, все сущее на земле скитается по шести дорогам в зависимости от кармы: три дороги адских мук (ад, преисподняя голода, Асура, где вечно идут сражения и войны), дороги животных, людей и небесных существ. Некоторые секты буддизма (например, Тэндай) причисляют к этому даже неодушевленный мир. Вырвавшись из круга перевоплощений, душа достигает нирваны, она возвращается к высшему началу, которое изначально заложено в каждом существе.

Стр. 66. *«Крокодиля пасть»* — род гонга, который вешают перед храмом. Внизу у него отверстие вроде пасти. К гонгу подвешена сеть. Дергая за нее, раскачивают гонг и заставляют звучать.

Стр. 68. *Словно чару на Празднике песен...* — Согласно древнему обычаю хэйанской эпохи, в саду императорского дворца в третий день луны устраивался «Пир извилистого потока». По воде пускали плыть чары, полные вина. Участникам пира, которые сидели вдоль берега ручья, надо было сложить стихотворение, пока чара доплывет, потом поймать ее, осушить и вновь пустить по течению. *...появляется горная ведьма...* — На актере маска и парик ведьмы. Посох с ручкой в виде молотка обвит зелеными листьями.

Бичами хлещут мертвые кости свои... — Эта буддийская легенда восходит к сутре «Притчи царя Ашоки». Часто упоминалась в средневековых японских книгах, например, в «Повести о доме Тайра». Грешные души хлещут бичами свои мертвые кости, обвиняя себя в содеянном при жизни зле. *Зимний лес* — название кладбища в царстве Магадха в Индии. Мерт-

вые тела оставляли там непогребенными в жертву тлению. Души же праведников сходят с небес, чтобы воздать почитание своим останкам.

Стр. 69. *Красным черепицам на кровле... Где грозятся лики чертей.*— На обоих концах кровли помещали черепицы с изображением страшных демонских ликов (род горгульи). *Некогда в старину...*— В лирической повести «Исэ-моногатари» (новелла шестая) рассказывается, что мужчина похитил даму в дождливую ночь, когда гремел гром. В крошечной тьме демон проглотил ее одним глотком, и мужчина в отчаянии сложил стихотворение: «То белый жемчуг или что?» — когда спросила // у меня она, // сказать бы мне: «Роса» — и тут же // исчезнуть вместе с нею...» (перевод Н. Конрада).

Стр. 70. *На тысячу золотых не променял бы...*— Китайский поэт Су Дунпо (1036—1101) сказал в стихотворении «Весенняя ночь»: «Весенней ночи единственный миг // Стоит тысячи золотых. // Цветы чистейший льют аромат. // Подернута дымкой луна». *Но закону единому Будды...*— Здесь путем непереводимой игры слов цитируется танка, помещенная в поэтической антологии «Госюисю» (1086): «И здесь, в стране Цу, // В гавани Нанива, // Вездесущ Будды закон. // Слышу, пляшет он, // Веселится...»

Стр. 71. *Заоблачная гора...*— В предисловии к «Кюкинсю» сказано: «Как высокая гора, что начинается с пылинки подножья и простирается ввысь до небесных облаков...» (перевод А. Е. Глускиной). *Словно безмолвия голос...*— Китайский философ Чжуан-цзы (IV в. до н. э.) сказал о совершенномудром муже: «Он видит во тьме и слышит безмолвное; он единый может узреть рассвет во тьме и услышать музыку в безмолвном». *Пожелала некогда дева...*— В «Сутре о семи девах» повествовалось, что некогда к ним спустился сам бог Брахма и спросил, что они желают. Третья из них пожелала найти такую долину, где самые громкие звуки не будили бы эха. В последующих обработках притчи ей приписали желания других дев: дерево без корней и листьев, такое место, где не было бы ни света, ни тени, и т. д.

Стр. 72. *Впереди бесконечное море...*— Это переложение китайских стихов, находящихся в эпосе XIII в. «Гэмпэй сэйсуйки» («Сказание о расцвете и падении домов Минамото и

Тайра»). Их написал на ширме один опальный сановник. *Карающий бич, в траве истлевая...* — Китайское стихотворение японского поэта Оэ-но Отондо, помещенное в антологии «Вакан рэйсю», восхваляет мудрое правление, когда ненужный бич рассыпался, зарос травами и как бы разлетелся стайей светляков. В Древнем Китае подданные били в *барабан увещания*, когда были недовольны действиями государя. *В самом сердце гор...* — Здесь смонтированы две цитаты: о кукушке — танка из антологии «Кокинсю», о стуке топора — из стихотворения китайского поэта VIII в. Ду Фу.

Стр. 73. *«Весной зеленеет ива...»* — Цитата из стихотворения китайского поэта Су Дунпо.

Стр. 74. *Если выпадут вдруг...* — Стук вальков, которыми выбивают белье в осеннюю ночь, — одна из традиционных тем классической поэзии Китая и Японии. Он звучит особенно уныло.

В. Маркова

КИЁЦУНЭ

Сюжет пьесы связан с событиями второй половины XII века — того бурного периода в истории Японии, когда шла яростная борьба за власть между двумя могущественными кланами Минамото и Тайра. Тайра пришли к власти в 1156 году и более двадцати лет правили страной, успешно подавляя недовольство и открытые выступления сторонников Минамото. Но с 1181 года, после смерти своего могучего предводителя Киёмори, род Тайра начинает утрачивать свое былое могущество и в конце концов падает под натиском Минамото.

Пьеса воскрешает события, происшедшие после изгнания Тайра из столицы незадолго до их окончательного уничтожения войсками Минамото.

Герой пьесы Киёцунэ — один из ведущих полководцев Тайра, внук могучего Киёмори. Легенда о его самоубийстве после пророчества бога Хатимана заимствована автором пьесы из «Повести о доме Тайра» (начало XIII в.; см. перевод на русский язык И. Львовой. М., Художественная литература, 1982) и «Сказания о расвете и падении Минамото и Тайра» (XV в.).

Стр. 78. *Девятивратный град.* — Имеется в виду столица. Сначала словом «девятивратный» называли императорский дворец, построенный по образцу китайского и имевший девять ворот, символизирующих девять небесных сфер. Позже слово «девятивратный» стало употребляться и для обозначения столицы вообще.

Янаги-но ура — бухта на восточном побережье провинции Будзэн (современная Фукуока).

Стр. 79. *Цукуси* — древнее название острова Кюсю или его восточной части. На Цукуси бежали изгнанные из столицы Тайра.

Стр. 80. *Скрываясь от недобрых глаз...* — После изгнания Тайра из столицы жена Киёцунэ по настоянию своего отца осталась там и вынуждена была скрывать от людей, что родственные узы связывают ее с одним из Тайра. *Сусуки* (микант) — одна из «семи осенних трав», символ запустения. *И не скрывает имени она...* — В японской поэзии, когда речь идет о крике кукушки, очень часто употребляется глагол «наноринаку» — «петь, называя имя». Смысл здесь таков: «Теперь я буду плакать открыто, не страшась, что люди узнают, кто я, так же, как эта кукушка, которая не скрывает своего имени». «*Стоит взглянуть...*» — В «Сказании о расцвете и падении Минамото и Тайра» есть упоминание о том, что Киёцунэ послал оставшейся в столице жене прядь своих волос. Она же отослала их обратно, сопроводив приведенным в песне стихотворением.

Стр. 81. *Пусть одинокое расскажет изголовье...* — Образ, основанный на стихотворении Минамото Масамити из антологии «Сэндзайвакасю» (1187): «Таюсь я от людей, // Но о любви моей знает // Одинокое изголовье. // Каждую ночь в тоске // Орошаю его слезами». «*Снов суетных не видит...*» — цитата из поучений китайского монаха Хуэй (1089—1163). «*О, если пыль тцеты...*» — строки стихотворения дзэнского монаха Мусо Кокуси (1275—1351). «*Однажды во сне...*» — стихотворение Оно-но Комати из антологии «Кокинсю» (начало X в.).

Стр. 83. «*Прощальный дар!*» — В измененном виде цитируется стихотворение неизвестного автора из «Кокинсю»: «Прощальный дар! // Врагом едва ль не злейшим // Стал он

теперь. // Не будь его, забвение ко мне // Пускай на миг, но все-таки пришло бы».

Ямага — место в провинции Тикудзэн (нынешняя Фукуока) на Цукуси, где разбили свой военный лагерь Тайра. *Хатиман* — бог воинов, обожествленный древний японский император Одзин (?—310), покровитель рода Минамото В *Уса* (на Цукуси) находится один из основных посвященных ему храмов.

Стр. 84. «*Осенним вечером...*» — В «Повести о доме Тайра» это стихотворение произносит дядя Киёцунэ, Тайра Мунэмори, незадолго до описываемых событий получивший звание тюнагона (советника 2-й степени). Настоящим же автором его является Фудзивара Сюдзэй (антология «Сэндзайвакасю»). *Нагато* — южная часть острова Хонсю, примыкающая к Кюсю (современная префектура Ямагути). *Хогэн* и *Дзюэй* — названия годов правления: 1156—1159 и 1182—1183. Годы Хогэн отмечены расцветом рода Тайра, годы Дзюэй — постепенным упадком рода и полной потерей власти в 1183 г.

Стр. 85. «*Буду я // Лишь с правым!*» — Считается, что бог войны Хатиман дал обет быть всегда на стороне справедливых. В «Дзиккинсё» («Собрание десяти наставлений», 1252) говорится: «Великий Хатиман изволил дать обет, что он лишь в справедливой голове найдет себе прибежище». «*Меня с собою ты возьми...*» — Обращаясь к скользющему на запад месяцу, Киёцунэ просит взять и его в Западный край, туда, где находится «Чистая земля» (буддийский рай).

Т. Соколова-Делюсина

ТАДАНОРИ

«Таданори» принадлежит к циклу пьес о душах погибших воинов. В спектакле театра Но эта пьеса обычно игралась второй после «пьесы о богах».

Сюжет взят из легенд о борьбе феодальных кланов Тайра и Минамото, закончившейся в XII веке разгромом и гибелью Тайра. См. в эпосе «Повесть о доме Тайра» главу 14-ю в 9-м свитке «Гибель Таданори». (Повесть о доме Тайра. Перевод со старояпонского И. Львовой. М., Художественная литература, 1982, с. 426—427.)

Тайра-но Таданори (1144—1184) — младший брат главы рода всесильного Тайра-но Киёмори, правитель провинции Сацумэ. Убит в битве при Итинотани в 1184 году сорока лет от роду, но в песне изображен юношей.

Стр. 87. *Сюндзэй* — поэтический псевдоним Фудзивара-но Тосинари (1114—1204), одного из составителей императорской антологии «Сэндзайсю» («Сборников стихов тысячелетия», 1187). Известнейший поэт конца хэйанской эпохи, он развил особый стиль югэн (тайная, скрытая в глубинах красота).

Западная страна — провинции к западу от Киото.

«*Южный дворец*» в Тоба (ныне город в префектуре Миэ), где жили после отречения от престола император Сиракава (XI—XII вв.) и Тоба (XII в.).

Ямадзаки (б у к в. «Горный отрог») — город на реке Ёдо, к юго-западу от Киото, где кончался столичный округ.

Стр. 88. *Сэкидо* — старинная застава и селение к западу от Ямадзаки.

Акутагава — река, впадающая в реку Ёдо.

Равнина Ина некогда существовала возле современного города Инано в префектуре Осака.

Озеро Коя лежит к северу от равнины Инано. Воспето в японской поэзии.

Гора *Арима* — часть горной цепи на берегу Внутреннего Японского моря между Осака и Кобэ.

Нанива — старинное название г. Осака.

Залив Наруо — часть Внутреннего Японского моря возле г. Кобэ.

Сума — морское побережье возле г. Кобэ, славится красотой своего пейзажа, особенно во время полнолуния.

Стр. 89. *Ведь недаром молвил поэт...* — Имеется в виду известный поэт Аривара-но Юкихира (818—883), сосланный на берег Сума.

Стр. 91. *Итинотани* — место жестокой битвы между войсками Тайра и Минамото, расположено было между горами Рокко и Внутренним Японским морем. Минамото-но Ёсицунэ, полководец вражеской армии, внезапно спустился с крутого горного склона и разбил войско Тайра наголову.

Стр. 92. *«Только закон»*.— Имеется в виду «благой закон» буддийского вероучения (с а н с к р. дхарма).

Стр. 93. *Господин Тэйка* — поэтический псевдоним, сын Фудзивара-но Тосинари (Сюндзэя). Знаменитый поэт. Он был одним из составителей прославленной императорской антологии «Синкокинсю», а также других поэтических сборников, среди них собственных стихов. Создал трактаты о поэтике, комментировал старинную литературу. Углубил и развил стиль югэн.

Стр. 94. *Родиться в доме поэтов...*— Отец Таданори был тоже известным поэтом и воином (1096—1153).

Стр. 95. *Го-Сиракава* (1127—1192) — император, рано отрекся от престола, но был выдающимся политиком. Любил музыку, поэзию, пятнадцать его танка помещены в «Сэндзайсю».

...от логосов и хризантем... — Цепь поэтических ассоциаций свойственна поэтике ёкёку (пьес театра Но). *Кицунэгава* впадает в реку Ёдо.

Принц Гэндзи — герой знаменитого романа «Гэндзи-моногатари», написанного придворной дамой Мурасаки-но Сикибу в XI в. Был сослан на побережье Сума. Первый иероглиф его имени «Гэн» иначе читается «Минамото».

Стр. 96. *Западный рай*.— Согласно буддийским воззрениям секты Дзёдо («Чистая земля»), рай находится на западе.

Стр. 97. *«Долгий месяц»* (нагацуки) — девятый месяц по лунному календарю.

Танец какэри — энергичный воинственный танец, изображает бой и посмертные муки в аду.

Стр. 98. *И должен к древесным корням...*— намек на танка в сборнике «Сэндзайсю», сочиненную императором Сутоку: «Падает вишенный цвет // Вниз на древесные корни, // Птицы к гнездам летят, // Но никто на свете не знает, // Куда уходит весна».

В. Маркова

События, которые легли в основу пьесы, относятся к периоду усиления рода Минамото, последовавшему за окончательным разгромом Тайра в битве при Дан-но ура (1185 г.). Фактическая власть в стране сосредоточивается в руках Минамото-но Ёритомо. Младший его брат Ёсицунэ, доблести и военным талантам которого Ёритомо обязан своим возвышением, попадает в немилость и вынужден тайно бежать из столицы с горсткой верных слуг (среди которых преданный Бэнкэй — излюбленный герой народных сказаний) и возлюбленной Сидзукой, бывшей танцовщицей.

Стр. 99. *Западная башня (Сайто)* — одна из трех частей храмового комплекса на горе Хиэй, к северу от столицы Хэйан, (современного Киото), принадлежавшего буддийской секте Тэндай («Опора неба»). *Властитель Камакура* — Минамото Ёритомо.

Стр. 100. *Мыс Амагасаки* — мыс в провинции Сэтцу, омываемый водами залива Даймоцу (Внутреннее Японское море), откуда открывался морской путь на Кюсю. *Годы Бундзи* — 1185—1190 гг. Ёсицунэ бежал из столицы в первом году Бундзи. *Западные земли* — в данном случае Кюсю. *Бог Горных Родников*. — Имеется в виду бог Хатиман, покровитель рода Минамото. *Горные Родники (Ивасимидзу)* — храм на вершине горы Отокояма (к югу от столицы Хэйан), посвященный Хатиману.

Стр. 102. *«Поистине, готова я отдать..»* — Стихотворение Фудзивара Кинто (антология «Сэндзайвакасю»). *Напиток долголетия*. — Существует легенда, согласно которой китайский сановник Яо Пэнцзу пил росу с лепестков хризантем и благодаря этому прожил до семисот лет. Поэтому хризантема считается символом долголетия.

Стр. 103. *«Вот ветер стих...»* — Цитируется стихотворение Оно-но Такамура из антологии «Вакан розёсю» (1013). *«Время тягостных дум...»* — Здесь цитируется стихотворение

из «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу (начало XI в.): «Бремя тягостных дум // Движенья лишает свободы, // До танцев ли мне? // Но, надеюсь, язык моих рукавов // Тебе был понятен все же ..» (глава «Праздник алых листьев»). *Тао Чжу-гун* — главный советник императора Гоу-цзяня, правившего государством Юэ в Южном Китае (V в. до н. э.). Гоу-цзянь враждовал с соседним государством У и, потерпев поражение в битве у подножия горы Куайци, попал в вассальную зависимость от правителя У. В течение двадцати последующих лет вместе со своим советником Тао Чжу-гуном он вынашивал тайные планы мести. И наконец ему удалось одержать победу над властелином государства У и вернуть свои земли.

Стр. 104. ...в вершине славы // Уйти от мира... — В военной хронике «Сказание о великом мире» (XIV в.) в эпизоде, связанном с Тао Чжу-гуном, говорится: «Достигнув высшего положения, уйти от мира — таков путь, благословенный Небом. И он, изменив имя, стал называть себя Тао Чжу, и удалился в место под названием «Пять озер», и стал жить там вдали от мирской суеты». Ср. также «Дао дэ цзин»: «Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах его уберечь. Если богатые и знатные проявляют кичливость, то они сами навлекают на себя беду. Когда дело завершено, человек (должен) устраниваться. В этом закон небесного дао» (цит. по кн.: Древнекитайская философия, т. 1. М., 1972, с. 117). *Пять Озер*. — По мнению некоторых японских комментаторов, другое название для озера Тайху в китайской провинции Цзянсу. «*Ты только верь...*» — стихотворение из книги рассказов «Сяэкисю» (конец XIII в.), приписываемое легендой бодхисаттве Каннон (с а н с к р. Авалокитешвара). Оно было ответом женщине, сказавшей, что она хочет покончить с собой, ибо жизнь ее безнадежна.

Стр. 105. *Ватанабэ и Фукусима* — порты на территории современного Осака.

Стр. 106. *О, ужас! Ветер дует с горы Муко...* — В «Повести о доме Тайра» и «Сказании о Ёсицунэ» (см. перевод на русский язык А. Стругацкого. М., Художественная литература, 1984) описывается страшный ураган, налетевший на корабль Ёсицунэ в момент его отплытия из залива Даймоцу и заставивший его снова пристать к берегу. Однако ни в одной из хро-

ник не говорится о том, что именно здесь Ёсицунэ расстался с Сидзукой. В «Сказании о Ёсицунэ» местом их расставания называется Ёсино.

Стр. 107. *Тайра Томомори* — сын могущественного Тайра Киёмори, главы рода Тайра, покончил с собой, бросившись в воды залива Дан-но ура, когда стало ясно, что ничто уже не может спасти Тайра.

Т. Соколова-Делюсина

ФАРСЫ ТЕАТРА НО

Стр. 113. *...го и сугороку...* — В шашки го играют двое белыми и черными камнями на доске с 361-й клеткой. Игра китайского происхождения. В сугороку — выбрасывая кости с очками из особого футляра. Цель игры — вторгнуться в лагерь противника на шашечной доске. Игра изобретена в Индии

Стр. 114. *...на днях из Осю пригнали.* — Осю — в старину так называли пять северных провинций на главном острове Японии.

Стр. 120. *Саке* — первый даймё, *уке* — второй даймё. *Китано* — название местности возле Киото (ныне в его составе), где находятся известные синтоистские храмы.

Стр. 121. *Абурадзцу* — сосуд для растительного масла из ствола бамбука.

Стр. 122. *Окиягарикобоси* — игрушка вроде ваньки-встаньки, изображающая бога счастья. Второе значение слова — служанка, зазывающая на перекрестке в веселые дома: «Кто в столице вас не знает?!» *А звезду с неба не хотите?* — непереводимая игра слов: «хоси» — «хотеть» и «хоси» — «звезда».

Стр. 126. *Сутры* — буддийские священные книги, отдельные места из них читались как молитвословия. *Десять монов подаяния.* — Мон — старинная медная монета невысокого достоинства.

Стр. 127. «...в мире Трех тысяч Великой тысячи миров». — Согласно буддийской космографии, это Вселенная, которая состоит из множества тысячекратно повторенных миров малого, среднего и большого масштабов. «Наму, Кяратано...» — священные буддийские слова индийского происхождения.

Стр. 128. *Время подаяния...* — Вместо «время мрака» монах говорит «время подаяния», делая намек прихожанину.

Стр. 129. *Кэса* — часть монашеского одеяния, род длинного стихаря желтого цвета с черными крапинками. Надевается на одно плечо, как перевязь.

Стр. 130. *Ваша кэса нашлась?* — Прихожанин замечает, что монах и не снимал ее.

Стр. 132. «...для бонзы отдать единственный зонтик...» — Когда монаха изгоняли из монастыря, ему давали с собой только зонтик, из которого, таким образом, состояло все его имущество. ...*шкура* — в одну сторону... — промасленная бумага, из которой делаются японские зонтики; «кожа» и «шкура» в японском языке — слова-омонимы. То же самое — «спицы зонтика» и «кости»

Стр. 136. *Ямабуси* (заклинатели-гэндзя) — последователи буддийской секты Сюгэндо, возникшей в VIII в. Гэндзя бродили по священным горам с целью получить магические силы. Они врачевали при помощи заклинаний, так как считалось, что болезнь — это одержимость злым духом. Ямабуси, своего рода шаманы, изображаются в японском фольклоре как шарлатаны. Гора *Оминэ* в префектуре Нара и гора *Кадзураки* (Кацураги), расположенная на границе префектур Осака и Нара, считались священным местом, где подвизались буддийские монахи секты Сюгэндо, обретая там, по поверью, священную силу.

Стр. 137. ...*лоскут материи в один сяку...* — Сяку — мера длины для материй, равна 37,9 м. *И-ро-ха-ни-о-э-то...* — начало старинного стихотворения, в котором содержатся разные сло-

ги, числом сорок один. Стихотворение это было в широком употреблении как азбука и в качестве прописи для начального обучения. Содержит в себе буддийскую истину о быстротечной жизни: «Красота блистает миг — // И увяла вся. // В этой жизни что, скажи, // Остается век? // Грани мира суеты // Ныне перейди, // Брось пустые видеть сны // И пьянеть от них» (перевод Н. И. Конрада). Невежественный монах бормочет слова, известные каждому ребенку. *Бороон, бороон...* — бормотание на манер буддийских молитв.

Стр. 138. *Эн-но гедзя* — основатель секты Сюэндо. Вел подвижническую жизнь отшельника в горах Оминэ, Кацураги, Кимбусэн; после смерти обожествлен. ...из рук бога *Мёо...* — Мёо (светлый царь) — почтительное наименование буддийских божеств, например бога Фудо-мёо.

Стр. 139. *Дзидзо* (с а н с к р. Кситигарбха) — бодхисаттва, спасающий из ада, в японском народном буддизме бог — покровитель страждущих, больных, путников и детей. Статуи его с большим нимбом на голове часто ставились на перекрестках дорог. Здесь имеется в виду статуя Дзидзо в Каваками на юге провинции Кавати.

Тикамацу Мондзаэмон

НОЧНАЯ ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА ЁСАКУ ИЗ ТАМБА

«Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба» («Тамба-но Ёсаку мацу-но комурубуси») предположительно написана в 1708 году. Это седьмая по счету «мещанская драма» Тикамацу.

Иногда зерно сюжета Тикамацу брал из народных песен. Популярна была народная песенка:

Лошадей гонял Ёсаку,
Был погонщиком простым.
А теперь в самом Эдо
Носит длинный меч

Песни погонщиков славились в старой Японии.

Пьеса-дзёрури в трех действиях напоминает драматическую поэму, ведь она родилась из народного сказа. В дзёрури

сохранились эпические части, зачины, концовки, «странствия», но само действие развивается динамически, с применением драматической техники театра Кабуки.

Стр. 149. *Тамба* — название старинной провинции. Находилась вблизи Киото.

А теперь Сирабэ... — Сирабэ была удочерена своим отцом-князем и его, видимо бездетной, супругой.

Стр. 150. *Длинные волосы перехвачены...* — Первую причёску делали девушке во время обряда совершеннолетия. Волосы перехватывались мягким бумажным шнурком.

О-химэсама — старинный титул девушки из знатной семьи.

Стр. 152. *Корзины с кухонной посудой...* — Вьючных лошадей, на которых везли менее ценную утварь, меняли на каждой дорожной станции.

Час Змеи — от десяти до двенадцати утра. Сутки делились на двенадцать частей. Для счисления времени в старой Японии применялись двенадцать циклических знаков. Они, как и знаки Зодиака в Европе, носили названия разных животных. С циклическими знаками было связано множество суеверий.

Стр. 153. *...в красном переднике!* — Служанки в харчевнях носили красные передники.

Стр. 154. *Размазывая брови по лицу...* — Брови выбривались. Вместо них высоко на лбу тушью наносились две полосы.

Стр. 156. *«Неужели ты уедешь в Эдо?»* — популярная народная песня того времени о двух влюбленных, которые кончают самоубийством; звучит зловеще. Эдо — ныне г. Токио.

Храбрый Кимпира, могучий Бэнкэй. — Саката Кимпира — герой народных сказаний. В Эдо были очень популярны сказы о его необыкновенных похождениях (так наз. «Кимпира-дзёрури»). В японском кукольном театре любят изображать сцену поединка между юным Минамото Ёсицунэ (1159—1189)

и могучим воином Бэнкэем. Победенный Бэнкэй становится верным соратником Ёсицунэ. О них обоих сложено много песен и легенд.

Стр. 157. *...большую карту Токайдоской дороги...* — Знаменитая Токайдоская дорога шла вдоль Тихоокеанского побережья из Эдо в Киото. Токугавское правительство в 1601 г. учредило на ней 53 дорожные станции. Движение было очень оживленным, двусторонним. Дорога, по тому времени, была благоустроена, но много затруднений путникам причиняли заставы, где проверяли пропуска. Были установлены разные стеснительные правила. Например, через реку Ои разрешалось переправляться только вброд. Началом дороги считался мост Нихонбаси в Эдо. Токайдоская дорога славится своей красотой. Замечательные художники Хокусай и Хиросигэ каждый создали серию гравюр «53 станции Токайдо».

Сугороку — название игры, несколько напоминающей детскую настольную игру «Вверх и вниз». На карте, разделенной на квадраты, изображены знаменитые места Токайдоской дороги. Игроки бросают шестигранный кубик и продвигаются вперед согласно числу выпавших очков. Можно было «застрять» в дороге, быстро продвигнуться вперед или вернуться назад к первому квадрату. Выигрывал тот, чья фишка первой приходила в конечный пункт — Эдо.

Стр. 158. *Широко выбрит лоб.* — Мужчины в феодальной Японии выбривали лоб и связывали длинные волосы в пучки на затылке и над ушами. Подростки носили челку на лбу.

Стр. 159. *Не видят в этом ничего дурного.* — В старой Японии посторонним мужчинам нельзя было смотреть на знатных женщин; Санкити это разрешается по малолетству.

Стр. 160. *Оцу* — первая станция на пути из Киото в Эдо. *Здесь продаются // «Нянькины пирожки».* — Каждая станция на Токайдоской дороге славилась каким-нибудь местным лакомством.

Стр. 161. *Минакути* — буквально значит «Врата воды», но Тикамацу здесь шуточно переосмысливает это название по созвучию — «Третий глоток»; станция Минакути славилась

«ухой-плюсуньей» из гольцов, которых разводят на залитых водой рисовых полях.

С перевала «Стоящий олень»? — Название этого перевала (по-японски — Судзюка) вызывает целый ряд звуковых ассоциаций.

Вот Исиякуси... — В храме селения Исиякуси находится древняя высеченная из камня статуя Будды — целителя душ.

Пристань Кувана. — Оттуда переправлялись паромом через морскую бухту в Ацута («Горячее поле»).

«Река глициний» (Фудзикава), *Окадзаки* — названия станций на Токайдоской дороге.

Девушки-дзёро — продажные девушки; название «дзёро» не носило презрительного оттенка.

Стр. 162. *Вот Ёсида, вот Фугикава...* — Здесь и дальше перечисляются названия станций.

Вот «Дикое поле» — Араи, глухая дыра... — На станции Араи (б у к в.: «Заброшенный колодец») была застава, где строго досматривали, чтоб не провезли нелегально женщин и оружия; на это требовалось разрешение, которое выдавалось старостой деревни или сельской общиной. Игрок, фишка которого по числу выпавших очков попадала на станцию Араи, должен был начинать весь путь сначала.

Хамагури — съедобные моллюски.

Стр. 163. *...связкой монет звеня...* — В середине медной монеты пробивалось отверстие. Монеты нанизывали на веревку и носили связками.

Река «Поклажа». — Тикамацу толкует название станции Какэгава как река «Поклажа».

Да ведь это — река Ои... — Станции Канаэ и Симада разделяла река Ои (длиной 120 км). На берегу этой реки иногда во время разлива подолгу приходилось ожидать переправы вброд.

«Ветка глицинии» (Фудзиэда), *Окабэ, Сэто* — названия станций.

Стр. 164. *Тут — красный рис продают.* — Местный деликатес — вареный рис, окрашенный соком гардении. Упоминается по цветовой ассоциации с лиловыми глициниями.

Вот и станция «Мяч».— Название станции «Мяч» (по-японски — Марико) вызывает в памяти детские игры, считалки и т. д.

«Сутонтон-тон-тон» — плясовой припев.

Вот и храм «Ясного окоема»...— В Окицу находится храм «Ясного окоема» (Сэйкэндзи). *Сосны в лунную ночь* — любимый японский пейзаж.

Стр. 165. *...до станции Ёсивара, где так сладко благоухают жареные угри.*— Название станции Ёсивара заставляет вспомнить одноименный квартал любви в Эдо. Жареные угри — местное лакомство.

«Болотный причал» (Нумадзу), *«Три острова»* (Мисима).— Между станцией Мисима и перевалом Хаконэ находилась застава, где производился особо строгий досмотр. Перевал через горную цепь Хаконэ считался самым трудным на Токайдоской дороге.

Словно пилюли Одавара.— В селении Одавара продавались целебные пилюли, секрет приготовления которых был ввезен из Китая. Считались панацеей.

Стр. 168. *...в каждой по сто медных монов.*— Мон — старинная денежная единица небольшой ценности, медный грош.

Стр. 170. *Там в горле у нее застряло моти...*— Моти — японское лакомство, колобки, приготовленные из вареного и отбитого в ступке риса.

...на станции Исибэ в Оми.— Станция Исибэ находилась между станциями Кусацу и Минакути в провинции Оми.

Стр. 173. *Тысячу и триста // Мешков с отборным рисом.*— В переводе словом «мешок» заменено название японской меры сыпучих тел — коку. Одно коку — около 150 кг. Для сравнения можно указать, что старший вассал Хонда получал пять тысяч коку зерна.

Стр. 179. *Эй, эй, сюда!* — Харчевни и постоялые дворы возле большой дороги приманивали к себе гостей при помощи речистых женщин-зазывал

В какую стражу? — Ночь делилась на пять страж. Четвертая стража начиналась в два часа утра, пятая — в четыре.

Стр. 180. *А вы, господин, мне сдается, идете к святым местам, в Исэ...* — В провинции Исэ находятся прославленные синтоистские храмы, в том числе и храм богини солнца Аматэрасу.

Ох, наверно, из Явата... — В городке Явата очень славился местный съедобный чертополох.

Вы, прохожий, похоже, из Хоки... — Название провинции Хоки буквально значит «метла».

Стр. 181. *Станция «Застава» (Сэки), седьмая на пути из Киото, находилась у подножия перевала Судзука на перекрестке нескольких оживленных путей. Одна из дорог вела к святилищам Исэ.*

Стр. 184. *Сдали карты...* — Карты был ввезены голландцами в XVII в. *Четверка и девятка* — самая несчастная комбинация в азартной игре «сорок девять».

Водяная темница — род средневековой пытки, когда крестьян-недоимщиков держали по горло в воде.

Стр. 185. *Спешит! Поет // Он песню Комуру...* — Песня эта была очень популярна среди погонщиков. Комуру — название местности.

Стр. 186. *К открытой стороне харчевни...* — Харчевня имела помещение наподобие ларька с прилавком.

Стр. 189. *Задолжал еще один золотой бу...* — Бу — старинная монета значительной ценности, четвертая часть одного золотого рё — монеты высшей ценности.

А возле могилы красотки Комати... — Знаменитая поэтесса древности Оно-но Комати славилась своей красотой. Существует легенда, что один ее любовник должен был посещать ее в течение ста ночей подряд, но умер на девяносто девятую ночь.

В лавчонке около храма Каннон... — Богиня Каннон (бодхисаттва Авалокитешвара) могла, по буддийской легенде, принимать тридцать три образа для спасения людей.

И выдали мне тридцать три моммэ... — Шестьдесят моммэ равнялись одному ре золотом. Точную ценность монет того времени указать очень трудно, потому что она часто менялась.

Но в храме Тамура... — Легендарный Тамура покориł демонов.

Стр. 190. *Четыре раза по два кана серебром...* — Имя «Хати» значит «восемь», а также «пчела». Один кан содержал в себе тысячу медных грошей

Стр. 197. *Сумо и дзюдо* — две разные системы японской борьбы.

Стр. 200. *О, три сокровища // Святого Будды...* (наму самбо) — восклицание вроде «Помилуй меня, боже!». Три сокровища — Будда, буддийское учение, буддийское священство.

Стр. 201. *За занавескою, // У входа в лавку.* — Перед входом в лавку обычно висит занавеска.

Стр. 202. *...все главари «пягидворок»...* — В деревне были учреждены с фискальной целью маленькие общины из пяти дворов, все члены которых отвечали друг за друга.

...он должен два коку и два то рисового зерна — то есть около 400 кг.

Стр. 207. *Дзидзо-сама* — буддийское божество, которому молились в минуту опасности. В селенье Сэки был храм, посвященный Дзидзо.

Стр. 217. *Наму Амида* — «Спаси нас, будда Ами таба». Ами таба считается владыкой Западного рая. Согласно буддийской легенде, он отвергает за гробом врата спасения.

Стр. 219 *Мы, верно, были прокляты в прежнем рождении...* — По буддийскому верованию, душа человека много раз воплощается на земле. Все несчастья объясняются тем, что человек сам навлек на себя возмездие, согрешив в своем прежнем рождении. Закон возмездия называется кармой.

Стр. 220. *По шести дорогам вселенной...* — Согласно буддийскому учению, душа после смерти может идти по одной из шести дорог, из них три ведут в разные области ада, одна — в рай. Две ведут обратно в мир живых: душа может воплотиться в животное или снова в человека.

Впереди переправа... — Буддисты верят, что дорога в ад ведет через три потока подземной реки Сандзугава (или Сэгава). Переправу сторожат два демона в образе старика и старухи. Они отнимают у мертвых их одежду. Наиболее грешные души были вынуждены переправляться через самый глубокий поток по лезвию ножа.

Стр. 221. *Даже маленькая трясогузка, // Любви обучившая богов...* — Согласно японским мифам, трясогузка научила любви бога Идзанаги и богиню Идзанами. Это божества синтоистской религии. Они упоминаются потому, что Комаи и Ёсаку идут по дороге в направлении святилищ Исэ.

«Только вспомню тебя, Ёсаку, // На луга туман упадет». — Здесь приводятся слова из популярной в то время народной песни.

Стр. 222. *Но раньше // Семь раз по семь...* — По буддистским верованиям, душа умершего сорок девять дней блуждает между двумя мирами: здешним и загробным.

Стр. 224. *Начертанным на храмовой бумаге...* — Обеты («письменные обеты») писались на специальных бумагах, которые продавались в храмах. Эти бумажные амулеты считались священными, их нельзя было ни разорвать, ни бросить — только предать огню. Приносящий обет клялся именами многих богов, призывая на себя небесную кару в случае обмана.

Мы только у стремнин Кумодзу... — Река Кумодзу впадает в залив Исэ.

Как рыбаки в Аюги... — Аюги — местность в провинции

Исэ. В антологии IX в. «Кокинсю» в одной танка говорится: «Если мы будем часто встречаться на побережье, где рыбаки тянут сети, то, верно, люди узнают о нашей любви».

Стр. 225. *Возносится вершина Асама..* — У подножья горы Асама находится известный синтоистский храм, где обитали жрецы, давшие обет безбрачия. На вершине горы высится буддийский храм.

Стр. 226. — *Слышишь // Удары барабана? Восемь раз!* — то есть два часа ночи

На пороге обители «Ста наслаждений» // Встретят нас бодхисаттвы — // Каннон и Сэйси... — По буддийским верованиям, обитель «Ста наслаждений» — Западный рай, а эти два бодхисаттвы — ближайшие помощники владыки Западного рая Амидабы.

Стр. 227. *И с молитвой подходят к сосне...* — На эту сосну паломники, шедшие в святилище Исэ, вешали приношения — монеты.

Стр. 228. *Шесть наших чувств.* — По буддийским представлениям, шесть чувств — это зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, сердечные чувства.

И мы к воротам подойдем нирваны!.. — Нирвана, по буддийскому учению, — высшая форма райского блаженства.

Стр. 230. *Исполнить поутру священный танец...* — В синтоистских храмах исполняли священные танцы, чтобы снискать милость богов.

Стр. 231. *Светлей, чем в праздник // «Ста тысяч фонарей».* — Праздник «Ста тысяч фонарей» — буддийский праздник. Фонарь считался приношением Будде.

Стр. 237. *А прославленная Коман...* — В «лубочных книжках» того времени часто помещали изображения известных гетер.

Стр. 238. *Ты снова можешь гордиться // Двамя мечами...* — Простолюдин носил один короткий меч, самурай — два меча: короткий и длинный.

День радости! // Праздник любви! — Далее в оригинале следует популярная песня из другого дзерури, которая опускается, так как не имеет никакого отношения к данной пьесе.

В. Маркова

САМОУБИЙСТВО ВЛЮБЛЕННЫХ НА ОСТРОВЕ НЕБЕСНЫХ СЕТЕЙ

Пьеса «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей» («Синдзю тэн-но Амидзима») — двадцать вторая по счету и, по отзывам многих критиков, лучшая из «мещанских драм» Тикамацу.

В основу ее сюжета положено подлинное происшествие, случившееся 14 октября 1720 года. Первое представление пьесы состоялось в том же году 6 декабря.

Название пьесы заключает в себе игру слов. «Амидзима» — название места, где покончили с собой влюбленные, — означает «Остров Сетей». Тикамацу добавляет слово «тэн» — небо, получается «Остров Небесных Сетей».

В одной из философских книг Древнего Китая, «Дао-дэ цзин», есть изречение: «Небесная сеть широка, редки ее сплетения, но никто из нее не ускользнет». Оно стало японской народной пословицей.

Стр. 239. *«Подожди меня у моста!..»* — народная песенка, с трудом поддающаяся расшифровке, так как основана на повторах и игре звуков.

Сидзими — небольшая речка, течет между Сонэдзаки и старым кварталом любви Додзима. «Сидзими» в переводе означает «маленькая ракушка»; отсюда игра слов, основанная на народной пословице: «Ракушкой моря не вычерпать».

В квартале Сонэдзаки. — Квартал любви Сонэдзаки возник в Осака в начале XVIII в.

Стр. 240. *Праздник «момби»* — праздничные дни веселого дома, когда гости платили дорого и делали девушкам подарки. Два старинных «путеводителя» по кварталам любви в Осака

отмечают «момби» как шестой день десятого месяца. Первое действие протекает именно в начале десятого месяца.

Киё, как герой на поле битвы, // Словно Кагэкиё, хватает врага. — Здесь пародируется пьеса старинного театра Но «Кагэкиё», принадлежащая знаменитому драматургу Дзэами (1363—1443). В пьесе рассказывается о том, как знаменитый воин Тайра Кагэкиё (XII в.) погнался за вражеским бойцом Мионоя, но тот вырвался, оставив в руках Кагэкиё назатыльник своего шлема.

«Мост сливы», «Вишен мост» — названия мостов в Осака.

Стр. 241. *Оставив бани южного предместья...* — Банщицы — низший разряд гетер — обычно занимались продажей любви.

Стр. 242. *И там, в Итами, // Стану я томиться!*.. — игра слов, основанная в оригинале на том, что название провинции Итами означает также «боль».

Намайда-бодзу — бродячий певец в одежде монаха, распевая шутовские молитвы под аккомпанемент гонга. Намайда — произнесенные скороговоркой слова молитвы «Наму Амида». «Намайда» по-русски переведено словом «помилос» («помилуй, господи»), которое возникло сходным образом. Бодзу — бонза, буддийский монах. Намайда-бодзу пародировал буддийские молитвы, распевая на их мотив модные песенки и отрывки из дзёрури. (Перевод слова «намайда» дан покойным проф. Н. Невским.)

Стр. 243. *Коксинга* — главный герой знаменитой исторической драмы Тикамацу «Битвы Коксинги» (1715), подлинное историческое лицо. Жил в XVII в. и боролся против маньчжурской династии за восстановление исконно китайской Минской династии. Намайда-бодзу поет отрывок из драмы «Битвы Коксинги», лишь слегка измененный.

Хан Кай — японизированное имя китайского героя Фань Гуая (II в. до н. э.), прославившегося своим умением пробиваться сквозь заставы.

Асагина (Ёсихидэ) — воин, восставший в 1213 г. против канцлера Ходзё и преломивший южные ворота в Камакурском дворце.

Урёко, Сарёко — вымышленные имена врагов Коксинги, предавших Минскую династию.

Сквозь «Заставу Луны и Солнца»... — В пьесе театра Но «Зеркало Мацуяма» говорится: «Нет заставы, способной остановить Луну и Солнце».

Стр. 244. *Вот обезумевший Ванкью...* — отрывок из популярной пьесы драматурга Ки-но Кайона (1663—1742) «Ванкью суэ-но Мацуяма» (1708). Ванкью (Вандзя Куэмон) — сын богатого купца, лишенный наследства; обезумев от любви к гетере Мацуяма, бродит повсюду, тщетно ища ее.

Эй-эй-эй-эй! // Красильщик Токубэй... — Драма Тикамацу «Касанэ идзуцу» повествует о несчастной любви и двойном самоубийстве красильщика Токубэй и гетеры Фуса. Поэтому в данной песне об их несчастной судьбе следует цепь метафор, связанных с красильным делом.

Стр. 246. *Ри Тотэн* (к и т. Ли Таотянь) — отрицательный персонаж драмы «Битвы Коксинги» — коварный министр, который погубил своего государя.

Стр. 247. *Каммэ* — то же самое, что кан, — монета, равная по стоимости тысяче медных грошей.

Стр. 248. *Одни лоскуты бумаги рисовой...* — В старой Японии носовые платки (туалетная бумага — ханагами) делались из бумаги.

Стр. 249. *Амигаса* — огромная плетеная шляпа, закрывавшая лицо. Посетитель мог получить такую шляпу при входе в квартал любви.

Стр. 250. *Накамаги* — главная улица в квартале любви Додзима.

Стр. 253. *«Десять святых ночей»* — от 6-го до 15-го числа десятого месяца года. В эти дни в храмах буддийской секты Дзёдо проходили специальные службы. Существовало поверие: тот, кто умрет в течение десяти святых ночей, станет Буддой.

Тэмма — один из трех районов Осака. В нем находится храм бога Тэмма Тэндзин — посмертное имя Сугавара-но Митидзанэ (845—903), крупного государственного деятеля, поэта и ученого, который был изгнан в Дадзайфу (остров Кюсю), где и умер. После смерти обожествлен и считается богом — покровителем Осака

Стр. 254. *Священный шнур* — соломенная веревка ритуального значения (*симэнава*), вешается перед входом в синтоистский храм.

Стр. 255. *Умэда, Китано* — названия малонаселенных мест, расположенных к северу и востоку от квартала Сонэдзаки.

Стр. 256. *Хатиман* — покровитель воинов, одно из популярных божеств национальной японской религии синто.

Стр. 258. *Как незадачливая обезьяна.* — Японская народная поговорка говорит: «Обезьяна и та падает с дерева».

Подлая лисица! — По японским народным поверьям, лисица и барсучиха могут принимать образ прекрасной женщины.

Стр. 260. *Вот на бумаге рамы...* — Японские окна (*сёдзи*) представляют собой деревянные решетки, заклеенные бумагой.

Сэки-но Магороку — знаменитый мастер мечей, работал в начале XVI в. Несколько его преемников тоже носили это имя.

Стр. 264. *Доно* — вежливый суффикс.

Стр. 266. *Я шут // В процессии на празднике.* — Некоторые храмы в Осака устраивали во время храмовых праздников процессии ряженных. Горожане, одетые самураями, в шлемах и латах, с мечами, участвовали в так называемой процессии воинов.

Стр. 270. *Амамицу-ками* — иначе — бог Тэмма, или Тэндзин

Котацу — очаг в полу, отапливаемый древесным углем. Его накрывают решеткой, сверху кладут одеяло.

О-Сан торопливо // *Расставляет ширмы...* — Имеются в виду низкие двустворчатые ширмы, которые ставятся у изголовья для защиты от сквозняков

Стр. 277. *...из храма* // *Кумано...* — Храмы Кумано в провинции Кию выпускали специальную бумагу для обетов. На лицевой стороне такой бумаги особым почерком, подражавшим санскритскому письму и несколько напоминавшим вороньи стаи, были написаны иероглифы с названием храма. Вороны считались посланцами божеств храмов Кумано. Обет писался по особой форме на обратной стороне бумаги. Существовала народная легенда, что каждый раз, когда человек писал обет на этих бумагах, на горных храмах умирало по три ворона.

Великий Брама, Индра, все четыре // *Небесных князя,* // *Будды, бодхисаттвы* — индийские божества, ставшие впоследствии и японскими божествами.

Стр. 278. *...во второй день Кабана...* — Кабан — один из циклических знаков старого календаря, принятого в Китае и Японии. День Кабана в середине десятого месяца считался счастливым днем для бытовой церемонии «первого согревания очага».

Стр. 281. *...прижигается моксой...* — способ лечения в народной японской медицине. Мокса — род травы.

Стр. 283. *...серебром нового чекана...* — Стоимость денег в Японии постоянно менялась в зависимости от года чекана.

Стр. 290. *Урасима-рыбак.* — Существует старинная легенда о рыбаке Урасима, который заплыл далеко в море, попал во дворец морского царя и женился на его дочери. Через три года, когда он захотел посетить родное селение, жена дала ему ларец, который он не должен был открывать. На земле за это время прошли сотни лет. Урасима открыл ларец, оттуда вылетел белый дым; Урасима обратился в старца и умер.

Стр. 292. *Пилюли Куваяма* — считались лекарством от всех детских болезней. Предполагается, что некий священник Куваяма вывез в XVI в. их рецепт из Кореи.

Стр. 295. *Праздник любования луной* — популярный народный праздник; справляется в восьмом месяце по старому лунному календарю, в ночь полнолуния.

Бонза. — Здесь, возможно, имеется в виду шут.

Стр. 300. *Кацураки* — бог горы Кацураки; был так безобразен, что появлялся только по ночам.

Стр. 302. *Коноэ-скорпись* — манера каллиграфии, введенная Коноэ Нобутада (1565—1614).

Как шапочки // У мальчиков-актеров... — Согласно указу правительства, мальчики-актеры должны были выбривать себе лоб. Бритый лоб прикрывался пурпурно-лиловой шапочкой.

Сакья-Муни — древнеиндийский философ, основоположник буддийского учения.

О, напечатанных наспах... — В ту эпоху печатались с сухих глиняных или деревянных досок листки с картинками о разных происшествиях: землетрясениях, мятежах, казнях и т. д. Самый ранний листок содержал известие относительно осады замка Осака в 1615 г. Листки эти продавались бродячими рассказчиками на улицах.

Стр. 304. *Здесь Сугавара-но Митидзанэ...* — Легенда гласит, что, отправляясь в далекое изгнание, Сугавара-но Митидзанэ обратился к цветущей сливе в своем саду со стихотворением, прося ее не забывать весны в тоске по своему хозяину. Когда он уехал, то сливовое дерево перенеслось к нему на остров Цукуси (Кюсю), а вишневое дерево засохло от горя за одну ночь. В другом своем стихотворении поэт упрекнул сосну, росшую в его саду, что лишь она одна осталась равнодушной, после чего сосна тоже прилетела к нему в его изгнание. Тикамацу искусно использует эту легенду, чтобы перечислить «Мост сливы», «Зеленый мост», «Мост вишни» и другие в том порядке, в каком идут через них Дзихэй и Кохару.

Стр. 306. *Девятый — «Тэндзин-мост».* — Оттуда шел путь к дому Дзихэя. Один из самых длинных мостов в Осака.

Пока паром не прибыл из Фусими. — Ночной паром прибывал рано утром.

Стр. 307. *«Сутра Лотоса»* — буддийская священная книга, часть ее была посвящена милосердной богине Каннон. В Индии во время летнего периода дождей отшельники уединялись и в одиночестве читали и переписывали сутры. Этот буддийский обычай нашел свой отзвук и в Японии.

«Кёбаси-мост». — «Кё» по-японски — «священная книга», в том числе и сутра, «баси» — «мост» (в сложносоставных словах).

Стр. 308. *«Нари-мост»* — последний, двенадцатый, мост через реку Намадзуэ. «Нари» по-японски имеет значение «стать чем-нибудь», «преобразиться во что-нибудь».

Залив Нода находится на северо-западе небольшого острова Амидзима, где влюбленные решили умереть.

Сто восемь пересчитывая зерен... — в буддийских четках.

Стр. 309. *...Амидзима — Остров // Сетей Небесных...* — «Амидзима» буквально означает: «Остров Сетей». На нем жили рыбаки, и потому повсюду перед их домами были развешаны сети — отсюда название острова. Тикамацу добавляет к «Острову Сетей» слово «Небесных», ибо на этом острове «влюбленные были уловлены в сети судьбы».

Храм Дайтё — храм буддийской секты Дзёдо, посвящен божеству Амитабе. Возле него находится двойная могила Дзихэя и Кохару, которую показывают посетителям, так же как в Вероне показывают могилы Ромео и Джульетты.

Стр. 311. *Наши тела — земля, вода, огонь, ветер.* — Согласно буддийскому учению, все сущее создано из этих четырех элементов.

Стр. 312. *Сусуки* — трава с длинными метелками. Напоминает ковыль.

Стр. 317. *...укладывает тело: // На север головой...* — буддийский похоронный обычай.

В. Маркова

Полное название пьесы «Убийство женщины. Масляный ад» («Оннагороси. Абура-но дзигоку»). Эта двадцать третья по счету «мещанская драма» Тикамацу была впервые исполнена в осакском театре кукол Такэмото-дза 4-го числа пятого лунного месяца 1721 года.

Для удобства читателей обозначены действующие лица и авторская речь передана рассказчику. Опущены обозначения темпа и ритма, заимствованные из театра Но. Действия разбиты на сцены.

Стр. 320. *Селенье Нодзаки* (ныне город) — местность в префектуре Осака, где в горном храме Нодзаки-Каннон находится статуя богини с одиннадцатью ликами. *Новая лодка* (синдзо) — молодая девушка или жена, а в веселом квартале — девушка, которая только что была ученицей-кабуро, а теперь приучается к своему ремеслу под надзором старшей гетеры. *Над равниною Мусаси...* — Равнина Мусаси возле Токио — поэтический эпитет к слову «луна». *Река Намадзу* протекает в северной части Осака, впадает в реку Ёдо.

Стр. 321. *Сонэдзаки* — квартал любви в северной части Осака. *На лодке с домиком...* — Крытая на манер гондолы увеселительная лодка. *Айдзу* — местность в нынешней префектуре Фукусима на севере главного острова, оттуда поставлялись мед и воск. *Нанива* — старинное название города Осака.

Стр. 322. *Ведь високосный год.* — Периодически в лунный год вставлялся лишний месяц, и сезоны как бы сдвинуты назад. Считается четвертая луна, на самом деле — третья. Еще холодно: это, собственно, ранняя весна. *На высоте Орлиной восседая...* — Согласно буддийским легендам, Сакья-Муни (Будда), некогда восседая на Орлиной горе — в Индии, преподавал свое учение, запечатленное в «Сутре Лотоса». *Амида и Кандззон* — его воплощения (аватары). Бодхисаттва Кандззон, по-санскритски Авалокитешвара, в Японии превратился в женское божество — Каннон, видимо, под влиянием культа богини солнца Аматэрасу, а также, возможно, разных среднеазиатских культов. Существует множество изображений Каннон и тридцать три места, где ей поклоняются. В Нати (местность и город в префектуре Вакаяма), в храме *Кумано*,

находится золотая статуя Каннон в венце, восседающая на лотосе. Согласно народным поверьям, исполняет желания.

В год Кабана // И брата младшего Земли — то есть в 1719 г. Он обозначен при помощи двух циклических знаков, принятых для счета времени на Дальнем Востоке.

Стр. 323. *В далекий край Ямато.* — Старая провинция Ямато (теперь префектура Нара) находится на довольно далеком для пешеходов расстоянии от города Осака. *Храм Хорюдзи* — выдающийся памятник архитектуры, был основан принцем Сётоку. *Принц Сетоку* (574—622) — просвещенный правитель, насаждавший буддизм в Японии. Отмечалась дата его успения. *Отдернута завеса* — перед «чудотворной» статуей после обновления храма.

Стр. 325. *Широкий капюшон // Надвинут на глаза...* — Девушки из веселого квартала не выщипывали себе бровей, как это делали, по обычаю, замужние женщины. Но ремесло Когикю выдает слишком нарядный для купеческой жены пояс нагоя (из города того же наименования).

Над горою Атаго. — Священная гора возле Киото, посвящена божествам грома. Там курятся благовонные костры из сандалового дерева. Далее соблюдена порядковая последовательность чисел: три столба дыма, четыре дороги. ...*словно копья из яшмы...* — старинный поэтический эпитет к слову «дорога». «*Дракон и Змея*» — юго-восток. Направления обозначались при помощи комбинации циклических знаков (вроде знаков Зодиака). «*Бык и Тигр*» — северо-восток; «*Овен — Обезьяна*» — юго-запад. *Явата* — торговый город в нынешней префектуре Окаяма. «*Гора тайных встреч*» (Окаяма) воспета в японской поэзии. В одной старинной песне говорилось: «Так и кажется мне, // Стебли сусуки кивают, // Словно манят меня // На «Гору тайных встреч» Окаяма, // Где виделся я с любимой». На этой горе росла «*Сосна долголетия*», одна из знаменитых сосен, которая служила предметом особого культа.

Стр. 327. *Кто дал ей имя...* — «Кити» (или «Ёси») — так читается иероглиф «счастье». Имя было выбрано неудачно, потому что те, кто дал его, не предвидели несчастной судьбы о-Кити («Счастливицы»).

Стр. 329. *О-Кити-сама* — приставка к имени, более вежливая, чем «сан». ...из веселого квартала *Симмати*... — Квартал Симмати был расположен в центре Осака. Веселые кварталы были окружены стенами. Бедные родители продавали туда дочерей, по обычаю, сроком на пять лет, но чаще всего девушки оставались там дольше, потому что хозяева начисляли на них всевозможные долги.

Стр. 330. *В несчастном направлении для нее.* — Согласно сложным вычислениям магов-гадателей, путь мог быть «загражден» одним из грозных божеств Неба.

Стр. 334. *Дзиндзаэмон*... — Здесь упоминаются знаменитые актеры театра Кабуки: Яматояма Дзиндзаэмон (1677—1721) — играл первых любовников, Такэсима Кодзаэмон Второй, Сакураяма Сиродзабуро Второй. *Ят-тя* — крик одобрения «браво!».

Стр. 337. *Смотри: вот письменный обет!* — Такие обеты писались иногда кровью на амулетах, купленных в храме. Любящие клялись богами и буддами.

Стр. 338. *«Застава в горах...»* — шуточная народная поговорка.

Стр. 342. *Такацуки* — замковый город неподалеку от Осака, резиденция владетельных князей Нагаи.

Стр. 345. *О, Наму Амида! // О, три сокровища // Святого Будды!* — Восклицания вроде: «Господи, спаси!» Три сокровища: Будда, буддийское учение, буддийское священство. *Курагари* — гора к юго-востоку от Подзаки. *Хизэй* — гора к северо-востоку от Киото. *Кага* — плетеная шляпа «грибом», которую носили горожанки.

Стр. 346. *Семь-восемь тё*... — около километра. Тё — 109 м.

Стр. 354. *Гятэй-гятэй*... — Пародируются сутры буддийской секты Сингон, в частности «Пранья парамита сутра» (с а н с к р.). *Онкоро* — обращение к Будде-целителю. *Святой Эн* — Эн-но гёдзя (см. примеч. к с. 138).

Стр. 355. *Молился в храмах на Святой горе...* — Видимо, имеется в виду гора Кимбусэн. *И по дороге в раковины дуют...* — Большая раковина — духовой инструмент, применяемый в буддийском богослужении.

Стр. 356. *Кувадзу* — деревня возле буддийского храма Тэннодзи.

Стр. 357. *...четыре кана серебром...* — Кан — денежная единица значительной ценности.

Стр. 361. *...носить два меча...* — Самураи носили два меча — короткий и длинный.

Стр. 365. *Бог Инари* — божество, связанное с земледельческим культом; изображалось в виде лисицы. Отсюда прозвание монаха — Белый Лис.

Стр. 367. *Каммэ* (кан) — денежная единица высокой ценности.

Стр. 368. *Моммэ* — весовая и денежная единица. Тысяча моммэ равна одному кану.

Стр. 369. *Якуси-Нёрай* — Будда-целитель бирюзового цвета. День усупения Будды Гаутамы (Сакья-Муни) празднуется в пятнадцатый день второй луны.

Стр. 369. *Дзёрури «Священник сокровищницы Закона»* — пьеса для кукольного театра на индийскую религиозную тему, автор и время создания неизвестны. И далее Белый Лис говорит комическую чепуху.

Стр. 371. *Атаго* — место в провинции Ямасиро, где находилась статуя одного из бодхисаттв, представлявшего собой воплощение Будды (гонгэн). Атаго по звучанию напоминает

слово «атама» (голова). *Будда Асику* (с а н с к р. Акшобха) восседает на лotosовом троне, проповедуя недеяние. Название Асику содержит в себе слово «аси» («ноги»). *Царь Фудо*. — Фудо-мёо — божество индийского происхождения, держит в левой руке аркан, которым уловляет преступников. «*Храм ветра*» — маленькое святилище на территории синтоистских храмов Исэ. *Беловласому, белоусому богу Сирага*... — Такого не существует, но на берегу озера Бива стоит храм, посвященный синтоистскому богу Сарутахико-но микото по прозванию «Белобородый» (Сирахигэ).

В карты играя... — Карты, завезенные в Японию голландцами, имели онёры, названия которых напоминали имена божеств, например, туз «адза» — бог Адзабу; «сяка» — Будда. ...*восьми мириадам богов*... — то есть всему пантеону синтоистских богов. Далее упоминаются и буддийские храмы, расположенные в местах, названия которых использованы для игры слов: *Сага* («сагару») — «скатиться»; *Ясуи* — «дешевый», *Такаясу* — «дорого-дешево».

Стр. 372. *Кавати* — название старой провинции.

Стр. 375. ...*кольцами гремит*... — на магическом жезле.

Стр. 380. *Токубэй-доно*... — «Доно» — фамильно-вежливая приставка к имени.

Стр. 385. *Нисин (1407—1488)* — священник буддийской секты Нитирэн. Согласно поверьям, творил чудеса исцеления. ...*с фасадом шириной в пять — семь кэнов*. — У богатых лавок был широкий фасад. 1 кэн равен 1,82 м.

Стр. 387. ...*немедленно старейшин позову*... — то есть старейшин городских районов, которые наблюдали за порядком.

Стр. 389. *Праздник мальчиков Танго*. — Празднуется в пятый день пятого лунного месяца. На домах, в которых растут сыновья, вывешивали флаги, бумажных карпов, края кровли украшались присом и чернобыльником, которым приписывалась магическая сила. По обычаю, перед праздником полагалось расплатиться по всем долговым обязательствам.

Стр. 391. *И гребень — на земле...* — Согласно древнему японскому мифу, когда бог Идзанаги посетил в царстве мертвых свою супругу, богиню Идзанами, он сломал зубец своего гребня и зажег его, чтобы осветить мрак. Потом, спасаясь от преследовавших его демонических существ, он бросил свой гребень на землю (древний жест магии), и тот превратился в бамбуковую чащу. В конце концов Идзанаги пришлось навеки разлучиться со своей женой. ...*два се масла для лампы и один го...* — Сё равен 1,8 л, го равен 0,18 л. ...*пятьсот восемьдесят мэ...* — Мэ — то же, что моммэ. Курс нового серебра был в четыре раза дороже старого — значительная для небогатого купца сумма.

Стр. 392. *Сакэ* — рисовая водка.

Стр. 394. *Сегодня, по обычаю, пора...* — В праздник Танго вместо теплой одежды надевали легкое платье из конопли, которое называлось «аямэ» («ирис»).

Стр. 403. *Тимаки* — лакомство, приготовленное из рисового теста и завернутое в листья бамбука. Его едят в праздник мальчиков Танго. *Глупец Сюрихандоку* (с а н с к р. Кшудрапантака) — самый глупый из учеников Будды. *Адзясэ* (с а н с к р. Аджашатру) — герой древней индийской легенды. Когда он был еще во чреве матери, прорицатель нагадал царю, его отцу, что дитя вырастет злодеем и погубит родителей. Царь повелел сбросить новорожденного с крыши, но он лишь повредил себе палец на ноге, а впоследствии убил отца и заточил мать в темницу, чтобы захватить престол.

Стр. 412. *...но и старейшинам пятидворок...* — В эпоху Токугава каждые «пять дворов» в городе объединялись для надзора за нравственностью и порядком. Во главе каждой «пятидворки» стоял избранный старейшина.

Стр. 417. *Гора мечей* — согласно буддийским поверьям, находится в аду, с нее сбрасывают грешников. Масляный ад, где грешников жарят на сковороде, — собственная выдумка драматурга. Считалось, что убийцы в аду погружены в Озеро крови.

Стр. 418. *Столица* — город Киото. *Безводный месяц* (минадзуки) — шестая луна.

Стр. 419. *«Момби»* — праздничные дни в веселых домах, когда гости платили дороже и одаривали девушек.

Стр. 420. *«...она какого ранга куртизанка?»* — В веселых домах девушкам присваивались ранги, соответственно взималась плата. Красавица первого ранга (таю) принимала только очень богатых гостей.

Стр. 427. *...в театре Кабуки играют новую драму.* — Пьесу «Веселый дом с восемью кровлями» драматурга Такэсима Кодзаэмона исполнили в Кабуки в седьмой день седьмой луны 1721 г., за восемь дней до премьеры Тикамацу. Текст не сохранился. Артист Сагава *Бундзо* играл злодеев.

Стр. 432. *...три рё золотом.* — Одно рё золотом — денежная единица высокой стоимости, в пересчете на серебро примерно 60 моммэ. *Пусть каждой женщине позволит он...* — Согласно буддийским представлениям, женщины не могли стать буддами, надо было раньше возродиться в мужском образе.

Стр. 433. *О душе // Убиенной Мёи...* — Усопшим дается посмертное, как бы монашеское, имя. *Тридцать пятая ночь* — канун поминального дня. *Святой Синран (1173—1262)* — основатель буддийской секты Синсю, к которой принадлежала о-Кити.

Стр. 435. *...один бу, пять ринов...* — Бу, рин — денежные единицы невысокой стоимости.

ПОДАРОК ИЗ НАНИВА

Беседы с Тикамацу записаны его другом Ходзуми Икан и помещены в книге «Подарок из Нанива» («Нанива-но миягэ», 1738).

Стр. 444. *Тэниза* (иначе тэниоха) — грамматические формы после слова. Лишние, например восклицательного и усилительного характера, придают речи оттенок педантизма.

«Вака» (японская поэзия) — в основном имеется в виду танка. *«Хайкай»* — особый жанр японской средневековой поэзии, популярный у горожан, — трехстишия и длинные «цепочки строф». Для этого жанра характерна свобода поэтической речи, насыщенной юмором, пародией, словами, которые ранее считались низкими, простонародными.

...вводить для счета лишние тэниха — то есть добавлять два лишних тэниха, чтобы получить пять и семь слогов.

Удзи *Каганодзе* (1635—1711) — знаменитый сказитель дзёрури, вносивший в свое исполнение элементы искусства театра Но.

Тикуюнодзё (1651—1714) — прозвище Такэмото Гидаю, замечательного сказителя дзёрури. Имя Гидаю стало нарицательным для этих сказителей. Работал в осакском кукольном театре Такэмото-дза, где ставились пьесы Тикамацу.

Стр. 445. *Оннагата* — актеры, играющие в театре Кабуки женские роли.

Бунъябуси (иначе — «слезливое буси») — манера исполнения дзёрури, введенная в моду сказителем Бунъя Окамото (1634—1694), а также название особого напева.

Стр. 446. *Мацусима* — один из трех прославленных своей красотой пейзажей Японии — группа островов и побережье Мацусимского залива в префектуре Мияги.

В. Маркова

Содержание

Вера Маркова

КЛАССИЧЕСКИЙ ЯПОНСКИЙ ТЕАТР

5

ЛИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ ТЕАТРА НО

Каннами Киёцугу

ГРОБНИЦА КОМАТИ

Перевод В Сановича

33

Дзэами Мотокиё

ТАКАСАГО

Перевод Веры Марковой

47

ГОРНАЯ ВЕДЬМА

Перевод Веры Марковой

60

КИЕЦУНЭ

Перевод Т Соколовой-Делюсиной

78

ТАДАНОРИ

Перевод Веры Марковой

87

492

Кандзэ Кодзиро Нобумицу

ФУНА БЭНКЭЙ

Перевод Т Соколовой Делюсиной

99

ФАРСЫ ТЕАТРА НО

Перевод В Логуновой

УДАР В НОС

111

ГУСЬ И ДАЙМЕ

117

ДВА ДАЙМЕ

120

ЖЕНЩИНА, ВЫМАЗАВШАЯСЯ ТУШЬЮ

123

ПОДАЯНИЯ НЕ ДАЛИ

126

КОСТИ, КОЖА И ПОСЛУШНИК

132

МОЛЕНИЕ ОБ ИСЦЕЛЕНИИ ПОЯСНИЦЫ

136

БОГ ДЗИДЗО ИЗ КАВАКАМИ

139

ТРОЕ КАЛЕК

Перевод Веры Марковой

142

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ ТЕАТРА ДЗЁРУРИ

Тикамацу Мондзаэмон

Перевод Веры Марковой

НОЧНАЯ ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА ЁСАКУ ИЗ ТАМБА

149

493

239

МАСЛЯНЫЙ АД

319

Ходзуми Икан

ПОДАРОК ИЗ НАНИВА

Записи бесед с Тикамацу о театральном искусстве

Перевод Веры Марковой

443

Комментарии

448

Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба:
Н86 Японская классическая драма XIV—XV и XVIII вв.: Пер. со старояп./Вступ. статья В. Марковой; Коммент. В. Марковой, В. Сановича, Т. Соколовой-Делюсиной.— М.: Худож. лит., 1989.— 495 с. (Б-ка японской лит-ры).

ISBN 5—280—00698—X

В том вошли драмы Дзаами, Дзэнтюки и др., написанные для театра Но, фарсы-кегэн, а также драмы Тикамацу Мондзаэмона (1653—1724), созданные для театра Дзёрури. Сборник также украсят размышления Тикамацу о театральном искусстве.

Дзаами и Тикамацу принадлежат к плеяде великих драматургов наряду с Калидасой и Софоклом, Кальдероном и Мольером. От встречи с ними «родится наслаждение искусством».

Н 4703020300—103 168—89
028 (01)—89

ББК 84.5Я

Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба

Японская классическая драма
XIV—XV и XVIII веков

Редактор *И. Ким*. Художественный редактор *С. Виричев*.
Технический редактор *Г. Моисеева*. Корректоры
Н. Замятина и Т. Сидорова

ИБ № 5543

Сдано в набор 20.04.88. Подписано в печать 09.01.89. Формат 84××108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. имп. Печать высокая. Гарнитура «Обыкновенная новая». Усл. печ. л. 26,04. Усл. кр.-отт. 26,46. Уч.-изд. л. 26,37. Тираж 100 000 экз. Изд. № VIII-3064. Заказ № 1539 Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

